ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов по итогам Второй Международной конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Екатеринбург, 10 ноября 2025 г.)

ИФП

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РАН

Уральское отделение Российской академии наук
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
Институт государства и права Российской академии наук

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов по итогам
Второй Международной научной конференции,
посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне
(Екатеринбург, 10 ноября 2025 г.)

Главный редактор
В.Н. Руденко

Екатеринбург – 2025

УДК 321.01:340:340.12:303.446.4
Ф 56

Сборник научных трудов подготовлен и опубликован в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», п. 6.1.1 Соглашения о предоставлении из федерального бюджета гранта на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технического развития между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук
№ 075-15-2024-639 от 12 июля 2024 г.

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (протокол № 11 от 17.11.2025)

Главный редактор

В.Н. Руденко – вице-президент РАН, председатель Уральского отделения РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Ответственный редактор

В.С. Мартьянов – директор Института философии и права УрО РАН, доктор политических наук, доцент

Рецензенты:

О.И. Зазнаев – доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет
О.В. Попова – доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ф 56 **Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права** : сб. науч. трудов по итогам Второй Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (Екатеринбург, 10 ноября 2025 г.) / гл. ред. В.Н. Руденко; УрО РАН, ИФиП УрО РАН, ИГП РАН. Екатеринбург : ИФиП УрО РАН, 2025. 404 с.

ISBN 978-5-6043262-2-0

Сборник научных трудов подготовлен по итогам Второй Международной научной конференции «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права» (г. Екатеринбург, 10 ноября 2025 г.). В публикуемых работах освещаются различные аспекты отечественной историографической модели политико-правовых знаний, проанализированы перспективные направления и ресурсы консолидации цивилизационной, национальной и региональной идентичности российского общества. Особое внимание уделено философским и политико-правовым вопросам выработки российского культурно-цивилизационного канона. В докладах представлены результаты исследований публично-правовых и ценностно-институциональных механизмов, обеспечивающих устойчивость российского государства в условиях меняющихся вызовов многополярного мира.

Издание содержит научно-практические предложения и экспертные рекомендации для специалистов, федеральных, государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти, заинтересованных учреждений и организаций в сфере публичного права, философии права, политических наук и историографии наук об обществе.

УДК 321.01:340:340.12:303.446.4

© УрО РАН, 2025
© Институт философии и права УрО РАН, 2025
© Институт государства и права РАН, 2025
© Авторы статей, текст, 2025

ISBN 978-5-6043262-2-0

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие главного редактора 5

Ценности философии права:
контексты переосмысления

Вахитов Р.Р. Цивилизационный подход в русской философии:
от разрушения гегельянства до структурализма
(Н.Я. Данилевский – В.И. Ламанский – Н.С. Трубецкой) 11

Анисин А.Л. Реконструкция традиционных ценностных
координат российской цивилизации 27

Фишман Л.Г. Что дает силу – то и есть традиция?
Российские и американские традиционные ценности
в контексте трансформации глобального порядка 44

Лазаревич А.А. Формирование новой социальности
в цифровую эпоху: опыт Беларуси,
глобальные цивилизационные тренды и вызовы 59

Мартьянов В.С. Становление российской нации:
православные, советские, русские 75

Давыдов Д.А. Цивилизационный выбор России
в контексте модерной интерпретации
русской философии личности 99

Историография и перспективы развития
современного публичного права

Горбань В.С. Публичное право и его историография
с позиции современной логики смыслополагания 119

Панкевич Н.В. Радикализация образа России в Европе:
влияние восточноевропейской историографии 138

Балакаев В.Д. «Отступать некуда»: защита национальной
идентичности средствами международного права
и правосудия 158

Васечко В.Ю. Русская уголовно-антропологическая школа в свете советской историографии (1920-е – 1960-е гг.)..... 176

Маликов С.В., Чучаев А.И. А.А. Благовещенский как представитель исторической школы права 197

Конопий А.С. Доктринальные и историографические основы современного публичного права Китая..... 217

Пономарёв А.М. Эпистемологические характеристики судебного познания в гражданском процессе..... 228

Лобовиков В.О. Проблема разделения властей в публичном праве с точки зрения булевой алгебры естественного права (Конституционное право и дискретная математическая модель философско-правовых доктрин Руссо и Гегеля)..... 246

Руденко В.В. Историографическая модель политико-правовых знаний в российском юридическом образовании 268

Чуча С.Ю. Деструктивное влияние идеологического искажения роли публичной составляющей в традиционной российской модели трудового права как частно-публичной отрасли..... 281

Междисциплинарная интеграция современного публичного права: проблемы и решения

Русакова О.Ф. Политики впечатлений: опыт структурного дискурс-анализа..... 295

Головашина О.В. От санкций канселлинга к новой форме коллективной ответственности 318

Шавеко Н.А. Когда появилась российская нация?..... 334

Суслов И.В. Идеологические трансформации российского общества: философская рефлексия 350

Назукина М.В. Ресурсы региональной идентификации в контексте развития российской идентичности..... 364

Сакаев В.Т. Демографические факторы российского цивилизационного развития в XX веке 376

Резолюция по итогам работы Второй Международной научной конференции «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права» (Екатеринбург, 10 ноября 2025 г.), включающая научно-практические предложения и экспертные рекомендации для специалистов, федеральных, государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти, заинтересованных учреждений и организаций 396

Информация об авторах..... 401

Предисловие главного редактора

10 ноября 2025 года в Екатеринбурге на площадке Уральского отделения РАН состоялась Вторая Международная научная конференция «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права», посвященная 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Организаторами конференции выступили Институт философии и права УрО РАН, Институт государства и права РАН и Уральское отделение РАН.

Конференция проводилась в рамках второго года реализации научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639)».

Заявленная проблематика представляется особо актуальной на современном этапе развития российского государства. Она связана с укреплением научного и культурного суверенитета России в меняющемся глобальном мире.

В рамках конференции обсуждались следующие вопросы и направления:

– Историографические проблемы применения цивилизационного подхода в политико-правовых исследованиях;

– Модели реконструкции политико-правовых знаний и методы их анализа;

– Механизмы политико-правового регулирования ценностей и институтов, обеспечивающих эффективное воспроизводство и социальное сплочение российской нации;

– Особенности и противоречия становления в публичной сфере общегражданского нарратива;

– Развитие российской политико-правовой культуры;

– Идеологические искажения в существующих историографических моделях и методы защиты исторической правды.

Непосредственной целью данной конференции было применение разработанных теоретико-методологических подходов к широкому кругу проблем, связанных с необходимостью совершенствования общегражданского российского нарратива, защитой российской правовой и идеологической сферы от деструктивного воздействия идеологических дискурсов, способствующих искажению консолидирующей российской национально-культурной идентичности.

В работе конференции приняли участие около 80 исследователей из научно-исследовательских организаций и высших учебных заведений, в том числе Института государства и права РАН, Института философии и права УрО РАН, Института истории и археологии УрО РАН, Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, Института философии НАН Беларуси (г. Минск), Университета Белграда (Сербия), Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (Казахстан), Института гуманитарных исследований УрО РАН, Уфимского университета науки и технологий, Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К.А. Тимирязева, Саратовской государственной юридической академии, Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН и др.

Непосредственное участие в работе конференции приняли ученые из Белоруссии, Казахстана, Сербии. География российских участников представлена городами: Москва, Екатеринбург, Ижевск, Омск, Пермь, Саратов, Уфа, Челябинск. Конференция была проведена в формате трех пленарных сессий, каждую из которых вел отдельный модератор. Пленарные сессии были посвящены следующим направлениям: «Ценности философии права: контексты переосмысления» (модератор д.полит.н. В.С. Мартьянов), «Историография и перспективы развития современного публичного права» (модератор д.ю.н. С.В. Маликов), «Междисциплинарная интеграция современного публичного права: проблемы и решения» (модератор к. полит.н. Н.В. Панкевич).

Значительный интерес в ходе обсуждений докладов вызвала ***проблематика формирования российской нации и ее цивилизационной идентичности***. В ее рамках были осмыслены некоторые аспекты становления цивилизационного подхода в русской философии. Был сформулирован оригинальный тезис, согласно которому к собственно цивилизационному направлению в отечественной философии и истории можно отнести намного менее широкий круг авторов, нежели считается обычно. Только Н.Я. Данилевский и В.И. Ламанский в силу недиалектичности, приверженности позитивизму и отрицания всеобщности человечества являются сторонниками цивилизационного подхода «в чистом виде» (к.филос.н. Р.Р. Вахитов).

Были высказаны различные мнения относительно становления российской нации. Согласно одному из них, единая российская

гражданская нация ни при царском режиме, ни при большевиках ещё не сложилась. Она начала складываться лишь в постсоветский период, и поэтому довольно сложно говорить о традиционных ценностях российской нации. Поэтому Российская Федерация представляет собой в лучшем случае *отложенную нацию* (д.полит.н. В.С. Мартьянов). Общегражданская идентичность, которая может эффективно опираться только на культуру большинства, продолжает оставаться спектром партикулярных идентичностей, закрепленных институционально и зачастую конфликтующих друг с другом и культурой большинства. К числу последних можно отнести идентичности региональные. Однако, как показывают исследования другого участника конференции (д.полит.н. М.В. Назукина), институционализация региональной идентичности не угрожает идентичности общегражданской, но, напротив, формирует благоприятную основу для использования идентитарных ресурсов в развитии как регионов, так и страны в целом.

Особое внимание было уделено демографическим факторам российского цивилизационного развития в XX веке. В частности, выделены факторы, дважды приведшие к смене политического строя в стране: аграрная перенаселенность и преобладание молодежи как фактор дестабилизации политической системы Российской империи на завершающем этапе ее развития; отражена роль урбанизации как ключевого процесса советской эпохи (к.и.н. В.Т. Сакаев).

В связи с перечисленными выше факторами важное значение получили ***идеологические и ценностные аспекты становления российской гражданской нации***. В рамках реконструкции ценностных координат российской цивилизации были выделены три группы традиционных ценностей: ценности личностные, общественные и государственнические. Обосновано, что государственнические и общественные ценности органически связаны с высокой личностной ценностью духовной свободы (д.филос.н. А.Л. Анисин). Текущий цивилизационный выбор России был осмыслен в контексте модерной интерпретации русской религиозной персоналистической философии. Последняя противопоставляется современному западному индивидуализму, который способствует фрагментации, распаду общего культурного пространства (к.полит.н. Д.А.Давыдов). Однако западную сферу ценностей не стоит сводить к торжеству индивидуализма, картина более многомерна и сложна. По этой причине сравнительный анализ американских и российских традиционных ценностей обнаруживает, при всем различии их исторического генезиса, общую модерновую подоплеку (д.полит.н. Л.Г. Фишман).

Отдельный интерес вызвал экскурс в историю философской рефлексии идеологических трансформаций российского общества. Сделан вывод о демонстрации философским сообществом разнообразных реакций на активные процессы реидеологизации в России, поддерживаемые государством: от эскапизма и опасений

тотальной реидеологизации до участия в обсуждении общенациональных вопросов (к.соц.н. И.В. Суслов).

Столкновение с Западом поднимает проблематику ***отстаивания Россией своих ценностей и идентичности перед лицом однозначно враждебных ей идеологических дискурсов***. В связи с этим проанализирована радикализация образа России в Европе. Исследуется роль историографических стратегий в формировании европейской идентичности через призму «российского вопроса». Показано, что сегодня Восточная Европа является крупнейшим мнемоническим актором, который инструментализирует ресурс исторической травмы в целях национального строительства. Таким образом, современная конфронтация с Россией оказывается следствием не столько актуальных прагматических интересов или геополитического противостояния, сколько глубинных процессов идентитарного размежевания, в рамках которых историография становится значимым инструментом исключения (к.полит.н. Н.В. Панкевич). Тематика исключения России из европейского культурного пространства тесно связана с более широкой проблематикой канселлинга, объектом которого Россия и российская культура уже неоднократно становились на Западе. Практики и дискурс канселлинга крупных сообществ могут быть использованы с целью прояснения некоторых аспектов проявления коллективной ответственности в изменившихся социально-политических условиях (д.филос.н. О.В. Головашина).

В центре внимания участников находились ***актуальные вопросы истории и теории как российского, так и зарубежного права***. Ряд публикаций и выступлений посвящен различным аспектам проблематики публичного права.

В частности, публичное право и его историография были рассмотрены с позиции современной логики смыслополагания. Показано, что с точки зрения содержания дисциплины и социально-практической значимости теория публичного права может быть эффективной только на основе учета исторически-конкретной логики смыслополагания, развертываемой во всей совокупности феноменов и явлений национальной культуры (д.ю.н. В.С. Горбань). Были проанализированы перспективы внедрения историографической модели политико-правовых знаний в российском юридическом образовании. Сделан вывод, что учебный курс по философии права необходимо структурировать на основании сочетания хронологического принципа и выделения парадигм взглядов с акцентом на русской философии права (к.ю.н. В.В. Руденко). Были сформулированы предположения о будущей трансформации частного и публичного права в контексте изменения экономической парадигмы общества. Так, например, предполагается, что в сложившейся в отечественной науке идеологической структуре научных специальностей, не основанной на базовых экономических потребностях, ученые в области трудового права будут разнесены

по разным советам. Предложены меры, призванные не допустить такого развития ситуации (д.ю.н. С.Ю. Чуча). Были рассмотрены и вопросы междисциплинарного характера. Среди них – проблема разделения властей в публичном праве с точки зрения булевой алгебры естественного права, эпистемологические характеристики судебного познания в гражданском процессе (д.филос.н. В.О. Лобовиков).

Не были обойдены вниманием участников конференции и некоторые моменты российской и советской истории права. Проанализирован ряд аспектов научного наследия академика А.В. Венедиктова. Представлены выводы, в первую очередь относящиеся ко вкладу ученого в теорию права собственности при социализме (государственной социалистической собственности), определению сущности юридического лица в советском праве, изучению организационно-правовых аспектов хозяйственной деятельности государственных предприятий. Творчество А.В. Венедиктова оказало значительное влияние и на развитие отечественной юридической мысли, и на формирование советского гражданского и хозяйственного законодательства (д.ю.н. А.В. Габов). Рассмотрено научное наследие одного из ярких представителей исторической школы права в России А.А. Благовещенского. Освещены его представления о сравнительном правоведении, сформулированная им дефиниция диахронной компаративистики и методика проведения сравнительно-правовых исследований (д.ю.н. С.В. Маликов, д.ю.н. А.И. Чучаев).

Была предпринята попытка отдать должное вкладу в развитие криминологии русской уголовно-антропологической школы конца XIX – начала XX вв., развивавшей идеи Ч. Ломброзо. Показано, что она стала в советскую эпоху объектом не столько беспристрастного исследования, сколько превратных, идеологически ангажированных толкований либо элементарного замалчивания (д.филос.н. В.Ю. Васечко).

Часть выступлений была посвящена ***феноменам, сопровождающим процесс становления современных обществ***. На примере опыта Белоруссии подвергнуты анализу глобальные цивилизационные тренды и вызовы, сопутствующие формированию новой социальности в цифровую эпоху. Новая социальность рассмотрена с учетом изменений, происходящих на государственно-управленческом, общественно-экономическом, социально-культурном и субъект-антропологическом уровнях (к.филос.н. А.А. Лазаревич). Также был осмыслен феномен современной политики впечатлений, под которой понимается система способов конструирования, интерпретации и продвижения образов (картин) политической действительности, направленной на формирование в массовом сознании эмоционально-чувственных представлений о явлениях политической жизни, заданных определенными коммуникативными установками. Раскрывается тесная взаимосвязь

политики впечатлений с политикой постправды и постжурналистикой (д.полит.н. О.Ф. Русакова).

В рамках конференции состоялся семинар с молодежным участием «Междисциплинарные перспективы в политико-правовых исследованиях: историография, идентичность, цивилизация». Модераторами круглого стола выступили к.полит.н. Е.А. Вахрушева и к.филос.н. Е.С. Кочухова. На круглом столе обсуждался спектр междисциплинарных проблем, сходный с таковым на пленарных сессиях. В частности, был проведен анализ методологических основ и теоретических концепций цивилизационного подхода в отечественной и западной историографии (Л.З. Багандова). Сделаны доклады, посвященные изучению как наследия относительно недавних времен, в частности, правовых воззрений Н. Пуланзаса (к.ю.н. А.К. Дубень), так и правовых взглядов Святого апостола Павла (к.ю.н. А.В. Нерсесянц). Не меньший интерес участников конференции вызвало исследование поиска приемлемых с точки зрения международного права способов, которыми государство может защищать свою национальную идентичность. Были проанализированы наиболее резонансные дела, рассмотренные в последние годы Европейским Судом по правам человека и затрагивающие проблемы защиты исторической памяти и традиционных ценностей. Делается вывод, что эффективность защиты национальной идентичности зависит не от принципиальности позиции государства, регулярности и категоричности его возражений, а от эффективности участия государства в международно-правовой коммуникации, не исключая судебной (В.Д. Балакаев). Кроме того, получили освещение историографические контексты проблематики уголовно-правовой защиты семьи (к.ю.н. А.В. Капустина). Участники и слушатели также ознакомились с опытом Китая в разработке механизмов защиты исторической правды, которые способствуют формированию исторической памяти китайской нации наряду с укреплением национальной идентичности (к.ю.н. А.С. Конопий).

Многие прозвучавшие на конференции доклады имеют дискуссионный характер, но позволяют сделать очередной шаг на пути реализации обозначенного выше научного проекта. По итогам работы конференции в представленном сборнике опубликована резолюция Второй Международной научной конференции «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права», включающая научно-практические предложения и экспертные рекомендации для специалистов, федеральных, государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти, заинтересованных учреждений и организаций.

С уважением ко всем авторам и читателям,
академик РАН ***В.Н. Руденко***

Ценности философии права: контексты переосмысления

УДК 130.2

Рустем Ринатович Вахитов
Уфимский университет
науки и технологий
г. Уфа, Россия
E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9161-0899

Цивилизационный подход в русской философии: от разрушения гегельянства до структурализма (Н.Я. Данилевский – В.И. Ламанский – Н.С. Трубецкой)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению цивилизационного подхода в русской философии. На Западе этот подход был создан в XIX в. историком Г. Рюккертом и развит О. Шпенглером и А. Тойнби. Согласно ему, не существует общечеловеческой цивилизации и истории, человечество – сумма локальных культур и цивилизаций, каждая из которых имеет свой путь развития. Основоположниками цивилизационного подхода в русской философии ошибочно считают старших славянофилов. Однако славянофилы были последователями Гегеля, они придерживались универсалистского взгляда на историю и считали лишь, что на немецком народе развитие человечества не остановится и следующим историческим народом будут русские. Первый представитель цивилизационного подхода в России – неославянофил Н.Я. Данилевский. В своей концепции культурно-исторических типов он отрицает существование общечеловеческой истории и человечества как субъекта, опираясь на метафизику номинализма и позитивистский, рассудочный метод. Использование позитивистского метода его последователем – В.И. Ламанским – вело к дальнейшему вырождению неославянофильства. Основоположник евразийства Н.С. Трубецкой применил

к философии и истории культуры не позитивистский, а структуралистский метод – по сути, своеобразную диалектику. Ему удалось обосновать «сборку народов» в культурно-географические миры. Ограниченность его диалектики проявилась в отрицании бытия человечества.

Ключевые слова: Цивилизационный подход; диалектическое понимание истории; позитивизм; структурализм; человечество; Гегель; славянофилы; Н.Я. Данилевский; В.И. Ламанский; Н.С. Трубецкой; евразийцы

Актуальность проблемы и цель статьи. В советский период в российской философии безраздельно господствовал формационный подход, свойственный советскому официальному марксизму. Всякие попытки рассуждать о специфике неевропейских цивилизаций, пусть и в рамках марксистской парадигмы (споры об «азиатском способе производства»), в конце концов твердо пресекались партийным руководством, так как рассматривались как уклон в диссидентство и критика «реального социализма». Не приходится удивляться тому, что после падения СССР опальный ранее цивилизационный подход приобрел огромную популярность и стал исповедоваться значительным количеством представителей философского сообщества – бывшими «марксистами поневоле». Вместе с тем надо признать, что в 1990-е и даже отчасти в 2000-е на цивилизационном подходе лежал «флер» оппозиционности. Философской базой либеральных реформ в ранней постсоветской России были различные версии американской теории модернизации, согласно которым Россия – это страна, отставшая от Запада в силу определенных историко-культурных причин, и ей нужно догонять «лидера» мирового прогресса, а не пестовать свою «уникальность», якобы являющуюся одной из главных причин нашего отставания.

Осознание безвыигрышности «догоняющей модернизации» привело к тому, что мейнстримом интеллектуальной ситуации в России 2010–2020 гг. становится теория «столкновения цивилизаций» («жесткая» вариация цивилизационного подхода), к сожалению, зачастую приобретающая весьма упрощенные формы. Цивилизационный подход снова превращается чуть ли не в карикатуру, как и в советские времена, только уже не в качестве объекта критики, а в качестве почти официальной политической философии.

Тем более актуальным становится объективный научный анализ цивилизационного подхода, особенно в отечественной философии[1]. При этом, на наш взгляд, важно показать методологический базис и эволюцию русских вариантов цивилизационного подхода. Этому и посвящена данная статья. Мы рассмотрим, как из славянофильской, диалектической историософии рождается позитивистская концепция культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, как она развивалась его учеником В.И. Ламанским и какая революция в методологии науки привела к тому, что этой теории на смену пришло евразийство Н.С. Трубецкого – П.Н. Савицкого.

Что такое цивилизационный подход и связан ли он в России со славянофилами? Но сначала, чтоб не пасть жертвой бэконовского «идола рынка», договоримся об определениях. Цивилизационный подход в наши дни характеризуется как «направление в философии истории, рассматривающее историю как сосуществование различных, внутренне целостных типов цивилизации», при том что каждая такая цивилизация «развивается по собственным… уникальным законам» и «между отдельными культурно-историческими целостностями нет отношений взаимообусловленности, преемственности или устойчивых, воздействующих на их внутреннюю структуру форм культурного взаимообмена»[2]. Итак, для цивилизационного подхода не существует общечеловеческой, универсальной истории и человечества как цельности, человечество в согласии с ним – просто сумма локальных цивилизаций (культур). Цивилизационный подход в этом смысле противостоит универсалистскому взгляду на историю, который представлен христианской концепцией истории (восходящей к учению

---

[1] Попытку такого обзора, но не доходящую до евразийцев, см.: *Панченко А.* Наднационализм в эпоху национализма: цивилизационный подход от Н.Я. Данилевского до В.И. Ламанского, 31.03.2021. URL: https://politconservatism.ru/arhiv-publications/nadnatsionalizm-v-epohu-natsionalizma-tsivilizatsionnyj-podhod-ot-n-ya-danilevskogo-do-v-i-lamanskogo (дата обращения: 02.09.2025).

[2] *Гутов Е.В.* Культурно-исторических типов теория («цивилизационный подход») // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон и др. : Панпринт, 1998. С. 433–440.

блаж. Августина, изложенному в его труде «О граде Божьем»), идеалистической философией истории Г.В.Ф. Гегеля и, конечно, формационной теорией К. Маркса и марксистов, а также теориями модернизации XX века: «…цивилизационный подход противоположен формационному, а также модернизационному подходам, исходящим из представления о том, что каждое из социальных явлений отражает прежде всего определенную стадию развития единой цивилизации»[3].

В отличие от универсалистских теорий, цивилизационный подход относительно молод. Его возникновение связывают с немецким историком Генрихом Рюккертом (1823–1875), который первым отверг существование единой человеческой цивилизации и разделил ее на пять высших «культурных типов»: германо-христианский (западноевропейский), восточно-христианский (славянский), арабский (исламский), индийский и китайский (McMaster 1955: 61, 63, 65-66). Как известно, крупнейшие представители цивилизационного подхода на Западе – О. Шпенглер и А. Тойнби.

Основоположник цивилизационного подхода в России – Николай Яковлевич Данилевский. Его оппоненты (в частности, В.С. Соловьев) обвиняли его в эпигонстве и подражании Рюккерту[4], но, вероятно, безосновательно. Н.Н. Страхов показал, что Данилевский самостоятельно пришел к своим взглядам: «…Данилевский даже вовсе не читал и не знал книги Рюккерта»[5]. Идеи Данилевского развивал В.И. Ламанский, а он, в свою очередь, повлиял на русских евразийцев – П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого и др.

Н.Я. Данилевского называют неославянофилом и связывают его с традицией, восходящей к старшим славянофилам (А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский и др.). Однако именно в отношении цивилизационного подхода мы видим

---

[3] *Межуев Б.В.* Цивилизационный подход // Большая Российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/tsivilizatsionnyi-podkhod-0d3333?ysclid=mei9hexjna143619420 (дата обращения: 02.09.2025).

[4] См.: *Страхов Н.Н.* Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Данилевского. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Исторические_взгляды_Г._Рюккерта_и_Н._Я._Данилевского_(Страхов) (дата обращения: 02.09.2025).

[5] Там же.

здесь не преемственность, а разрыв. Славянофилы были сторонниками универсалистского понимания истории. Историк А.А. Кизеветтер правильно отмечал: «…славянофилы, подобно западникам, были гегельянцами. …славянофилы твердо стояли на почве единства всемирно-исторического культурного процесса» (Кизеветтер 1993: 273-274). Согласно философии истории Г.В.Ф. Гегеля, существует общечеловеческая идея и она раскрывается в истории постепенно, по определенному своему аспекту в каждую историческую эпоху. Таких эпох, по Гегелю, три: древневосточная, греко-римская, античная и германо-христианская (охватывающая средневековье и Новое время). В каждую из этих эпох лишь некоторые народы становятся историческими. В их культуре воплощается как бы все человечество: «Дух, первоначально существующий только в себе, приводит себя к сознанию и самосознанию и тем самым к раскрытию и действительности своей в-себе-и-для-себя-сущей сущности, становясь в то же время и внешне-всеобщим – мировым духом» (Гегель 1977: 365-366). Так реализуется диалектика истории: через частное (народ) раскрывается противоположность этого частного – общее (человеческое). Общее здесь выступает не как абстрактное общее, бедное смыслом логическое понятие, схватывающее лишь схожие черты, а как конкретно-всеобщее, предельно богатое смыслом.

Как известно, последним историческим народом Гегель считал родной ему немецкий народ. Славянофилы полностью принимали эту концепцию истории. А.С. Хомяков, полемизируя с западниками, писал, что невозможно общечеловеческое без национального: «Служение народности есть в высшей степени служение делу общечеловеческому. <…> Общеевропейское, общечеловеческое!.. Но оно нигде не является в отвлеченном виде. Везде все живо, все народно» (Хомяков 1900: 229-230). Более того, вслед за Гегелем они признавали и статус немцев как исторического народа в современную им историческую эпоху. Только в отличие от немецкого мыслителя они не считали ее последней эпохой всемирной истории и верили, что вслед за ней наступит новая, славянская эпоха. Русские, как считали они, последний исторический народ, который перенимает у германцев эстафету всемирной, общечеловеческой идеи.

Как видим, ранних славянофилов нельзя отнести к сторонникам цивилизационного подхода, хотя его дальнейшие

представители охотно будут называть их в числе своих предшественников. Цивилизационный подход, как мы его определили, отрицает существование человечества как некоей цельности, конкретно-всеобщего. Человечество для его теоретиков – лишь простая арифметическая сумма цивилизаций, никак по существу не связанных между собой, абстрактное, общее понятие. Это связано с отказом от диалектики и с переходом к позитивистскому, метафизическому углу зрения на человечество. Это мы и видим у последователей славянофилов 1860–1870-х гг. (так называемых неославянофилов).

В 1850-е годы в русской философии произошел серьезный перелом. На смену поколению, выросшему на немецком идеализме и французском консерватизме, пришло новое, молодое поколение, впитавшее идеи ставших популярными на Западе материализма и позитивизма. Это перелом был отражен И.С. Тургеневым в романе «Отцы и дети», где изображается конфликт между представителем поколения 1840-х – Кирсановым и его антиподом, нигилистом 1850-х Базаровым. Но далеко не все нигилисты после «бурных» 1860-х остались верны своему революционному «символу веры». Некоторые из них вернулись к религии и идеализму и даже объявили себя продолжателями дела славянофилов. Однако их славянофильство серьезно отличалось от учений основателей этого направления – А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, И.В. Киреевского. В нем уже не было той диалектической струи, которая досталась славянофилам от Шеллинга и Гегеля. Даже вернувшись к религиозному мировоззрению, они остались такими же позитивистами, какими были в годы своего увлечения революционно-демократической идеологией (и каковыми остались их прежние соратники, оставшиеся верными революционному идеалу, – П.Л. Лавров, П.А. Кропоткин и др.). Таков прежде всего неославянофил Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885), для концепции культурно-исторических типов которого был характерен, выражаясь терминами М.А. Лифшица, какофонический синтез православия и позитивизма.

Позитивистская философия истории Н.Я. Данилевского. Н.Я Данилевский прекрасно осознавал суть позиции славянофилов по этому вопросу. Он писал, что славянофилы считали, «будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую за-

дачу, чего не могли сделать их предшественники (представители германо-романской культуры. – *Р.В.*)» (Данилевский 2008: 141). При этом Данилевский отрицал общечеловеческую миссию славян, поскольку отрицал само существование общечеловеческой культуры и человечества как цельного образования. Данилевский пишет об общечеловеческой задаче: «Такой задачи, однако же, вовсе и не существует… Задача человечества состоит ни в чем другом, как в проявлении, в разные времена и разными племенами, всех тех сторон, всех тех особенностей направления, которые лежат виртуально… в идее человечества» (Данилевский 2008: 141-142). Будучи биологом по образованию и роду занятий, Данилевский прибегает к примеру из науки о жизни: «Какая форма растительного царства осуществляет наиполнейшим во всех отношениях образом идею или, пожалуй, задачу растения: пальма или кипарис, дуб, лавр или розан? Очевидно, что такой формы вовсе нет… Полное осуществление идеи растения заключается лишь во всем разнообразии проявлений, к которому она способна, во всех типах и на всех ступенях развития растительного царства…» (Данилевский 2008: 142). Точно так же, по его мнению, дело обстоит и с человечеством: «Для коллективного же и все-таки конечного существа – человечества – нет другого назначения, другой задачи, кроме разновременного и разноместного (то есть разноплеменного) выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее…» (Данилевский 2008: 144).

Данилевский, таким образом, отрицает реальность общего и признает лишь реальность частного, видового. Такая позиция в философии называется номинализмом и является результатом метафизического, недиалектического разрешения проблемы отношений видового и родового. Она сводит общее к пустому понятию (имени вещи – отсюда название), а настоящей реальностью считает лишь частное, видя в нем конкретное (вопреки диалектику Гегелю, для которого конкретно и общее).

«Человечество и народ (нация, племя) относятся друг к другу как родовое понятие – к видовому, – пишет Данилевский, – следовательно, отношения между ними должны быть вообще те же, какие вообще бывают между родом и видом. <…> В понятие рода входит то, что есть общего во всех видах. <…> Очевидно, что ни малины, ни кошки как рода мы себе вовсе представить

не можем. Это нечто отвлеченное, неполное; для того, чтобы получить действительное существование… оно требует себе дополнений. <…> Род, понимаемый в этом смысле, есть только отвлечение, получаемое через исключение всего, что есть особенного в видах… и потому род есть нечто в действительности невозможное, по своей неполноте нечто более бедное, чем каждый вид в отдельности…» (Данилевский 2008: 146-147).

Ничего не меняет здесь признание Данилевским бытия некоего «всечеловеческого». Русский неославянофил пишет: «…*всечеловеческое*… надо отличать от *общечеловеческого*; оно, без сомнения, выше всякого отдельно-человеческого, или народного; но оно и состоит только из совокупности всего народного… оно несовместимо и неосуществимо в какой бы то ни было одной народности…» (Данилевский 2008: 149). Всечеловеческое, по Данилевскому, выражается не в культуре отдельных народов, а в творчестве единиц – высочайших гениев. Таков «тот, кто, выражая вполне сверх общечеловеческого и всю свою национальную особенность, присоединяет к этому еще некоторые черты или стороны, свойственные другим национальностям…» (Данилевский 2008: 150). В качестве примеров всечеловеческих гениев Данилевский приводит Гомера, Софокла, Шекспира. Никакой цивилизации эти единицы из миллионов составить не могут, поэтому человечества, по Данилевскому, не существует – ни в смысле общечеловеческой цивилизации, ни в смысле всечеловеческой.

А что же существует? Культурно-исторические типы, подобные живым организмам (такие как египетский, китайский, ассирийский, индийский, греческий, римский, аравийский, германо-романский, славянский). Они возникают, развиваются, погибают и передают или не передают свои достижения другим типам. Их смена не представляет собой разворачивания какой-либо общечеловеческой идеи, ибо нет ее субъекта – человечества. Оно – только сумма культурно-исторических типов.

Как уже говорилось, Данилевский отвергает диалектическое решение проблемы общечеловеческого, которого придерживались Гегель и славянофилы. Но, отвергнув диалектику, он может использовать лишь рассудочное, формально-логическое мышление. Однако в таком случае неизбежно скатывание в позитивизм. Вместе с тем на путях позитивизма

проблема общечеловеческой культуры и цивилизации неразрешима. Позитивизм А.Ф. Лосев справедливо определял как опору исключительно на единичные факты и отказ от признания существования самостоятельного общего. Позитивизм ведет в тупик субъективного идеализма, распыляющего реальность на «атомы». Н.А. Бердяев в своей критической статье о евразийцах (в идеях которых он видел «воспроизведение мыслей… славянофилов – Н. Данилевского в особенности») справедливо писал, что если существует только единичное и не существует общее, то почему мы отвергаем бытие человечества, но признаем бытие культурно-исторических типов и народов? Они ведь тоже общее по отношению к отдельному человеку. Тогда уж человечество и культурные типы – просто суммы людей и т.д.: «Историософические взгляды Данилевского и евразийцев есть наивная и философски неоправданная форма номинализма, номиналистического отрицания реальности человечества. Евразийцы реалисты в понимании национальности и номиналисты в понимании человечества. Но номиналистическое разложение реальных единств нельзя произвольно остановить там, где хочешь. Номинализм не может признать и реальности национальности, как не может признать и реальности человеческой индивидуальности, – разложение реальных единств идет до бесконечности» (Бердяев 1993: 295).

Это расплата за отказ от диалектики. Метафизическая, формально-логическая методология ведет к разложению славянофильства, и это видно на примере теории В.И. Ламанского.

Разложение славянофильства у В.И. Ламанского. Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) – русский историк и славист, последователь Данилевского. Развивая его теорию, он пришел к концепции «третьего мира материка Евразия» и в этом предвосхитил евразийство.

В целом он принимал философию истории Данилевского, с которым он был близко знаком – известно, что Данилевский дал ему прочесть свою «Россию и Европу» еще в рукописи (Селиверстов 2009: 119]. Он называл книгу Данилевского «великолепным произведением» и «капитальнейшим сочинением» (Селиверстов 2009: 120). С.В. Селиверстов правильно отмечает, что главный труд В.И. Ламанского – «Три мира Азийско-Европейского материка» – открывается главным постулатом его геополитической

концепции, который он не доказывает, а берет как аксиому: «Европа есть собственно полуостров Азии» (Ламанский 1916: 1). Примечательно, что это фактически цитата из «Европы и человечества» Данилевского, где сказано: «В сущности же… Европы вовсе никакой нет, а есть западный полуостров Азии…» (Данилевский 2008: 74). Тем не менее теория культурно-исторических типов Ламанского несколько отличается от соответствующей теории Данилевского. Если для Данилевского существует славянский культурно-исторический тип, который занимает пространство от Балтийского моря до Адриатики и включает в себя славянские народы, то для Ламанского это не так. Он водит понятие «третьего», «греко-славянского» мира между Европой, находящейся за рубежами России, и зарубежной же Азией. Очевидно, что Данилевский положил в основу выделения такого культурно-исторического типа (или «мира», как выражался Ламанский) прежде всего принцип этно-лингвистический близости, так как объединил в одной общности славянские народы, при этом принадлежащие к разным конфессиям христианства (как русские и сербы с одной стороны, и поляки и хорваты, с другой) и даже к разным религиям (славяне-бошняки – мусульмане). Данилевский сам признавал: «Культурно-исторические типы соответствуют великим лингвистико-этнографическим семействам, или племенам, человеческого рода» (Данилевский 2008: 151), тем самым, как отметил современный исследователь А. Панченко, «уравнивая понятие ветви языковой семьи и этнической группы»[6]. Ламанский же положил в основу прежде всего религиозный принцип, и у него под одним цивилизационным знаменателем собраны православные славяне и православные греки с румынами. Как видим, Ламанский вследствие этого отошел еще дальше от славянофильства, чем его соратник и учитель-неославянофил, недаром Ламанского уже считают предшественником евразийства.

Почему стало возможным это разложение славянофильства? Потому что позитивистский подход не дает возможности найти объективные критерии для выявления границ цивилизаций или культурных миров, из которых состоит человечество. Как мы уже замечали, позитивистский подход строится на рас-

[6] *Панченко А.* Наднационализм в эпоху национализма…

судочной, формальной логике, а она разделяет, а не соединяет. Гегель писал об этом: «Эмпиризм находится в заблуждении, полагая, что, анализируя предметы, он оставляет их такими, каковы они есть, тогда как на самом деле он превращает конкретное в нечто абстрактное. Благодаря этому получается, что живое умерщвляется, ибо живо лишь конкретное, единое. <…> …анализ не идет дальше ступени разделения…» (Гегель 1974: 150). Если при помощи формальной логики и попытаться выявить некую сущность, которая, естественно, совпадает с общим для объектов определенного класса, то такое общее будет абстрактным, а такой выбор будет субъективным, на что также обращал внимание еще Г.В.Ф. Гегель.

Так и выходит, что, пользуясь позитивистским методом, мы можем взять за критерий соединения народов в цивилизации («миры») этническую близость, а можем – религиозную близость: и в том, и в другом случае это будет вполне произвольный выбор (тем же, кто возразит, что Данилевский различает искусственные и естественные классификации, и заметит, что во вторых учитывается больше признаков, мы ответим, что дело не в количестве признаков, а в их произвольности). Полагаем, это «ахиллесова пята» классического цивилизационного подхода (впрочем, из этого не следует, что вульгарный универсализм, который тоже продукт разложения диалектического взгляда на историю, чем-то лучше).

Структурный метод в философии культуры Н.С. Трубецкого. Как известно, основоположник евразийства Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) был еще и основоположником фонологической теории и одним из крупных теоретиков структурализма в лингвистике (наряду с Романом Яковлевичем Якобсоном (1896–1982), который тоже некоторое время примыкал к движению евразийцев и внес вклад в евразийскую теорию языка). Целый ряд современных исследователей – П. Серио (Серио 2001), Н. Автономова (Автономова 2001: 24), А. Грякалов (Грякалов 2004: 62) и др. – считают, что идеи славянского структурализма Трубецкого рождались в его евразийский период и связаны с евразийской концепцией. Мы бы даже сказали больше: Трубецкой стал применять структурный метод (с которым он познакомился по работе Ф. де Соссюра) еще в ранних своих публикациях. Возможно, он делал это бессознательно,

поскольку ясно и четко свою концепцию структурализма он сформулирует только во второй половине 1920-х, но очевидно, это так. Уже в «Европе и человечестве» (1920) он рассматривает культуру как структуру, связующую культурные ценности, а сами эти ценности как синтезы еще более фундаментальных, исходных ценностей. Он пишет: «Возникновение каждой новой культурной ценности можно назвать общим именем “открытия” (invention – термин Тарда). Каждое открытие представляет из себя комбинацию двух или нескольких уже существующих культурных ценностей или их различных элементов, причем, однако, новое открытие неразложимо вполне на свои составные части и заключает в себе всегда некоторый плюс…» (Трубецкой 1999: 64). Перед нами явный переход от позитивистских методов предшественников Трубецкого по цивилизационному подходу к своеобразному, в чем-то диалектическому пониманию культуры как системы элементов, которая выше, чем простая их сумма. Разумеется, такое сближение структурализма и диалектики может вызвать возражения. В советской философской литературе принято было критиковать структурализм за недиалектичность, да и сами представители французского структурализма (например, Л. Альтюссер) противопоставляли свой метод и гегелевскую диалектику. Действительно, диалектика описывает развитие и говорит о слиянии противоречий в синтезе (их «тождестве», по Альтюссеру), а структурализм – о статичной структуре, в которой элементы сосуществуют, не сливаясь, а составляя оппозиции. Это своеобразная диалектика, но только «отрицательная», антитетическая (соответствующая негативно-разумному мышлению у Гегеля, которое немецкий философ, кстати, и называл только диалектикой, тогда как в марксистской традиции укоренилось именование его диалектикой гегелевского «спекулятивного мышления»).

Эту специфичную диалектику структурализма («диалектику без синтеза») заметил и описал Ю. Лотман. Мы согласны с Сергеем Зенкиным, что «его [Лотмана] апелляции к диалектике как “методологической основе структурализма” – не ритуальная ссылка на марксистскую вульгату, “не та диалектика, которая заключается в произнесении общих философских формул-заклинаний и забывается за дверью, лишь только дело доходит до самого исследования”. Лотман действительно мыс-

лит текст и культуру как игру плодотворных противоречий; другое дело, что в этой диалектике нет синтеза, нет развития как непременного результата» (Зенкин 2019).

Впоследствии в «Наследии Чингисхана» (1925) Трубецкой выскажет идею об оппозиции Леса и Степи в культурно-географическом мире Россия – Евразия, на основе которой Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) создаст евразийскую структурную географию. Ведущим ее концептом будет «месторазвитие», которое тоже сетка таких оппозиций.

Однако полного возврата к диалектическому пониманию истории (к завершенной диалектике, или диалектике синтеза) ни у Н.С. Трубецкого, ни у П.Н. Савицкого 1920-х гг.[7] не произошло. Н.С. Трубецкой продолжал настаивать на том, что общечеловеческой культуры и человечества как целого все же не существует. В «Европе и человечестве» Трубецкой повторял мысль Н.Я. Данилевского из «России и Европы»: «…посмотрим, какое содержание вкладывают европейские космополиты в термины "цивилизация" и "цивилизованное человечество"? Под "цивилизацией" разумеют ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы. Под цивилизованными народами – прежде всего опять-таки тех же романцев и германцев…» (Трубецкой 1999: 32). Человечество для него – не более чем сумма народов и цивилизаций: «Если бы человечество, – не то человечество, о котором любят говорить романогерманцы, а настоящее человечество, состоящее в своем большинстве из славян, китайцев, индусов, арабов, негров и других племен…» (Трубецкой 1999: 85). В 1923 г. в статье «Вавилонская башня и смешение языков» Трубецкой находит теологическое обоснование невозможности общечеловеческой цивилизации: закон дробления языков и культур. Это, по его убеждению, не что иное, как наказание за попытку некогда

[7] В 1930-е П.Н. Савицкий изменит точку зрения на этот вопрос и будет писать о человечестве как цельности, при этом, конечно, разделенной на миры-месторазвития, но не сводящейся к их механической сумме. Схожую эволюцию переживут другие теоретики евразийства, кроме Н.С. Трубецкого. Наиболее ярко этот возврат к универсалистскому пониманию истории у евразийцев 1930-х виден у философа Г. Полковникова. В то же время Н.С. Трубецкой до конца жизни остается верен своим идеям 1920-х.

единого древнего человечества бросить вызов Богу (о чем повествует библейский рассказ о Вавилонском столпотворении). Трубецкой пишет: «Законы эволюции народов устроены так, что неминуемо влекут за собой возникновение и сохранение национальных отличий в области языка и культуры» (Трубецкой 1999: 367).

Наконец, в одной из поздних статей, написанных в 1930-е гг., а именно – в статье «Об идее-правительнице идеократического государства» (1935), Н.С. Трубецкой находит структуралистское обоснование отрицания общечеловеческой культуры. Единство, целостность, по его утверждению, существуют лишь там, где есть система, то есть оппозиции элементов. Например, Россия-Евразия противостоит Европе, и это противостояние сплачивает евразийскую цивилизацию, делает ее внутренне единой. Человечество же не имеет своей противоположности, другого человечества, значит, человечества как «индивидуального бытия» (Трубецкой 1999: 521) не существует.

Итак, версия цивилизационного подхода у классиков евразийства, и прежде всего, у Н.С. Трубецкого, предполагала структуральное, ограниченно-диалектическое понимание цивилизаций («месторазвитий») в противоположность позитивистски-субъективному пониманию их у Н.Я. Данилевского и В.И. Ламанского, но также и антидиалектическое понимание человечества. Собственно, поэтому мы можем здесь говорить о цивилизационном подходе, а не о возврате к диалектически-идеалистическому пониманию истории.

Такой переход совершил Л.П. Карсавин, вошедший в состав евразийского движения и возглавивший группу парижских левых евразийцев в 1928 г., а также евразийцы 1930-х гг. Но рассмотрение их концепций выходит за рамки нашей работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Автономова Н.А. 2001. Актуальное прошлое: структурализм и евразийство // Серио П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг. Москва : Яз. славян. культуры. С. 9–30.

Бердяев Н.А. 1993. Евразийцы // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн : антология / ред.-сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. Москва : Наука. С. 292–300.

Гегель Г.В.Ф. 1974. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / отв. ред. Е.П. Ситковский. Москва : Мысль. 452 с.

Гегель Г.В.Ф. 1977. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / отв. ред. Е.П. Ситковский. Москва : Мысль. 471 с.

Грякалов А.А. 2004. Письмо и событие : эстет. топография современности. Санкт-Петербург : Наука. 484 с.

Данилевский Н.Я. 2008. Россия и Европа. Москва : Ин-т рус. цивилизации. 816 с.

Зенкин С. 2019. От Тарту до Парижа (Заметки о теории, 34) // Новое литературное обозрение. № 6. С. 336–347. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21803/ (дата обращения: 02.09.2025).

Кизеветтер А.А. 1993. Евразийство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн : антология / ред.-сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. Москва : Наука. С. 266–278.

Ламанский В.И. 1916. Три мира Азийско-европейского материка : Посмертное второе издание учеников автора… / под ред. и с предисл. Г.М. Князева. Петроград : Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время». 172 с.

Селиверстов С.В. 2009. «…Я смотрю несколько менее оптимистически»: к вопросу об интеллектуальных взаимоотношениях Н.Я. Данилевского и В.И. Ламанского в 1860–1880-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. № 32(170). История. С. 116–125.

Серио П. 2001. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. Москва : Яз. славян. Культуры. 360 с.

Трубецкой Н.С. 1999. Наследие Чингисхана. Москва : Аграф. 554 с.

Хомяков А.С. Разговор в Подмосковной // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Москва : Университет. тип., на Страстном бульваре. Т. 3. С. 202–237.

McMaster R.E. 1955. The question of Heinrich Ruckert`s influence of Danilevskij // American Slavic and East European Review. Vol. 14, № 1. P. 59–66. DOI 10.2307/2491904

Rustem R. Vakhitov
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Civilizational Thought in Russian Philosophy: Beyond Hegelianism, Toward Structuralism (Danilevsky, Lamansky, Trubetskoy)

Abstract. This article examines the civilizational approach in Russian philosophy. In the West, this approach was first formulated in the 19th

century by historian Heinrich Rückert and later developed by Oswald Spengler and Arnold Toynbee. According to their perspective, there is no singular universal civilization or history; rather, humanity consists of distinct local cultures and civilizations, each following its own developmental path. Those who founded the civilizational approach in Russian philosophy are mistakenly considered to be early Slavophiles. While Slavophiles were indeed influenced by Georg W.F. Hegel, they upheld a universalist view of history, merely positing that historical progress would not culminate with the German people but would instead extend to the Russians as the next historical nation. The first true representative of the civilizational approach in Russia was Nikolay Danilevsky. In his theory of cultural-historical types, he rejected the notion of a unified human history or humanity as a singular subject, grounding his argument in the metaphysics of nominalism and a positivist-rationalist methodology. Danilevsky's follower, Vladimir Lamansky, likewise employed a positivist approach, which contributed to the further decline of neo-Slavophilism. By contrast, Nikolai Trubetskoy, the founder of Eurasianism, applied not a positivist but a structuralist method – effectively, a modified dialectic – to philosophy and cultural history. This allowed him to successfully theorize the assemblage of peoples into distinct cultural-geographical worlds. However, the limitations of his dialectical framework became apparent in his outright denial of humanity as a unified entity.

Keywords: civilizational approach; dialectical understanding of history; positivism; structuralism; humanity; Hegel; Slavophiles; Danilevsky; Lamansky; Trubetskoy; Eurasianism

УДК 17.022.1

Андрей Леонидович Анисин
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: anisin@bk.ru
SPIN-код: 5624-1912

Реконструкция традиционных ценностных координат российской цивилизации

Аннотация. Актуальность темы обусловлена выходом идеологического, ценностного, политического и экономического противостояния России и Запада на качественно новый уровень. Объектом исследования является духовно-нравственная культура народов России, а предметом философской рефлексии – ценностные основы формирования и развития общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства российской цивилизации. Методологически важно то, что ценности не выводятся из сущего – они отражают должный строй бытия. Общечеловеческое ядро традиционных ценностей заключается в нравственном сознании человека, а культурно-историческую конкретику общие нравственные идеи приобретают в ценностях конкретной цивилизационной модели. Условно выделено три группы традиционных ценностей: ценности личностные, общественные и государственнические. Обосновано, что государственнические и общественные ценности органически связаны с высокой личностной ценностью духовной свободы. При рассмотрении «общественных» традиционных ценностей акцент сделан на «справедливости», которая в русской культуре связывается не с правовым сознанием, а с нравственной правдой и религиозно окрашенной праведностью. Особое место в ряду традиционных российских ценностей занимает «приоритет духовного над материальным». Эта ценность имеет первостепенное значение также и как необходимое условие преодоления общемирового «кризиса нашего времени». Ценностные основы российского государства определены тем, что Россия в истории созидалась как «общий дом» для множества различных племен и народов. К особенностям русского патриотизма относится также двуединство Родины и Отечества: чувство связи с родной землей и принадлежность народной стихии органично сочетаются в русском патриотизме с доминантой духовной свободы и личного служения. Задачей дальнейших исследований данной темы могло бы стать концептуальное обоснование ценностных приоритетов

государственного строительства и культурной политики в современной России.

Ключевые слова: традиционные ценности; сущее и должное; цивилизационные ценности; свобода; справедливость; идеациональная этика; ценность семьи; духовные основы государства; ценность служения; российский патриотизм

Обсуждение проблематики, связанной с осмыслением «культурного кода» России, уходит корнями, как минимум, в споры славянофилов и западников (можно, впрочем, указать и более ранние истоки этих дискуссий), однако в XXI в. тема традиционных российских духовно-нравственных ценностей приобрела особую актуальность. Связано это, несомненно, с выходом идеологического, ценностного, политического и экономического противостояния России и Запада на качественно новый уровень. От продуктивности ответа на этот цивилизационный вызов (употребляя терминологию А. Тойнби) зависит наше историческое будущее. Ответ должен быть дан не только «на внешнем контуре», но и – что одно только и может быть основой внешнего успеха – через укрепление внутренних ценностных основ собственного исторического бытия. Неслучайно вскоре после того, как в феврале 2022 г. противостояние с Западом перешло в горячую фазу, появился Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1] (далее – Основы). В четвертом пункте Указа дано определение традиционных ценностей, а в пункте пятом приводится их перечисление. Для тех целей, которые может иметь нормативный документ стратегического планирования, сказанного в этих пунктах вполне достаточно. О целях и задачах, об инструментах и ожидаемых результатах деятельности по сохранению и укреплению традиционных ценностей в утвержденных Основах говорится подробно и ясно. При этом содержательное раскрытие

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 21.07.2025).

и концептуальный анализ самих ценностей не могли входить в задачи данного документа. Целью данной статьи является прояснение философских основ политико-правовой концепции государственного строительства, ориентированного на традиционные российские духовно-нравственные ценности. Объектом исследования является духовно-нравственная культура народов России в истории и на современном этапе, а предметом философской рефлексии – ценностные основы формирования и развития общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства российской цивилизации.

Если иметь в виду задачи концептуального анализа данной темы, то следует обратить внимание на ряд проблем. Прежде всего, нередко – даже на уровне научного дискурса – происходит смешение понятий «традиция» и «традиционные ценности». Этой проблемы зачастую вообще не замечают, и такое смешение является, в частности, причиной более заметных и более значимых в практическом плане проблем, касающихся системного понимания сущности, иерархии и взаимосвязи различных «традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Так, например, очевидно, что в XX в. Россия (принимая это наименование в расширительном смысле – в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 67.1 Конституции России) прошла через две революции, меняя при этом государственный строй и идеологические основы. Однако в какой мере верно то, что «в XX в. на наших землях дважды рушились старые ценностные порядки и возникали новые» (Шавеко 2024: 67)? То, что коммунистическая власть резко противопоставила себя «старому режиму» Российской империи, а демократическая Россия, юридически продолжая Советский Союз, начинала строиться во многом на пафосе отказа от всего советского – это несомненный исторический факт. Декларируемые и насаждаемые на государственном уровне оценки истории и современности, а также социальные стандарты очень сильно менялись в XX в. (причем не только в моменты этих двух революций, но и на протяжении советской власти), но вот вопрос – насколько и как быстро менялись при этом ценностные установки общества? При внимательном рассмотрении выясняется, что «советские воспитание и образование во многом культивировали в человеке либо вполне

буржуазные качества, либо же качества, относимые к этике добродетели, индифферентной к высоким идеалам» (Мартьянов, Фишман 2020: 143). Ценностную преемственность по отношению к «старорежимной России» нетрудно проследить в принципах построения и функционирования советского государства, да и в постсоветской российской политической системе «воспроизводство устойчивого комплекса социальных практик и механизмов взаимодействия определило характер ее функционирования куда больше, чем многочисленные структурные преобразования, смены руководства и программные проекты лидеров государства» (Ильченко 2011: 60-61). Смена идеологического вектора государства не меняет автоматически ценностных установок народа, и даже большие перемены в образе жизни могут не означать отказа от прежних жизненных ориентиров. Изменения в сфере ценностного сознания, конечно, происходят, но далеко не синхронно с изменениями социальных практик и даже народных традиций.

Наполнение понятия «традиция» зависит от контекста и целей его использования, но в любом случае это понятие обозначает определенную форму социальной жизни, заключающуюся в воспроизводстве культурных образцов, в регулярном сознательном повторении определенных действий. Разброс значений здесь простирается от «регулярно проводимых мероприятий» (в семье, в сообществе или в организации) до социокультурных сценариев и стереотипов. Но в любом варианте понимания «традиции» она обозначает нечто реально существующее, некую эмпирически фиксируемую регулярно воспроизводимую форму организации социальной деятельности.

Ценности имеют другой онтологический статус – если понятие «ценности» употребляется сколько-нибудь теоретически ответственно, то оно может относиться только к трансцендентальному плану бытия. Необязательно при этом соглашаться с неокантианским отрицанием вещей-в-себе, однако это означает, что привычная оппозиция объективного и субъективного в этой сфере не работает. Ценности обозначают собой определенный способ самореализации человека в бытии, но в то же время – и определенный способ организации того культурного пространства, в котором эта самореализация происходит и который ею же порождается. Достаточно часто эти два «спо-

соба» мыслятся раздельно: есть определенным образом организованное культурное пространство как уже существующее предзаданное поле человеческой самореализации, и есть сама самореализация, стратегия которой определяется свободным выбором, но – исходя из наличных условий предзаданного поля. Ценностная модель культуры, разработанная В. Виндельбандом и Г. Риккертом, уточняет, что никакого «объективного предзаданного поля культуры» попросту не существует, культурное пространство как таковое создается через «отнесение к ценности».

Сопряжение «объективного» и «субъективного» плана человеческого бытия в культуре, точнее – единое их основание, обеспечивается категорией «долженствования». Помимо желаний и возможностей, помимо чувства удовольствия и неудовольствия, которые часто стягивают на себя все внимание, человек имеет еще сознание долга. Причем, если серьезно вдуматься в жизнь человека, следует согласиться с Кантом, что это сознание занимает в этой жизни центральное место: «Человек живет лишь из чувства долга, а не потому, что находит какое-то удовольствие в жизни» (Кант 1965: 415). А В. Виндельбанд констатирует, что «три основные философские науки в трех областях душевной жизни[2] обнаруживают повсюду противоположность между психически осуществляющимся и нормальным[3], между реальным и идеальным, между совершающимся во времени и имеющим вневременное значение. Мы видим, что наше сознание подчинено обоим законодательствам, которые не могут ни совпасть, ни безусловно разойтись и между которыми существует необходимый неизбежный и вытекающий из природы вещей антагонизм» (Виндельбанд 2007: 303).

Напряжение между сущим и должным (между нормами и законами природы, употребляя терминологию Виндельбанда) составляет главное содержание душевной и духовной жизни человека. Глубочайшей характеристикой человеческого бытия является утверждение должного в противовес сущему. При этом нечто такое, что всегда было, есть и будет (различные формы зла, например), человек объявляет недолжным, то есть

[2] Виндельбанд имеет в виду логику, этику и эстетику.

[3] Виндельбанд имеет в виду требования норм, нормативность.

лишает это сущее права на существование. А нечто такое, чего, возможно, не было никогда, точно не существует теперь, и что вряд ли вообще когда-либо будет осуществлено в реальности (полное торжество добра и любви, например), человек утверждает как должное, то есть как не просто имеющее право на существование, а как не имеющее права не существовать. Противопоставление сущего и выраженного в ценностных установках должного доходит в неокантианской теории ценностей до весьма резких и непривычных для социологического мышления формулировок: «Не только невозможно понимать культурные ценности как положительные жизненные ценности, но культура должна даже быть поставлена в отрицательное отношение к жизни» (Риккерт 1998: 410).

Критерии должного артикулируются на социальном уровне различным образом – в первую очередь через нравственное сознание личности и общества, но также и через социальные институты семьи, «церкви» (имеются в виду различные по своей форме и по содержанию вероучения религиозные организации) и государства. В этой связи следует уточнить смысл декларации определенных ценностей в государственных нормативных правовых актах, и тем более – признания за ними статуса «традиционных». Правотворчество является важнейшим способом утверждения должного и исправления сущего на социальном уровне. При этом правовые нормы, разумеется, не изобретают ценностей, они, во-первых, их в той или иной мере отражают, а во-вторых, обеспечивают им поддержку и защиту – как на уровне общественного сознания, так и на уровне социальной практики. Как правило, правовое регулирование осуществляет эту аксиологическую функцию, обходясь без прямой декларации утверждаемых ценностей, просто действуя, исходя из них. Однако иногда такая декларация становится необходима – а именно в тех случаях, когда государство и общество чувствуют деструктивную угрозу ценностным основам своего существования. Наименование утверждаемых ценностей «традиционными» призвано при этом подчеркнуть необходимость сохранения исторической преемственности и культурной идентичности в жизни общества. Концептуально правильнее было бы говорить даже не о «традиционных ценностях», а о «традиционных ценностных координатах культурного пространства»,

где «под культурным пространством понимается пространство ценностей, продуцирующих содержание духовной и материальной культуры общества» (Касаткин 2017: 145). Не менее важен здесь и системно-концептуальный подход к осмыслению культурного пространства, развиваемый рядом исследователей (Хилько, Горелова 2023: 28-29).

Именно в этом контексте следует рассматривать тему ценностного сознания в целом и традиционных духовно-нравственных ценностей в частности. Методологически важно то, что ценности не выводятся из сущего, не определяются наличным бытием – они опираются на должное, на понятия, убеждения и идеалы, отражающие должный строй бытия. Именно обращаясь к понятию долга, можно прояснить сущность, статус и взаимоотношения ценностей общечеловеческих и цивилизационных. Основанием общечеловеческих ценностей является сознание и переживание нравственного долга в собственном значении этого понятия. Не случайно при определении традиционных ценностей в Основах родовым понятием указаны именно «нравственные ориентиры»[4] (а не просто «жизненные» или «мировоззренческие»). База традиционных ценностей, общечеловеческое их ядро, заключается в нравственном сознании человека, в нравственном долге, осознаваемом как «голос совести».

Это нравственное сознание, действительно, едино во всем человечестве. Этому нравственному единству человечества нисколько не мешает разница народных обычаев, национальных менталитетов и этикетных норм. Нравственное единство человечества на глубинном уровне сохраняется даже «в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов»[5]. Дело ведь в том, что насаждение этой «деструктивной идеологии» (а именно: «культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада

[4] П. 4 Основ.

[5] П. 11 Основ.

России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений»[6]) ведется по знаменем тех же – но извращенно трактуемых – абсолютных нравственных ценностей. При этом чем выше ценность, тем безобразнее может быть ее извращение. «Эгоизм», названный в этом перечне первым и являющийся извращением истинной нравственной идеи о высшей ценности человеческой личности, обращает в полную противоположность любую нравственную ценность, к которой прикасается, и ведет, в конечном итоге, через самоутверждение человека к его саморазрушению.

Помимо общечеловеческих ценностей, коренящихся в нравственном сознании человека, важная роль в культуре принадлежит ценностям цивилизационным, составляющим уникальную духовную конституцию тех или иных локальных культур. Их основанием является сознание и переживание сопричастности историческому бытию народа, принадлежности общим историческим корням. Можно сказать, что в ценностях конкретной цивилизационной модели общие нравственные идеи приобретают культурно-историческую плоть и кровь.

О роли нормативно-правовой деятельности в артикулировании, поддержании и защите ценностей уже было сказано, и вот что пишут об Указе Президента № 809 от 09.11.2022 министр юстиции Российской Федерации, ректор Санкт-Петербургского государственного университета (чл.-корр. РАН) и доцент кафедры конституционного права этого университета: «Данные Основы государственной политики оказываются по своей природе связаны с той абсолютной конституцией, которая определяет само существование ядра идентичности российской государственности и многонационального народа России» (Чуйченко и др. 2024: 161). Нам неизвестны иные случаи употребления термина «абсолютная конституция», скорее всего, он является авторским нововведением. Большой теоретический потенциал в этом понятии явно имеется: в отличие от несколько аморфного, но претендующего на общечеловеческую значимость «естественного права», оно выражает некие уникальные духовные основания локальной цивилизации,

[6] П. 14 Основ.

придавая этим основаниям абсолютный статус, – но без претензии навязывать их кому-то другому.

Предметно рассматривая традиционные российские духовно-нравственные ценности в качестве «абсолютной конституции» России, следует, прежде всего, выделить в них три группы, относящиеся соответственно к выстраиванию человеком собственного жизненного мира, к ценностным приоритетам общественного бытия и к ценностным основам государственной жизни. Такое разделение во многом условно, однако оно позволит яснее понять системную взаимосвязь этих ценностных установок. Порядок перечисления традиционных ценностей в п. 5 Основ эту взаимосвязь наглядно демонстрирует, но не способствует ее содержательному пониманию. Перечисление начинается с ценностей «личных», переходит сразу к «государственным», возвращается к «личным», называет далее некоторые «общественные», снова обращается к «личным», опять переходит к «общественным» и заканчивается «государственными».

Перечисление ценностей в пятом пункте Основ открывают «жизнь, достоинство, права и свободы человека». Будучи, несомненно, укорененными в общечеловеческом нравственном сознании, эти ценностные установки наполняются реальным содержанием только в рамках конкретной культуры. Особого внимания заслуживает здесь тема свободы – в отличие от «жизни, достоинства и прав», она часто понимается весьма неоднозначно, вплоть до полного непонимания смысла этой ценности: именно извращенное представление о свободе дает основу большинству названных выше проявлений «деструктивной идеологии». Если говорить о свободе применительно к русской культуре и традиционным ценностям российского культурного пространства, то важно разобраться с теми обвинениями, которые возводит на Россию русофобская пропаганда. Общим местом русофобской риторики является заявление о «рабском сознании», которое якобы присуще русским и «подтверждается» «деспотизмом» Ивана Грозного, Петра I, И.В. Сталина и в целом российской государственности. Однако, как пишет о «характере русского народа» Н.О. Лосский, «одна из причин, почему в России выработалась абсолютная монархия, иногда граничившая с деспотизмом, заключается в том, что трудно

управлять народом с анархическими наклонностями. Такой народ предъявляет чрезмерные требования к государству» (Лосский 2005: 106). И речь не только о том, что сильная власть была нужна для подавления анархических начал, но, прежде всего, о том, что мощь государства каким-то образом отвечает запросам этого своеобразного русского анархизма. С тех пор, как Н.О. Лосский писал эти строки (середина XX в.), многое изменилось не только в практике жизни, но и в ценностных установках российского государства и русского народа, однако в этих изменениях сохраняется историческая преемственность российской цивилизационной модели, они не коснулись ее базовых ценностных ориентиров. И в этой связи важно отметить, что государственнические ценности в целом и ценность сильной государственной власти в частности органически связаны с высокой ценностью духовной свободы, утверждаемой в русской культуре. Реальная свобода обретается через принятие на себя ответственности, а свобода в настоящем высшем духовном смысле имеет в своей основе верность нравственному долгу.

«Высокие нравственные идеалы», «гуманизм, милосердие, справедливость», обозначенные в п. 5 Основ, можно с полным правом отнести к ценностям «общечеловеческим», однако применительно к России они имеют особое историческое основание. Найти в русской жизни и в русской истории можно разное: высокое и низкое, радостное и печальное – но это не отменяет того факта, что идеал «святой Руси», определяемый христианскими заповедями, был одним из определяющих духовных факторов созидания российской цивилизации. То, что реальная жизнь людей часто была весьма далека от идеала святости, очевидно для всякого честного исследователя русской истории, но слово «разрыв», которое тут по привычке напрашивается, было бы неудачно. Именно полного разрыва с идеалом в русской жизни, собственно, никогда и не бывало, идеал всегда в жизни присутствовал, даже если верх в ней брали очень далекие от идеала мотивы. Примерно об этом хрестоматийные слова Дмитрия Карамазова (поправку делать надо на то, что это не теоретические рассуждения, а «исповедь горячего сердца»): «Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом со-

домским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил»[7]. Для героя романа такое соприсутствие в одной душе идеала высшей чистоты и святости с самым низменным развратом, приобретающим уже также статус идеала, непереносимо, но оно является, во-первых, фактом, а во-вторых залогом его собственного будущего нравственного возрождения.

Необходимо сказать и о поставленных через запятую ценностях «милосердия» и «справедливости», прояснив «русский» смысл справедливости. Сама идея справедливости предполагает соответствие заслуг и воздаяния: что заслужил (награду или наказание, плату за работу или человеческое отношение), то и получил – не больше и не меньше. Скользкий момент заключается в том, что объективную оценку заслуг дать очень трудно, каждый мерит «на глаз». Право как форма организации общественной жизни концептуально строится именно на идее справедливости. Вот только к правовой форме реализации этой идеи русский народ относится достаточно сдержанно: «Закон дышло: куда хочешь, туда и воротишь (туда и вышло). Где закон (или: законники), там и обида»[8]. Много есть русских пословиц и на ту тему, что милосердие выше справедливости. Но идея справедливости имеет, тем не менее, в русской культуре очень мощное воплощение, только связывается она не с правовым сознанием, а с нравственной правдой и религиозно окрашенной праведностью. Идея «социальной правды», идея обустройства жизни общества «по правде» – это и есть «русская справедливость», органично сочетающаяся с милосердием.

Особое место в ряду традиционных российских ценностей занимает «приоритет духовного над материальным». Хотя такая формулировка звучит как лозунг, она действительно отражает глубокие ценностные установки российской цивилизации. Впрочем, приоритет духовного над материальным имеет первостепенное значение не только в качестве важного ценностного

---

[7] *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 11. Братья Карамазовы. Москва : Правда, 1982. С. 128.

[8] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. А–З. Москва : Рус. яз., 1989. С. 589.

основания российской цивилизационной модели, но и как необходимое условие преодоления общемирового «кризиса нашего времени», о котором писал П.А. Сорокин еще в 1941 г., вынеся эти слова в заголовок своей самой издаваемой и переводимой книги. На основе беспрецедентного по эмпирическому охвату социологического анализа, проведенного ранее в «Социальной и культурной динамике», он констатирует: «Чувственные этика и право вновь зашли в тупик, отмечающий finis настоящей эпохи. Без перехода к идеациональной этике и праву, без новой абсолютизации и универсализации ценностей общество не сможет избежать этого тупика» (Сорокин 1992: 504). При этом в терминологии П.А. Сорокина «идеациональная этика направлена не на увеличение чувственного счастья и удовольствий этого мира, а на единение со сверхчувственным Абсолютом» (Сорокин 1992: 489), а «идеациональный свод законов рассматривается как данный Богом или Абсолютом. …Его нормы считаются заповедями Бога. Как таковые, они становятся абсолютными, хотя и не отвергают в принципе утилитарные или некоторые другие соображения» (Сорокин 1992: 494). Очень трудно надеяться на возрождение в современной западной цивилизации религиозных основ жизни, на преодоление этой цивилизацией того всестороннего кризиса, о котором пишет П.А. Сорокин. Разделит ли эту печальную судьбу Незапад – зависит от того, насколько эффективной окажется его опора на традиционные ценности. Надежду внушает то, что Запад – именно в мировоззренческом, ценностном смысле – никогда не считал Россию (тем более – Глобальный Восток и Глобальный Юг) частью себя.

Приоритетность духовных ценностей в культурном пространстве современной России может быть поставлена под сомнение, особенно на уровне эмпирически фиксируемых проявлений. Однако такой приоритет оказался действенным фактором в процессе исторического становления русской культуры и российского общества, а потому является для них ценностным архетипом, даже несмотря на существенные проявления в культуре и социальной практике современной России черт того «кризиса нашего времени», о котором пишет П.А. Сорокин. В исторической ретроспективе можно констатировать, что освоение русским народом огромных пространств евразийского континента было бы невозможно без постоянно про-

являемой способности пренебрегать интересами материального благополучия.

Русская (и впоследствии российская) цивилизация имела экономическим базисом земледелие, и это при том, что две трети нашей территории – это вечная мерзлота[9], а из оставшейся трети едва ли не половину составляет зона так называемого «рискованного земледелия». Только 14% территории России имеет оптимальное для сельского хозяйства соотношение тепла и влаги[10]. В Древней Руси процент земель потенциально пригодных для земледелия был несколько больше, однако они были малоплодородны и практически сплошь заняты лесами. Разумеется, тяжесть условий жизни сама по себе не порождает приоритета духовности, однако только при наличии такого приоритета становится возможным освоение огромных территорий почти не приспособленных для жизни человека.

В силу уже названных географических и исторических условий существования России особое звучание в российском менталитете приобрели такие ценности общественной жизни как «созидательный труд», «коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение». Трудно сказать, насколько эти ценностные установки были выработаны в ходе освоения новых земель, а насколько уже имеющиеся ценностные ориентации позволили русскому народу это освоение начать и успешно совершить. Скорее всего, нужно говорить о некой «соприродности» исторических задач освоения евразийских пространств от Северного Ледовитого океана до Великой степи и ценностного строя русской души.

Переходя к ценностям «государственническим» (еще раз подчеркнем условность этого деления), следует, в первую очередь, остановиться на тех, которые завершают перечисление п. 5 Основ: «историческая память и преемственность поколений, единство народов России». Эти ценности служат связующим звеном между «духовными основами общества» и «духовными основами государства». При этом сохранение и укрепление единства народов России как традиционной

[9] Национальный Атлас России. Вечная мерзлота. URL: https://nationalatlas.ru/tom2/240-242.html (дата обращения: 21.07.2025).

[10] Национальный Атлас России. Хозяйство и экономическое развитие. Природные условия сельскохозяйственной деятельности. URL: https://nationalatlas.ru/tom3/317.html (дата обращения: 21.07.2025).

российской духовно-нравственной ценности обеспечивается именно исторической памятью и преемственностью поколений. Общественно-исторические основы российского государства определены тем, что Россия с самого своего зарождения создавалась как «общий дом» для множества различных племен и народов. Сам русский народ, имея мощное и не размытое до сих пор восточно-славянское генетическое ядро своей идентичности, исторически сложился из множества племен и народностей – славянских, тюркских, финно-угорских, уральских и других. Практически все народы, исторически жившие на освоенных Россией территориях, сохранились в ее составе. Модель сосуществования, предложенную им российским государством, можно описать формулой: «участие в единой государственной жизни при сохранении национальной, языковой и культурной самобытности». Формы такого участия и степень вовлеченности в них могли быть весьма различны: от экономических связей до государственной службы, – например, в иррегулярных воинских формированиях.

Общее служение единому государству было наиболее значимым фактором формирования общероссийской национальной идентичности. Многоэтническая российская нация как основа Российской империи и Советского Союза имела в качестве своей ценностной основы «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу». Эти ценности коренятся, как и многие уже рассмотренные, в общечеловеческом нравственном кодексе, однако в системе ценностных ориентиров российской цивилизации они занимают особое место. «Можно отметить, что в России всегда представлялось ценностью служение государства народу и народа государству в сопряжении с признанием свободы и духовного достоинства человека, что являлось необходимой предпосылкой формирования государственной идеологии», – пишут современные исследователи (Рожковский, Боева 2024: 225). Далеко не всегда этот ценностный идеал имел в российской действительности зримое выражение, однако он, действительно, играл важную организующую роль в рамках «русской идеологии». Русский идеал государственности очень глубоко выражен И.А. Ильиным: «Государство есть организованное общение людей, связанных между собою духовной солидарностью и признающих эту солидарность не только умом,

но поддерживающих ее силою патриотической любви, жертвенной волей, достойными и мужественными поступками» (Ильин 1996: 238). Дав эту формулировку, он уточняет: «Это значит, что настоящее, здоровое государство покоится именно на тех духовных основах человеческой души, которые мы вскрывали в нашем исследовании», – и делает ссылку на предыдущие главы: «О вере, О любви, О свободе, О совести, О семье, О родине, О национализме». Истинное понятие о государстве, таким образом, оказывается здесь неразрывно связано с духовной жизнью личности и духовной жизнью народа. При этом идея взаимного служения власти и народа является основополагающей в российской общественно-политической парадигме: «Государство может требовать от граждан службы и жертв; но оно само должно служить и жертвовать» (Ильин 1996: 247).

К особенностям русского патриотизма относится также двуединство Родины и Отечества, где Родина связана с матерью-землей и представляет собою некое духовное лоно человеческого бытия, ту духовную почву, в которую уходят корни человеческой жизни, а Отечество – это только что описанное с опорой на И.А. Ильина государство в его духовном измерении как взаимном служении власти и народа. Чувство связи с родной землей и принадлежности народной стихии органично сочетается в русском патриотизме с доминантой духовной свободы и личного служения.

Подводя итог этому небольшому исследованию, следует еще раз повторить, что трудность концептуализации «ценностной конституции» общества определяется тем, что эта конституция не может быть изобретена, но не может она и быть взята из эмпирической социальной реальности. Ценности не есть продукт простого субъективного произвола, но они и не существуют в этой реальности эмпирически фиксируемым образом. Система ценностей (значимостей) является условием возможности всякого смысла в культуре, то есть, по существу, всякого культурного опыта. Культура состоит не из эмпирических фактов, а из смыслов, образующихся через отнесение к ценности. Именно на этот процесс смыслообразования в культуре и необходимо направить исследовательское внимание при решении задачи концептуализации ценностных основ конкретной, российской в нашем случае, культуры.

Гипотезой представленных здесь рассуждений было то, что общечеловеческая основа ценностного сознания находит свое конкретное преломление в контексте самобытных локальных культур. Проведенный анализ позволяет утверждать принципиальное системное единство традиционных российских духовно-нравственных ценностей, укорененное в истории и культуре русского народа, народов, составивших российскую политическую нацию, в истории российской государственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виндельбанд В. 2007. Прелюдии / пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. Москва : Гиперборея : Кучково поле. 400 с.

Ильин И.А. 1996. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1 / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. Москва : Рус. кн. 400 с.

Ильченко М.С. 2011. Инерция в российской политике // Свободная мысль. № 5. С. 55–66.

Кант И. 1965. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. Москва : Мысль. 544 с.

Касаткин П.И. 2017. Культурное пространство: аксиологический аспект // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 145–156. DOI 10.17805/zpu.2017.4.13

Лосский Н.О. 2005. Характер русского народа. Москва : Даръ: Издат. Совет Рус. Православной Церкви. 336 с.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2020. Советская мораль: от высоких ценностей к «криминальной революции»? // Новый мир. № 3. С. 135–149.

Риккерт Г. 1998. Философия жизни. Киев : Ника-Центр : Вист-С. 505 с.

Рожковский В.Б., Боева О.М. 2024. Традиционные духовно-нравственные ценности в государственной идеологии современной России // Философия права. № 4. С. 222–228.

Сорокин П.А. 1992. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Москва : Политиздат. 543 с.

Хилько Н.Ф., Горелова Ю.Р. 2023. Типология методологических подходов к определению культурного пространства // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 25-33. DOI 10.17805/zpu.2023.4.2

Чуйченко К.А. и др. 2024. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики / К.А. Чуйченко, Н.М. Кропачев, В.Е. Кондуров // Правоведение. 2024. Т. 68, № 2. С. 156–165. DOI 10.21638/spbu25.2024.201

Шавеко Н.А. 2024. Традиционные российские ценности: проблемы определения и обоснования их перечня // Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права : сб. науч. трудов по итогам Первой Междунар. науч. конф.,

посвящ. 100-летию С.С. Алексеева (Екатеринбург, 14 нояб. 2024 г.) / гл. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : ИФиП УрО РАН. С. 64–76.

Andrey L. Anisin
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: anisin@bk.ru

Reconstructing the Traditional Value Framework of Russian Civilization

Abstract. The relevance of this study stems from the escalation of ideological, value-based, political, and economic confrontation between Russia and the West to a qualitatively new level. The object of research is the spiritual and moral culture of Russia's peoples, while the subject of philosophical reflection is the value foundations shaping the formation and development of an all-Russian civic identity and the unified cultural space of Russian civilization. Methodologically, it is essential to note that values are not derived from "what is" – rather, they reflect "what ought to be". The universal core of traditional values lies in human moral consciousness, while general ethical ideas acquire cultural-historical specificity within the values of a particular civilizational model. Three groups of traditional values are provisionally distinguished: personal, societal, and state-oriented values. It is argued that state-oriented and societal values are organically linked to the high personal value of spiritual freedom. When examining societal traditional values, emphasis is placed on justice, which in Russian culture is associated not with legal consciousness but with moral truth and religiously infused righteousness. A distinctive feature among traditional Russian values is the "primacy of the spiritual over the material". This value is of paramount importance as a necessary condition for overcoming the global crisis of our time. The value foundations of the Russian state are shaped by the fact that Russia has historically been built as a common place for numerous tribes and peoples. A defining characteristic of Russian patriotism is the dual unity of "Rodina" (homeland) and "Otechestvo" (fatherland): the sense of connection to native land and belonging to the national spirit are organically combined with the primacy of spiritual freedom and personal service. A key direction for further research on this topic could be the conceptual justification of value priorities in state-building and cultural policy in contemporary Russia.

Keywords: traditional values; is; ought; civilizational values; freedom; justice; ideational ethics; the value of family; spiritual foundations of the state; the value of service; Russian patriotism

УДК 32:327

Леонид Гершевич Фишман
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: lfishman@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5062-8291
Researche ID: K-2346-2018
SPIN-код: 8725-9656

Что дает силу – то и есть традиция? Российские и американские традиционные ценности в контексте трансформации глобального порядка

Аннотация. Статья посвящена сравнению российского и американского политического курсов на возвращение к традиционным ценностям. Показывается, что в действительности традиционными ценностями в обеих странах считаются ценности тех периодов, которые ассоциируются с периодами наибольшей силы, влияния, величия обеих стран. Для России (СССР) и США – это период биполярного мира после Второй мировой войны. В обоих случаях речь идет о частично сходных гуманистических ценностях модерновых обществ, ориентированных на консолидацию большинства граждан во всех социальных измерениях (этническом, религиозном, культурном) как на базовую демократическую норму. В последние десятилетия эти нормы размылись множеством исключений, привилегий, позитивных дискриминаций и т.д., создавая все больше ценностных расколов и конфликтов. В обоих случаях укрепление былого могущества связано с попытками возврата к модерным ценностям XX века в основании американской и российской национально-культурной идентичности. Консервативная реактуализация высокого модернизма риторически преподносится как возврат к традиционным ценностям. Она осуществляется в форме ретропрактик как конъюнктурного использования элементов наследия прошлого для регуляции нынешних социальных проблем.

Ключевые слова: Америка; Россия; традиционные ценности; Модерн; трампизм

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на про-

ведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

В течение многих лет общим местом официальной риторики РФ являлся тезис, согласно которому мы выступаем за традиционные духовные и нравственные ценности, которые в основе разделяются всеми народами мира. Более, того, считалось, что Россия стала мировым лидером в борьбе за сохранение таких ценностей, в то время как со второй половины XX века в странах Европы и Северной Америки наблюдается заметная эрозия нравственной сферы, рост секуляризма, а в начале XXI века – и прямой «отказ западной цивилизации от традиционного понимания семьи, брака, пола, укорененного в традиции воспитания детей, духовного роста личности с опорой на многовековой опыт основных мировых религий и грубое насильственное насаждение их антиподов»[1]. Предполагалось, что, если бы все народы, в первую очередь, временно отступившие от них, к ним вернулись, как возвращаемся мы, обстановка в мире стала бы намного более безопасной. При этом представление о содержании традиционных ценностей являлось достаточно размытым как в публичной, так и в официальной риторике. Нередко трудно было заключить, что именно является «традиционным» конкретно для России. Включаются ли в понятие этого традиционного, например, ценности домостроя, тысячелетней православной веры или отношения личной зависимости между господами и холопами? Или все же временная граница традиционного пролегает к нам гораздо ближе и включает себя ценности и отношения уже вполне секулярного, пронизанного ценностями эмансипации и эгалитаризма общества середины прошлого века, и вся традиционность в области, например, отношений между мужчинами и женщинами исчерпывается неприятием ЛГБТ[2] и интерпретацией брака исключительно как равноправного союза мужчины и женщины?

---

[1] *Орлова А.* Эксперты рассказали о лидерстве России в борьбе за традиционные ценности, 09.03.2023. URL: https://lenta.ru/news/2023/03/09/values/ (дата обращения: 18.08.2025).

[2] Экстремистская организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Как бы то ни было, эта несколько расплывчатая мечта, кажется, начала сбываться, и как раз сейчас Америка, как неоднократно утверждалось, возвращается к своим традиционным ценностям[3]. С определенной точки зрения, если так пойдет дальше, именно США, а не Россия, станут мировым лидером защиты традиционных ценностей. При этом «Трамп теперь уже официально перехватил у России пальму первенства борьбы за защиту верующих. Причем, в отличие от России, где взялись защищать традиционные ценности всех религий (которые не то, чтобы одинаковые), в США сконцентрируются на защите конкретно христиан»[4]. Отмечается также, что и вне зависимости от политики новой американской администрации в ряде аспектов Америка выглядит более приверженной традиционным ценностям, нежели Россия. В частности, в России в 2023 году 68 % браков заканчивались разводом, в то время как в США – 40 %[5]. По данным же 2024 года процент разводящихся в России возрос до 80[6]. Даже в разгар коронавирусной пандемии церковные службы посещали примерно 30 % американцев[7], тогда как лишь 14 % российских респондентов раз в месяц и чаще посещали церковные службы[8].

---

[3] Оговоримся, что, разумеется, от ценностей, даже если бы они совпали полностью, зависит не все, поскольку существуют и объективно обусловленные конфликты интересов. Поэтому, как отмечалось уже не раз, сближение России и США в области ценностей, если даже оно представляется серьезным, еще не делает наши страны друзьями и союзниками.

[4] Трамп забирает у России пальму первенства в борьбе за традиционные ценности. URL: https://vizitnlo.ru/tramp-zabiraet-u-rossii-palmu-pervenstva-v-borbe-za-tradiczionnye-czennosti/ (дата обращения: 18.08.2025).

[5] Развод по-русски и по-американски: у нас возникает чувство свободы, у них – сожаление, 21.08.2023. URL: https://newizv.ru/news/2023-08-21/razvod-po-russki-i-po-amerikanski-u-nas-voznikaet-chuvstvo-svobody-u-nih-sozhalenie-417095 (дата обращения: 18.08.2025).

[6] *Копылова А.* ВЦИОМ: Россия оказалась на третьем месте в мире по разводам, 18.12.2024. URL: https://snob.ru/news/vtsiom-rossiia-okazalas-na-tretem-meste-v-mire-po-razvodam/ (дата обращения: 18.08.2025).

[7] *Quick C.* America's Changing Spiritual Landscape, 08.02.2023. URL: https://influencemagazine.com/en/Theory/America-s-Changing-Spiritual-Landscape (дата обращения: 18.08.2025).

[8] *Подосенов С.* Россияне считают себя верующими, но в церковь

Однако все эти соображения имеют значение, если *основу* российской или американской национально-культурной идентичности составляют ценности, имеющие отношение скорее к досовременной эпохе, то есть, применительно к нам – православие, домострой и отношения личной зависимости между господами и холопами. Если же это не так или не совсем так, превосходство американцев по части религиозности или крепкости семейных уз может иметь только частичное отношение к делу, потому что наши действительно актуальные традиционные ценности принадлежат иной эпохе и лишь косвенно связаны с религией и крепкостью семьи.

Привлекательность традиционных ценностей в глазах наших современников исходит из представления о том, что они есть основа подлинной идентичности национально-культурной общности. Они являются источником всякой силы и величия, которые в истории народов проявляются в их наивысших достижениях, на пиках их свершений, их следа в истории.

Исходя из этой точки зрения, можно заключить, что Америка и Россия переживали пик своего могущества, когда в наибольшей степени соответствовали своей сущности, руководствовались своими «традиционными ценностями». Показательно, что в обоих случаях традиционное ассоциируется с пиком силы и влияния, с имперским, империалистическим периодом истории. В массовом сознании наш пик могущества ассоциируется с советским периодом нашей истории. В этом аспекте «традиционные ценности» оказываются сходными у России и Запада, особенно у трамповской Америки. В значительной мере это ценности «высокого модернизма»: рационализация и стандартизация; идеология, которая подразумевала не столько следование собственно научному методу, сколько некритическую и ненаучно оптимистическую веру «относительно возможностей всеохватного планирования человеческого расселения и производства» (Скотт 2005: 21). Таким образом, если Россия считалась некоторыми публицистами и учеными единственной наследницей западных традиционных ценностей, то фактически имелось в виду это общее

не ходят, 24.12.2013. URL: https://iz.ru/news/563084 (дата обращения: 18.08.2025).

наследие высокого модернизма. У нас оно выступало в виде социалистического и советского Модерна с его трудовой этикой, нормами коллективного общежития и частной жизни, семейными ценностями, моралью, нравственностью, отношением к своему долгу перед обществом и государством и т.д. Точно так же для современных жителей Запада в целом и Америки в частности *актуальная* традиция ассоциируется со временами взлета и господства Запада, с веком стали, пара и электричества, первого демографического перехода с осознавшими свою силу нациями и империями, правящими остальным человечеством, крепкими семьями, верностью отечеству, Богу и флагу, с не увядшей еще протестантской этикой – всем тем, что некогда сделало Запад великим. В обществах этого периода, восточных ли, западных ли, в области морали и нравственности еще остаются в силе некоторые ценности предшествующих времен. Но, разумеется, не в своем первозданном виде, а в таком, в котором они вписываются в реалии индустриализации и урбанизации (Фишман 2024b). Утрата этих ценностей воспринимается как утрата важнейшей части идентичности западных обществ. И именно это желают восстановить Трамп и его команда, провозглашая свой знаменитый лозунг MAGA[9].

Именно в узком, модернистском смысле традиционализм желающих сделать Америку снова великой похож на традиционализм жалеющих об утрате достижений советского строя. Они оба являются вариантами сожалений о минувшем пике силы обществ, оказавшихся на вершине индустриального модерна.

Словом, там, где мы видим пик силы и свершений, в, как сказал в своей знаменитой речи Перикл, «вечных памятниках содеянного нами добра и зла» (Фукидид 1999: 102), там, следовательно, и разворачивается в полной мере национально-культурная идентичность, проявляются наиболее выпуклым образом наши традиционные ценности. Поскольку пиком нашей силы является советский период, а его культурным и духовным проявлением – советский модерн, содержание традиционных ценностей в соответствующих государственных документах – тоже в основном советское и модерновое. Поэтому у нас «к тра-

[9] MAGA – лозунг предвыборной кампании Д. Трампа «Make America Great Again» (Сделаем Америку снова великой).

дициионным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»[10]. В этом перечне не содержится прямых отсылок к советскому периоду, что является следствием достаточно долгой политики попыток присвоения советских достижений в десоветизированной форме (Мартьянов 2020). Однако не трудно догадаться, что у российских граждан такие ценности как патриотизм (который есть феномен эпохи Модерна), коллективизм, служение Отечеству, гуманизм, справедливость, созидательный труд, взаимопомощь и единство народов России ассоциируются в первую очередь с советскими временами. Разумеется, и в советские времена они не появились на пустом месте. Но именно на эти ценности делали упор как массовая пропаганда, так и школьное воспитание, потому что с ними связывалась львиная доля достижений советского строя. Акцент на жизни, достоинстве, правах и свободах человека – наследие еще более поздних времен. По большей части оно является плодом рецепции установок западного либерального Модерна, хотя нельзя отрицать, что присутствовало оно и в советские времена. Что же касается высоких нравственных идеалов, крепкой семьи, приоритета духовного над материальным, преемственности поколений, исторической памяти, то содержание всех этих ценностей полностью зависит от контекста, создаваемого ценностями более общего порядка. Несложно заметить, что последние имеют гораздо большее отношение к реалиям скорее середины и второй половины XX века, чем к реалиям, например, века XV или даже XIX. Среди этих ценностей даже не упомянута прямо православная христианская вера, хотя, казалось бы, именно религия обычно

[10] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 18.08.2025).

рассматривается как одна из важнейших составляющих любых «традиционных ценностей».

Пик американской силы – середина XX века и отчасти его вторая половина. Америка и тогда, и в первой половине XX века выступала для советской России, как, впрочем, и для почти всего мира, примером для подражания в области науки, техники, организации, массовой культуры. Именно достижения того периода заложили на долгие годы основания для американского глобального лидерства. Чтобы добиться успеха на ниве науки, техники, промышленности, надо обладать вполне определенным набором качеств, пусть и проявляющихся по-разному, в зависимости от разных задач. Чтобы ставить великие цели и достигать их, необходима значительная доля идеализма, то есть «приоритета духовного над материальным», проявляется ли он в религиозной или секулярно-идеологической форме. Поэтому у нас и американцев схожа именно *модерновая* основа наших традиционных ценностей. С нею же, хотя и опосредованным образом, связано и определенное сходство в области отношения к труду, к семье, в консервативных симпатиях и антипатиях американских реднеков и жителей российской провинции в области сексуальности.

При ощутимом сходстве модерновой составляющей отечественных и американских традиционных ценностей идеологическая «нагрузка» к ним существенно разная. Иными словами, у нас отчасти сходные гуманистические и универсальные ценности идут в комплекте с весьма несходными и не вызывающими однозначно позитивных ассоциаций.

У них – обещающий всем равенство и счастье либерализм идет в комплекте с расизмом, «христианским национализмом», империализмом белого человека. Американизм, как замечает М. Янг, был заложен WASP[11], которые принесли идеал равенства, свободы и демократии, заселили Америку с видением страны, где жизнь, свобода и стремление к счастью могли бы осуществляться без ограничений. WASP были первыми, кто сформулировал американскую мечту, которая заключалась в послании о том, что люди могут быть уравнены через об-

[11] White Anglo-Saxon Protestant – белые англосаксонские протестанты; далее в тексте – WASP.

щую человечность, сглаживающую иерархии и разрушающую барьеры. Но при этом индейцы, африканские рабы, азиатские железнодорожные рабочие, латиноамериканцы, мусульмане и многие другие группы оказались в невыгодном положении и маргинализировались. Всем им пришлось научиться адаптироваться и соответствовать «стандартизированному», «возведенному» и «высеченному в камне» американизму WASP. В противном случае группы и отдельные лица, отличавшиеся от WASP цветом кожи, религией и языком, воспринимались как менее американские или просто как не поддающиеся ассимиляции чужаки, если не как угроза господству WASP. Словом, WASP действовали всеми возможными способами, чтобы исказить свой же собственный изначальный идеал, когда речь заходила о более поздних иммигрантах. Поэтому, заключает М. Янг, свобода и демократия для WASP вкупе с дискриминацией и исключением для всех остальных создали двойной стандарт, спроектировали вертикальную Америку и состряпали горизонтальную как культурную двойственность (Yang 2018: 6-8).

Собственно, поэтому для Америки возврат к традиционным ценностям во всей их подлинности означает возврат к тому идеальному состоянию, когда в стране нет никого или почти никого, кроме WASP, или же все прочие не претендуют на то, чтобы поставить под угрозу положение WASP. Потому что, в конце концов, эту страну создали WASP и для WASP, а все остальные, вне зависимости от того, когда и каким образом они там оказались – гости, которые должны вести себя соответственно. Из этого представления вытекают пожелания вроде трамповского «вернуться в 1798 год» по причине того, что США – «это как мусорный бак для мира»[12]. По меркам сегодняшнего дня отношение к цветным и иммигрантам образца 1798 года (и даже веком позже) выглядит явным перегибом. Однако в самом по себе в нем нет ничего особенно «традиционного» в обыденном понимании. Оно выражает естественное стремление людей, основавших модерновый социальный

[12] *O'Brien T.L.* The Peculiarly American Roots of Trumpism, 01.11.2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/features/2024-11-01/trumpism-has-deep-roots-in-american-history-and-it-will-outlast-trump (дата обращения: 18.08.2025).

порядок, охранять его от угроз со стороны тех, кто принадлежит иной культуре, пусть даже и вступая при этом в некоторое противоречие со своими исходными установками. Для либеральных и демократических порядков вполне естественно делать исключение для некоторых сортов граждан или резидентов, ограничивая их в правах.

Другой немаловажной компонентой американских традиционных ценностей является так называемый «христианский национализм». Это проявление специфической американской религиозности, с которой нередко ассоциируются представления о превосходстве белой расы, патриархат, ксенофобия, гетеронормативность, авторитаризм, милитаризм, либертарианство малого правительства, антиглобалистский популизм, социальный консерватизм, исламофобия, протофашизм, ориентация на культурное доминирование. С точки зрения его обличителей, христианский национализм не только коррелирует с этими установками, но и формирует, подкрепляет их, а также прямо включает предположения о нативизме, превосходстве белой расы, патриархате и гетеронормативности (Smith, Adler, Jr. 2022). Как бы ни был предвзят такой взгляд, он касается реально существующей особенности американского «христианского национализма», а именно – его сосредоточенности на некоторых политических, идеологических и культурных составляющих традиционной американской идентичности в ущерб собственно религиозным[13]. Эти составляющие не имеют прямого отношения к какой-то конкретной конфессии. Показательно, что и установить конфессиональную принадлежность нынешнего президента США непросто. Хотя Трамп считал себя христианином-пресвитерианцем, перед выборами президента США в 2020 году он объявил, что примыкает к более широкой идентичности, становясь христианином вне деноминаций. С точки зрения своей старшей сестры Мэриэн, он «не обладает никакими принципами». В то же время есть основания предполагать, что принципы у него есть, но они основаны на постулатах

[13] Возможно, здесь можно провести параллель с характером приверженности многих российских граждан православию, которое практикуется ими в первую очередь как важный признак российской культурной идентичности, но не обязательно подразумевает веру в Бога и регулярное посещение церкви.

книги «Сила позитивного мышления» Нормана Пила, согласно которой «имея больше, больше и имеешь»[14]. Словом, ситуацию с религиозностью Трампа можно расценивать как одно из косвенных свидетельств того, что для его сторонников важнее ассоциируемые с «христианским национализмом» политическо-идеологические взгляды и установки, чем собственно вопросы вероисповедания. Причем установки эти в большинстве случаев не выглядят идущими из глубины веков, а отражают вполне современные реалии американского общества.

У нас сходным образом обещавший всем счастье социализм идет в комплекте с разного рода издержками и перегибами в его воплощении. Среди них ключевое место занимают: жертвы и репрессии времен гражданской войны, коллективизации и индустриализации, Большого террора; перекосы в социально-экономическом и культурном развитии, обусловленные быстрой урбанизацией и «раскрестьяниванием»; установление жесткого идеологического контроля над областями политики, науки, искусства; попытки контролировать и личную жизнь граждан и т.д. В силу того, что все эти обстоятельства широко известны и неоднократно описаны в научной и художественной литературе и публицистике, мы не считаем необходимым на них подробно останавливаться. Показательно, что поэтому в свое время и американцы, и мы от этих проявлений традиционных ценностей отказались – с большей или меньшей степенью катастрофичности. В России отказ произошел в форме постепенной дискредитации в глазах населения советского строя и его моральной и идеологической составляющей, что закончилось распадом СССР. В Америке отказ выразился в форме эрозии основанных на расовой сегрегации порядков, размывания нередко ханжеской религиозной и сексуальной морали, торжества политики идентичности, «прикладного постмодернизма» и т.д. – то есть всего того, что в глазах правоконсервативных критиков вроде П. Бьюкенена (Бьюкенен 2003) выглядело следствием заговора марксистов и ползучей революцией.

---

[14] *Бекмуратова Г.* Дональд Трамп и его вера: каких взглядов придерживается избранный президент США, 08.11.2024. URL: https://iapn.kz/articles/obshchestvo/donald_tramp_i_ego_vera_kakikh_vzglyadov_priderzhivaetsya_izbrannyy_prezident_ssha/ (дата обращения: 18.08.2025).

То, что теперь мы и американцы снова обращаемся к своим традиционным ценностям, не означает, что мы в действительности хотим возврата к прежнему в полной мере. Несмотря на все обличения недоброжелателей о возврате к «совку» или чуть ли не ко временам расовой сегрегации, эти подозрения имеют под собой шаткие основания. Надо учитывать, что такого рода откаты являются в обоих случаях реакциями на перегибы в другую сторону. Они призваны решать проблемы сегодняшнего дня с более или менее четким пониманием, что войти в одну реку дважды невозможно. Например, в США широко декларируемый отказ от «левой» повестки – в действительности «вопрос не защиты традиционных ценностей, а вдумчивого и расчетливого отказа предпринимателя от траты денег на непродуктивные направления»[15]. Сходная по форме с той, что была век назад, американская реалистическая риторика во внешней политике сегодня объективно нацелена на решение задач, возникающих, когда американская империя идет к закату. Что подразумевает необходимость «отзывать легионы», географически сжимая имперское пространство до наиболее важных областей, территорий и стратегических точек[16]. Словом, политика трампистов по определению не может привести к возвращению ни золотого, ни позолоченного века Америки. Аналогичным образом и все символические и практические аспекты российской внешней и внутренней политики последних десятилетий вовсе не привели к восстановлению советского строя, равно как самого СССР.

Подытоживая, можно заключить, что и у нас, и у американцев обращение к традиционным ценностям может осуществляться лишь в виде ретропрактик – как достаточно произвольное и избирательное использование элементов наследия прошлого для решения задач сегодняшнего дня (см. подр.: Фишман 2024а). *Такого рода апелляция к ценностям и практикам прошлого сама по себе не может быть основой для кон-*

---

[15] *Белькович Р.* Илон Маск и его единомышленники: восстание против политики, 07.01.2025. URL: https://globalaffairs.ru/articles/protiv-politiki-belkovich/ (дата обращения: 18.08.2025).

[16] *Новиков Д.* Империя и революция. О некоторых аспектах стратегического мышления администрации Трампа, 03.03.2025. URL: https://globalaffairs.ru/articles/imperiya-i-revolyucziya-novikov/ (дата обращения: 18.08.2025).

кретной политической или экономической программы действий. Ретропрактики не определяют магистрального направления истории – они лишь до некоторой степени компенсируют и делают морально и психологически приемлемыми издержки движения по тому пути социальных трансформаций, на который давно уже встали современные общества. Время от времени издержки «высокого модернизма», перегибы в области политики эмансипации или издержки социального утопизма в плохом смысле этого слова побуждают общества Модерна обращаться к наследию прошлого. Его элементы в виде отношений, символов, идеологий, привнесенные в современность в укрощенном и ограниченном масштабе, призваны умерить издержки слишком далеко зашедшего «прогресса». В то же время само общее направление движения не подвергается сомнению: Россия и Америка, при всех отличиях, являются обществами, в которых основные завоевания эпохи Модерна остаются незыблемыми, и своего усиления они будут искать в первую очередь именно на этом пути – пути науки, техники, развития и максимально эффективного использования человеческого потенциала и т.д. Просто в данный конкретный исторический период трамповская Америка встала на путь ретропрактической коррекции позже и будет переживать характерные для этого типичного состояния Модерна пертурбации в иных формах, нежели путинская Россия.

При этом следует проявлять осторожность при оценке этого характерного для состояния Модерна способа самокоррекции путем избирательного обращения к прошлому. Нельзя безоговорочно верить тому, что декларируется на риторическом и символическом уровне. «Патриотическая», «фашистская», «расистская», «социалистическая» или даже «православно-христианская» саморепрезентация часто скрывает под собой содержание, далекое от провозглашаемого. Еще меньше оснований доверять подобного рода характеристикам, когда они используются с целью заклеймить оппонента. Квалификация последнего как расиста, фашиста, тоталитариста может быть далекой от реальности в силу того, что с точки зрения определенного рода леваков и либералов всякий, не приветствующий гендерного разнообразия или неконтролируемой миграции – уже сексист и фашист. В то же время, использование

символики, принадлежавшей правым или левым радикалам, некогда проигравшим в гражданской или мировой войне или в политической борьбе, может означать не более чем реакцию на лицемерие сегодняшних господ дискурса, которые столь же неправомерно ассоциируют себя со вчерашними и позавчерашними победителями. Возмущение разного рода «гордых парней» засильем иммигрантов не обязательно означает их приверженность расизму образца позапрошлого столетия. Скорее, это означает пожелание перенастройки системы социального перераспределения с целью сделать ее бенефициарами «своих», а не «чужих». Сходным образом возврат к традиционным ценностям не исключает сохранения толерантности к геям[17].

Словом, какую бы по внешности правую, реакционную или левацкую риторику сегодня мы не встречали, следует исходить из того, какие задачи решают прибегающие к ней политические силы. Задача эта в обоих случаях заключается в том, чтобы сделать свои державы «снова великими» – но не абстрактно великими, а великими *как общества эпохи Модерна*. Потому что именно к этой эпохе относятся и их, и наши *основополагающие* ценности, которые воспринимаются как основа национально-культурной идентичности и источник силы. И поэтому не случайно российское политическое руководство на протяжении последних лет более всего озабочено проблемами инновационно-модернизационного плана, а американское – переформатированием глобального доминирования Америки в технологическое. Соответственно, гипотетический «мировой порядок великих держав», который идет на смену либеральному глобализму, станет в первую очередь соревнованием различных вариантов Модерна. В этом соперничестве стороны охотно, хотя и далеко не обязательно[18], прибегают к риторике «традиционных ценностей». Вне зависимости от того, насколько апелляции к традиционным ценностям сами по себе помогают достигнуть величия, содержание последних фактически определяется по

---

[17] Выдвинувший гея министром Трамп не защитит традиционные ценности. Мнение, 21.01.2025. URL: https://rossaprimavera.ru/news/d3a43002 (дата обращения: 18.08.2025).

[18] Например, в кампании 2016 года Трамп ориентировался «на интересы работающих американцев, однако без акцента на традиционные ценности» (Сокольщик 2018: 507)

принципу: что из наследия прошлого дает силу, то и есть традиция, тогда как все остальное в лучшем случае служит карнавальной маской, а в худшем – просто теряет значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бьюкенен П. 2003. Смерть Запада. Москва : АСТ. 445 с.

Мартьянов В.С. 2020. Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти // Дискурс-Пи. Т. 17, № 4. С. 54–67. DOI 10.24411/1817-9568-2020-10404

Скотт Дж. 2005. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. Москва : Университет. кн. 568 с.

Сокольщик Л.М. 2018. Американские консерваторы и дебаты по вопросу традиционных ценностей: президентские выборы 2012 и 2016 гг. // Вестник удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. Т. 2, № 4. С. 502–509.

Фишман Л.Г. 2024a. Модерн и традиция – ложное противостояние? // Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права : сб. науч. трудов по итогам Первой Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию С.С. Алексеева (Екатеринбург, 14 нояб. 2024 г.) / гл. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : ИФиП УрО РАН. С. 53–64.

Фишман Л.Г. 2024b. Хвост Модерна // Россия в глобальной политике. Т. 22, № 4. С. 172–181. DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-4-172-181

Фукидид. 1999. История. Санкт-Петербург : Наука : Ювента. 588 с.

Smith J., Adler G.J., Jr. 2022. What Isn't Christian Nationalism? A Call for Conceptual and Empirical Splitting // Socius Sociological Research for a Dynamic World. Vol. 8. P. 1–14. DOI 10.1177/23780231221124492

Yang M. 2018. Trumpism: a disfigured Americanism // Palgrave Communications. Vol. 4, № 1. 13 p. DOI 10.1057/s41599-018-0170-0.

Leonid G. Fishman
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru

Is Tradition What Confers Power? Russian and American Traditional Values in the Context of the Transformation of the Global Order

Abstract: The article compares Russian and American political lines associated with a return to traditional values. In both countries, those

values turn out to be interpreted as traditional that are associated with the apogees of the respective countries' greatest strength, influence, and grandeur. For Russia (USSR) and the USA, this coincides with the period associated with the bipolar world order following World War II. In both cases, we are talking about somewhat similar humanistic values associated with modern societies that are oriented towards the consolidation of the majority of citizens across all social dimensions (ethnic, religious, cultural) as a basic democratic norm. In recent decades, these norms have been eroded by a multitude of exceptions, privileges, positive discrimination, etc., which ended up creating more axiological splits and conflicts. In both cases, the invocation of former grandeur is associated with attempts to return to the modern values of the 20th century at the foundation of American and Russian national-cultural identity. The conservative re-actualisation of high modernism is rhetorically presented as a return to traditional values. It is carried out in the form of retro-practices involving an opportunistic use of various elements associated with past heritage as a means of regulating current social problems.

Keywords: America; Russia; traditional values; Modernity; Trumpism

УДК 316.422:004(476)+101.1:316(476)

Анатолий Аркадьевич Лазаревич
Институт философии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь
E-mail: a.a.lazarevich@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3365-2019

Формирование новой социальности в цифровую эпоху: опыт Беларуси, глобальные цивилизационные тренды и вызовы

Аннотация. В статье отражены процессы модернизации Беларуси в контексте общецивилизационных тенденций становления информационного общества и цифровой трансформации. Показаны особенности белорусского пути развития в постсоветский период, позволившие сформировать в стране прочный фундамент инновационных изменений в экономике и социальной сфере. Раскрыты основные этапы становления в Беларуси информационного общества и предпосылки перехода к информационно-цифровым платформам научно-технологического, социально-экономического и культурного развития. В связи с активным влиянием высоких технологий на общество показаны тенденции формирования новой модели социума. В этом контексте осуществлен социально-философский анализ феномена «новой социальности» как результата глубинной трансформации общественных структур и субъектности под воздействием цифровых технологий и искусственного интеллекта. Новая социальность рассмотрена с учетом изменений, происходящих на государственно-управленческом, общественно-экономическом, социально-культурном и субъект-антропологическом уровнях. Рассматривается диалектика глобальных цивилизационных трендов и специфики институциональной адаптации на примере Республики Беларусь. Отдельно выделена актуальная для современности проблема создания систем искусственного интеллекта и их использования в различных сферах общества. Показана необходимость выработки этико-культурных и социально-правовых механизмов управления процессом развития искусственного интеллекта. Охарактеризованы сопутствующие вызовы и риски для человека и общества, возникающие в связи с прогрессом в области высоких технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта. Значительное внимание уделено философской рефлексии антропологических рисков делегирования когнитивных и экзистенциальных функций

искусственному интеллекту, проблемам сохранения человеческой автономии и конструированию этико-правовых оснований для гармонизации социотехнического развития.

Ключевые слова: Республика Беларусь; белорусская модель развития; информационное общество; цифровая трансформация; новая социальность; искусственный интеллект

Конец XX – начало XXI в. характеризуются рядом ключевых событий общественно-политического, социально-культурного и научно-технологического характера. Важнейшими среди них следует назвать распад СССР и разрушение, в связи с этим, сложившихся ранее основ миропорядка, трансформацию идеологии и практики глобализма, а также норм национально-культурной идентичности, бурное развитие науки, технологий и цифровой инфраструктуры общества.

Республика Беларусь в своей новейшей истории столкнулась со всеми этими изменениями, пройдя ряд ключевых этапов. Формирование института президентства в Беларуси стало одной из центральных задач политической трансформации. Проведенный в 1996 г. референдум, по сути, переформатировал государственную систему, передав ведущую роль президентской власти. Этот шаг вызвал широкий спектр оценок, от острого критицизма до констатации необходимости институциональной централизации в условиях исторической неопределенности. Дискуссии, развернувшиеся вокруг соотношения парламентарной и президентской форм правления, в большей степени касались не теории демократии как таковой, а вопроса применимости ее принципов к реальной практике постсоветских государств, еще не прошедших полноценной правовой и политической эволюции (Гусаков 2025). В белорусских условиях такой выбор, очевидно, оказался следствием не столько абстрактных моделей, сколько конкретных историко-культурных обстоятельств и стремления к сохранению целостности общества.

Консолидация власти позволила сосредоточить усилия на решении фундаментальных задач: политической стабильности, управляемости социальными процессами, экономического восстановления и укрепления культурной самобытности. Президентская система в Беларуси, развиваясь по пути «восточноевропейского смешанного типа» (Паречина 2003),

постепенно обрела четкие контуры самостоятельной ветви власти, создающей символическое и практическое единство между государственными структурами. Это стало базой для формирования устойчивой политической вертикали, способной взять на себя ответственность за преобразование общества в условиях переходной эпохи.

Социально-экономическая политика Беларуси того времени обрела отчетливый вектор: движение к эволюционному обновлению без резких рывков и разрушений, с опорой на преемственность советского хозяйственного механизма, при этом с учетом культурных традиций и ментальных особенностей белорусского народа. Стратегия развития, определяемая руководством страны, не стремилась к заимствованию чуждых шаблонов и не поддавалась соблазну эклектики, что объясняется глубокой интуитивной верой в необходимость органического преобразования, исходящего изнутри, а не навязываемого извне. Идея сильного государства, которая стала краеугольным камнем этой модели, основывалась на убеждении, что только централизованная власть может гарантировать социальную справедливость, правовой порядок, устойчивый экономический рост и защиту от хаоса, в который легко скатываются неукрепленные демократии в условиях кризиса идентичности.

В этой системе хозяйствование рассматривалось как поле для справедливой конкуренции, где частная инициатива получает поддержку наравне с государственными структурами, но при этом строго ограничивается рамками общественного интереса и национальной безопасности. Экономическая деятельность переставала быть лишь инструментом прибыли и становилась способом реализации общего блага через инвестиции в инфраструктуру, модернизацию производства и рост занятости. Внешнеэкономические связи рассматривались сквозь призму многовекторности – как способ уравновесить внутренние потребности и международные риски, открыть страну для новых идей и технологий, не теряя при этом независимости и контроля над стратегическими сферами жизнедеятельности общества и государства.

Одновременно Беларусь делала ставку на углубление интеграционных процессов с разными странами и регионами, придавая особое значение не только экономике, но и культуре,

науке, здравоохранению, образованию. Подобная интеграция понималась не как растворение в чужом, а как расширение сфер взаимного обогащения. Центральным элементом этой модели становится социальная политика как глубинная философия государства – забота о человеке, его здоровье, образовании, культурной наполненности, возможности реализовывать себя независимо от экономического статуса.

Приведенные выше характеристики сложившейся на данном этапе *белорусской модели национально-государственного и социально-экономического развития* свидетельствуют о достаточно стабильном положении страны, создающем предпосылки для дальнейшего устойчивого роста, модернизации экономики на базе ускоренного научно-технического и инновационного развития. Главным социально-экономическим приоритетом неизменно является дальнейшее повышение уровня и качества жизни населения на основе технологического переоснащения и совершенствования структуры экономики, роста ее конкурентоспособности, качественного совершенствования систем здравоохранения, образования, науки, культуры.

Важной задачей и в государственно-политическом, и в социально-культурном отношении является дальнейшая планомерная модернизации всех сфер жизни белорусского общества с учетом достижений и тенденций общецивилизационного развития. Приоритетными в данной связи выступают разработки в сфере информационно-коммуникационных и цифровых технологий, создания систем искусственного интеллекта, что коренным образом влияет на материально-техническую инфраструктуру всех отраслей экономики, формирует новую модель общества и его потенциальные возможности. В Республике Беларусь данный приоритет на уровне программных документов закреплен в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития страны на период до 2030 года, одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь 10 февраля 2015 г.[1]

---

[1] Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

Среди других стратегических правительственных решений, регламентирующих процесс становления в Республике Беларусь информационного общества, следует назвать Стратегию развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг., которая определила принципы государственной политики страны в сфере информатизации и выделила основные направления развития информационного общества с учетом совокупности факторов, влияющих на его прогресс[2].

Важное значение также имела принятая в свое время Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг.[3] Реализация данной программы способствовала достижению одного из приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь – эффективным инвестициям и ускоренному развитию инновационных секторов экономики. В результате были созданы условия, содействующие эффективной трансформации большинства сфер деятельности под воздействием ИКТ, включая формирование цифровой базы экономики, развитие информационной инфраструктуры и совершенствование задач и технологических возможностей электронного правительства.

Ключевым моментом в этом направлении явилось принятие Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики». Данным документом были переопределены правовые основы деятельности Парка высоких технологий, в том числе установлены порядок работы и объем компетенций его Наблюдательного совета и Администрации, алгоритм регистрации резидентов, требования, предъявляемые к их деятельности. Основным достижением стало установление беспрецедентных

---

[2] Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы: утверждена на заседании Президиума Совета Министров от 03.11.2015 № 26. URL: http://nmo.basnet.by/informatization/Стратегия%20развития%20инф-ии%20на%202016-2022%20гг.PDF (дата обращения: 03.02.2025).

[3] Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы: утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 23.03.2016 № 235. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21600235 (дата обращения: 03.02.2025).

мер государственной поддержки ПВТ, а также отечественной ИТ-отрасли в целом[4].

На сегодняшний день Республика Беларусь, как и ряд других стран мира, использующих информационные технологии в национальных интересах, следует в фарватере решения стратегических задач по вхождению в глобальное информационное общество. Эти задачи предполагают ответы по меньшей мере на три основополагающих вопроса:

1) цель создания информационного общества;

2) определение средств и путей достижения этой цели, направленных на расширение сферы применения информационных технологий, упрощение доступа к информации, создание политических, экономических, культурных и правовых условий, способствующих развитию национального информационно-технологического пространства;

3) распределение политических, экономических, финансовых и организационных ролей и ответственности между ключевыми субъектами информационного пространства – государством, институциональными структурами общества, бизнесом и др.

Стратегия развития информационного общества в Беларуси основывается на исторически сложившейся системе образования, которая в значительной степени ориентирована на подготовку кадров по естественнонаучным и техническим специальностям в целях обслуживания наукоемких производств, в том числе в области информационно-коммуникационных технологий. С учетом приоритетов цифровой эпохи необходимо оперативно реагировать на требования развивающегося информационного общества и запросы научно-производственной отрасли ИКТ (информационно-компьютерных технологий). Важной задачей в этом направлении видится создание эффективной национальной информационной среды системы образования, с помощью которой можно осуществлять взаимодействие всех субъектов сферы образования, и формирование национальной системы электронных образовательных ресурсов.

---

[4] О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008 (дата обращения: 03.02.2025).

Приоритетными направлениями развития информационной индустрии и научных исследований в сфере ИКТ также являются: создание на базе ведущих белорусских университетов и НАН Беларуси производства перспективного программного обеспечения, разработка и внедрение суперкомпьютерных технологий и технологий распределенных вычислений, формирование экспортно-ориентированной отрасли услуг по автоматизированному проектированию сложных изделий, технологических процессов, разработке проектно-конструкторской и технологической документации.

В общецивилизационном плане развитие высоких технологий и реализация цифровой повестки в конечном итоге приводят к формированию новой модели социального развития – *новой социальности*. Как для Беларуси, так и для других стран мира эта новая модель социальности обусловливает несомненный прогресс всех сфер жизнедеятельности общества, привнося, тем не менее, в этот процесс определенные риски и вызовы, которые необходимо выявлять и своевременно купировать.

Отличительные признаки становления новой социальности прослеживаются на нескольких уровнях. На *уровне государственного управления* становится все более очевидным, что классические формы администрирования претерпевают существенное изменение. Государство стремится к большей гибкости, к гуманизации своих функций, к перенастройке на сервисную модель взаимодействия с гражданином. Здесь происходит переосмысление роли власти и гражданского общества, где само гражданское общество перестает быть рационально-упорядоченным институтом эпохи Просвещения и все больше приобретает форму сетевых, спонтанных, а подчас и конфликтных форм самоорганизации. Это требует философско-правового осмысления, критической экспертизы и интеллектуальной поддержки, без которых новая модель социальности рискует оказаться зависимой либо от бездушной технократии, либо от информационного хаоса.

В *экономическом плане* новая социальность проявляется не просто как инструмент повышения эффективности, а как средство гуманизации самой экономической логики развития. Искусственный интеллект, автоматизация и платформенные решения выводят экономику на новый уровень планирования,

но парадоксально возвращают ее к человеку как центральному элементу новой социальности. Одним из фундаментальных понятий здесь становится понятие услуги (социального сервиса) — не как чего-то вспомогательного и эфемерного, а как универсальной формы производственной и социальной деятельности. Ошибочно воспринимать данную форму деятельности как нетрудовое, виртуальное занятие: напротив, в услуге выражается суть человеческой направленности всей экономической системы. Это деятельность адресная, ориентированная не просто на потребителя, но на личность. Все, что создается, должно соотноситься с вопросом: кому это нужно и зачем. Даже материальные продукты, помещенные в контекст их социальной значимости, могут быть поняты как услуги, если рассматривать их в качестве результата направленного взаимодействия между производителем и обществом. Экономика в этих условиях становится не просто системой обмена, а полем социально значимых смыслов, где технологии должны служить человеку, а не подменять его.

В *культурно-цивилизационном* отношении формирующаяся «новая социальность» отличается тем, что цивилизация все активнее «подчиняет» себе культуру, которая в предыдущих типах общественного развития мыслилась как фундамент и главный «арбитр» цивилизационной динамики. Для культуры, как подчеркивал Н. Бердяев, характерна *национальная*, «почвенная», а для цивилизации – *интернациональная* природа (Бердяев 1990). Этот разрыв сегодня заметно обостряется. Культурные ценности, прежде формировавшиеся в рамках конкретных наций и государств, теперь мгновенно транслируются, тиражируются и зачастую теряют привязку к месту и времени своего происхождения. Возникает проблема сохранения национально-культурной идентичности, причем не на уровне риторики, а как инструментально-философская задача: как сохранить подлинность, не замкнувшись в архаике, как открыться миру, не потеряв собственную уникальность.

Акцентуация национального в культуре при игнорировании общецивилизационного вектора обрекает культуру на застой, делает ее статичной, самодовлеющей, неспособной к диалогу. Однако доминирование цивилизационного компонента столь же опасно, так как разрушает уникальность, растворяет

особенное в универсальности, подменяет глубину динамикой. Поэтому задача современного культуротворческого процесса – не сопротивляться изменениям, но стать их активным фактором, формируя внутреннюю устойчивость и осознанную открытость одновременно.

Наконец, следует обратить внимание на *философско-антропологический* срез проблем новой социальности, ибо именно человек оказывается в ее эпицентре, а его внутренняя структура, образ мира и способ бытия претерпевают наибольшие изменения. Современная реальность предъявляет к человеку такие темпы и такие уровни интенсивности, которые еще недавно казались просто невозможными. Информационные потоки возрастают лавинообразно, события сменяют друг друга с огромной скоростью, а сам человек все чаще выступает не субъектом, а носителем и ретранслятором этих потоков, не имея времени ни на рефлексию, ни на осмысление. В этом кроется источник не просто социальной усталости, но глубокой антропологической деформации – разрыва между сущностной природой человека и функциональными ожиданиями от него в условиях цифровой эпохи.

Мироощущение современного человека стремительно ускользает от классических онтологических оснований. Жизнь все чаще переживается как фрагментарная, точечная, лишенная цельной смысловой перспективы. Показательно, что вместе с технологическим прогрессом возрастает распространенность различных форм девиации: от интернет- и игровой зависимости до нео-поведенческих синдромов, формирующихся на стыке виртуальных и реальных форм бытия. Человек оказывается не только погружен в цифровую среду – он начинает в ней «растворяться». Становится очевидным, что когнитивные и психоэмоциональные ресурсы личности не поспевают за скоростью технологических изменений. При этом особенно тревожным симптомом является отсутствие у значительной части индивидов способности к самостоятельному смыслообразованию: в эпоху избыточной информации люди все чаще прибегают к готовым шаблонам, тиражируемым в медиасреде, не вникая в их происхождение, структуру и ценностную подоплеку. Именно отсюда проистекает феномен клипового сознания – сознания поверхностного, ускользающего, реактивного,

не способного к устойчивому вниманию, критике и творческому переосмыслению.

Этот антропологический сдвиг, несущий в себе угрозу не только интеллектуальному, но и экзистенциальному здоровью человека, закономерно ведет к мировоззренческому хаосу, к растерянности в определении базовых координат жизни. Размываются границы между подлинным и искусственным, между пережитым и симулированным, между телесным и цифровым, и в этом хаосе человеку все сложнее сохранять ощущение внутреннего ядра – того самого центра, вокруг которого строится его идентичность. Для того чтобы обрести возможность отвечать на эти вызовы, требуются не только определенные образовательно-профессиональные компетенции, но и глубокое философское переосмысление – возвращение к фундаментальным вопросам: кто такой человек в эпоху новой социальности, каково его предназначение, где границы его свободы и возрастающей зависимости от стремительно развивающегося техномира.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что современный цивилизационный прогресс и связанная с ним новая темпоральность социальной практики во многом опережают возможности теоретического предвидения данных процессов, то есть возможности социальной теории. Социальная теория чаще всего является запаздывающим результатом обобщения стремительно развивающейся практики. В отмеченном контексте следует подчеркнуть то, что новое состояние, в которое вступает человечество, требует новых интеллектуальных технологий и нового типа знаний, которые обеспечивают эффективный отбор как необходимой информации, так и соответствующих поведенческих ориентаций и компетенций. Можно выразиться даже более строго: складывающиеся новая социокультурная и техническая реальность требуют нового типа субъекта, который бы органично соответствовал этой реальности. Все попытки улучшения когнитивных функций человека и возможной «чипизации» людей, развитие интеллектуальной робототехники, нейроинтерфейсов и т.п. направлены именно на это. С традиционной гуманистической точки зрения такая перспектива научно-технического прогресса выглядит, мягко говоря, недостойной homo sapiens, называемого венцом природы.

Тем не менее, технологии искусственного интеллекта, как часть новой социотехнологической реальности, прочно входят в повседневную жизнь на самых разных уровнях – от бытового, медицинского и научно-образовательного до военно-промышленного и космического. Они активно развиваются во всех странах мира. К примеру, в Беларуси достижения в этой сфере были представлены на II Форуме IT-Академграда «Искусственный интеллект в Беларуси» в 2023 г. Значительный интерес вызывают белорусские академические разработки ИИ в космической сфере, в здравоохранении, в логистике, в развитии общественного транспорта, в области компьютерного зрения, спортивной аналитики и т.д. На форуме также была представлена белорусская платформа искусственного интеллекта BELAI.BY. Большое внимание как в Беларуси, так и во всем мире уделяется правовым и этическим аспектам внедрения ИИ в социальную практику. Существенной проблемой в этой связи является значительное отставание нормативно-правовой базы функционирования искусственного интеллекта от развития самой технологии.

Не столь радужными выглядят и перспективы самого человека в контексте стремительного прогресса в области искусственного интеллекта. По мере того, как мы «делегируем» технике сначала физические, а затем и интеллектуальные функции, меняется сама архитектура повседневного мышления: часть навыков утрачивается, часть – перераспределяется в сторону иных когнитивных стратегий. Возникает риск своеобразной «когнитивной монокультуры», когда наружный сервисный контур начинает подменять внутренние механизмы ориентирования, памяти, рассуждения. Человек при этом рискует превратиться не просто в придаток технологии, но и в индивида, чья творческая практика постепенно выхолащивается, поскольку ключевые операции – от навигации и планирования до анализа информации и принятия решений – способны выполняться (и уже выполняются) инструментами искусственного интеллекта.

Теоретический горизонт этого процесса легко радикализировать: если интеллектуально-технологические системы уже умеют управлять транспортом, оптимизировать платежи, вести диалог, настраивать принятие решений в судопроизводстве

и управлении, рефлексировать над собственным опытом и автоматически его улучшать, то новый социотехномир оказывается функционально самодостаточным и может, казалось бы, обходиться без прямого участия человека. Но в этом тезисе скрыт методологический изъян: проблема не только в мощности алгоритмов, но и в том, как мы проектируем совместное бытие человека и машины. Отказ от человеческих возможностей в инфраструктуре решений чреват не прогрессом, а выхолащиванием субъектности. Именно поэтому задача сегодня – не тотальная автоматизация, а взвешенная архитектура сосуществования, где диапазоны человеческой компетенции сознательно сохраняются и институционально защищаются.

Не совсем понятны пока и перспективы использования технологий искусственного интеллекта в широком плане социокультурной и общественно-политической модернизации общества, например, в выработке и выборе приоритетов государственной политики и управления, развития институтов и систем демократии и т.п. Ключевым элементом любой демократической системы является возможность свободного волеизъявления людей, а также желание и способность политической системы аккумулировать мнения и настроения большинства субъектов этой системы с целью принятия тех или иных решений. Традиционно человек всегда полагался на свой жизненный опыт и свои знания при осуществлении того или иного выбора. При широком использовании технологий искусственного интеллекта появляется не только соблазн, но и своего рода необходимость опереться на «его мнение». В таком случае открываются новые возможности для манипуляции как индивидуальным, так и общественным сознанием, что, несомненно, содержит большие угрозы для перспектив демократии и социальной стабильности. Другими словами, демократия попадает в тесную зависимость от незначительного меньшинства разработчиков систем искусственного интеллекта и возможных сторонних лиц. К примеру, в рейтинге Топ глобальных рисков (по итогам опроса участников Всемирного экономического форума-2024 в Давосе) «опасность нарушения работы ИИ и предоставление им неправильной информации» находится на втором месте после, фактически,

неподконтрольных нам экстремальных природных/погодных факторов[5].

Проблема статуса и динамики человеческого потенциала в современной социо-техно-культурной среде, для которой характерно стремительное распространение информационно-цифровых технологий (в том числе технологий искусственного интеллекта) и включение различных аспектов жизнедеятельности человека в систему техно(цифро)мира, актуализировалась сравнительно недавно, но на сегодняшний день уже стала одной из центральных проблем различных научных дисциплин. Формируется концептуальный и методологический аппарат изучения этой проблемы в русле не только философии, но и социологии, экономики, правоведения, культурологии, психологии, технонауки, когнитивных и других наук. Данный процесс далек от своего завершения в силу ряда обстоятельств, в том числе и потому, что позиция ученых определяется в дискуссии относительно достоинств и недостатков современных цифровых технологий, их влияния на приоритеты развития общества и государства.

Выделяя в этом спектре проблем тему искусственного интеллекта, следует обратить внимание на возможности ее понимания и определенного решения средствами философского знания. Центральной темой философии с момента ее возникновения была тема сознания – сознания человеком самого себя, себя в мире природы, познания вещей и явлений окружающего мира и, как следствие, осмысления феномена знания и возникновения науки (сначала в лоне философии) с ее понятийно-категориальным аппаратом. В рамках этого процесса появились оценочные суждения, ценностные градации и этические нормы. Все это осуществлялось путем длительной социально-культурной эволюции человечества, сопровождавшейся различного рода достижениями и катаклизмами, условно называемыми естественным отбором.

Искусственный интеллект в цепи этой эволюции явление абсолютно новое, не свойственное живой природе, а потому

[5] Global Risks Report 2024 // World Economic Forum. URL: https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024 (дата обращения: 28.01.2024).

и называемое искусственным. Это уже плод творения человеческого разума, имеющего исторические основания своего развития и управления. Искусственный же интеллект ничего подобного пока не имеет. Важно поэтому использовать ценностный арсенал философской этики для создания инструментов конструктивной социализации систем искусственного интеллекта. Это одна из первоочередных задач эффективного взаимодействия философов и инженеров-программистов в области искусственного интеллекта.

Вторая не менее важная задача связана с пониманием того, что развитие научно-технического прогресса обусловлено непрерывным углублением познания, проникновением человеческой мысли в сущность вещей и явлений, генерированием креативных идей, которые проходят верификацию по определенным критериям обоснования истины и организации знания. Все это является результатом многовековой работы в области теории познания, логики и методологии науки, и это едва ли реализуемая задача в рамках идеи автономности разработки систем искусственного интеллекта в среде узких специалистов. Другими словами, перспективы развития искусственного интеллекта, особенно так называемые «сильные» его версии, следует связывать с междисциплинарными подходами и участием в этом процессе философов, психологов, лингвистов, юристов и других представителей социально-гуманитарного знания.

В этой связи особое значение приобретают комплексное исследование проблем адаптации человека, общества и государства к жизнедеятельности в условиях новой (цифровой) реальности и интенсивности информационно-коммуникационных процессов, а также системная разработка принципов и механизмов стратегического планирования и управления сетевой коммуникационной средой с учетом стратегических задач социально-экономического и государственного развития.

Сегодня совершенствуются и умножаются технико-технологические средства цивилизационного развития, но при этом нередко исчезают с поля зрения гуманитарные смыслы и цели прогресса. Другими словами, в техническом и технологическом плане можно почти все, в социально-культурном и нравственном же отношении существуют своего рода «красные линии», которые ни единичный человек, ни общество

в целом не должны переходить. Поэтому в качестве ключевой философско-мировоззренческой задачи современности выступает устранение наметившегося ценностного разрыва между возможностями социотехномира и гуманитарными идеалами и смыслами человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бердяев Н.А. 2006. Смысл истории. Москва : Канон+. 352 с.

Гусаков В.Г. (ред.) 2025. Институт президентской власти – укрепление белорусской государственности и национальной безопасности : материалы круглого стола, посвящ. 30-летию института президентства в Республике Беларусь (Минск, 18 июля 2024 г.) / сост. А.А. Коваленя и др.; под общ. ред. В.Г. Гусакова. Минск : Беларуская навука. 216 с.

Паречина С.Г. 2003. Институт президентства: история и современность / под общ. ред. Е.В. Матусевича. Минск : ИСПИ, 2003. 163 с.

Anatoly A. Lazarevich
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus. E-mail: a.a.lazarevich@gmail.com

Formatting a New Sociality in the Digital Age: Experience of Belarus, Global Civilization Trends and Challenges

Abstract. The paper reflects processes of modernization of Belarus in the context of general civilizational trends of the formation of the information society and digital transformation. The author demonstrates features of the Belarusian development in the post-Soviet period, which have allowed the country to form a solid foundation for innovative changes in the economy and social sphere. Also he reveals main stages of the formation of the information society in Belarus and prerequisites for the transition to information and digital platforms of scientific, technological, socio-economic and cultural development. The author presents tendencies in the formation of a new model of society because of the active influence of high technologies on a society. He takes into account all changes at the state-administrative, socio-economic, socio-cultural and subject-anthropological levels and shows a new sociality. In this context, a socio-philosophical analysis of the phenomenon of "new sociality" is carried out as a result of a profound transformation of social structures and subjectivity under the influence of digital technologies

and artificial intelligence. The dialectic of global civilizational trends and the specifics of institutional adaptation are considered using the example of the Republic of Belarus. The author examines the problem of the formation of artificial intelligence systems, the possibilities of their use in various spheres of society, the necessity of creating of ethical, cultural and socio-legal mechanisms for managing artificial intelligence development programs. The accompanying challenges and risks for humans and society arising from progress in the field of high technologies, including artificial intelligence technologies are also in the focus of the research. Considerable attention is paid to the philosophical reflection of the anthropological risks of delegating cognitive and existential functions to AI, the problems of preserving human autonomy and the construction of ethical and legal foundations for the harmonization of socio-technical development.

Keywords: Republic of Belarus; Belarusian development model; information society; digital transformation; new sociality; artificial intelligence

УДК 32:321.013:321.6/8

Виктор Сергеевич Мартьянов
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: martianov@instlaw.uran.ru
ORCID: 0000-0002-7747-0022
SPIN-код: 8770-5974

Становление российской нации: православные, советские, русские

Аннотация. Преобразование сословной Российской империи в модерную нацию-государство было ускорено революцией 1905 года, по итогам которой была принята конституция, введены институты народного демократического представительства. Медленное движение к нации было ускорено Первой мировой войной, по итогам революции 1917 года появилась специфическая модель нации в виде советского народа. В СССР было создано социальное государство, гарантировавшее гражданам передовые для того времени права и свободы, в том числе широкое участие в принятии общественно-значимых решений. Однако история продемонстрировала провал советской модели общегражданской идентичности, подменявшейся конфликтогенными классовыми и этнонациональными паллиативами. Противоречивость этой модели заключалась в том, что в СССР под риторику интернационализма, борьбы с великорусским шовинизмом и *братства народов* (позже пониженного до *дружбы*) подспудно взращивался набор этнонациональных государств. Распад советского народа как несостоявшейся нации легитимировал готовый к тому времени комплекс этнонационализмов в постсоветских государствах. Исключением стало современное российское общество, в котором консолидация нации осуществляется в виде парадоксального подавления гражданского национализма и замены его имперско-цивилизационной и псевдосоветской риторикой. В результате архаичные имперские практики управления, в свое время предназначенные для слабого (непрямого) контроля культурно отличных от центра периферий и колоний, обращаются вовнутрь бывшей метрополии, легитимируя центробежные тенденции и сомнительные политические требования меньшинств. В сравнительном контексте постсоветских государств Российская Федерация представляет собой в лучшем случае *отложенную нацию*. Общегражданская идентичность, которая может эффективно опираться только на культуру большинства (государствообразующий народ), продолжает оставаться спектром институционально закрепленных и конфликтующих с большинством партикулярных идентичностей.

Ключевые слова: российская нация; Российская империя; национализм; нация-государство; советский народ; многонациональный народ; гражданская идентичность; государство-цивилизация; консолидация

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. Историческое формирование любой нации предполагает естественный подъем гражданского национализма, в ходе которого формируется консолидирующая идентичность: культура, территория, язык, общее прошлое (коллективная память) и представления о сакральных символах (победах, жертвах, достижениях), отделяющих нацию от прочих общностей. Позже происходит неизбежная рутинизация и институционализация национализма в технологии самоописания, воспитания, образования и управления новыми поколениями консолидированной нации. При этом локальные культурные традиции, признаки и характеристики, присутствующие в консолидированной культуре нации-государства, не исчезают. Они становятся историческими основаниями для создания широкой национальной идентичности, сохраняя потом свое влияние преимущественно в сфере частной жизни граждан и отдельных групп, но не в области публичной регуляции общественной жизни и политико-административного устройства. Политическая акцентуация культурных различий внутри нации (этнических, языковых, религиозных, классовых и т.д.), их поиск, подтверждение и символическая капитализация закономерным образом ослабляют консолидирующую гражданскую идентичность.

Российская империя: предыстория нации. До формирования национального государства, модерной публичной сферы и общегражданской идентичности, сменивших феодально-сословный Старый порядок, можно было говорить о семьях, родах, племенах, общинах, сословиях и правящих династиях, но не о гражданском обществе и гражданском национальном государстве в его современном понимании. Ф. Гизо резюмирует, что средневековое европейское общество «между V и XII столетиями содержало в себе все, что мы встретили и опи-

сали в нем: королей, светскую аристократию, духовенство, горожан, колонов, власть религиозную, власть светскую, одним словом, зачатки всего того, из чего мог образоваться народ, правительство; а между тем в нем не было ни народа, ни правительства. В изучаемое нами время не было ничего похожего на нацию, на правительство, в том смысле, в котором принято теперь понимать эти слова. Мы встречали множество частных сил, отдельных фактов, местных учреждений, но не видели ничего общего, публичного, не видели ни политики в собственном значении этого слова, ни истинной народности» (Гизо 2007: 185). Даже позднейшие абсолютистские монархии, именуя себя нацией, ограничивали область ее смыслового значения лишь аристократией, не смешиваемой с народом, являвшим собой политически несубъектные низшие слои (Малахов 2005: 18).

Историческое и институциональное движение России к форме централизованного территориального государства с обобщающей православной идентичностью было катализировано в начале XVIII в. Ключевой вклад петровских реформ связан с новым этапом собирания русских земель, централизацией механизмов власти и налогообложения, прежде всего с созданием профессиональной армии и бюрократии. Все эти элементы впервые складываются в институциональную конфигурацию территориального государства в виде сословной централизованный монархии. Важнейшим элементом империи стала регулярная профессиональная армия, заменившая устаревшие стрелецкие войска. Ядром армии, а потом и политического порядка стало консолидированное дворянство во главе с абсолютным монархом, раздающим земли с населением как *ресурс кормления и вознаграждения* за военную и государственную службу. Армия, призванная защищать территорию Российской империи, стала институциональной моделью организации управления обществом во всех сферах, включая гражданскую службу, развитие экономики и духовную сферу. Это исходное ядро, образовавшее служилое сословие и регулируемое «Табелем о рангах», стало краеугольным камнем воспроизводства российской элиты на последующие столетия. Институциональная модель работала до тех пор, пока не произошло закономерное расширение узкой модели дворянской современности на большинство населения. Эпоха тотальных

массовых войн потребовала масштабирования профессиональной регулярной армии до *вооруженного народа*, попутно обретающего массовые политические права и смещающего наследственные правящие династии вместе с дворянством.

Таким образом, петровские преобразования задали базовую идентичность имперской России, которая просуществовала почти в неизменном виде два столетия, несмотря на неизбежное накопление внутренних конфликтов и противоречий в триаде веры, царя и Отечества, сложившейся в результате расширения Московского царства до имперской России. Это парадоксальная конфигурация раннемодерного в своей институциональной основе государства, плодами которого могло пользоваться служилое сословие, оставляя негативные издержки сословного общества крестьянству. Безусловной заслугой Петра I является унификация и концентрация власти с использованием доступных ресурсов для ее упрочения. Реформы Петра I приблизили Россию к привычному позже модерному состоянию, которое было зафиксировано в Европе совокупностью договоров, определивших контуры Вестфальского мира. Ключевыми элементами государства становятся его суверенитет во внешних делах и автономия национальных (государственных) элит, контролирующих территорию, определяющих политический порядок и иерархию ценностей. Вместе с тем, модель *внутренней колонизации* органичным образом привела к потере культурной и иной самоценности подавляющего большинства православных, превратившихся в ресурс консолидации абсолютной монархии. Эта модель продолжала действовать и в советский период в виде *антиимперии*, когда модернизация до степени неразличимости стала совпадать с асимметричной эксплуатацией русского центра ради ускоренного развития окраин и периферий в лице союзных республик (Эткинд 2013). В подобном контексте долгий революционный поворот февраля-октября 1917 года содержал в себе в том числе и стремление к освобождению метрополии от непосильной имперской нагрузки, когда правые течения (кадеты, октябристы, «Всероссийский национальный союз» и др.) начали фактически действовать в логике национально-освободительного движения, наделяющего русский народ гражданским достоинством и неотъемлемыми правами. Все

это готовило историческую почву для последующего рождения *нации как согражданства равных*.

Российская сословная империя благодаря централизации армии и бюрократии довольно долго могла оставаться культурным набором разных этносов, языков, религий, народов, политически объединенных лишь договоренностями императора и вассалов, элиты метрополии и элит колоний/окраин. Включение в империю инокультурных и иноконфессиональных образований не предполагало целенаправленных попыток ассимиляции последних. Входящие в империю народы жили согласно своим традициям, обычаям и культуре, не образуя сограждан-ства и будучи объединенными лишь минимальным набором обязательств периферий по отношению к центру, но не друг к другу: от обещания нейтралитета до обязательств по формированию воинских подразделений оговоренной численности, уплаты дани или налогов в обмен на гарантии безопасности и сохранение автономии. Следовательно, и распад империи происходил в виде прекращения договоренностей правящих элит, когда территориально отдаленные колонии или периферийные территории легко отпадали от центра империи, образуя новые государства (Польша, Финляндия). Поэтому политические форматы сословной домодерной империи и модерного национализма в политическом формате нации-государства относятся к разному историческому времени. В ситуации Модерна империя может быть только политической метафорой, используемой в отношении крупных суверенных государств – *великих держав*.

Российская империя как один из многовековых европейских лидеров имела важное значение для стабилизации общеевропейского пространства. Вместе с тем Петром I было задано во многом провинциальное (колониальное) мировоззрение, видевшее в Европе источники для подражания, почти не подверженные критике. Тем парадоксальнее, что Российской империи неоднократно доводилось выступать в качестве *последнего европейца* (Ф. Достоевский), который уберегал Европу от войн и распадов. Однако ключевой элемент формирования нации в виде трансформации иерархии сословного общества с консолидирующей религиозной идентичностью православных в проект *согражданства равных*, базируемый на нарративе национализма, был еще впереди.

Противоречивость советского народа: между этническим, классовым и гражданским. В основе политического проекта СССР лежала перезревшая и катализированная Первой мировой войной проблема трансформации сословного строя Российской империи в гражданскую нацию: «Проблема, с которой империи столкнулись в эпоху модерна, – это не проблема "неэффективности", а проблема легитимности. Коль скоро в качестве принципа легитимации власти, начиная с 1789 г., утверждается принцип воли народа, или нации, правительства имперских государств оказываются в щекотливом положении. Они не могут просто адаптировать институты представительного правления… Принцип "самоопределения народа", проинтерпретированный в духе национализма (один народ – одно государство – одна культура), тикает рядом с ними, как бомба замедленного действия» (Малахов 2010: 109). Политический генезис наций, получивший широкое распространение в Первой мировой войне в ходе взаимного подрыва участвовавших в ней империй через поддержку национальных движений и меньшинств в стане противника, привел к краху Османской империи, Австро-Венгрии, Российской империи. Во втором раунде, по итогам Второй мировой войны, потеряли легитимность метрополии колониальных империй, прежде всего, Великобритания и Франция. XX век стал длительным периодом распада империй и псевдо-имперских рыхлых *многонациональных федераций* (Югославия, Чехословакия, СССР, Индия и т.д.), движимого легитимирующим принципом самоопределения политических этнонаций. Поскольку территории современных наций-государств являются пространствами смешанного проживания многих этносов, более того, мультиэтничным является любой мегаполис, решение проблемы политического самоопределения наций путем проведения все более дробных территориальных границ становится одновременно способом создания новых разделенных меньшинств, в свою очередь претендующих на политическое самоопределение. В подобной проекции количество общностей, разделенных новыми границами, только увеличивается, как и количество меньшинств и взаимных претензий. Таким образом, формальное умножение количества государств на мировой политической карте не решает исходной проблемы: любая современная нация со-

держит меньшинства, потенциально стремящиеся к политическому самоопределению и автономии.

Проблема гражданской консолидации вместо бесконечного *парада суверенитетов* не была решена в период существования СССР, который являлся нацией лишь внешне и риторически, представляя собой при более пристальном рассмотрении так и не разрешенную совокупность этнических, религиозных, классовых, территориальных и иных противоречий, не позволивших создать гражданскую нацию в виде советского народа. Вся эта противоречивая и многосоставная политическая конструкция держалась даже не на попытках создать политическую нацию, но на принципах специфической идеологической регуляции и индоктринации, когда вместо самоопределяемой воли народа использовались лишь ее паллиативы и отдельные части, призванные олицетворять политическое тело нации в целом. Это мог быть передовой класс рабочих (пролетариат), либо политически самоопределяющиеся этнические меньшинства, легитимированные в своих сецессионных устремлениях логикой компенсации за прошлое угнетение. Либо системы народных советов всех уровней, формально выражающих волю *трудового народа*, но не имевших автономной субъектности и т.д. Таким образом, реальное единство и целостность ценностно-институциональной сферы советского общества сохранялось лишь благодаря коммунистической партии, которая «в отличие от декоративной системы советов и советских республик, была подлинной системой власти в СССР». При этом «ВКП(б) – КПСС всегда оставалась единой, централизованной, всесоюзной организацией без малейшего намека на федерализм: партийные комитеты "национальных республик" были лишь ее региональными отделениями – не более того» (Салмин 1992: 35).

Левая мысль часто интерпретирует большевиков как спасителей Российской империи, восстановивших ее в модернизированной версии СССР, обеспечившей *культурный расцвет* всех национальностей и народов, входящих в ее состав. Представляется, что подобная позиция как минимум дискуссионна. Национальная политика большевиков в виде *анти-империи* (эксплуатация и ослабление центра в пользу периферий) оказалась провальной уже в самые первые годы советской власти. Системообразующий русский народ во многом оказался

заложником канувшего в Лету царизма (империализма) и никогда не существовавшего великорусского шовинизма (как радикальной степени этнонационализма). Национальное гражданское самосознание взамен подданнического еще только предстояло создать в будущем на руинах сословной империи. Системные идеологические приоритеты большевиков в области национальной политики, даже проявившие свои негативные последствия на практике (повсеместная и императивная *коренизация элит и культур*, конфликтогенность внутренних границ, *приписной характер* национальности и т.д.), так и не были скорректированы за весь последующий советский период. Это подтверждает, что для советской номенклатуры со слабеющим, а по сути, так и не созданным центром/большинством (государствообразующий народ в социалистическом государстве, выражавшем «волю и интересы рабочих, крестьян, интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны»[1] отсутствовал) и постепенно расползающейся по этнонациональным квартирам периферией, подобная национальная политика, приведшая в итоге к крупнейшей геополитической катастрофе XX века, была совершенно сознательной.

Бездумная и бесконечная нарезка десятков этнонациональных образований внутри прежде унитарной Российской империи, юридически превратившая ее в формальный союз из 15 автономных государств, а РСФСР – во внутренний федеративный союз в составе федерации СССР, изначально закрепили худший сценарий последующего распада. Десятки лет легитимировались и укреплялись политические и юридические границы, по которым с исторической неизбежностью распался фантомный советский народ. При образовании СССР в декабре 1922 г. территория РСФСР была несоизмеримо больше той, какой она стала к концу существования СССР, так как в нее входили «все нынешние республики Средней Азии (кроме сравнительно небольших территорий Хорезма и Бухары) и ряд областей и районов Украины и Белоруссии. Территории и население тогдашней Украины (без западных областей, присоединенных

[1] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (в ред. от 7 октября 1977 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 01.08.2025).

в 1939 г., без Крыма, без некоторых других районов) и Белоруссии (без западных и восточных областей)… *Фактически "Союз" был формальным соединением прямой наследницы и правопреемницы империи (РСФСР) с двумя небольшими периферийными славянскими республиками (Украина и Белоруссия)*… с причудливым государственным образованием (Закавказская Федерация), созданным путем весьма искусственного объединения Грузии, Армении и Азербайджана и ставившим под сомнение идею национально-государственной природы субъектов Союза, будто бы положенной в его основу» (Салмин 1992: 35).

Советский Союз рождался как образец нового общества, аналог будущего земного рая, который планировалось масштабировать на все человечество. СССР был идеологически центрирован вокруг светской религии социализма, обращенной к новому прогрессивному большинству, к людям труда. Поскольку утопический проект был адресован всему человечеству, его первоначальная территория и наличные политические границы представлялись не имеющими существенного значения в контексте будущего движения к мировой советской социалистической республике без границ. Довольно быстро претензии на мировую революционную экспансию иссякли в пользу построения социализма в отдельной стране. Масштаб коммунистической утопии свелся к конкретно-исторической левой вариации утопии либеральной. Система народных советов всех уровней быстро уступила место политической диктатуре партии большевиков.

Ключевая проблема состояла в том, что отказ от мировой революции требовал соответствующих изменений внутреннего устройства СССР, которое до этого рассматривалось лишь как временный плацдарм, политико-административная конструкция которого не имеет принципиального значения. Тем не менее, временное и паллиативное, конъюнктурное и ситуативное стало безальтернативной политической реальностью. Первоначальные большевистские утопии и фантазии не были скорректированы в контексте последующего негативного опыта, все дальше отрываясь как от несбыточных идеократических идеалов, так и от технологий гражданских наций. Вместо мирового стирателя политических границ буржуазных наций СССР превратился в саморазрушительный конвейер по производству

этнонаций. Советский Союз, согласно метафоре А. Салмина, стал *колоссом с глиняным сердцем*, не имеющим государствообразующего народа, способного выступить в качестве большинства, стабилизирующего эту конструкцию. По поводу исходных правовых принципов образования и административного деления СССР предельно критично высказался В.В. Путин: «…зачем надо было с барского плеча удовлетворять любые, безгранично растущие националистические амбиции на окраинах бывшей империи? Передавать во вновь образуемые, причём часто произвольно сформированные, административные единицы – союзные республики – огромные, часто не имевшие к ним вообще никакого отношения территории. Повторяю, передавать вместе с населением исторической России. Более того, по факту этим административным единицам придали статус и форму национальных государственных образований. Вновь задаюсь вопросом: зачем надо было делать такие щедрые подарки, о которых самые ярые националисты раньше даже и не мечтали, да еще и наделять республики правом выхода из состава единого государства без всяких условий?»[2].

Культуры всех республик, кроме РСФСР, легитимированные противоречивой сталинской формулировкой «национальные по форме и социалистические по содержанию» (хотя социализм интернационален и должен был покончить с национальными политическими формами как способом гегемонии буржуазии), неизбежно стали превращаться в *просто национальные*, до определенной поры лишь использующие омертвелую и перформативную социалистическую риторику. Запутанное объяснение Сталина состояло в том, что «национальные по форме культуры (и языки, стало быть) должны предварительно расцвесть вовсю для того, чтобы, исчерпав себя, слиться потом, в будущем, в период полной победы социализма, в одну общую социалистическую культуру. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в период диктатуры пролетариата для слияния их в будущем в одну общую социалистическую и по форме, и

[2] *Путин В.В.* Обращение Президента Российской Федерации, 21.02.2022. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67828 (дата обращения 01.08.2025).

по содержанию культуру – таково положение»[3]. Неясно в этом пассаже только одно: в силу каких причин *расцветшие* этнонациональные культуры суверенных союзных республик вдруг обретут желание расстаться со своими национальными формами? Которые, как показало время, и были их истинным культурным наполнением, пустой оболочкой оказалось как раз *социалистическое содержание* культуры.

Таким образом, Советский Союз как политическая конструкция во второй половине своего существования стал трансформироваться в идеологический фантом, внутри которого все чаще преобладали партикулярные интересы союзных и республиканских этнических номенклатур, идущие вразрез с интересами советского народа как целого и катализирующие центробежные процессы. Все очевидней становилось расхождение высших ценностей советского проекта и реальных, дифференцирующих общество политических практик комитетов КПСС и народных советов всех уровней, создающих двойные моральные стандарты описания советского общества: должного и наблюдаемого в действительности (Мартьянов, Фишман 2020).

Возможно, поздний СССР еще могла спасти идея нации-государства, где в качестве интегратора и притягивающего центра мог выступить русский народ. Но его автономное национальное развитие было изначально под запретом, а историческая субъектность нивелирована отсутствием атрибутов нации, наблюдавшихся во всех остальных республиках: права политического самоопределения, собственной компартии, *титульной территории*. Эта же политическая логика выражалась и в исторической эволюции административного устройства СССР и РСФСР: «Большевики относились к русскому народу как неисчерпаемому материалу для социальных экспериментов. Они грезили мировой революцией, которая, по их мнению, вообще отменит национальные государства. Поэтому произвольно нарезали границы, раздавали щедрые территориальные “подарки”. В конечном счете, чем именно руководствовались лидеры большевиков, кромсая страну, уже не имеет значения. Можно

[3] *Сталин И.В.* [Ответное письмо сотруднику Института красной профессуры В.Я. Касаткину] // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 36–42.

спорить о деталях, о подоплёке и логике тех или иных решений. Очевидно одно: Россия фактически была ограблена»[4].

Если в 1922 г. при образовании СССР на РСФСР приходилось 94,7 % площади и 67,5 % населения СССР, то в 1989 г. лишь 76,3 % площади и 52,3 % граждан. Параллельно площадь этнических автономий на территории РСФСР в советский период (в границах 1989 г.) выросла с 27,7 % до 53,3 % (Салмин 1992: 39). Произвольная нарезка границ внутри СССР никогда не была предметом народных демократических решений и референдумов, осуществляясь волюнтаристскими методами. Несмотря на декларации о самостоятельности и автономии союзных республик, границы между ними в СССР де-факто воспринимались как административные, а их изменение – как не требующее народного волеизъявления. Однако после того как условно административные границы стали политическими, а исторически русские территории и население оказались не по своему выбору в других государствах, последствия разделенности русской нации проявились в самом негативном свете, явив миллионные потоки беженцев и переселенцев из новых постсоветских государств на историческую родину. В этом контексте убедительна юридическая аргументация, связанная с тем, что решение о создании СССР было закреплено в Декларации и Договоре о создании СССР от 30 декабря 1922 г. Упразднение СССР в 1991 г. могло предполагать лишь последовательный возврат к исходным границам четырех республик, учредивших СССР (РСФСР, Белорусская и Украинская ССР, а также Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР – Грузия, Азербайджан и Армения)), так как все последующие территориальные изменения внутри него представляются сомнительными с точки зрения своей правовой легитимности, требуя, как минимум, проведения народных референдумов на обширных русских землях, которые, как наделы с крепостными крестьянами, были отрезаны от первоначальной территории РСФСР и одним росчерком бюрократического пера передавались в разные годы другим республикам, ставшим независимыми государствами.

[4] *Путин В.В.* Об историческом единстве русских и украинцев, 12.07.2021. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181 (дата обращения: 01.08.2025).

Более того, в результате всей административно-идеологической эволюции СССР именно русская идентичность до степени неразличимости растворилась в идентичности советской. Соответственно распад СССР стал наиболее болезненным для РСФСР, в которой, в отличие от всех остальных республик, параллельно не сложилась собственная автономная национальная идентичность, базирующаяся на культурной идентичности большинства. И когда в подавляющем большинстве национальных республик уже в позднесоветский период произошел социологически зафиксированный сдвиг в пользу приоритета идентификации титульного большинства в качестве граждан национальных республик, в РСФСР и Белоруссии еще преобладала общесоюзная советская идентичность (Гудков 2004: 142). Более того, русские во многом и в современной России остаются аналогом *аморфных советских* в СССР.

Российская нация в контексте Великороссии–РСФСР–Российской Федерации: проблема понятийной концептуализации. После СССР новая российская государственность в силу подавленности политической идентичности РСФСР советского периода столкнулась с целым комплексом проблем нациестроительства, многие из которых до сих пор не нашли удовлетворительного решения: «Проблема "соотечественников" и экс-компатриотов по СССР; мягко выражаясь, неуверенность в правомерности актуальных границ и самого состава российского политического тела; сомнительность государственной символики, включая коллективные ритуалы и праздники; невнятность оценок и советского, и досоветского прошлого; сугубая туманность желаемого будущего – как в отношении уклада внутренней жизни, так и в отношении места в мире; даже отсутствие общепринятого всеми гражданами самоназвания ("русские"? "россияне"?) – все это очевидные симптомы сущностной дефектности актуальной российской государственности» (Каспэ 2004: 73).

Наиболее ярко эти проблемы выражены в репертуаре самоописаний актуальной российской нации, состоящем в постоянном переборе метафор от сырьевой империи до суверенной демократии (В. Сурков), а также формулировании понятийных конструктов в виде *многонационального народа* (Конституция России), евразийского *государства-цивилизации*

и даже сферической *цивилизации цивилизаций* (С. Караганов). Развёртывание этих метафор сопровождается попытками обосновать, что мы находимся в видоизмененном СССР периода его высшего величия и мирового влияния. Или рассуждениями о русском мире, являющемся продолжением давно почивших в бозе идей панславизма. Или бесконечными и бессмысленными мантрами о дружбонародности (все современные нации многоэтничны, тезис о желательности мирного сосуществования этносов в пределах одной политической территории аксиоматичен), многоконфессиональности (имплицитно предполагающей отказ от ведущей роли православия) и многонациональности российского общества (которое по этническому разнообразию не только существенно не отличается, но даже уступает многим крупным нациям, в том числе унитарным (Мартьянов 2025: 84-86)). Все указанные способы коллективного самоописания едины в своем неприятии нормативного нарратива национализма, опирающегося на культуру большинства (государствообразующий народ) и консолидирующего гражданское культурно-историческое единство всех граждан, скрепленное общими подвигами, жертвами и сакральными символами. Более того, понятие национализма обрело усиленный негативный контекст с 2014 г., когда его стали все чаще ставить в общий ряд и/или фактически употреблять как синоним экстремизма, терроризма и нацизма, наблюдаемых в ходе очередного государственного переворота на Украине. Еще одной веской причиной неприятия национализма политической номенклатурой постсоветской России парадоксальным образом является его сильная связь с демократией. При всем формально-демократическом антураже, традиции легитимации российской власти всех времен связаны с тем, что она рассматривает собственные основания шире, нежели только народное представительство. *Идея представительства как обязательств с возлагаемой на себя ответственностью перед представляемыми всегда считалась недостаточной и ограниченной*. В этом смысле нынешняя политическая элита преемствует и дореволюционной монархии, и большевикам, и советской номенклатуре, которые тоже не позиционировали себя как только представительство народа (нации), а выступали от имени Бога, коммунизма, класса, истории, традиции, цивилизации, вели-

кой державы и пр. Подобные сакральные, трансцендентные, идеократические основания социально-политического порядка всегда дополняли, а зачастую в истории государства российского и превосходили ответственность перед народом. Отсюда же закономерное опасение иметь дело с крупными национальными идентичностями, от которых зависит легитимность власти, в то время как меньшинства в роли привилегированного клиента кажутся полезными, представляя многонациональный народ.

Неубедительность имперской риторики в нынешних условиях очевидна. Реальную империю можно строить только в виде военно-политической и культурной конструкции, выходящей далеко за пределы нынешней территории России и обладающей очевидным культурным, военным, экономическим, демографическим и иными видами превосходства над окружающими территориями. Попытки называть новой империей Российскую Федерацию – нынешнее культурно-исторически однородное образование с подавляющим численным преобладанием русских на территории Великороссии, бывшей центром Российской империи и СССР, – были бы аналогичны потугам называть империями центры-метрополии всех былых империй – остров Великобританию, нынешние европейские территории Франции, Испании, Португалии или Турцию как ядро исторической Османской империи.

Таким образом, выработка российского национального самосознания в современной России до сих пор окончательно не разведена с попытками символического присвоения исторических фантомов имперскости и советскости. Россия до сих пор претендует на выражение *советского наследия*, которое может волшебным образом решить проблемы выработки национальной идентичности в настоящем. Притягательность советского прошлого отчасти объяснима, она обусловлена тем, что «*советский патриотизм* во многом конструировался как улучшенная версия или по меньшей мере как функциональный аналог западных национализмов: он решал аналогичные задачи и апеллировал к сходным чувствам» (Мартьянов, Фишман 2016: 313). Проблема, однако, в том, что советский патриотизм как способ формирования всеобщей политической идентичности продолжает довлеть в умах части российских элит и после

распада СССР, деградировав в новом политическом контексте до рыхлой имперской риторики. Они мечтают то воскресить Российскую империю, то приписать имперский характер советскому обществу, то выстроить евразийскую/либеральную/сырьевую. И практически всегда искомая империя описывается через нечто эфемерное вроде советской *дружбы народов* или *нынешней многонациональности*, которая почему-то предполагается как органическая и естественная, несмотря на советские кровавые уроки истории, развод республик, а также любые взаимные претензии и культурные отличия внутри российского общества. Представляется, что федеративный конгломерат автономных и территориально заземленных на *коренных территориях* этносов-национальностей-народов, формально преемствующий принципам политико-административного управления в СССР, противоречит идее консолидированной модерной нации как равного согражданства, индифферентного к классу, этничности и вере. А историческая судьба *многонационального российского народа* может повторить путь аналогичного по принципам своего идеологического и территориально устроения советского федеративного народа.

Нация-государство как продукт эгалитарного согражданства предполагает ослабление предшествующих культурных отличий, их максимально возможный вынос за пределы публичного пространства, ориентированного на консолидацию и объединение граждан в политическую общность с единой идентичностью вне зависимости от их культурных различий. Политизация этих отличий и выстраивание на их основе внутри нации коллективных субъектов, противопоставляющих свои партикулярные интересы интересам нации как целого, автоматически разрушает гражданское единство нации. Поэтому российская нация может быть *многонациональной* только в случае, если составляющие ее этносы не создали гражданской нации, оставаясь разобщенным набором этноконфессиональных и языковых групп. Любая нация всегда культурно дифференцирована, поскольку в неё включаются различные этнические, религиозные, языковые, классовые и иные общности. Однако стабильная национальная культура и/или идентичность, а также воплощающий ее социальный порядок и культурная иерархия могут опираться только на культурно-историческое боль-

шинство (языковое, этническое, религиозное), воплощающее волю народа: «…без русских как этноса, без русского народа нет и не может быть Русского мира и самой России. В этом утверждении нет какой-то претензии на превосходство, на исключительность, на избранность. Это просто факт, как и то, что в нашей Конституции четко закреплен статус русского языка как языка государствообразующего народа»[5]. Культурные меньшинства могут сохранять и даже развивать свою партикулярную идентичность, но частное не должно быть в одном ряду с целым, а тем более подменять его. Признание политического равенства большинства и меньшинства, нормы и исключений из нее фактически разрушает любое культурное, политическое, идейное единство, которое может проистекать из этой нормы.

В данном контексте востребовано формирование российской общегражданской идентичности на более универсальных культурных и идеологических основаниях, вместо признания их *естественного плюрализма*. Сегодня агенты конструирования гражданской идентичности на уровне нормативных и идеологических документов пытаются скорее воспроизвести негативный исторический опыт построения нации в СССР. В указанной идеологической ретроспективе такая задача в настоящем заведомо нереализуема, поскольку от позднего СССР и раннего постсоветского периода современная Россия унаследовала два *недостроя*: 1) *недовоображенное сообщество* как незавершенный процесс конструирования национальной идентичности (Фишман 2018) и 2) существование только *нижнего этажа* общественной морали в виде морали локальных групп, отстаивающих партикулярные интересы при отсутствии специфических для современной России общегражданских ценностей, скрепляющих индивидов в *большое* модерное общество (Мартьянов, Фишман 2020).

Конструирование нации и высших ценностей предполагает выход на сакральный уровень выработки оснований социальной консолидации. Поскольку новый ценностный центр

[5] *Путин В.В.* Выступление Президента России В.В. Путина на пленарном заседании XXV Всемирного русского народного собора, [27.11.2023]. URL: https://vrns.ru/documents/vystuplenie-prezidenta-rossii-v-v-putina-na-plenarnom-zasedanii-xxv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-so/ (дата обращения: 01.08.2025).

так и не был выработан после упадка советской идеологии и морали, постсоветские элиты остаются скорее техническими местоблюстителями (номенклатурой) в отсутствии *идеологического редактора*, чем автономными политическими субъектами/идеологами на политической карте мира (Фишман 2023). В СССР высшие ценности определялись контекстом построения коммунизма, описанием советского народа как бесклассового общества и авангарда человечества, олицетворяющего прогрессивную общественную формацию. В современной России в качестве паллиатива высших ценностей нации выступают традиционные ценности, которые при ближайшем рассмотрении оказываются универсальными ценностями, причем не только для российского общества, но и мира в целом. Поэтому для описания конкретно-исторического российского общества необходима оригинальная идеологическая интерпретация и иерархизация традиционных ценностей. Без конструирования национального нарратива, отвечающего на вопросы: *кто мы, откуда и куда идем*, подобные ценности будут существовать параллельно прикладным задачам обоснования российской консолидирующей идентичности.

Обретение культурной и военно-политической субъектности, от которой во многом зависят и экономические успехи, связано с трудным путем обретения суверенитета и собственного языка самоописания: «Россия создана не международными договорами, она создана не другими государствами и не под покровительством других государств: она росла, если можно так выразиться, из самой себя, она создана и расширена русским народом» (Сидоров 1912: 62). Этот путь потенциально усиливает возможности России, связанные с собственной интерпретацией европейских и западных исторических нарративов в ситуации глобальной турбулентности. Ослабление западной гегемонии закономерно ведет к окончательной деколонизации незападного мира, к возвращению в международные отношения базового критерия национального интереса и выражающих его национальных государств.

В настоящее время российское общество находится в ситуации третьей исторической попытки создать нацию. Первая по итогам революции 1905 года привела к ограничению самодержавия и расширению народного участия в принятии поли-

тических решений, хотя и с соблюдением множества ограничительных цензов и на сословных принципах. Вторая попытка началась февральским переворотом и закончилась переворотом октябрьским, по итогам которого была сформирована специфическая модель нации как советского народа, пронизанная множеством культурных, идеологических, этнонациональных, классовых и иных противоречий, в итоге провалившаяся. В настоящее время попытка создания модерной нации тоже сталкивается с системными трудностями, связанными с усилением рентно-сословного характера российского общества и попытками без создания консолидированной политической нации сразу перепрыгнуть в имперское, а то и цивилизационное самоописание (Фишман и др. 2019). В данном случае имперско-цивилизационные идеологи, страдающие синдромом потери былого величия, забывают, что на современной политической карте мира присутствуют только территориальные нации-государства, применение к которым подобных эпитетов возможно лишь метафорически. Нация может быть или стать впоследствии великой суверенной державой, чей суверенитет выходит далеко за пределы ее границ, а также потенциальным центром притяжения для своих союзников, зависимых сателлитов и лимитрофов. Вместо этого *логика империи (цивилизации) в пределах Российской Федерации* работает диаметрально противоположным образом, усиливая двойные стандарты, разрушая культурные иерархии и сплачивающие исторические нарративы, порождая титульные народы и притязания этноэлит. Очевидно, что идея *империи внутри современной России* политически легитимирует эти пародии на имперские окраины, колонии и периферии, придуманные почему-то внутри метрополии, а не существующие вовне ее. Соответственно, если не в виде продолжения и расширения нации, а вместо нее строятся аморфные идеологические конструкции, опирающиеся на *внеисторичные* и *вневременные традиционные ценности*, то это означает лишь то, что мы продолжаем не знать общества, в котором живем, и принимать решения, исходящие не из реальных возможностей и прагматических соображений, а диктуемые сомнительными историческими образцами. Дискуссионность этих образцов еще больше усиливается в контексте того, что современная Россия является частью Модерна, а нация

российским гражданам любой этнической принадлежности нужна для того, чтобы сохранить себя в Модерне, имплицитными ценностями которого являются права и свободы человека, социальное государство, гражданское равенство, демократия, прогресс и т.д. И если речь идет о ее русской культурной основе, то только потому, что в этом пространстве другого *консолидирующего носителя культуры Модерна* нет.

Заключение. Становление российской нации бессмысленно описывать в качестве продолжающегося упадка былого имперского величия и картины геополитического поражения, объективно пронизанных ресентиментными настроениями. Наоборот, основой самоописания российской нации, существующей здесь и сейчас, может стать освобождение от гнета надорвавшейся имперскости, в том числе в советском антиимперском варианте, в котором интенсивнее других эксплуатировался русский народ. Впервые став подавляющим большинством в нынешних границах, он может наконец осознать свои истинные коллективные интересы, не подменяемые ни воображаемым славянским единством, ни борьбой за права трудящихся во всем мире, ни опережающим развитием периферий, окраин и отсталых племен вопреки собственным интересам. Биография народа (нации) органически описывается модерным языком гражданского национализма, ориентированного на стратегическое выражение и следование жизненным интересам большинства. В данном контексте маргинализация и понятия, и нарратива национализма представляются опрометчивыми. Еще более выморочными являются попытки разведения, а тем более противопоставления национализма и демократии. Оба понятия, и нация, и демос, имеют один корень *народ*. Поэтому национализм – это самое последовательное политическое самоописание народа, удерживающее как от его растворения в совокупности составляющих сословий, групп и меньшинств, так и от стремления сделать народ лишь инструментом реализации неких великих религиозных и классовых миссий, обращенных к абстрактному человечеству. В этом смысле самозапрет российского истеблишмента на национализм, причем даже в его гражданской версии, а не этнонациональной (в то же время свободно распространенной в российских регионах с этническими названиями

и титульными меньшинствами), вызывает лишь недоумение на фоне его эффективного применения во всех постсоветских государствах и мире в целом.

Россия, как и остальные советские республики, может эффективно опереться на нарратив деколонизации своего прошлого, на освобождение русского народа, его истории и наследия, которое подавлялось во имя чуждых ему целей и задач. Это означает, что за пределами России нет братских народов, которым она обязана, а есть разделённая внутри себя и вовне потенциальная нация, которую можно эффективно консолидировать в политическом формате Модерна как нацию-государство. От Российской империи после СССР осталось ее ядро – Великороссия, она же РСФСР, она же Российская Федерация. Это сообщество граждан, обладающих общей историей, языком, культурой, ценностями, равными правами и жизненным пространством. И стратегической ошибкой станет попытка превратить последний оплот русского народа, так и не обретшего своего государства, в новую империю. Исторические империи всегда строились по центр-периферийной модели, где центры и ядра господствовали над окраинами и периферией, являвшимися чужими и инородными в историческом, культурном, религиозном, языковом и иных отношениях. Подобные конструкции всегда являлись рыхлыми и непрочными, а разность исходного социального фундамента неизбежно приводила к распаду гетерогенных образований, где центры лишь временно эксплуатировали периферии, пока не растрачивали своих демографических, технологических и культурных преимуществ, что можно наблюдать в истории коллективного взлета и падения европейских империй. Менее распространенным вариантом является способность центра к ассимиляции разнородных окраин, что, например, свойственно Китаю. Это версия *долгосрочной китаизации* всего, с чем пространственно соприкасается Китай, чьи диаспоры никогда не растворяются во внешнем мире, и чьи победители (монголы, маньчжуры) в нескольких поколениях бесследно ассимилируются, становясь китайцами.

Нынешняя Россия имеет последний шанс стать сплоченной нацией на условиях *равного согражданства* и консолидации на фундаменте русской истории, языка и культуры нации,

являющих единственно возможную почву для её сакрального *заколдовывания*, обоснования высших ценностей и самоописания. Иные варианты культурной и иной консолидации представляются тупиковыми. Империя и цивилизация как иносказательные понятия для *великой нации* создают лишь логику мифа о потерянном, но *когда-нибудь* возвращенном величии, во имя которого игнорируются любые нынешние проявления сепаратизма и внутренней конфликтности. Это ложный путь, подменяющий проект России как великой нации и суверенной державы рыхлой и фантомной империей-цивилизацией. Лозунгом *многонациональной* империи или цивилизации оправдываются многие пагубные практики меньшинств, инородцев, диаспор. Политизация этничности, легитимация культурных различий и предоставление привилегий лишь наращивают аппетиты меньшинств и удобряют почву для конфликтов, угрожая повторением катастрофического пути СССР. Национальная идентичность как консолидирующая цель паллиативно подменяется то ресентиментом в отношении внешних врагов, то формированием империи/цивилизации, то критикой абстрактных либералов, то риторикой возврата традиционных ценностей в отрыве от онтологии аутентичного традиционного общества. Однако национальная политика в условиях нации может иметь только одну цель – внутреннюю консолидацию нации, выработку ее культурно-исторического единства, поскольку конфликты, различия, интерпретации и притязания разнообразных меньшинств, провоцирующие центробежные тенденции, обнаружатся на этом пути сами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гизо Ф. 2007. История цивилизации в Европе. Москва : Территория будущего. 336 с.

*Гудков Л.** 2004. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. Москва : Новое лит. обозрение : ВЦИОМ-А. 816 с.

Каспэ С.И. 2004. Империя как руина и «строительный материал»: «nation-building» в современной России // Политическая наука. № 3. С. 70–85.

Малахов В.С. 2005. Национализм как политическая идеология. Москва : КДУ. 320 с.

---

* Включен в список иностранных агентов.

Малахов В.С. 2010. Культурные различия и политические границы: национальный, локальный и глобальный контекст // Философский журнал. № 1. С. 107–118.

Мартьянов В.С. 2025. Российская федерация: между постимперией и отложенной нацией // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 2. С. 71–101. DOI 10.30570/2078-5089-2025-117-2-71-101

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (ред.) 2016. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова и Л.Г. Фишмана. Москва : Полит. энцикл. 334 с.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2020. Советская мораль. От высоких ценностей к «криминальной революции»? // Новый мир. № 3. С. 135–149.

Салмин А.М. 1992. Союз после Союза // Полис. Политические исследования. № 1-2. С. 34–55.

Сидоров А.А. 1912. Инородческий вопрос и идея федерализма в России. Москва : Моск. отд-ние Всерос. нац. союза. 68 с.

Фишман Л.Г. 2018. Недовоображенное сообщество // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18, № 1. С. 43–58. DOI 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358

Фишман Л.Г. 2023. Обойдемся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, № 2. С. 52–67. DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_52

Фишман Л.Г. и др. 2019. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии / Л.Г. Фишман Л.Г., В.С. Мартьянов, Д.А. Давыдов. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 416 с. DOI 10.17323/978-5-7598-1913-4

*Эткинд А.** 2013. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Москва : Новое лит. обозрение. 448 с.

Viktor S. Martyanov
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: martianov@instlaw.uran.ru

Formation of the Russian Civic Nation: Orthodox, Soviet, Russian

Abstract. The transformation of the estate-based Russian Empire into a modern nation state was hastened by the Revolution of 1905, after which a constitution was adopted and institutions of popular

* Включен в список иностранных агентов.

democratic representation were introduced. This gradual movement towards civic nationhood was accelerated by the First World War; following the 1917 Revolution, a specific model of a civic nation emerged in the form of the Soviet people. In the USSR, a social state was created that guaranteed citizens' rights and freedoms that were comparatively progressive for the time, including broad participation in the adoption of socially significant decisions. However, history has demonstrated the failure of the Soviet model of common civic identity, which was replaced by conflict-generating class- and ethno-national palliatives. The contradictions inherent in this model arose in the USSR arose under the rhetoric of internationalism, the fight against Great Russian chauvinism, and especially the concept of the *brotherhood of peoples* (later downgraded to *friendship*), to latently cultivate a set of ethno-national states. The collapse of the Soviet people as forming the basis for a failed civic nation appeared to legitimise the complex of ethnonationalisms that had emerged at that time in the post-Soviet states. The exception is contemporary Russian society, in which the consolidation of the nation takes the paradoxical form of a suppression of civic nationalism and its replacement with imperial-civilisational and pseudo-Soviet rhetoric. As a result, archaic imperial governance practices, once designed for weak (indirect) control over peripheries and colonies that were culturally distinct from the centre, are turned inward towards the former metropolis, legitimising centrifugal tendencies along with questionable political demands by minorities. In the comparative context of post-Soviet states, the Russian Federation represents, at best, a *deferred nation*. As a result, the common civic identity, which should be founded on the culture of the majority (the state-forming people), manifests itself as a spectrum of institutionally entrenched particular identities that conflict with the majority.

Keywords: Russian nation; Russian Empire; nationalism; nation-state; Soviet people; multinational people; civic identity; civilisation state; consolidation

УДК 1

Дмитрий Александрович Давыдов
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7978-9240
Scopus: 57219455070
SPIN-код: 1881-6989

Цивилизационный выбор России в контексте модерной интерпретации русской философии личности

Аннотация. В статье русская классическая религиозная философия рассматривается как одна из идейных основ процесса конструирования Россией своей цивилизационной идентичности. Показывается, что обращение к классикам русской философии является крайне актуальным в свете поиска Россией своей идеологии и обозначения собственной культурной и цивилизационной специфики, уникальности философских поисков. Однако акцент на религиозной составляющей чреват множеством проблем: от апологии исключительно христианского богословия в светском и поликонфессиональном обществе до антимодернистских трактовок и обращенности к прошлому, а не будущему. Обосновывается, что возможна и нетеистическая интерпретация ряда концепций классиков русской философии. Как демонстрируется, русская философия может быть примечательна скорее уникальной антропологией личности (персонализмом), нежели сугубо богословскими аспектами. Философский персонализм актуален как уникальный подход к осмыслению современных социальных и культурных трансформаций. Если на Западе сегодня трендовым становится экспрессивный, то есть радикализированный индивидуализм, то русский персонализм утверждает диалогическую, «соборную» природу личности. Многие русские философы делали акцент на экзистенциальных аспектах диалога, рассматривая вовлеченность в общественную жизнь, творчество и любовь как способ достижения человеком духовного бессмертия. Современный западный индивидуализм, подпитываемый прикладным постмодернизмом и политикой идентичности, напротив, способствует фрагментации, распаду общего культурного пространства. Соответственно, персоналистические смыслы могут лечь в основу альтернативного западному проекта сохранения общего культурного

единства. Однако это не означает установление единого центра, который бы бюрократически диктовал людям, как им жить. Скорее, персоналистический подход подразумевает максимальное расширение культурного диалога, включение всех в политический процесс, максимальное повышение значимости каждой личности через ее вовлеченность в общее дело.

Ключевые слова: государство-цивилизация; русская философия» персонализм; капитализм; индивидуализм; русская идея; всеединство; соборность

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. Поиск и/или актуализация Россией своей собственной цивилизационной идентичности – процесс, развернувшийся с двойной силой с начала Специальной военной операции. В 2023 г. Президент России утвердил новую Концепцию внешней политики, в которой Россия определена как государство-цивилизация. Правда, сегодня едва ли можно сказать, что данный поиск достиг каких-то определенных результатов. Ведутся дискуссии о самом понятии «государство-цивилизация» и его релевантности даже к таким относительно монолитным в культурном смысле странам, как Китай (Лукин 2023). По поводу России еще больше неопределенности[1]. Ключевая проблема – в столкновении практического запроса на «анти-западность» с тем культурным влиянием Запада, которое испытывала наша страна на протяжении веков, что не могло не отразиться на моделях самоидентификации россиян.

Есть и ряд других существенных проблем. Одна из них – в достаточно грубых и избирательных попытках отрицать Запад и все, что с ним связано. Такие попытки в итоге ведут

[1] *Тимофеев И.* Государство-цивилизация и политическая теория, 23.05.2023 // Россия в глобальной политике. URL: https://globalaffairs.ru/articles/gosudarstvo-czivilizacziya/ (дата обращения: 12.07.2025); *Барабанов О.* «Государство-цивилизация» в теории и на практике, 10.10.2023 // Валдай. Международный дискуссионный клуб. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gosudarstvo-tsivilizatsiya-v-teorii-i-na-praktike/ (дата обращения: 12.07.2025).

к философии антимодерна и ретроградству (философия А.Г. Дугина – типичный пример[2]). Особенность российской цивилизации мыслится как все то прошлое, которое несомненно стоит провозгласить, воскресить и установить в почти неизменном виде. В итоге Россия, во-первых, отказывается от Модерна, а значит и от своего собственного взгляда на Современность, уступает Западу «монополию» на Модерн (Фишман, Мартьянов 2022), а во-вторых, остается с весьма разрозненными и зыбкими культурными «отголосками», которые не только сложно сочетать с современными реалиями, но и проблематично непротиворечиво связать друг с другом. Например, упор на православие и русскую религиозную философию довольно сложно сочетать со светским характером российского государства, многоэтничностью и поликонфессиональностью нашей страны. Подчеркивание русского и русскости может привести отнюдь не только к подъему патриотизма и любви к Родине, но и к националистическому шовинизму с последующим обострением межнациональных противоречий. Сложно дела обстоят и с попытками соотнести «переизобретаемое» прошлое с реалиями настоящего. Как бы ни были актуальны попытки противопоставить западному «сатанизму» русскую «духовность» и приверженность традиционным ценностям, реальные россияне едва ли соответствуют рисуемым идеалам как в плане религиозности[3], так и в плане действительной приверженности, скажем, семейным

---

[2] А.Г. Дугин: «И кем же надо быть, чтобы в такой ситуации прямого – едва ли ни ядерного – столкновения с цивилизацией Антихриста победить ее? Ответ прост. Если Русь не будет станом святых, если мы не возродим нашу духовную вертикаль, если мы не обратимся ко Христу и к духу нашей славной истории, мы просто обречены. Ведь русские – это не нация. Русские – это духовное призвание, это – выбор, ответ на глубинный зов бытия. Быть русским и означает быть призванным на финальную битву в конце времен, чтобы выступить на стороне Бога против дьявола. СВО – это религиозная война в самом глубоком и прямом смысле этого слова. Это, кстати, ясно осознают как раз русские мусульмане, особенно чеченцы, кадыровцы, прямо объявившие СВО "джихадом"» (*Дугин А.Г.* Русская Идеология и цивилизация Антихриста, 08.11.2022. // Изборский клуб. URL: https://izborsk-club.ru/23532 (дата обращения: 13.07.2025)).

[3] Лишь 6% россиян, считающих себя православными, посещают церковь хотя бы раз в месяц, а регулярно причащаются только 4% (*Бормотова А.* Только 6% верующих ходит в церковь, 20.04.2025 // URA.RU.

ценностям[4]. Соответственно, весьма неоднозначным видится тренд на реактуализацию классической русской религиозной философии (см., напр.: Савенков 2024). Обращение к ней резонно в свете запросов на подчеркивание существования именно «нашей» философии, которую можно рассмотреть как одну из культурных основ «государства-цивилизации». Однако, обращаясь к ней, утверждая приверженность принципам, которых придерживались классики русской религиозной философии, мы одновременно отбрасываем огромные пласты истории (или рассматриваем их как чуждые принятым на вооружение принципам), среди которых советская эпоха – пожалуй, наиболее яркая с точки зрения достижений российского народа. Все усложняется и произвольной оптикой, которую выбирают исследователи, желающие увидеть в российской цивилизационной специфике исключительно «конъюнктурные» вещи вроде тех, что провозглашают «переосмысление ценностей демократии и прав человека» (см., напр.: Спиридонова 2022: 119) или считающие, что русской культуре присуща «сакральность высшей власти» (Шевченко 2019: 40).

Далее мы хотели бы показать, что с наследием русской философской мысли можно обращаться несколько иначе: рассматривать ее не как набор готовых рецептов или ответов, а как источник вдохновения – как нечто углубленное в русской культуре, но при этом пластичное; не отрицающее Модерн, а утверждающее то, что может лечь в основу новых проектов

URL: https://ura.news/news/1052920233 (дата обращения: 13.07.2025)). Для сравнения: трое из десяти американцев говорят, что посещают религиозные службы каждую неделю (21 %) или почти каждую неделю (9 %) (*Jones J.M.* Church Attendance Has Declined in Most U.S. Religious Groups, 25.03.2025 // Gallup. URL: https://news.gallup.com/poll/642548/church-attendance-declined-religious-groups.aspx (дата обращения: 13.07.2025)).

[4] «Советник генерального директора Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Елена Михайлова заявила, что восемь из десяти браков распались в 2024 году. По ее мнению, это максимальное соотношение, которое вывело Россию на третье место в мире по количеству разводов» (*Филимонов С.* 8 из 10 союзов распадаются: главное о браках и разводах в России, 11.07.2025 // РБК Тренды. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/67eb9ba99a7947165b574ab9?from=copy (дата обращения: 13.07.2025)).

Будущего; затрагивающее не одну-единственную (в силу чего неизбежно «разделяющую») идентификационную компоненту (специфические «интерпретации» православия), а нечто вполне способное стать объединяющим и универсальным.

Провалы «западного индивидуализма». Прежде всего можно было бы согласиться, что ключевая «антитеза» искомого – это западный индивидуализм. Правда, уже здесь возникают вопросы: является ли западный индивидуализм неким большим метафеноменом, характеризующим суть западной цивилизации? Или это все же нечто слишком абстрактное и неопределенное, чтобы «нашу» цивилизационную идентичность определять «от противного», исключая все, что только можно ассоциировать с «индивидуализмом»? В контексте слишком широких обобщений велик соблазн отринуть все наследие Модерна, вернуться к теоцентрической картине мира или провозгласить коллективизм в качестве «системообразующего» принципа. Несложно заметить, что отсюда всего один шаг до Левиафана, отрицающего саму идею прав и свобод человека (Руткевич 2024).

Тем не менее стоит заметить, что «западный индивидуализм» – не «монолитный» феномен. До относительно недавних пор он вполне уживался со своей включенностью в жизнь сообществ, с патриотизмом, гражданской ответственностью, следованием социальным нормам. Более того, он долгое время смягчал радикальные проявления коллективизма и фанатизма. Поэтому трудно отрицать огромную гуманистическую миссию Ренессанса и Просвещения по «смягчению нравов» (вроде отхода от практик публичных казней или работорговли) (Ридли 2015). Даже капитализм – главный жупел сегодняшней просвещенной общественности – сыграл огромную роль в «смягчении пороков», поскольку члены буржуазного общества проявляют «заинтересованность в трудолюбии, честности, самодисциплине и множестве других мелких добродетелей» (Фукуяма 2004: 347).

То, что мы нередко наблюдаем сегодня на Западе, не столько индивидуализм как таковой, сколько его *радикальная и абсолютизированная форма*. Английский христианский теолог и историк церкви К. Трумен называет эту форму *экспрессивным индивидуализмом*. Согласно Трумену, сегодняшний мир

не является тем объективно авторитетным местом, каким он был восемьсот лет назад; современные люди все чаще думают о нем как о сырье, которым мы можем манипулировать собственными силами для достижения наших собственных целей. Конечным результатом краха традиционных иерархий является то, что представления о чести больше не формируют модель социального взаимодействия и, следовательно, модель признания в современном обществе. Эту роль теперь играет понятие достоинства, которым каждый человек обладает не в силу своего социального статуса, а просто потому, что он человек. Соответственно, радикальный индивидуализм провозглашает «святость» желаний и потребностей отдельных людей (см.: Trueman 2020). Этот индивидуализм, все чаще использующий постмодернистский и даже марксистский язык (Плакроуз, Линдси 2022), рассматривает общественную норму как источник несвободы, страданий, притеснений или угнетения. Весь тот отмечаемый сегодня многочисленными критиками расцвет «квирности» (в том числе воук-культуры), пропаганды сексуальных меньшинств и трансгендеризма и есть следствие «радикализации» индивидуализма: истинными признаются только «внутренние» ощущения и желания индивидов, их самоидентификация полагается священной и непреложной (причем все чаще – независимо от возраста, психического состояния и т.д.). Резонно, что все это приводит к настоящей культурной «войне всех против всех», поскольку консенсус более невозможен, как и настоящее взаимопонимание. Групповые идентичности и культурные артефакты «приватизируются», разделяются и присваиваются, становятся источником привилегий. Отсюда дискурсы о «культурных апроприациях», микроагрессиях (см.: Mounk 2023) и т.п. Если нормы больше нет, то все культурное пространство превращается в мрачное вместилище «институциональной власти». Вместо Нормы большинства устанавливаются и навязываются локальные «нормы» меньшинств. Все, кто с этими «новыми нормами» не соглашается[5], маркируются и стигматизируются как «угнета-

[5] В этом, к слову, известное противоречие, так как борьба за «эмансипацию» в итоге приводит к все тому же подавлению инакомыслящих и торжеству культуры отмены.

тели» (Al Gharbi 2024). Последние, в свою очередь, также активизируются, отчаянно пытаясь воскресить утраченную Норму, но все чаще «радикально-правыми» методами, ведущими к нарастанию отчуждения и взаимного недоверия.

Конечно, многие западные авторы рефлексируют над происходящим распадом общего культурного пространства. Нарастающему партикуляризму политики идентичности и культурным войнам, а также социальной атомизации пытаются противопоставить какие-то универсалистские решения (см., напр.: McGowan 2020). Примечательный пример – книга Дж.А. Пауэлла и С. Менендиана «Принадлежность без инаковости» ("Belonging without Othering"). В ней Пауэлл и Менендиан утверждают, что если сегодня человечество не сможет выстроить некое большое и инклюзивное «мы», то завтра будет походить на кровавое прошлое: углубляющееся разделение, растущая враждебность, продолжающаяся фрагментация, националистическая агрессия и т.д. Стало быть, нужно отвергнуть идею категорического «другого» или «их» и построить большее и более обширное «мы». Для этого нужны соответствующие коллективные усилия вроде поиска общих целей или совместных инициатив (Powell, Menendian 2024).

Но их рецепт оказывается лишь поверхностным, симптоматическим лечением, игнорирующим основной «недуг» – радикализированный и экспрессивный индивидуализм. Пауэлл и Менендиан просто хотят найти нечто, что было бы вне действующих противоречий и разделений, найти общий и абстрактный идентификатор «мы». Они игнорируют наиболее значимую проблему: несовместимость многих интересов, лежащих в основе постоянно дробящихся идентичностей (типичный пример – «вторжение» трансгендерных женщин, то есть биологических мужчин, в женские пространства), а также разрушенное равновесие общественных сил, когда интересы меньшинств оказываются навязываемыми большинству (см., напр.: Gress 2023) (принятие «гендерной идентичности» детей, пропаганда сексуальных девиаций в школах и т.п.).

Учитывая отмеченное, велик соблазн сделать вывод о том, что первоисточник указанных противоречий стоит искать или в Модерне как таковом, или в любых формах индивидуализма, или в «идеологии прав человека». Поэтому «уход

от Запада» должен быть связан с чем-то противоположным Модерну: христианское (православное) богословие, Традиция, сакрализация власти и тому подобное. В этом смысле резонно повышенное внимание к классикам русской религиозной философии. Но есть основания считать, что между классиками русской религиозной философии и Модерном нет непримиримых противоречий. Как мы увидим далее, читать русскую философию можно и без привычных акцентов на православной или мистической составляющей. Она ценна и специфическими философско-антропологическими достижениями, которые вполне могут рассматриваться в конфессионально- и религиозно нейтральном ключе.

Философия всеединства и антропология личности: нетеистическое прочтение. Конфессионально- и религиозно нейтральное прочтение классиков русской философии не означает отрицание их метафизической составляющей. Скорее, речь должна идти о высвечивании тех компонентов, которые могли бы быть актуальными для всех независимо от их религиозных взглядов. Даже если мы стоим на позициях атеизма, некоторые философские интуиции русской религиозной философии могли бы быть творчески переосмыслены и представлены в виде их условных «светских» версий. Это не будет прецедентом. Так, персонализм, к которому относил себя Н.А. Бердяев, может иметь и нетеистические версии. Как отмечал французский персоналист Ж. Лакруа, «у всех, в том числе и у атеистов, любая мольба содержит в себе нечто духовное, даже если при этом не признают божественного истока духовности» (Лакруа 2004: 49).

Другой вопрос – что подразумевать под русской религиозной философией? Это достаточно сложный вопрос, поскольку история русской философии как таковой весьма обширна. Здесь мы будем опираться прежде всего на философию XX в., во-первых, как наиболее близкую современности, а, во-вторых, как лучше отражающую и осмысляющую специфику драматической ситуации, в которой оказалась наша страна в первой четверти XX в.: уникальное столкновение двух крайностей – проникновение западного буржуазного «этоса» и индивидуализма вкупе с крайним коллективизмом большевизма. Эта ситуация была в чем-то схожа с современной. Философы искали

ответы на кризис духовных ценностей в традиционных истоках российской цивилизации. Но делали они это уже по-новому, как люди Модерна. Поэтому, несмотря на религиозный язык, их труды можно читать как поиски не только и не столько богословские, сколько *антропологические*. Как писал В.В. Зеньковский, «если уже нужно давать какие-либо общие характеристики русской философии, – что само по себе никогда не может претендовать на точность и полноту, – то я бы на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий. Русская философия не теоцентрична (хотя в значительной части своих представителей глубоко и существенно религиозна), не космоцентрична (хотя вопросы натурфилософии очень рано привлекали к себе внимание русских философов), – она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории. Прежде всего это сказывается в том, насколько всюду доминирует (даже в отвлеченных проблемах) моральная установка: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования» (Зеньковский 2001: 21).

Каков человек русских религиозных философов XX века? Здесь мы встречаем достаточно широкий набор разных концептуальных вариаций. Некоторые авторы более «индивидуалистичны» (точнее – персоналистичны), как Н.А. Бердяев, а некоторые – склоняются *в сторону* коллективизма и гегельянства, как И.А. Ильин. Однако их взгляды обычно располагаются где-то посередине между крайностями индивидуализма и коллективизма. Русская (не советская!) философия XX в., как мы уже отметили, выстраивалась вокруг драматического противостояния западного капитализма и большевистского коммунизма. Они отрицали как образ западного зацикленного на «себе» индивида как потребителя и мещанина, так и советскую подавляющую личность политическую/бюрократическую машину. Почти все они так или иначе черпали вдохновение в философии всеединства В.С. Соловьева.

Осмелимся утверждать, что идея всеединства имеет прежде всего экзистенциальные смыслы. Абсолютная ценность и единство Истины, Добра и Красоты полагается вкупе с единством всего сущего и Бога. Человек – это не просто безликая часть «падшего» материального мира. Человеческая жизнь должна

иметь свой высший смысл, она часть большого божественного замысла. Человеческая личность есть образ и подобие Бога. Но человеку как тварному существу, необходимо приобщиться к всеединству. Он не рождается, а становится личностью. Для этого ему нужно преодолеть «природный» эгоизм и индивидуализм, услышать в себе зов Бога, принять свое призвание. Только любовь и творчество дают возможность человеку стать личностью, выйти за пределы «животного» индивидуализма и эгоизма. «Только благодаря разумному сознанию (или, что то же, сознанию истины) человек может различать самого себя, то есть свою истинную индивидуальность, от своего эгоизма, а потому, жертвуя этим эгоизмом, отдаваясь сам любви, он находит в ней не только живую, но и животворящую силу и не теряет вместе со своим эгоизмом и свое индивидуальное существо, а, напротив, увековечивает его» (Соловьев 2016: 79).

Путь индивидуализма и эгоизма – это путь смерти в мире, где все бесследно исчезает: «вот он пресмыкается, ползает, жрет, превосходит разрушительной злобой самого кровожадного из хищников, являет собою воплощенное отрицание всего святого и в заключение умирает» (Трубецкой 2017: 40). Путь к смыслу – это путь восхождения к Абсолютному, к Богу. Но это не означает отказа от земного мира, что и позволяет нам читать русских философов *не только теистически*[6]. Русская религиозная философия отрицает радикальный дуализм мира «тварного» и мира божественного (натуралистического/супранатуралистического или временного/вечного). Человечество идет по пути обожения, а между всем сущим, будущим и прошлым имеется неразрывная связь. Человек должен стать «другом Бога», обрести полноту через любовь и творчество, *стать частью чего-то вечного*. Как пишет Е.Н. Трубецкой, «время нам дано

[6] А.Ф. Лосев бы сказал, что религия – это просто специфическое самоутверждение личности, отличающееся лишь своей принципиальностью: «Мы не ошибемся, если скажем, что религия есть всегда то или иное *самоутверждение личности в вечности;* причем тут пока совершенно не ставится вопрос ни о видах и характере данной личности, ни о способах понимания вечности. Не вникая в эти более специальные вопросы, можно формально сказать о всякой религии, что она есть та или иная попытка утвердить личность в бытии вечном, связать ее навсегда с бытием абсолютным» (Лосев 2020: 143-144).

для того, чтобы совершенство, к которому мы призваны, было не только актом всемогущества Божества, но вместе с тем и собственным нашим делом» (Трубецкой 2017: 132). Соответственно, божественное присутствует в наших земных делах, личность стремится к вечности уже здесь: «Эта свобода человека не есть только теоретическое предположение. – В величайших подвигах человеческого ума и воли, в явлении *святых* на земле, в творческом вдохновении пророков, художников и религиозных мыслителей она становится *эмпирией, фактом, доступным наблюдению*» (Трубецкой 2017: 252).

Вечное и всеединое, в свою очередь, может быть только целым. Поэтому и антропологические модели русских философов утверждают потенциальную связность, вовлеченность, погруженность в *общественное целое*. Отдельные личности могут стать по-настоящему богатыми через любовь и связь с другими личностями. Стало быть, русские философы отрицали типичные просвещенческие модели субъекта как изолированного «Я». Никакого рафинированного «Я» не существует. Человеческая субъективность («душа человека») – это сложный комплекс переживаний, ощущений, душевного и духовного, постоянно взаимодействующих с окружающим миром и другими личностями. Как пишет С.Л. Франк, «душевная жизнь человека… отнюдь не прикована к единичному чувственному материалу и единичной энтелехии ее чувственно-эмоционального бытия и не всецело предопределена ими в лице своего сверхчувственного формирующего единства: она возвышается над этой единичностью и обособленностью и является проводником высших, общечеловеческих и даже сверхчеловеческих начал и движущих сил» (Франк 2015: 322). Поэтому высшее проявление личности – это не эгоистичное впитывание в себя материального, а творческое «излияние», максимальное погружение и вовлеченность в общественное, в диалог с социальным целым. При этом индивидуальность личности не теряется. Она, напротив, становится подлинной: «Гений – существо с наиболее ярко выраженной и сильной индивидуальностью в смысле неповторимой оригинальности личности – есть вместе с тем существо наиболее *многообъемлющее*, творчество которого имеет объективное значение и потому встречает наиболее широкое понимание и отклик в человечестве» (Франк 2015: 326).

Погружение в общественное целое не должно подразумевать поглощения личности целым. Тирания массы ведет к все той же смерти личности в обезличенности. Даже такие «гегельянцы», как И.А. Ильин, утверждали необходимость *свободного выбора*. Однако здесь же мы видим разительное отличие от того культа самоопределения, который ныне существует на Западе. Там единое социальное целое все чаще рассматривается как то, что почти неизбежно «угнетает» личность (вроде дискурсивной власти, по М. Фуко). Оттого – постмодернистская война против любой нормативности, ведущая к торжеству нигилизма. Русская философия, напротив, – это философия всеединства, диалогического целого, в котором личность невозможно «оторвать» от общественного и/или божественного. Общество, если оно приобщено к божьему промыслу, не может и не должно силой заставлять личность подчиняться чьей-то воле, ибо в таком случае сама личность перестает быть богоподобной. Конечно, истина (даже о собственной «идентичности») не может утверждаться одним человеком: «Ни один человек не имеет основания полагаться в этом на свои личные, одинокие силы; ибо он может быть уверен, что всей жизни его, даже сосредоточенной и напряженной, не хватит на испытание Божьих тайн» (Ильин 2024: 65). Но она не должна навязываться кем-то или чем-то насильственно, но только убеждением: «…духовная свобода совсем не сводится к отрицанию чужой опытности и мудрости, но состоит в том, чтобы внутренно освободить себя для духовной жизни без внешнего насилия, принуждения и запугивания. Вот почему дети в особенности не могут быть предоставлены на произвол “внешней” и “отрицательной” свободы; напротив, они должны быть подготовлены и воспитаны к “внутренней”, “положительной” свободе. Дело не в том, чтобы “оставить их в покое” или “никак не вторгаться в их внутреннюю жизнь”, но в том, чтобы пробудить их к духовной жизни – не насилием, а *любовью*, не запугиванием, а *живым примером*» (Ильин 2024: 93-94).

Личность погибает, не только замкнувшись в себе или будучи поглощенной массой. Она погибает, если больше нет, условно говоря, «культурной вечности», приобщения к вечному в культуре, самих вечных смыслов. *Личность формируется только в диалоге с другими, в диалоге со всем общественным*

целым. Здесь русский персонализм перекликается с диалогическим персонализмом таких авторов, как М. Бубер. Последний отличал неподлинную жизнь обособленного «Я» от личностного отношения «Я-Ты»: «…собственная (обособленная для себя) сущность проявляется в отделении от других собственных сущностей. Личность проявляется тем, что вступает в отношение с другими личностями. Первое является духовным образом природного обособления, второе духовным образом природной связности. Целями обособления являются приобретение опыта и его использования; их же целью является "жизнь", то есть длящееся в течение человеческой жизни умирание. Целью отношения является его сущность, то есть прикосновение Ты. Ибо через прикосновение каждого Ты нас касается дыхание вечной жизни» (Бубер 2024: 88-89).

Все это применимо к сегодняшним реалиям. Когда культура распадается, когда каждый, обособляясь, конструирует свою «норму» и «истину», рвется ткань общественного целого. В здешнем, земном мире те культурные ценности, которые создаются в условиях всеобщей фрагментации, обречены на забвение и смерть. Это как раз то, что, на наш взгляд, ускоренными темпами происходит на Западе: больше нет искренности, «доступности» опыта других, единения. Даже, как утверждается некоторыми, мужчин и женщин больше нет (или не должно быть). Зато есть микроагрессия и мисгендеринг, а также политика идентичности, культурные войны, постмодернистский нигилизм, опошление высокого и возведение в культ низменного, постгуманистическое низведение личностей до «сборок», биологических машин или чего-то вроде «кибернетических агентностей» (см., напр.: Haraway 1985), трансгуманистический культ всемогущества вплоть до тезисов о неизбежности исчезновения человеческого вида как чего-то «устаревающего» (см.: Davydov 2020). И все это как раз то, что, на наш взгляд, актуализирует именно нетеистическое (не атеистическое!) прочтение классиков русской философии.

Н.А. Бердяев предчувствовал угрозу надвигающегося культурного распада. Он по праву является философом свободы (см.: Бердяев 2010). Но в еще большей степени он является философом смысла, философом, поставившим в центр рассмотрения весь драматизм утраты смысла перед перспективой смерти

и небытия. Именно в его трудах наиболее ярок *диалогический персонализм*. И он большой критик всякой атомизации и превращения человеческого общества в безликую массу. Его критика индивидуализма очень актуальна применительно к ряду современных западных культурных тенденций: «Софисты, релятивисты, позитивисты не знают человека как микрокосма, как образа и подобия бытия абсолютного. У них человек превращен в относительное состояние, в каплю в море мировой необходимости, в песчинку песчаной пустыни бытия» (Бердяев 2018b: 55). Эта песчинка неизбежно растворится в небытии. Только через творчество и диалог лежит путь к вечности и смыслу: «творческая жизнь есть жизнь вечная, а не тленная» (Бердяев 2018b: 202). Подлинное творчество – это создание и приобщение к вечному и божественному: «В Джоконде есть вечная красота, которая войдет в вечную божественную жизнь» (Бердяев 2018b: 202). Через творчество не только создается вечное, но и осуществляется подъем человеческих, личностных сил: «Зрелая, содержательная свобода предполагает возрастание и подъем внутреннего человека, его органическое воссоединение с другими людьми и космосом» (Бердяев 2018b: 357).

Философия Бердяева отмечена неким скепсисом относительно мира материального, мира объектов. Материальное творчество, согласно Бердяеву, все равно рискует обернуться «объективацией», поглощением личности реальностью посюстороннего, временного и разрушающегося. Но что, если помимо этого мира нам больше ничего не дано?[7] Нетеистическая[8] интерпретация философии Бердяева могла бы заключаться

[7] Помимо данного нам земного мира вообще может ничего не существовать. Однако даже если мы остаемся на позициях веры в трансцендентное, всегда остается возможность того, что стремление к вечности посюсторонней является чем-то очень тесно связанным с достижением вечности «по ту сторону» «тварного» мира.

[8] Вновь заметим – не атеистическая! Скорее – нейтральная по отношению к той или иной конфессии, к религии вообще. Если говорить о христианстве, то такая нетеистическая трактовка может при должном подходе только дополнять, а не исключать теистическую, поскольку, как тоже уже отмечалось, идея всеединства подразумевает отсутствие жесткого дуализма мирского и божественного, то есть, стремясь к всеединству здесь-и-сейчас, человек в любом случае действует согласно божественному замыслу. Более того, речь может идти

в том, что, если нам неведомо трансцендентное, все, что у нас остается точно, – это земной мир. Тогда очевидный путь личности к смыслу – это *путь к единству и бессмертию человеческой культуры, к вневременному диалогу всех со всеми*. Имеет смысл та жизнь, которая оставит свой вечный[9] след в человеческой культуре, та жизнь, которая так или иначе причастна к тому, что будет иметь значение и для будущих поколений, даже если индивидуальные достижения в силу своей скромности несоразмерны достижениям великих творцов и гениев. Человечество может двигаться к единству здесь и сейчас.

Заключение. Источник вдохновения. Итак, классика русской философии вполне может выступать в качестве одной из культурных и идейных основ России как государства-цивилизации. Правда, внимательный читатель быстро убедится в неправомерности попыток найти в трудах большинства ее представителей критику вообще всякого индивидуализма и оправдание вообще любой государственной власти. Напротив, он найдет там скорее уникальную антропологию личности, нежели культ служения государству независимо от того, какие цели оно преследует. «Современное государство, – пишет Е.Н. Трубецкой, – с его аморализмом, с его стремлением использовать всю культуру как средство для осуществления животных целей коллективного эгоизма, являет собою как бы конкретное воплощение начала зверочеловечества» (Трубецкой 2017: 310). Как считает Н.А. Бердяев, «человек, всегда индивидуальный и неповторяемый, для христианства более первичная и глубокая реальность, чем общество. Человек может – и часто должен – жертвовать своей жизнью, но не личностью; личность в себе он должен реализовать, и жертва есть условие

и о чем-то вроде «нетеистической религии» как о метафизической основе творчески развиваемого русского персонализма и русской соборности. Одной из возможных концептуализаций этой основы является утверждение К. Ясперсом, наряду с «миром» и «экзистенцией», еще и «трансценденции», не имеющей прямого религиозного (тем более конфессионального) смысла, однако обеспечивающей возможность духовной культуры.

[9] Конечно, едва ли можно на рациональном уровне надеяться на посюстороннюю вечность. Однако для человека субъективно воспринимаемой вечностью может быть и очень долгое время.

реализации личности. Именно личность призвана к вечной жизни, есть завоевание вечности» (Бердяев 2018а: 147). Сомнительно и обращение к русской религиозной философии с целью оправдания национализма. Напротив, сам смысл ключевой идеи классиков русской религиозной философии – всеединства – заключается в подчеркивании единства всего человечества, всего земного мира и Бога, восприимчивости человечества к общим, универсальным идеям. В конце концов, русская философия имеет множество корней в западной, а философия Н.А. Бердяева оказала огромное влияние на французский персонализм (см.: Мунье 1999).

И необязательно в классике русской религиозной философии находить исключительно христианское богословие или нечто обосновывающее необходимость «возврата к средневековью», а потому оправдывающее критику «идеологии прав человека» или обнаружение «сакральных основ» российской государственности. Напротив, сама эта философия принадлежит миру Модерна. Как мы показали выше, возможно нетеистическое прочтение трудов некоторых классиков русской философии. Видеть в ней источник вдохновения – значит распознавать набор важных идей, которые могут быть творчески преобразованы в ответ на угрозы современного мира. Прежде всего, на наш взгляд, русская религиозная философия примечательна *антропологией личности*, формируемой в диалоге и стремящейся к гармоническому всеединству (соборности), не имеющей ничего общего как с «атомизированным» индивидом капитализма, так и с обезличенным человеком общества массового, бюрократического и во всех смыслах авторитарного. Это также философия, имеющая глубокие экзистенциальные смыслы. Желание прикоснуться к вечности, устоять перед смертью и небытием – вот, что определяло большую часть философских интуиций рассмотренных классиков.

Как все это может быть использовано применительно к той наблюдаемой рефлексии над культурными угрозами, исходящими от Запада? Вероятно, основная такая угроза – это риск культурного распада, а потому – риск утраты надежды на достижение единства человечества, «отслоения от вечности».

Возможны ли устремленные к вечности диалог и любовь, если авторитетов и Нормы больше нет? Представим ли какой-то

«порядок вещей», если нет авторитета отца и матери, но есть признаваемые истиной в последней инстанции желания детей? Возможна ли искренность, если каждый боится быть обвиненным в чем-то вроде мисгендеринга, сексизма, расизма, а потому предпочитает молчать или проявлять неискренность? Есть ли потенциал братства между людьми, поделенными на сотни гендеров? Есть ли единение между теми, кто должен предупреждать о «предпочтительных местоимениях» или стараться не быть обвиненным в «культурной апроприации»? Можно ли помыслить любовь, если «женское» и «мужское» становятся взаимными «предметами» зависти, а половые различия уравниваются, затушевываются или вовсе постулируются как несущественные?

Если Россия не хочет идти по пути культурного распада, она может рассмотреть персоналистические интуиции, свойственные некоторым классикам русской философии. Но на этом пути, на наш взгляд, нужно сторониться простых решений. Если мы хотим сохранить Норму, то персоналистический ответ едва ли должен заключаться в том, чтобы эту Норму навязывать путем бюрократического назидания. Если личность формируется и процветает в гармоническом диалоге, в соборности и всеединстве, то и Норма должна формироваться путем вовлеченности, участия и демократического выбора большинства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бердяев Н.А. 2010. О рабстве и свободе человека. Москва : Астрель. 316 с.

Бердяев Н.А. 2018a. Истоки и смысл русского коммунизма / Бердяев Н.А. Малое собрание сочинений. Москва : Азбука, Азбука-Аттикус. С. 5–157.

Бердяев Н.А. 2018b. Смысл творчества. Москва : АСТ. 416 с.

Бубер М. 2024. Я и Ты. Москва : АСТ. 192 с.

Зеньковский В.В. 2001. История русской философии. Москва : Академ. проект : Раритет. 880 с.

Ильин И.А. 2024. Путь духовного обновления. Москва : АСТ. 448 с.

Лакруа Ж. 2004. Избранное: персонализм. Москва : Рос. полит. энцикл. 608 с.

Лосев А.Ф. 2020. Диалектика мифа. Санкт-Петербург : Азбука. 320 с.

Лукин А.В. 2023. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе // Российское китаеведение. № 1. С. 71–99. DOI 10.48647/ICCA.2023.68.94.004

Мунье Э. 1999. Персонализм // Мунье Э. Манифест персонализма. Москва : Республика. С. 459–539.

Плакроуз Х., Линдси Дж. 2022. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. Москва : Individuum. 384 с.

Ридли М. 2015. Рациональный оптимист. Москва : Эксмо. 560 с.

Руткевич Н.А. 2024. Кто они, где они, за что они и почему // Россия в глобальной политике. Т. 22, № 4. С. 182–201. DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-4-182-201

Савенков А.Н. 2024. Философия права и становление российского государства-цивилизации. Москва : Наука. 739 с.

Соловьев В.С. 2016. Смысл любви // Соловьев В.С. Смысл любви. Санкт-Петербург : Азбука. С. 62–139.

Спиридонова В.И. 2022. «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // Общественные науки и современность. № 3. С. 116–127. DOI 10.31857/S086904992203008X

Трубецкой Е.Н. 2017. Смысл жизни. Санкт-Петербург : Азбука. 352 с.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С. 2022. Если не урок, то проект. Ставка на лучшую Современность для человечества как шанс для России // Россия в глобальной политике. Т. 20, № 4. С. 66–85. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-4-66-85

Франк С.Л. 2015. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. Москва : Кн. клуб «Книговек». 384 с.

Фукуяма Ф. 2004. Великий разрыв. Москва : АСТ : Ермак. 474 с.

Шевченко В.Н. 2019. Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // Философские науки. Т. 62, № 1. С. 30-47. DOI 10.30727/0235-1188-2019-62-1-29-47

Al Gharbi M. 2024. We Have Never Been Woke: The Cultural Contradictions of a New Elite. Princeton : Princeton Univ. Press. 432 p.

Davydov D.A. 2020. The Crisis of Humanism and Emerging Post-Anthropocentric Epoch: A Personalistic View // Changing Societies & Personalities. T. 4, № 2. P. 220–247. DOI 10.15826/csp.2020.4.2.099

Gress C. 2023. End of Woman: How Smashing the Patriarchy Has Destroyed Us. Washington, D.C. : Regnery Publishing. 256 p.

Haraway D. 1985. Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the 1980s // Socialist Review. № 80. P. 65–107.

McGowan T. 2020. Universality and Identity Politics. New York : Columbia Univ. Press. 272 p.

Mounk Y. 2023. The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in Our Time. New York : Penguin Press. 416 p.

Powell J.A., Menendian S. 2024. Belonging without Othering: How We Save Ourselves and the World. Stanford : Stanford Univ. Press. 448 p.

Trueman C.R. 2020. Rise and Triumph of the Modern Self: Cultural Amnesia, Expressive Individualism, and the Road to Sexual Revolution. Wheaton, Ill. : Crossway. 432 p.

Dmitry A. Davydov
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Russia's Civilizational Choice in the Context of a Modern Interpretation of Russian Philosophy of Personality

Abstract. The article examines Russian classical religious philosophy as a conceptual foundation in the formation of Russia's civilizational identity. It argues that the resurgence of interest in Russian philosophical thought is extremely relevant amid contemporary efforts to articulate a distinct national ideology and to delineate Russian cultural-civilizational uniqueness. However, the emphasis on the religious component presents significant challenges: ranging from the privileging of Christian theology within a secular and multi-confessional society to anti-modernist tendencies that prioritize the past over the future. The study further demonstrates that a non-theistic reinterpretation of key concepts in Russian philosophical classics is both viable and analytically productive. Central to the argument is the proposition that Russian philosophy distinguishes itself less through theological discourse and more through its distinctive anthropology of personhood – namely, its *philosophical personalism*. This perspective remains salient as a framework for comprehending contemporary sociocultural transformations. While Western modernity increasingly prioritizes an expressive, radicalized individualism, Russian *personalism* upholds a dialogical and *sobornost-oriented* (collectively harmonious) conception of the self. Many Russian thinkers emphasized the existential dimensions of dialogue, positing that engagement in public life, creative endeavor, and love constitute pathways to existential fulfillment and even immortality. By contrast, contemporary Western individualism, amplified by applied postmodernism and identity politics, fosters social fragmentation and the erosion of shared cultural frameworks. Consequently, Russian personalist thought may furnish an alternative paradigm for sustaining collective cultural continuity – one that diverges from the Western trajectory. Crucially, such an alternative does not entail bureaucratic imposition or centralized cultural hegemony. Instead, *personalism* advocates for the expansion of intercultural

dialogue, broader political participation, and the elevation of individual significance through communal engagement. Thus, this approach reconciles the affirmation of personal uniqueness with the imperative of cohesive cultural and societal development.

Keywords: state-civilization; Russian philosophy; personalism; capitalism; individualism; Russian idea; all-unity; sobornost

Историография и перспективы развития современного публичного права

УДК 340.12

Владимир Сергеевич Горбань
Институт государства и права
Российской академии наук
г. Москва, Россия
E-mail.: gorbanv@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8054-2605
SPIN-код: 2337-9180

Публичное право и его историография с позиции современной логики смыслополагания

Аннотация. Публичное право, несмотря на его многовековую историю, по настоящее время остается одним из наиболее загадочных и непростых для научного освоения явлений. Учебная и научная разработка публичного права насчитывает несколько веков. Однако его догматическое освоение, начавшись в XIX в., сопровождалось постепенным расширением трактовок в русле влияния смежных общественных наук, породив разнообразные концепции понимания дисциплинарной природы и объяснительных возможностей современной теории публичного права. Наиболее остро в мировой литературе выглядит вопрос о распределении ролей в разработке и преподавании публичного права между юриспруденцией и политологией. С точки зрения содержания дисциплины и социально-практической значимости теория публичного права может быть эффективной только на основе учета исторически-конкретной логики смыслополагания, развертываемой во всей совокупности феноменов и явлений национальной культуры. Западной, преимущественно англоязычной, литературе часто не достает внятной историографической основы, отсутствие которой порождает эпигонство и некоторую небрежность в понимании хорошо

известных смыслов и традиций, а также искаженное понимание иных вариантов культуры публичного права. Российская юриспруденция должна усиливать свое внимание к обобщению лучших образцов отечественной мысли, изучению мирового опыта.

Ключевые слова: юридическая историография; публичное право; камералистика; политология; смыслополагание в праве; государствоведение; национальные интересы

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Теория публичного права до настоящего времени не имеет универсальных шаблонов и примеров. Ее формирование всегда ограничивалось национальными или региональными традициями. Чтобы действительно понять природу и познавательные возможности публичного права как научной дисциплины, необходимо опираться на результаты современных историографических исследований политико-правовой мысли, которые убедительно показывают и доказывают программное значение историографических моделей, лежащих в ее основе. Без учета историографического контекста и его логико-смысловой заданности невозможно не только проанализировать общие и отличающиеся моменты подходов к ключевым проблемам публичного права в разных традициях, но даже просто ответить на вопрос о состоянии национальной науки. Эти важнейшие вопросы современной юридической науки, включая понимание характера и задач юридической историографии, подробно разработаны в новейших исследованиях В.С. Горбаня, академика А.Н. Савенкова (Горбань 2024a; Горбань 2024b; Савенков 2024).

В основе права вообще как феномена культуры и публичного в отдельности лежит определенная логика смыслополагания, которая формирует всю национальную традицию

философии и теории права. О значении типов логики смыслополагания и о возможности ее применения к сфере права на основе многолетних исследований даются подробные разъяснения в работах академика А.В. Смирнова, В.С. Горбаня (Смирнов 2023; Горбань 2025).

На основании этого проблематика публичного права как научной дисциплины оказывается одновременно философско-правовой и юридико-историографической.

Деление права на публичное и частное известно давно. Начало такого рода обособления сфер права, по крайней мере в зафиксированном виде, положено в высказываниях римских юристов, в особенности Ульпиана. В наши дни обе сферы права воспринимаются как вполне закономерное явление, хотя граница между ними не всегда понимается как нечто строгое и неподвижное. Различные идеи и институты одного и другого легко перемещаются в противоположную сферу. Например, уголовное право за последние два десятилетия получило ряд мягких (диспозитивных) по своей юридической природе конструкций (в основаниях освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления, судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера и др.). Но и сфера частного права легче воспринимает императивные требования, традиционно характерные больше для сферы публичного права. По всей видимости, быстрые изменения в характере жизни человека, активное внедрение в повседневную жизнь электронно-цифровых технологий, объективно меняющиеся условия взаимодействия и развития регионов, стран и народов способствуют тому, что право и его морфология, учитывающая деление на публичное и частное, приобретают новые черты и характеристики.

Для юриспруденции в ее классическом восприятии деление права на публичное и частное является своего рода исходной интуицией, формирующей почти парадигмальное представление о назначении всего того инструментария, который аттестуется в той или другой сфере. В связи с этим в истории юридической мысли до настоящего времени регулярно предпринимаются попытки понять и разъяснить природу общего интереса, общего блага, с одной стороны, и характер частного интереса, на защиту которого направляется частное право,

с другой. Причем внутри схемы соотношения общего (публичного) и отдельного (частного) совершенно неодинаково специфицируется содержание и смысл каждого из мыслимых моментов и релевантных сфер. И если природу частного понять традиционно и логически проще, то характер публичного, как показывает опыт и содержание этой сферы регулирования, разъяснить значительно труднее.

Частное и публичное в их соотнесенности могут мыслиться с точки зрения популярной сегодня проблематики идентичности, которая в философском плане связана с идеей самотождественности. Причем уровни развертывания смысла самотождественности могут мыслиться относительно как отдельного лица, так и коллективов или общества в целом. Другим полюсом выступает характеристика всечеловечности, традиционная для русского философского мышления, когда и право оказывается все время нацелено на соотнесенность с всеобщей правдой, справедливостью, равенством и пр. Это придает рассуждениям о природе публичного и частного права иной философский смысл. Он считывается при изучении природы национальных логик смыслополагания и механизмов их развертывания во всей релевантной философской и логической оснастке. Публичное в сфере права означает не просто констатацию общего, но его точное, конкретно-историческое, культурное и соответствующее ему логическое наполнение. Соответственно, публичное право включает в себя не только представления о том, что при осуществлении частных (отдельных) прав не должны нарушаться интересы других или как правительство должно работать. Первое на языке юриспруденции в конце XIX в. называлось социальной задачей права. Если еще Ульпиан говорил о том, что jus publicum – это то, что идет на пользу Римскому государству, то нет никаких оснований утверждать сегодня, что в идее публичного права не закладывается его полезность в первую очередь для конкретного общества и государства. Фиксация момента общего никак не отменяет значение публичного права как конкретного феномена и явления. Например, в американской политологической и юридической литературе популярная проблематика публичного права всегда обусловливается оценкой его назначения как права американского образа политического управления, аме-

риканского национального опыта правового строительства, функционирования демократии и правозащитной деятельности в этой конкретной стране.

Немецкий подход к природе публичного права отличается не только консервативностью названия, в котором предпочтение отдается немецкому варианту, а не латинскому, но и столь же акцентированной привязкой к исторической культуре национального правового развития. Немецкий правовед Б. Рютерс вообще считает, что право в целом и в своих деталях невозможно без идеологии. Это может быть идея свободы, типов экономического развития, политических деклараций в виде повсеместного демократизма и т.п. (Rüthers 2007). Таким образом право формируется, преобразуется, толкуется в повседневной деятельности юристов.

Для России теория публичного права может формироваться только на основе развертывания всего комплекса смыслообразующих идей, содержащихся в ее культуре. Не только формальные характеристики институтов государственного управления входят в сферу публичного права, но также фундаментальные правовые духовно-нравственные ценности. Став частью Основного закона, традиционные духовно-нравственные ценности приобретают характер правового требования к политической структуре, к функциям институтов, к сфере группового и индивидуального общения.

В обсуждении природы и характера публичного права мы традиционно воспроизводим становление его институциональных структур в рамках тех шаблонов, которые сложились в западноевропейской и русской политико-правовой мысли XIX в. Этот ракурс важен для понимания преломления римских правовых конструкций в европейском правовом мышлении и для анализа распространения соответствующих представлений в России и других странах, испытавших влияние западноевропейской правовой традиции. Однако он не является исчерпывающим. Он лишь показывает определенную траекторию поисков, акцентирует внимание на исторических тенденциях. На самом же деле проблема формирования теоретических основ публичного права с исторической, историографической и логико-смысловой точки зрения (философского освоения публичного права и границ такого рода познания) оказывается

значительно сложнее и многообразнее, чем традиционные представления о ней.

Историография отношения публичного права к государствоведческим и социальным наукам в контексте традиционной западноевропейской юриспруденции восходит, как минимум, ко второй четверти XVII в., когда после 1630 г. в результате перемен, вызванных Реформацией, в германских университетах, возникли первые кафедры jus publicum, а затем в территориальных государствах были учреждены кафедры «экономики, политики и делопроизводства» (Oppermann 1967). Камералистика, обеспечивавшая подготовку новых управленцев, постепенно расширилась за счет экономических учений, статистики и наук о финансах, превратившихся в систему общегосударственных наук, единый комплекс государствоведческих дисциплин. Публичное право уступало изучению государствоведческих наук при формировании слоя государственных служащих. Вплоть до второй половины XIX в. jus publicum обогащается за счет теологии и философии, особенно в области естественного и разумного (в смысле, который придавался этому термину в XVIII в.) права. Иногда его включали в качестве раздела в состав государствоведческих дисциплин. И, наконец, во второй половине XIX в. публичное право приобретает самостоятельную прописку в составе юридических наук.

В 1870-х гг. в немецкой юридической литературе возникла дискуссия по поводу первой догматической разработки теории публичного права (П. Лабанд, О. Гирке, О. Мейер). Главный вопрос заключался в возможности построения теории публичного права, прежде всего государственного права, с точки зрения самостоятельности его понятийного аппарата и языка. Все, что обнаруживалось в сфере государственного права, оказывалось лишь копированием частноправовых конструкций, что влекло за собой и соответствующее понимание природы отношений, ограничений, смыслов. Поэтому закономерно возник вопрос о том, что для сферы государственного права необходимо выработать свой понятийный словарь, отражающий природу и характер отношений, складывающихся в сфере публичной жизни, а не использовать конструкции, рассчитанные лишь на интересы отдельных лиц. Поводом для дискуссий стала работа П. Лабанда «Государственное право германской империи», изданная

в 3-х томах (Laband 1876). Его основной оппонент О. Гирке возражал против переноса частноправовых понятий в сферу публичного права, настаивая на понимании государства как особого политического организма, имеющего характерные черты и функции (Gierke 1887).

В понимании и трактовках смысла публичного права, которое в XIX в. все более связывается с осознанием значения общества и начал его солидарности (Л. Дюги во Франции), осознанием значения народа и его духа (историческая школа права в Германии), народности как единства языка и прочих духовных скреп (в русской общественно-политической и юридической мысли)[1], почти сразу обнаружились такие интуиции, которые стремились исправить и дополнить атомистические по своей природе римские правовые конструкции, ориентированные на чистые полномочия и соответствующие способы разрешения конфликтов между ними. На первый план выдвигалось теперь значение коллективных интересов, охватывающих общество и его национальную историю.

Русские юристы быстро включились в обсуждение догматической разработки теории государственного права (Алексеев 1897), задачи по систематическому изучению которого были поставлены значительно раньше (Дюгамель 1833: II). По глубине и характеру обсуждения вопросов теории государственного права исследования русских ученых, в основном, не уступали трудам немецких и французских исследователей, определявшим основные направления размышлений о публичном праве. А.С. Алексеев писал, что задачей общего государственного права, или jus publicum universale, является изучение «основных юридических принципов, на которых покоится государственная жизнь культурных народов», или «требования правового государства» (Алексеев 1897: 8-9). А.Д. Градовский считал такой задачей выяснение общих представлений о государстве (Градовский 1885).

---

[1] Б.Н. Чичерин писал: «Народность состоит не в личных свойствах, а в общей *идее*, в признании в других тождественного с собой духовного элемента, единого во многих, то есть, в принадлежности к общей духовной сущности, связывающей отдельные лица не только между собой, но с отделенными предками… От этого люди говорят: *наш* язык, *наша* история, *наша* литература, наше отечество» (Чичерин 1900: 69).

На протяжении уже более столетия характер теории публичного права определяется попытками построить ее по образцу социологии или чистой юридической нормативной догматики. Так, В.В. Ивановский, ориентируясь на популярные интеллектуальные течения времени, видел будущее государственного права в союзе с социологией: «Разработка государственной науки в направлении социологическом составляет насущную потребность вашего времени; но успехи ее обусловливаются успехами вообще приемов социологического исследования, которые хотя и значительны, но все же не дают возможности построить цельную систему той науки, которая могла бы быть названа политической социологией и которой дается более скромное название общего учения о государстве» (Ивановский 1910: I).

Напротив, по убеждению В.А. Савальского, социальное рассмотрение государства должно быть не социологическим, а «вариантом юридического» (Савальский 1913: 8). Немецкий правовед Г. Шельски в 1970-х гг. верно фиксировал эту тенденцию в качестве смыслообразующей для юридической литературы XX в. (Schelsky 1980). В начале XX в. на основе политической социологии формируется политология, которая стала претендовать на роль дисциплины, которая изучает в том числе право с позиции свойственного ей понимания своего предмета и метода.

В 1960-х гг. в западноевропейской и англо-американской литературе происходит своего рода ренессанс в исследованиях характера и природы публичного права под влиянием политологических исследований. Основной призыв (по существу, известный еще с XVII в.) заключался в том, чтобы сделать теорию публичного права междисциплинарной, то есть одновременно политологического (философско-политического) и юридического профиля. Прежние подходы упрекали в избыточном догматизме, замкнутости на изучении истории конституций, политической структуры общества. Публичное право нуждалось в преобразовании. В связи с этим высказывались представления о необходимости учитывать функциональные характеристики политических институтов, социально-психологические аспекты деятельности должностных лиц, роль права как средства преобразования действительности, фактор прав человека.

В американской литературе публичное право традиционно находится в сфере острых дебатов по поводу его дисциплинарного характера. Очень показательна в этом отношении работа середины 1960-х гг. Г. Шуберта «Будущее публичного права», в которой автор характеризует разговор о будущем публичного права скорее как попытку разгадать анахронизм. Для него исключен разговор о каком-то будущем публичного права в том виде, в каком оно прежде существовало. Данная работа познавательна в историографическом плане, поскольку ее автор рассматривает подробно преподавание публичного права в США в рамках юридических и политических дисциплин. В основе их исследования лежит мысль о том, что публичное право, заимствованное из континентальной европейской науки, оказывается на деле несколько чуждым американскому научному мышлению феноменом, а потому оно должно развиться в некую междисциплинарную область, где оно успешно сочетало бы в себе как юридический, так и политологический характер. Утверждается, что юристы традиционно подразумевают под публичным правом только конституционное и административное право.

Д. Данельски, известный американский правовед, в предисловии к исследованию Г. Шуберта весьма показательно описывал отношение к публичному праву в американских учебных заведениях, где единственным курсом публичного права, согласно приведенным в учебных программах по политологии стандартам, является конституционное право. Вместо изучения международного права политологи проявляют все больший интерес к международной политике. Отрицательно оценивается исчезновение административного права из современной учебной программы по политологии. Причем причиной такого положения называется отсутствие интереса у студентов (то есть низкая посещаемость). В политологии возникает ошибочное отождествление административного права с государственным управлением. Отмечается и то, что ни один из политологов не заинтересован в преподавании этого курса. Напротив, заметной положительной тенденцией стало включение в учебную программу по политологии новых курсов, посвященных судебному процессу, Верховному суду как политическому институту (или институту, принимающему решения) и поведению судей (Schubert 1975: 36).

Если мы обратим внимание на российское политологическое и юридическое образование, то в нем также до сих пор отсутствуют курсы по публичному праву. За исключением некоторых обобщающих исследований, практически нет разработанной теории публичного права. При этом в номенклатуре научных специальностей публично-правовые науки занимают самостоятельное место. Существует извлекаемое из традиционного преподавания теории государства и права представление об отраслях права, относящихся к публично-правовым, но какой-либо обобщающей или концептуальной трактовки проблематики публичного права пока явно нет.

Иногда предпринимаются попытки решить проблему теории публичного права с помощью сравнительного метода. Однако это, как правило, лишь служит материалом для оценки существующих подходов. Исследования сравнительного публичного права предпринимались уже в начале 1920-х гг., когда отмечалось, что не существует ни одного критерия, который мог бы быть применен универсально для разграничения публичного и частного права (Ehrlich 1921), а потому такое деление носит скорее образовательный характер. Большой вклад в разработку и обобщение опыта развития государственного права в зарубежных странах внесли русские дореволюционные юристы.

В американской литературе, как и в целом в англосаксонском ареале, типологическим явлением стало формирование стилей обсуждения предметных проблем юриспруденции. Это в целом соответствует парадигмальным особенностям англоамериканской логики смысления, в которой процессуальность значительно доминирует над субстанциональностью. Американского правоведа не интересуют развитие и точность понятия. Связность и цельность исходно формируются у него через постоянство и регулярность действий, а изменения (акциденции правовых состояний) мыслятся через перемену инициирующего действие и претерпевающего.

В США на волне социологизации юриспруденции в первые десятилетия XX в. возник «функционалистский стиль» в публичном праве, который представлял собой прямую альтернативу доминировавшей доктрине так называемого аналитического юридического позитивизма, опирающегося на политические ценности классического либерализма. Функционалистский

стиль предлагал иной способ решения проблем публичного права – от институциональных реформ до альтернативных способов толкования и методов юридической аргументации. Он подкреплялся ссылкой на политические движения, такие как новый либерализм, социал-демократия, прогрессизм или демократический социализм. Однако несовместимость с некоторыми философскими убеждениями привела к тому, что функционализм в публичном праве оставался сложным и неоднозначным явлением. Поэтому его так и не решились отождествлять с научными школами и направлениями научной мысли, оставив вполне традиционное для американской логики смысления обозначение как *стиля* мысли.

Основные элементы, формирующие функционалистский стиль в публичном праве, сводились к следующему: институты и практика публичного права могут и должны использоваться в целях содействия совершенствованию человеческого потенциала; право не является трансцендентным явлением, находящимся за пределами общества и устанавливающим идеальные стандарты, по которым это общество должно оцениваться; право является функцией общества и должно эволюционировать по мере его развития; общество лучше всего рассматривать как определенный тип организма; основной функцией публичного права должно быть поддержание здоровой политической системы, содействие социальной солидарности; правительство существует для выполнения этой основной функции, и оно является субъектом обязанностей; поскольку публичное право связано с реализацией этих обязанностей, юристы не должны слишком увлекаться продвижением формы (концепций) над содержанием (целями); публичное право должно толковаться целенаправленно (то есть с учетом его функции); поскольку свобода не просто реализуется через отсутствие формальных ограничений, но и тесно связана с реализацией потенциала и целей человека, стремление к свободе требует активной роли со стороны государственных органов; свобода предполагает выполнение человеком своих функций; права следует рассматривать как требования, которые признаются и применяются только в той мере, в какой их признание способствует общему благу, то есть как функция целого; для того, чтобы объединить эти элементы в единое целое, необходимо принять гораздо

более широкую социологическую концепцию публичного права, которая выходит за рамки позитивного права и охватывает определенный образ жизни (Loughlin 2005).

Австралийский ученый П. Кейн пишет о том, что для англосаксонской правовой традиции проблематика публичного права не сводится к пониманию его как «сферы права» или даже как «категории правового мышления», а является центральной в понимании того, что вообще представляет собой право, для образования понятия права или теории права (Cane 2013: 649). Свой подход к пониманию природы права он называет «неэссенциалистским», противопоставляя его так называемому «концептуальному анализу». Смысл его утверждения заключается в том, что для понимания права, прежде всего через публичное право как его центральное ядро, необходимо искать не набор условий для существования права во всех возможных мирах (согласно лингвистической концепции права Харта), а наиболее характерные особенности существующих правовых систем. Таким образом, как полагает данный автор, теория публичного права или права вообще «прочно опирается на реальную социальную и юридическую практику… представляет собой более детализированную и менее абстрактную теорию… чем подход Харта, основанный на гипотезах о том, как могло бы развиваться право» (Cane 2013: 649).

Английский правовед М. Лафлин утверждает, что публичное право должно признаваться самостоятельной дисциплиной со своими собственными отличительными методами и задачами. Оно, как полагает автор, вообще не нуждается в каких-то предварительных предпосылках. По существу, публичное право рассматривается не как вид права, а как феномен теории аргументации, для которой важно договориться заранее о видах допустимых аргументов. Как вид дискурса это направление имеет место быть. Однако как практический прием обычно вызывает резкую критику, особенно за пределами англосаксонского пространства.

С позиции аргументационной логики М. Лафлина, необходимо разработать концептуальные основы публичного права, включая такие вопросы, как управление, политика, представительство, суверенитет, учредительная или конституционная власть, права человека. На основе данных основных элементов

предмета публичного права раскрывается метод и предлагается новое понимание идеи публичного права (Loughlin 2004). Самое важное, по замыслу данного автора, заключается в том, что для правильного понимания публичного права необходимо признать его автономию. Будущее публичного права – это некая чистая теория публичного права, которая означает понимание его как автономного предмета, действующего в соответствии со своим собственным отличительным методом. Объектом публичного права является деятельность по управлению. Характеристика современного государства, как подчеркивает М. Лафлин, имеет важное значение для понимания публичного права. При этом позитивизм (буквально – позитивная теория публичного права) не может быть теорией позитивного права, так как в ней разъясняется значение политики и ее роль с точки зрения постоянно существующей возможности конфликта. Говорится также, что применение принципов публичного права к конкретным случаям остается неопределенным, поскольку публичное право – это форма политической аргументации, основанная на разумных соображениях (Loughlin 2004: 153).

Подражая Г. Кельзену, М. Лафлин объясняет, что публичное право, лишенное политической идеологии, можно назвать чистой теорией публичного права (Loughlin 2004: 1-4). В качестве центрального содержательно-смыслового атрибута чистой теории публичного права автор предлагает рассматривать управленческую деятельность, возникающую всякий раз, когда люди объединяются друг с другом, будь то в семьях, фирмах, школах или клубах. Модернизация не связана с изменением права, а является результатом политической адаптации (Loughlin 2004: 5).

Опираясь на представления М. Вебера о смысле целерационального поведения, М. Лафлин пытается объяснить, как публичное право формирует аспекты политической практики, а сама политика, по мнению автора, коренится в человеческих конфликтах, возникающих в результате борьбы за реализацию различных идеалов хорошей жизни (Loughlin 2004: 32). Подчеркивается, что в современных обществах правительство не претендует на то, чтобы управлять народом; правительство представляет народ. Поэтому очевидна важность представительства в публичном праве (Loughlin 2004: 53). Далее следует

суверенитет, который мыслится как автономия политического и основополагающая концепция современного публичного права. Многие трудности в понимании идеи суверенитета, с позиции автора, связаны с неспособностью признать публичное право в качестве практики с ее собственными отличительными методами и целями. Возникающая в результате путаница проистекает либо из попытки поместить суверенитет в формальные, аналитические и позитивные рамки, либо из попытки разработать трансцендентальные принципы правильного поведения, которым должно подчиняться все правовое и политическое поведение. Суверенитет должен быть социально сконструирован, и он должен использоваться как выражение современного юридико-политического дискурса (Loughlin 2004: 72). Автор также разграничивает учредительную власть и конституционно закрепленную власть. Учредительная власть не поддается простому изложению в юридических категориях. Основной причиной этого является тот факт, что учредительная власть выражает власть масс: она является юридическим выражением демократического импульса. Учредительная власть обеспечивает юридическое выражение для тех сил, которые позволяют официальной конституции выполнять свою политическую функцию (Loughlin 2004: 99). В качестве важного изменения архитектуры публичного права обозначаются также права человека, изучение которых, согласно представлениям М. Лафлина, должно осуществляться путем прослеживания интеллектуальных истоков современного правозащитного движения и определения его влияния на современную юридическую и политическую практику. Политический дискурс о естественных правах проник в юридический дискурс, а затем, посредством позитивизации, то есть институционализации концепции права как выражения основных прав, изменил конфигурацию отношений между правом и властью (Loughlin 2004: 114).

Трактовка публичного права с позиции теории аргументации позволяет в рамках модернистских представлений по-новому взглянуть на проблемы содержания и выявить, так сказать, «серые зоны» в публично-правовом регулировании. Вместе с тем очевидна ограниченность такого рода подходов, которые обычно не содержат никакой критики других вариантов истолкования публичного права. Если публичное право бу-

дет выводиться не из социальной или нормативной природы права, а из определенной схемы аргументов, пусть даже внешне практико-ориентированных, то очевидно, что подобный схематизм игнорирует диалектику внутреннего (социального) и внешнего (нормативного) в понимании права. Аргументационные и дискурсивные концепции имеют конкретное ситуативное обоснование. Вряд ли можно сколько-нибудь объективно объяснить природу и назначение публичного права лишь через истории правозащитного движения, учитывая сколь неоднозначные и противоречивые трактовки правозащитной деятельности содержатся в современной литературе и публичном пространстве.

Особенность метода публичного права, по мысли М. Лафлина, объясняется тенденцией концептуализировать обширные сферы общественной жизни в юридических терминах. В итоге метод публичного права – это метод благоразумия по аналогии с идеями Макиавелли. Однако Лафлин далек от понятийного или категориального понимания логики публичного права. Для него публичное право – это особый синтез ограниченного количества политических и юридических аргументов, которые принимаются скорее как знаковые феномены, семиотически, а не в содержательно-смысловом и культурно-цивилизационном наполнении.

Попытку соединить в представлениях о публичном праве идею справедливости и властно-приказной деятельности государства предпринял Я. Вайнриба из университета в Торонто. По задумке данного автора, единая теория публичного права возможна на основе объединения требований власти и справедливости в единую структуру. Однако для этого власть и справедливость должны быть правильно осмыслены и обоснованы. Утверждается, что власть и справедливость являются взаимоувязывающими принципами правовой системы: право правителей осуществлять государственную власть всегда сопровождается обязанностью управлять справедливо; право подданных на справедливое правление предполагает наличие институтов публичной власти (Weinrib 2014: 703). Как и Лафлин, Вайнриб предлагает весьма ограниченный ракурс. Проблема соотношения справедливости и властно-приказной деятельности государства решалась в истории политико-правовой мысли

по-разному. Предположение о некой справедливости политики априори выглядит явным упрощением.

Для России причины поиска современной теории публичного права обусловлены рядом исторических изменений последних нескольких десятилетий – от распада СССР, сопровождавшегося резким разворотом в сторону западноевропейских и англо-американских шаблонов правового мышления, и до современных задач по обеспечению устойчивого развития страны в условиях динамики мировых процессов, усиления защиты национальных интересов, модернизации экономики, развития науки и технологий, укрепления духовно-нравственных ценностей. Для Западной Европы, стран англо-американского ареала проблематика публичного права связана с осознанием односторонности устаревших трактовок, наличием системных кризисов, подробно описываемых в национальной литературе, с учетом фундаментальных изменений в мировой архитектуре. Конечно, процессы осознания и совершенствования идут по-разному и далеко не всегда это происходит безболезненно. Очень показательно, как западноевропейские и англо-американские ученые анализируют китайский опыт государственного и правового строительства. На фоне экономических и научно-технологических успехов Китая его правовые институты привлекают пристальное внимание западных ученых. Причем зарубежной литературе свойственна пестрота оценок – от отрицания права в Китае как такового с точки зрения «европейскости» до восхищения качеством правовых решений. Законность и правопорядок в Китае с позиции западной литературы видятся только с предикатом «авторитарный», но эффективность и открытость к социальным изменениям, к учету лучшего, но соответствующего национальным интересам мирового опыта, вызывают полный диссонанс в привычных шаблонах мышления.

Историография публичного права как научной дисциплины показывает на примере избранных образов наличие общего интереса к разработке вопросов эффективного политического управления и правового регулирования в их единстве. Однако исторический путь догматической разработки публичного права и его основных характеристик отличается разнообразием выбора средств, приоритетов и понимания

дисциплинарной природы. Консерватизм русской и немецкой юриспруденции, ориентированный на рациональную догматику и *социальное* понимание сферы публичного права, и прагматистско-функциональное понимание публичного права в русле американкой юриспруденции, опирающееся на *инструментальную социологию*, вызывают различные трактовки перспектив публичного права. Универсальные подходы и решения пока остаются предметом будущей науки. Для развертывания логики смыслополагания в сфере публичного права необходимо учитывать, что определение «публичное» не является пустой абстракцией, а имеет конкретное содержание в области национальной культуры и истории государственного строительства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев А.С. 1897. Русское государственное право. Изд. 4-е. Москва : Тип. О-ва распространения полезных кн. 583 с.

Горбань В.С. 2024a. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. № 11. С. 7–22. DOI 10.31857/S1026945224110017

Горбань В.С. 2024b. Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний // Государство и право. № 7. С. 64–78. DOI 10.31857/S1026945224070055

Горбань В.С. 2025. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. Т. 25, № 1. С. 107–127. DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_107

Градовский А.Д. 1885. Государственное право. Санкт-Петербург : лит. Коплевской. 619 с.

Дюгамель К.О. 1833. Опыт государственного права Российской империи. Санкт-Петербург : тип. Рос. акад. 417 с.

Ивановский В.В. 1910. Учебник государственного права. 3-е изд. Казань : типо-лит. Императ. ун-та. 500 с.

Савальский В.А. 1913. Государственное право, общее и русское. Ч. 1-2. Варшава : изд. студ.-слушателя П. Савальского. 184 с.

Савенков А.Н. 2024. Философия права и становление российского государства-цивилизации : моногр. Москва : Наука. 738 с.

Смирнов А.В. 2023. Границы философии // Вопросы философии. № 1. С. 15–28. DOI 10.21146/0042-8744-2023-1-15-28

Чичерин Б.Н. 1900. Философия права. Москва : типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°. 337 с.

Cane P. 2013. Public Law in 'The Concept of Law" // Oxford Journal of Legal Studies. Vol. 33, № 4. P. 649–674. DOI 10.1093/ojls/gqt013

Ehrlich L. 1921. Comparative Public Law and the Fundamentals of Its Study // Columbia Law Review. Vol. 21, № 7. P. 623–646.

Gierke O. 1887. Die Genossenschaftstheorie und die deutsche Rechtsprechung. Berlin : Weidmann. 1024 S.

Laband P. 1876. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches Laband. Bd. 1. Tübingen : Laupp; Freiburg i.B. ; Tübingen : Mohr. 618 S.

Loughlin M. 2004. The Idea of Public Law. Oxford. 194 p.

Loughlin M. 2005. The Functionalist Style in Public Law // The University of Toronto Law Journal. Vol. 55, № 3. P. 361–403. DOI 10.1353/tlj.2005.0020

Oppermann T. 1967. Öffentliches Recht, Staatswissenschaften Und Sozialwissenschaften // JuristenZeitung. Vol. 22, № 23/24. S. 721–727.

Rüthers B. 2007. Rechtstheorie: Begriff, Geltung und Anwendung des Rechts. 3., neu bearbeitete Auflage. München : Verlag C.H. Beck. 573 S.

Schelsky H. 1980. Die Soziologen und das Recht : Abhandlungen und Vorträge zur Soziologie von Recht, Institution und Planung. Opladen : Westdt. Verl. 308 S.

Schubert G. 1975. The Future of Public Law // Schubert G. Human Jurisprudence: Public Law as Political Science / Foreword by David J. Danelski. University of Hawai'i Press. P. 21–41. DOI 10.2307/j.ctvp7d4t4.9

Weinrib J. 2014. Authority, justice, and public law: A unified theory // The University of Toronto Law Journal. Vol. 64, № 5. P. 703–735. DOI 10.3138/utlj.2005

Vladimir S. Gorban
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: gorbanv@gmail.com

Public Law and its Historiography from the Perspective of Contemporary Logics of Meaning-Making

Abstract. Despite its centuries-old history, public law remains one of the most enigmatic and complex phenomena for scientific understanding. Although the academic and scholarly development of public law spans several centuries, its development into a dogmatic discipline, which began in the 19th century, was accompanied by a gradual expansion of interpretations in line with the influence of related social sciences, giving rise to a plurality of concepts for understanding the disciplinary nature and explanatory possibilities of a modern theory of public law. When it comes to developing and teaching public law, one of the most acute questions arising in legal scholarship concerns the distribution of

roles between jurisprudence and political science. From the perspective of a discipline's content and socio-practical significance, the theory of public law can only be effective when grounded in historically-specific logics of meaning-making, unfolding across the entirety of phenomena arising within a national culture. However, the western – primarily English-language – literature often lacks a clear historiographic basis, whose absence gives rise to epigonism and a certain carelessness in understanding well-known meanings and traditions, as well as a distorted understanding of other cultural variants of public law. Consequently, Russian jurisprudence should increase its focus on generalising the best examples of domestic thought at the same time as studying global experience.

Keywords: legal historiography; public law; cameralism; political science; definition of meaning in law; political science; national interests

УДК 32.019.51:327.2:327.8

Наталья Владимировна Панкевич
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: n.pankevich@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7661-1754
ResearcherID: AAO-9803-2021
SPIN-код: 8940-7486

Радикализация образа России в Европе: влияние восточноевропейской историографии

Аннотация. В статье исследуется роль историографических стратегий в формировании европейской идентичности через призму «российского вопроса». В противоположность объективному изучению и анализу исторических процессов данные стратегии имеют инструментальный характер и формируют целенаправленные комплексы представлений об участниках исторических процессов, их мотивациях и идентичности. Автор анализирует, как образ России последовательно конструировался в западноевропейском и восточноевропейском дискурсах, выполняя функцию определения и легитимации цивилизационной идентичности Европы. В рамках статьи рассматривается преемственность и развитие дискурсов о России: от ориенталистских клише периода, предшествующего российской модернизации, до современных конфронтационных моделей, радикализованных в результате расширения европейского интеграционного проекта на восток. Показано, что ключевым фактором радикализации современного европейского дискурса о России стало включение постсоциалистических стран, предложивших альтернативную версию европейской истории и собственной роли в европейском историческом процессе. Сегодня Восточная Европа является крупнейшим мнемоническим актором, который успешно инструментализирует ресурс исторической травмы в целях национального строительства. Исследуются ключевые смысловые комплексы восточноевропейской историографической стратегии в отношении России и западноевропейского ядра и их практически значимые изводы, дискутируется повреждающий потенциал от использования подобных дискурсов. Автор приходит к выводу, что современная конфронтация с Россией — следствие не столько актуальных прагматических интересов или геополитического противостояния, сколько глубинных процессов идентитарного размежевания, в рамках которых историография становится значимым инструментом исключения.

Ключевые слова: Россия; ЕС; Восточная Европа; европейская идентичность; политика памяти; дискурсивная политика; историческая правда; историографические стратегии; дискурсивное искажение

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. Приписывание России качеств негативно значимого «другого» сегодня рассматривается в качестве устойчиво значимого компонента в процессе становления европейской идентичности как в страновом, так и наднациональном измерениях. Периодически такая функция приписывается стране наряду с иными акторами мировой политики – прежде всего, Турцией и Балканами (Neumann 1998; Mazower 2002; Todorova 2009), но с утратой ими способности к лидерству – все чаще соло (Krastev 2007).

Современный исследовательский консенсус относительно распространенности данной практики на предельно длительном временном отрезке (Baysha, Chukasheva 2024) в целом коррелирует с содержанием свидетельств в самых разнообразных источниках и работах авторов, принадлежащих различным социальным группам и идейным течениям, относительно значимости «российского вопроса» в западной общественной мысли. Вместе с тем в истории взаимодействия России и Запада возникают специфические моменты, качественно отличные от рутинного паттерна стратегии дискурсивного контраста (*othering*). В такие периоды контраст приобретает не только конституирующую силу в отношении самопонимания и самоописания европейского (и встречно российского) общества. Но также реализует функцию легитимирующего мифа о роли Европы и ее отдельных составляющих в основе международного режима на континенте. Такие моменты характеризуются радикализацией дискурса о России: на первый план выносятся исключающие смысловые комплексы, которые инструментально обеспечивают изоляционные стратегии.

В рамках данной статьи представлен взгляд на закономерности становления подобных констелляций с учетом динамики

институционального контекста на европейском континенте, а также расширения состава европейских субъектов, вовлеченных в процесс содержательного наполнения дискурса о России. Данные факторы напрямую влияют на селекцию сюжетов и определяют смысловую наполненность нарративов, структурирующих актуальные политические повестки во взаимодействии между двумя цивилизационными центрами европейского континента, формируют практически значимую связь между историческими событиями, особенностями их интерпретации и инструментализации в целях реализации определенных стратегий.

Российский вопрос в западноевропейской историографии Нового времени. До начала российской модернизации западную общественную мысль не отличал особый интерес к пониманию общественной и политической специфики страны. Для авторов до и в течение периода Просвещения обращение к обсуждению российских реалий не является ни систематическим, ни последовательным, ни объективным. За редким исключением (см., напр., выполненную в жанре доклада работу 1549 г. австрийского дипломата на службе Габсбургов С. Герберштейна (Герберштейн 2008), мало кто из авторов и читателей этого периода был хотя бы поверхностно знаком с реальной жизнью, культурой и политикой России. По большей мере сюжет о России до петровской эпохи является в чистом виде периферийным, зачастую щедро приправленным вымыслом, не исключая и анекдоты (Таньшина 2022: 173).

Описание России происходило скорее из перспективы предписанной «экзотики», в принципе характерной для любого пространства за пределами западноевропейского ядра. Разовые упоминания о России возникают из достаточно спекулятивной перспективы, в рамках которой страна априорно и некритически размещается в континууме «восточных» деспотических держав (Монтескье 2019: 204). Однако этот контраст пока не имеет выраженного инструментального характера и не предназначен для утверждения превосходящего характера западной цивилизации. Кроме того, в свете активной колонизации американских, азиатских и африканских пространств, встречной наступательной стратегии Османской империи, европейские государства не испытывали дефицита в «значимых

других», разнообразие которых помогало западной ветви европейской цивилизации контрастно очерчивать свой профиль. На фоне географически удаленных территорий русские земли представлялись своеобразной, но вполне регулярной частью европеизированного христианского мира.

Ситуацию по существу изменило начало форсированной модернизации российского государства XVIII в., которая задала основной вектор институционального развития страны на длительную перспективу. Практический интерес к взаимодействию с амбициозной державой, обнаружившей способность к полномасштабной конкуренции в европейской политике, создал необходимость закрыть дефицит понимания ее мотиваций и специфических черт, но не в рамках объясняющего, а скорее практически ориентированного на сдерживание инструментального подхода.

«Заявительный» характер российской внешней политики и становление державы как актора, способного изменить силовой баланс на континенте, открыл возможность приложения к ней негативных сравнительных стратегий. Например, исходя из этой перспективы, в 1740-х гг. прусский король Фридрих Великий в своих трудах и письмах противопоставлял Россию как обширное и богатое, но малоосвоенное и скудно населенное пространство, и расположенную на бесплодных островах Голландию как воплощение торгового и боевого духа, способного к утверждению независимости и стяжанию процветания страны (Фридрих Великий 2017: 25-27). Такое контекстуально нагруженное сопоставление, очевидно, служило прагматике политического курса Пруссии как становящегося европейского лидера, который утверждал прогрессивность собственной модели государственного управления и общественного уклада.

Вместе с тем важно, что негативная дискурсивная стратегия не предполагала смыслового и соответствующего ей практического исключения России из состава европейской «семьи», в рамках которой возможны конфликты, не отрицающие общность (Leroy-Beaulieu 1881: 1). Более того, появлялись также и работы, утверждающие глубинную культурную близость западноевропейского и российского общества за пределами элитных слоев, находившую отражение в сходных практиках хозяйствования, быта, народной традиции (Haxthausen 1972).

Несмотря на то, что рост влияния России поступательно и неизбежно вел к пересмотру и состава ключевых акторов европейской политики, и организационных принципов европейского порядка, а также к изменению политической ориентации и территориальной принадлежности крупных пространств, в дискурсе западной общественной мысли периода Просвещения и длительное время после него Россия рассматривалась не столько как альтернатива, сколько как часть общеевропейского политического пространства. Эта часть была маркирована суровостью природных условий, отсталостью и деспотическими практиками в государственном управлении и в общественных отношениях, однако также ресурсным богатством и военной мощью. Страну описывали в связи с ее малой значимостью в культурном отношении, но связывали вектор ее развития со стремлением к западному политическому и правовому идеалу, достижимому благодаря просвещенным властителям (Voltaire 1999; подробно о взглядах Д. Дидро см.: Мезин 2016).

Таким образом, нарратив о России, как и ранее не являясь результатом объективного анализа, отражает инструментальные европоцентрические стереотипы соответствующего периода. В схематике западной общественной мысли Европа задает нормативный образец для будущей России, которая в результате собственных направленных реформ (хотя и оцененных как внешние и подражательные и потому обладающие малой проникающей в ткань общественных отношений силой (Руссо 1998: 235)) в большей или меньшей степени способна воспроизвести этот идеал.

Встречно модернизация, которая в России реализовалась в форме вестернизации, интенсивно переносила на российскую почву западные управленческие институты и практики, ремесла и технологии, моды, архитектурные стили и литературные жанры, заимствовала язык и стиль жизни элиты. Тем самым, она давала ощутимые основания для подобных надежд.

В целом царская Россия представляла собой страну, управляемую вестернизированной элитой, глубоко интегрированной в европейский культурный и политический субстрат. Социальные уровни ниже этого предельно узкого слоя субъектно незначимы для внешнеполитического взаимодействия и составляют тот неисследованный мир, который позволяет размещать стра-

ну в зоне экзотики или цивилизационной инаковости. Однако поскольку сообщение с ним является полностью опосредованным и потому безразличным, общий дискурс не вытесняет Россию за пределы европейской цивилизации.

В силу реального статуса ключевой европейской державы «инаковость» России (всеохватывающая бытовая и институциональная «депотичность» (Кюстин 2008), «ущербный» характер исторического пути, ведущий к институциональным дефицитам (Leroy-Beaulieu 1881: 240), а также «вторичность» культуры и ее подражательный характер, которые позже получат определение псевдоморфозы (Шпенглер 2010: 197-201)) не мешали российскому государству эффективно осуществлять роль одного из столпов европейского порядка в большинстве ключевых периодов европейской истории нового времени, быть силовым арбитром в конфликтах, участвовать в преемственных «концертах», союзнических коалициях и альянсах, вести торговлю, содействовать культурному и научному общению, обучать представителей элиты в западных университетах, заключать династические браки. Подобное включение позволяет ограничить дискурсивное взаимодействие европейского Запада с Россией преимущественно стратегиями низкой интенсивности, которые предполагают конкурентное сдерживание в охватывающей рамке европейского единства и прагматического сотрудничества с объяснимыми колебаниями между мирными и милитарными периодами.

Идейные и субъектные ресурсы конфронтаций. На этом фоне подобные современному периоды конфронтации, ведущие к попытке полномасштабной изоляции страны, выглядят скорее исключением и свидетельствуют о существенном изменении политического контекста. Важным событием этого плана является непризнание, дипломатический бойкот и интервенция против молодого советского государства в период после Великой октябрьской социалистической революции, которые сопровождались массированной пропагандистской кампанией, утверждающей антагонистический характер новой российской государственности и культуры по отношению к западу. В этом солидарная оппозиция западных стран по отношению к новому актору мировой политики в этот период принципиально схожа с политикой династических монархий ранее

по отношению к революционной Франции, предложившей им республиканскую альтернативу. Попытки воспрепятствовать становлению советского государства, в том числе на уровне легитимирующих идейных оснований, имели структурно схожую цель – не допустить осуществления принципиально отличного общественного строя, создающего реальную альтернативу западной капиталистической модели и угрозу интересам доминирующих в ней классов.

В советский период пропагандистские усилия устойчиво приобретают черты систематического обоюдно направленного риторического принуждения, отражая действительный антагонизм двух цивилизационных полюсов европейского континента. Вместе с тем необходимость продуктивного контакта с крупнейшей державой, которая доказала не просто свою жизнеспособность, но и способность к лидерству, и в этом случае требовала поиска ключей к российской «загадке, обернутой в тайну внутри головоломки»[1]. Соответственно, основу взаимодействия определил прагматический поиск точек соприкосновения национальных интересов, который позволил бы осуществлять, в том числе, союзнические военные стратегии.

Последующее противостояние Холодной войны также последовательно подчеркивало взаимную чуждость двух систем. Западная риторика рутинно насаждала представления об оппозиционности советского государства ключевым форматам капиталистической организации экономики и отношений собственности, подходам к определению прав человека, отношению зависимым и внеблоковым странам и т.д., применяя уже опробованную исторически устоявшуюся триаду «отсталости», «деспотизма» и «агрессивной» внешнеполитической ориентации. В компактном варианте данные составляющие укладывались в образ тирании в рамках расширяющейся вовне и эксплуатирующей собственное население «империи» при ее одновременном признании в качестве ключевого столпа мирового политического порядка.

---

[1] Churchill's WW2 Speech to the Nation October 1939 // WW2 Memories. URL: https://ww2memories.wordpress.com/2011/09/24/churchills-ww2-speech-to-the-nation-october-1939/ (дата обращения: 30.04.2025).

Историческая динамика взаимодействия европейского запада с российским государством в его различных преемственных формах формирует, таким образом, своеобразный циклический паттерн, определяющий колебания курса от стойкого отчуждения и сдерживания до прагматического признания и сотрудничества. Периоды обострения конфронтации связаны, прежде всего, с обретением Россией потенциала действительного европейского или мирового идейного лидерства.

Вместе с тем, прагматика взаимодействия не исключала участия России в общеевропейском доме. В своей первоначальной утопии воссоединение России и Европы после падения советского проекта предполагало, в том числе, и формирование широчайшего общего цивилизационно связного пространства от Атлантики до Тихого океана (об истории бытования этой идеи в западном дискурсе см.: Thiriart 2019). Хотя в результате исторического слома возвращение в «европейскую семью» требовало от России также и принятия, хотя бы в краткосрочной перспективе, идеи вступления на исторически «верный» европейский путь развития в качестве «нормальной» европейской страны, лишенной собственных амбиций в отношении регионального и глобального лидерства.

Восточная Европа как консолидированный мнемонический актор. На этом фоне современная ситуация является в значительной мере особенной. Несмотря на то, что в постсоветский период предложенный Западом смысловой комплекс в значительной мере определил характер самоописания Российской Федерации в постсоветский период (Панкевич 2024), реального принятия России западным сообществом предсказуемо не произошло. В нарастающей динамике сегодня дискурс о России характеризуется активной концептуализацией страны в качестве радикально иной не-Европы и, соответственно, Европы как анти-России. Данная диспозиция позволяет говорить о том, что и стратегическая конфронтация, и ее дискурсивная составляющая вышли на принципиально иной исторически беспрецедентный уровень, когда конфликт приобретает витальный характер.

Объяснение подобной динамики, очевидно, не может сводиться к указанию на лишь материальные или геополитические интересы оппонентов, ориентированных на стратегическое

сдерживание России. Представляется, что сегодняшнее обострение соответствует существенному изменению институционального контекста и субъектного состава акторов, реализующих данную политику. Поэтому момент современной радикализации может быть ассоциирован с вполне конкретным историческим процессом. А именно, с расширением в середине 2000-х западного европейского интеграционного проекта, включая ассоциированные с ним экономические, но также и силовые структуры, на восточноевропейскую постсоциалистическую периферию.

Включение трех бывших советских республик и целого ряда постсоциалистических стран в состав ЕС создало глубокие противоречия в основании европейского единства, привнеся новые интерпретации исторических событий и их проекций в актуальное время. В настоящее время формируется исследовательский консенсус относительно того, что момент расширения на восток во многом стал поворотным для целого ряда направлений политики европейской интеграции (см. напр.: Sierp 2023, Гетман 2019, Лифанов 2021). Нарративы европейского единства в области его политики памяти, символической политики претерпели существенную смысловую переориентацию.

Экспансия на восток значима в двух аспектах. Прежде всего, интеграция Восточной Европы существенно упростила политико-географическую систему взаимодействия с Россией и лишила ее западное ядро привычного пояса буферных государств, создав необходимость прямого взаимодействия. Не менее важно, что новые включенные страны существенно отличались от стереотипа европейской государственности не только в институциональном, но и в ценностном аспекте. На фоне западных стран эта восточноевропейская периферия сама исторически обладала собственной контрастной идентичностью и активно инструментализировала этот актив в рамках интеграционного объединения. Фактически Восточная Европа как политический концепт последовательно конструировалась западноевропейскими мыслителями XVII–XVIII вв. как антипод прогрессивного западного крыла европейского мира. В ориенталистской перспективе страны региона традиционно рассматривались западной политической мыслью в одном

смысловом ряду с Россией и в основном разделяли ее негативные дискурсивные характеристики (Wolff 1994).

Пожалуй, главное отличие проходит по линии признания. Там, где Россия признается значимым субъектом, страны и народы Восточной Европы исторической субъектностью не наделяются. Здесь будет уместно вспомнить, например, оценку Гегелем роли славянской нации в истории: несмотря на некоторые заслуги в защите христианской Европы (ведь поляки даже освободили осажденную Вену от турок), «*вся эта масса… не выступает как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире*» (Гегель 2000: 368). Уместно будет также вспомнить и экстремистски заряженные идеи о неполноценности восточноевропейских народов, которые вдохновляли фашистскую мысль в 30-40-е гг. XX в.

Таким образом, движение европейского интеграционного проекта на восток имело противоречивые последствия. Европейский Запад интегрировал страны, имеющие иную исторически сформированную идентичность. Более того, признание их инаковости имеет собственную длительность в западном общественном дискурсе. В результате такого включения западный проект объединения утратил и свою географическую идентичность в шмиттовском определении *Mitteleurope* (Joerges, Ghaleigh 2003), и броделевскую хозяйственную целостность мир-экономики как цивилизационно связного единства стран, разделяющих общий исторический опыт, традицию и специфическую ценностную основу. Под вопросом оказался и нарратив Европы, направленный на поиск компромисса и уходящий от культурной детерминированности национальными контекстами (Вагнер 2009: 52).

В условиях политического и правового полноправия в составе интегративного объединения, и одновременно находясь на низкой ступени в символической иерархии «старых» европейских государств, восточноевропейские элиты заявили собственные притязания в области формирования общеевропейской идентичности. Фактически наряду с двумя крупнейшими операторами, которые осуществляли брокераж нормативных представлений об исторических событиях и их исходах – Россией и западноевропейским ядром, в европейском пространстве появился третий исторически отсутствующий силовой актор,

способный к продвижению собственных интересов посредством формирования определенных дискурсов.

В этих условиях формирование особого образа России как «другого» было особенно значимо для обоснования странами восточноевропейского региона собственной нормальности в качестве полноценных «европейских» стран, разделяющих их базовые характеристики. Одновременно такая историографическая стратегия оказалась инструментально приемлемой и удобной для западного блока, который столкнулся с необходимостью поиска новых оснований европейского единства. В результате, приоритетность восточноевропейского запроса приобрела превосходящую силу, даже если предложенные смысловые комплексы обладали очевидным повреждающим и искажающим эффектом.

Восточная Европа как регион памяти. Мнемонические противоречия между восточными и западными политиями, которые были интернализированы в рамках ЕС, во многом объясняют радикализацию современного дискурса о России. В современных условиях важно, что если материальные предпосылки современной конфронтации России и Запада имеют комплексный состав и лежат в области экономического, геополитического, правового и ценностного переопределения основ современного мирового порядка, то разворачивание сюжета о различии идентичностей и противостоянии этих двух единств через историографические стратегии является не просто одним из операциональных полей этого конфликта. Укоренение различия между участниками конфликта в историографии не только способствует стабилизации определенного комплекса представлений участников о себе и друг о друге, но и закладывает потенциал противостояния на будущее, обостряя и радикализируя конфликт. Интеграция в структуру ЕС восточноевропейского региона существенно расширила инструментальный арсенал и тематический репертуар общеевропейских дискурсивых стратегий. В новой версии самоописания объединенного европейского сообщества российский вопрос приобрел центральное значение как рамка для контрастного сравнения.

Ключ к пониманию того, как в регионе интерпретируется прошлое, заключается в приписывании особого значения

преемственному ряду повреждающих метаопытов, которые государства региона разделяют коллективно. При этом каждый из них вносит собственный вклад в актуальное состояние экономической отсталости, институционального несовершенства и требует восполнения дефицитов развития.

В период после распада советского блока в число таких дефицитов включались прежде всего институты, свойственные капиталистической модели – неограниченная частная собственность, развитая многопартийность, приоритет индивидуальных прав человека. Однако анализ в более длительной перспективе позволяет сделать вывод о наличии содержательно особого взгляда стран региона на свой долгий исторический путь. Он опирается на представление о неудаче в процессе формирования суверенной государственности и соответствующей ей идентичности (Панкевич 2021), независимой как от российского, так и от западного цивилизационного ядра.

Дефицит государственности получает двойственное обоснование через комбинацию представлений о жертве и жертвенности Восточной Европы. Направленные усилия методически формируют образ региона как объекта длящегося подавления на предельно длительном временном горизонте и кодируют специфический паттерн отбора политически значимых сюжетов в длительной ретроспективе. Процесс распада репрессивных многонациональных империй – Габсбургской, Российской и Османской, – которые до Первой мировой войны обеспечивали надэтническую политическую идентичность для подконтрольных территорий, стоит в одном смысловом ряду с крушением не менее репрессивных (в рамках данной историографической стратегии) многонациональных европейских государств региона после Холодной войны, включая СССР.

Важным формирующим этот характерный восточноевропейский нарратив событием стало переосмысление военного опыта XX в. Крупнейшим коллективным успехом восточноевропейских элит стала реориентация всего корпуса европейской политики памяти, определившей рациональность становления ЕС как проекта пацификации континента с целью построения системы коллективной безопасности, создающей гарантии неповторения преступлений против человечности времен Второй и – по расширительной аналогии – Первой мировых войн.

До расширения на восток, наряду с глорификацией европейских достижений в области институционального и культурного развития, нормативную сердцевину политики памяти ЕС составлял сюжет о Холокосте и иных преступлениях фашистского режима[2], а в более обобщенном виде – рефлексия о разрушительности войн и различного вида ксенофобий для благополучия континента.

В русле своего базового нарратива восточноевропейская коалиция предложила концепцию «двойной оккупации» своих стран сначала фашистским, а затем коммунистическими режимами. Данное представление получило нормативное закрепление[3]. В выбранной историографической стратегии эти режимы в совокупности объявлялись репрессивными и равным образом несли ответственность за умножение человеческих страданий в восточноевропейском регионе.

Иными словами, в восточноевропейском дискурсе возникает предельно спекулятивный набор представлений об особой политической географии европейского континента. В его составе возникает особая таксономическая единица, формирующая легитимный запрос на восполнение исторической справедливости. В работах XX в. эта единица приобретает эмоционально окрашенное определение «кровавых земель» (Snyder 2010), которые стали ареной преступлений противоборствующих в Европе режимов. Но важно, что базовый нарратив о регионе как о жертве преемственных, равно разрушительных режимов может быть атрибутирован и к более глубоким исторически отстоящим периодам, что формирует влиятельную историографическую традицию.

Историческая неудача оказывается детерминированной особой ролью региона в качестве «защитника Европы» на всех исторически значимых направлениях, включая и современное противостояние. Приверженность этой миссии потребовала

---

[2] European Parliament resolution on 27 January 2025 on remembrance of the Holocaust, anti-semitism and racism. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0018_EN.html (дата обращения: 30.04.2025).

[3] European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0213_EN.html (дата обращения: 30.04.2025).

от стран региона, в том числе потери собственной исторически процветающей государственности (в качестве таковых форм называются Речь Посполита или Великое княжество Литовское (Klumbytė 2011), территориального расчленения по итогам крупных военных конфликтов, отхода значимых территорий и последующего упадка.

Восточная Европа представляется в качестве «сердца» континента, особого пространства, где сталкивались ключевые внерегиональные исторические силы. Габсбурги, Османы, Россия, Пруссия, Швеция и др. длительно экстернализировали ущерб от военных действий за пределы собственных территорий. При этом современная государственность стран европейского Востока рассматривается как несправедливый результат навязанных силовых балансов, которые сформировали территориальную и культурную идентичность стран, несоответствующую расселению их населения. Подобную идею широко используют Венгрия и Румыния (Hann 2015). Также в этой логике формат государственности может не соответствовать предполагаемой миссии государства в развитии региона (Davies 2001). Такой дискурс сегодня кодирует многие практические действия польских элит.

Логичным развитием этой линии становится метасюжет о преемственности, незавершенности и всегда затратной эмансипации стран региона от различного рода охватывающих политических конструкций. Историческая неудача в виде дефицита государственности не финализирует процесс ее обретения в рамках космополитического интеграционного объединения, но требует активизации усилий восточноевропейских сообществ в деле национального строительства. В этой стратегии самоописания экономическая отсталость и институциональная дефицитность становятся не явлением, требующим искоренения, но политически значимым ресурсом и даже активом (Hann 2015), который ценностно фундирует запрос на исторический реванш.

Политические проекции историографии конфликта. Восточноевропейский нарратив обнаруживает свой наступательный характер в отношении широкого круга корреспондентов. Внутренним европейским адресатом требований становятся партнеры по объединению – бывшие имперские

центры, европейские репрессивные режимы. Но запрос также и широко экстернализируется за пределы Европы. Нарратив жертвы обращен к России, но также и к другим акторам. Например, к Турции как предположительной преемнице вины Османской империи перед народами Юго-Восточной Европы.

Инструментальная политэкономическая подоплека направленных историографических стратегий очевидна: приобретенная европейская субъектность позволяет восточноевропейским элитам направить средства интеграционного объединения на нужды собственных стран как часть необходимых действий по их реабилитации. Не менее очевидно, что успех подобных стратегий прямо зависит от усиления поляризации в отношении внешних пространств, прежде всего, Российской Федерации как второго и главного назначенного виновника отсталости и недоразвития соответствующих стран.

Важно, что этот дискурс характеризуется и совместимостью с прагматическими интересами западных стран. Идея об эквивалентности фашистского и коммунистического режимов как равных виновников событий XX в. способствует частичной экстернализации исторической вины запада перед восточноевропейским регионом. Возложение вины на Россию позволяет размыть исторический контекст ответственности и распределить вину на более широкий круг внерегиональных субъектов. Ценой за этот выбор становится обострение оппозиции по отношению к России, материальная и дискурсивная изоляция страны вплоть до открытой русофобии, которая может вести только к дальнейшей эскалации конфликта и затрудняет перспективу потенциального сотрудничества в будущем.

Однако представляется, что уровень политэкономической прагматики не исчерпывает поляризационный потенциал данной стратегии. На глубоком институциональном уровне виктимизация региона и дискурс о России как его интегральная составляющая обслуживают в достаточной мере специфичный сценарий догоняющего национального строительства стран Восточной Европы в рамках каждого преемственного интеграционного объединения, в котором они участвуют. Регионализация европейской историографии представляется важным компонентом дискурса, поскольку способствует фор-

мированию коллективной цивилизационной субъектности государств Восточной Европы как консолидированного актора, выходящего за пределы частных интересов отдельных сообществ, их элит или правительств. Эта смысловая стратегия, связанная с использованием дискурса жертвы и жертвенности, позволяет восточному региону сформировать собственный идентитарный профиль и сделать еще один шаг в перехвате морального лидерства в составе Европейского Союза: представить регион как своего рода репозиторий моральных ценностей, которые западное ядро континента по сути утратило (Klumbytė 2011).

Искажающий потенциал подобных представлений также несомненен. Он способствует выхолащиванию морального смысла всей европейской военной истории, но, прежде всего, опыта Второй мировой войны в его полном объеме. Подобный дискурс удобен тем, что смещает акцент с собственной негативной агентности восточноевропейских стран в любой из исторических периодов – затеняет их участие в военных коалициях на стороне фашистского режима, отрицает вклад граждан в реализацию преступлений режима на оккупированных территориях и т.д. Он позволяет системно игнорировать смысловую оппозицию о том, что нацистский режим в Восточной Европе не был в чистом виде оккупационным режимом, но опирался на сложную систему коллабораций с местными элитами и радикальными группами, которые осуществляли террор против собственного населения и политических оппонентов (Mazower 2008).

Более того, стереотипная интерпретация подобных событий выносит на публичную арену специфические нарративы, которые служат легитимации национальных движений как движений исключительно освободительных, полностью игнорируя другие формы и эффекты деятельности националистических образований в странах региона. За рамку исторической памяти вытесняется вопрос и о чистках против миноритарных этнических групп, идеологических противников, которые коллаборационистскими агентами непротиворечиво укладывались в логику строительства национальной государственности (Ther 2014).

Подобная ориентация вдохновляет программы институционализации направленных версий истории стран региона –

в том числе, в форме героизации антироссийских и антисоветских организаций и их участников, невзирая на содержание их реальных действий, в Польше, Прибалтике, на Украине. Она же способствует отказу стран региона от исторических нарративов братства и единства народов, включая миноритарные группы, населяющие регион, оказывая предпочтение историческим нарративам титульных сообществ (Banac 1984), что ведет к нарастанию явлений, ассоциированных с «вирулентными» национализмами, набирающими силу в восточноевропейском регионе.

Восточноевропейский вызов показал несостоятельность общей рамки политики памяти ЕС, которая оказалась недостаточно гибкой, чтобы разместить в общем дискурсивном пространстве интегративного объединения столь разнонаправленные версии исторических событий. Предложенная западом стратегия интерпретации европейской истории как проекта умиротворения на базе общих цивилизационно превосходящих ценностей уступила место историографии конфликта, которая инструментально обслуживает интересы региона, где доминирует этноцентричный взгляд на историческую травму.

Эта историографическая стратегия внутренне цикличная, поскольку опирается на идею незавершенного конфликта, консервирует его и сама требует его актуализации и продолжения. В результате агрессивный национализм становится неотъемлемой частью европейской истории современности, дискредитирует общезначимые для Европы ценности и закладывает новые противоречия в фундамент европейского идейного единства. Управление подобной амбивалентностью потребует значительных идеологических и структурных адаптаций ЕС.

Однако сегодня европейская политика памяти уверенно дрейфует в сторону историографических концепций, опирающихся на представления о непреодолимом различии между Европой и Россией. Историографические практики восточноевропейского генезиса расширяют область применения негативно окрашенного образа России как цивилизационного антипода Европы. Эта техника не только определяет границы европейской идентичности, но и становится самовоспроизводящимся

механизмом конфронтации, исключающим прагматику признания и сотрудничества, возможность которой была открыта в большинстве периодов европейской истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вагнер П. 2009. Политическая форма новой Европы, Европа как политическая форма // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 12, № 2. С. 21–57.

Гегель Г.В.Ф. 2000. Лекции по философии истории. Санкт-Петербург : Наука. 477 с.

Герберштейн С. 2008. Записки о Московии. В 2 т. / отв. ред. А.Л. Хорошкевич. Москва : Памятники ист. мысли.

Гетман М.А. 2019. Изменения в политике памяти Европейского Союза (1970–2009) // Вестник Томского государственного университета. История. № 60. С. 106–114. DOI 10.17223/19988613/60/15

Кюстин А. де. 2008. Россия в 1839 году : (основной том). Санкт-Петербург : Крига. 704 с.

Лифанов С.С. 2021. Историческая память и наднациональная идентичность в западноевропейских государствах // Дискурс-Пи. Т. 18, № 4. С. 78–93. DOI 10.17506/18179568_2021_18_4_78

Мезин С.А. 2016. Власть и общество в России глазами Дени Дидро // История и историческая память. № 13-14. С. 59–68.

Монтескье Ш.Л. 2019. О духе законов. Москва : Рипол-Классик. 690 с.

Панкевич Н.В. 2021. Политические ценности в европейском постсоветском пространстве: идентичность и суверенитет перед лицом интеграционных процессов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 23, № 4. С. 630–647. DOI 10.22363/2313-1438-2021-23-4-630-647

Панкевич Н.В. 2024. Институциональные и смысловые компоненты европейского подхода к формированию и регулированию исторической памяти // Государство и право. № 12. С. 132-145. DOI 10.31857/S1026945224120135

Руссо Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре. Трактаты. Москва : Канон-пресс : Кучково поле. 416 с.

Таньшина Н.П. 2022. «Империя царей и русские» Анатоля Леруа Болье: новый взгляд на Россию? // Французский ежегодник. Т. 55: Французы за пределами Франции. С. 166–190. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-166-190

Фридрих Великий. 2017. Анти-Макиавелли. Москва : Э. 160 с.

Шпенглер О. 2010. Закат западного мира : [очерки морфологии мировой истории]. Москва : Альфа-книга. 1085 с.

Ванас І. 1984. The National Question in Yugoslavia. Ithaca : Cornell Univ. Press. 452 p.

Baysha O.A., Chukasheva K.D. 2024. Russia's Radical Othering in the Global Academic Discourse // Russia in Global Affairs. Vol. 22, № 4. P. 136–154. DOI 10.31278/1810-6374-2024-22-4-136-154

Davies N. 2001. Heart of Europe: The Past in Poland's Present. Oxford : Oxford Univ. Press. 483 p.

Hann C. 2015. Backwardness Revisited: Time, Space, and Civilization in Rural Eastern Europe // Comparative Studies in Society and History. Vol. 57, № 4. P. 881–911. DOI 10.1017/S0010417515000389

Haxthausen A. von. 1972. Studies on the Interior of Russia. Chicago ; London : University of Chicago Press. 328 p.

Joerges C., Ghaleigh N.S. (eds.) 2003. Darker Legacies of Law in Europe: The Shadow of National Socialism and Fascism over Europe and its Legal Traditions. Oxford : Hart Publishing. 416 p.

Klumbytė N. 2011. Europe and Its Fragments: Europeanization, Nationalism, and the Geopolitics of Provinciality in Lithuania // Slavic Review. Vol. 70, № 4. P. 844–872. DOI 10.5612/slavicreview.70.4.0844

Krastev I. 2007. Russia as the «Other Europe» // Russia in Global Affairs. № 4. P. 66–78.

Leroy-Beaulieu A. 1881. L'empire des Tsars et les Russes. T. 1. Le pays et les habitants. Paris : Librairie Hachette et C-ie. 594 p.

Mazower M. 2002. The Balkans: A Short History. New York : Modern Library. XLIII, 190 p.

Mazower M. 2008. Hitler's Empire: How the Nazis Ruled Europe. New York : Penguin Group. XL, 725 p.

Neumann I. 1998. Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press. 281 p.

Sierp A. 2023. Europeanising memory: the European Union's politics of memory // Handbook on the politics of memory / Ed. by M. Mälksoo. Cheltenham, UK ; Northampton, MA, USA : Edward Elgar Publishing. P. 81–94.

Snyder T. 2010. Bloodlands: Europe Betwwen Hitler and Stalin. New York : Basic Books. XIX, 524 p.

Ther P. 2014. The Dark Side of Nation-States: Ethnic Cleansing in Modern Europe. New York : Berghahn Books. 288 p. DOI 10.2307/j.ctt9qd3ng

Thiriart J.-F. 2019. The Geopolitical Unification of Europe, Russia and Central Asia: Creating a Unitary Transcontinental Multinational State. Lewiston : New York : Edwin Mellen Press. 63 p.

Todorova M. 2009. Imagining the Balkans. Oxford : Oxford Univ. Press. 273 p.

Voltaire. 1999. Histoire de l''Empire de Russie sous Pierre le Grand. Vol. 46, 47. Oxford. 572 p.

Wolff L. 1994. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford : Stanford Univ. Press. XIV, 419 p.

Natalia V. Pankevich
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Radicalisation of the Image of Russia in Europe: The Influence of Eastern European Historiography

Abstract. The article examines the role of historiographic strategies in the formation of European identity through the prism of the "Russian question". In contrast to the objective study and analysis of historical processes, these strategies are instrumental in nature; as such, they form targeted sets of ideas about the participants in historical processes in terms of their motivations and identity. The image of Russia that is systematically constructed in Western and Eastern European discourses is analysed in terms of its function of defining and legitimising a European civilisational identity. The article examines the continuity and development of discourses about Russia: from the orientalist clichés of the period preceding Russian modernisation to contemporary confrontational models, which appear as radicalised as a result of the expansion of the European integration project to the East. The inclusion of post-socialist countries is shown to have been a key factor in the radicalisation of modern European discourses on Russia due to their having presented an alternative version of European history and their own role in the European historical process. Today, Eastern Europe's role as a mnemonic actor can be interpreted as serving to instrumentalise the resource of historical trauma for the purposes of nation building. The key semantic complexes of the Eastern European historiographic strategy in relation to Russia and the Western European core are critiqued in terms of their damaging potential. The current confrontation with Russia is concluded to be a consequence not so much of current pragmatic interests or geopolitical confrontation as of deep processes of identitarian division, within which historiography becomes a significant instrument of exclusion.

Keywords: Russia; EU; Eastern Europe; European identity; memory politics; discursive politics; historical truth; historiographic strategies; discursive distortion

УДК 341.641

Виктор Дмитриевич Балакаев
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: balakaev.work@gmail.com
SPIN-код: 2871-9199

«Отступать некуда»: защита национальной идентичности средствами международного права и правосудия

Аннотация. Исследование сосредотачивается на поиске приемлемых с точки зрения международного права способов, которыми государство может защищать свою национальную идентичность, расширяя либо сужая сферу действия для себя международных обязательств, а в некоторых случаях и отступая от них (дерогация, доктрина свободы усмотрения, в том числе при исполнении решений международного суда). В этих целях в статье исследуются наиболее резонансные дела, рассмотренные в последние годы Европейским Судом по правам человека и затрагивающие проблемы защиты исторической памяти и традиционных ценностей. С использованием метода case-study демонстрируется, что на исход таких дел влияют не только содержание (scope) субстантивного права, но и менее очевидные факторы (исторический и политический контексты, процессуальное поведение стороны спора). Также показано, что в таких делах международный суд преследует и собственные интересы, которые заключаются отнюдь не в «размывании» национальной идентичности государства, а в обеспечении исполнимости собственных решений. Это дает основания говорить об исполнении актов международной юстиции по столь чувствительным для государства вопросам не просто как о формально определенной процедуре, а как о комплексном процессе поиска взаимоприемлемых политических решений, что открывает для государства, намеренного отстаивать свою национальную идентичность, больше возможностей для ее защиты. Автор приходит к выводу, что эффективность защиты национальной идентичности зависит не от принципиальности позиции государства, регулярности и категоричности его возражений, а от эффективности участия государства в международно-правовой коммуникации, не исключая судебной.

Ключевые слова: международное правосудие; исполнение решения международного суда; национальная идентичность; историческая память; политика; Европейский Суд по правам человека

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. Еще немногим более ста лет назад, на закате «британского» периода эволюции международного права (Grewe 2000: 429), мы не могли наблюдать в нем прозрачных, формально определенных процедур отступления государств от международных обязательств. В 1903 г. Комиссия по рассмотрению взаимных претензий Германии и Венесуэлы в решении по *делу Фишбаха и Фридерики* исходила из того, что международное право основано исключительно на добровольном исполнении обязательств и «любое государство имеет право не соглашаться с [его] правилами или принципами… даже если они приняты всеми остальными странами»[1].

Сегодня, когда международное право отошло от сугубо волюнтаристских начал (Dupuy 2020: 75-76), наблюдается явное смещение акцентов в вопросе об отступлении от международных обязательств. Сто лет спустя Орган по разрешению споров ВТО (ОРС), рассуждая на ту же тему, подчеркнул необходимость решения этого вопроса до принятия на себя обязательства. ОРС напомнил, что государство вправе не принимать участие в переговорах по разработке договора, не подписывать его финальный текст, не ратифицировать его или ратифицировать с оговорками[2].

В этом контексте вопросы защиты национальной идентичности – в условиях, когда сулящие ей угрозы обусловлены действием тех или иных международно-правовых норм, – должны сводиться не к поиску способов отступить от уже принятых на себя обязательств, а к организации надлежащего политико-правового комплаенса, предотвращающего принятие на себя

[1] Germany-Venezuela Mixed Claims Commission. Fischbach and Friedricy Cases (1903). 10 RIAA 388 ff. Цит. по: (Dumberry 2010: 786).

[2] Dispute Settlement Body. European Communities – Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products. Panel Report from 29 September 2006. P. 335. URL: https://worldtradelaw.net/document.php?id=reports/wtopanels/ec-biotech(panel).pdf&mode=download#page=145 (дата обращения: 20.05.2025).

обязательств, которые могут обернуться угрозами идентичности.

Между тем не исключено, что политические, экономические и иные преимущества от принятия международного обязательства могут перевешивать те риски, которые они могут сулить национальной идентичности и иным суверенным интересам. В таком случае поиск баланса между защитой национальной идентичности и соблюдением международного права становится важной политико-правовой задачей для государства, намеренного отстоять свою субъектность.

Как выполнить эту задачу, не преступив требования международного права? От одного ли государства зависит ее выполнение? Как выстроить международно-правовую коммуникацию государству, защищающему свою идентичность и иные глубоко личные суверенные интересы? Цель настоящей работы – определить основные контуры ответов на эти вопросы с опорой на резонансную судебную практику последних лет, где затрагивались вопросы защиты национальной идентичности. Наиболее чувствительными ее составляющими, являющимися предметом международно-судебных дебатов, выступают трактовки исключительно значимых для конкретного общества событий прошлого, определивших его субъектность (историческая память), а также ценности и традиции, особо охраняемые в данном обществе ввиду различных обстоятельств («традиционные ценности»).

Защищая национальную идентичность: дерогация и свобода усмотрения. Когда международное обязательство уже возникло, у государства остается весьма скромный инструментарий по ограничению его действия в особо чувствительных для себя сферах, включая вопросы национальной идентичности и самобытных ценностей. Целесообразно рассмотреть его подробнее и установить, какие механизмы позволяют государству более гибко подходить к исполнению своих обязательств в ситуации, когда отступать некуда, то есть когда иными способами защитить свои суверенные интересы невозможно (оставаясь, разумеется, в рамках международно-дозволенного).

Одним из таких механизмов является дерогация – отступление от обязательства при возникновении такой чрезвычайной ситуации, которая ставит под сомнение способность

государства выполнять его (Hafner-Burton et al. 2011: 676). К дерогации предъявляются особые требования: содержательное и процедурное. Первое касается ситуации, оправдывающей дерогацию: она должна быть достаточно экстраординарной для исключения физической возможности выполнения обязательства. К таким ситуациям относится, например, утрата государством эффективного контроля над частью территории. Второе требование предписывает мотивированно уведомить компетентные международные органы о возникновении такой ситуации. Например, в европейском правозащитном режиме эта процедура закреплена в статье 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – Европейская конвенция).

Однако задача по защите национальной идентичности стоит перед государством постоянно и не может обусловливаться наступлением более или менее чрезвычайной ситуации. Следовательно, она требует более гибкого параметрирования правового регулирования, которое, опять же, должно оставаться в рамках международно-дозволенного. Между тем сам факт дерогации и контекст, в котором государство было вынуждено к ней прибегнуть, могут иметь значение при рассмотрении международных споров, поднимающих вопросы защиты исторической памяти. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим резонансное решение Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «*Борзых против Украины*»[3].

Заявитель указывал, что законодательство Украины запрещает ношение Георгиевской ленты в общественных местах, в результате чего он лишился возможности использовать ее согласно своим убеждениям без риска быть подвергнутым наказанию (помимо того, что сам заявитель был офицером, его семья принимала участие в Великой Отечественной войне и сражалась против нацистской Германии)[4]. Для оценки допустимости такого ограничения права на свободу самовыражения ЕСПЧ изучил исторический контекст, происхождение

[3] BECHR. Borzykh v. Ukraine. Decision of 19 November 2024. Application no. 11575/24 // HUDOC. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-238740 (дата обращения: 20.05.2025).

[4] Ibid. § 40.

Георгиевской ленты, ее значение для общей исторической памяти Украины и России как стран-победительниц в Великой Отечественной войне, а также ее использование в наши дни, в том числе в других постсоветских странах[5]. Суд не стал отрицать, что Георгиевская лента имеет крайне важное значение для постсоветских государств и исторической памяти их граждан. Учитывая, что празднование Дня Победы сопровождается применением Георгиевской ленты, нет сомнений в том, что она стала символом национального единения и, как следствие, идентичности (по крайней мере, для России). Однако ЕСПЧ констатировал, что, поскольку Георгиевская лента в текущих исторических реалиях ассоциируется с российским государством, на фоне существенного обострения отношений России и Украины в 2014 и 2022 гг. власти последней обладают большей свободой усмотрения для ограничения использования символов, ассоциирующихся с Россией[6].

Возможно, дополнительным основанием для такого решения стали многократные дерогации Украины, начиная с 2015 года[7], поскольку их основанием стали те же политические события, что описываются в данном решении (хотя в решении факты дерогаций не упоминаются). Однако впервые дерогация в отношении статьи 10 Конвенции была сделана Украиной только 2 марта 2022 г.[8] – уже после подачи жалобы заявителем в ноябре 2017 г.

Полагаем, что перед нами, скорее, проявление другого механизма, который в лучшей степени позволяет выполнить поставленную ранее задачу и занять более гибкий и конформный международному праву подход к защите национальной идентичности. С этим механизмом в известной степени связана и дерогация, которую комментаторы Европейской конвенции рассматривают как его частный случай (Харрис и др. 2018: 19).

---

[5] Ibid. § 4–11.

[6] Ibid. § 50–51.

[7] Council of Europe. Note verbale JJ7979C from 10 June 2025 // Council of Europe Official Website. URL: https://rm.coe.int/09000016804896cf (дата обращения: 21.05.2025).

[8] Council of Europe. Note verbale JJ9325C corrigendum from 2 March 2022 // Council of Europe Official Website. URL: https://rm.coe.int/1680a5b0b0 (дата обращения: 21.05.2025).

Речь идет об известной доктрине свободы усмотрения государств (англ. *margin of appreciation*), действие которой применительно к вопросам защиты исторической памяти можно рассмотреть на примере другого резонансного решения ЕСПЧ по делу «*Синькова против Украины*»[9].

Заявителем по делу являлась гражданка Украины, которая стала участником провокационного «перфоманса» возле Памятника Вечной Славы, воздвигнутого в честь павших советских героев Великой Отечественной войны. В рамках «перформанса» заявительница и другие два его участника пожарили яйца и сосиски на Вечном огне на могиле Неизвестного солдата, что было запечатлено на видео и распространено с критической сопроводительной подписью в сети «Интернет»[10]. В результате заявительница была привлечена к уголовной ответственности за надругательство над могилой Неизвестного солдата и приговорена к условному сроку, что в дальнейшем оспорила в ЕСПЧ со ссылкой на нарушение свободы выражения своего мнения.

Решение вызвало бурную критику в российском обществе, поскольку ЕСПЧ признал нарушение прав заявителя. Однако применительно к наиболее чувствительным вопросам, поднимаемым в деле, а именно вопросам защиты священных символов Победы и исторической памяти о Великой Отечественной войне, ЕСПЧ занял иную позицию, не найдя нарушения статьи 10 Европейской конвенции. Суд учел особую значимость памятников и символов, которым заявитель нанес оскорбление, и отметил, что Вечный огонь, «на котором заявительница жарила яичницу, является частью памятника солдатам, которые отдали свои жизни, защищая свою страну… У заявительницы было много подходящих возможностей выразить свое мнение… не оскорбляя память погибших солдат и чувства ветеранов»[11]. Тем самым ЕСПЧ признал за государством, установившим уголовную ответственность за оскорбление памяти защитников Отечества, бóльшую свободу усмотрения

[9] ECHR. Sinkova v. Ukraine. Judgement of 27 February 2018. Application no. 39496/11 // HUDOC. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181210 (дата обращения: 21.05.2025).

[10] Ibid. § 6–8.

[11] Ibid. § 110.

в гарантировании права на самовыражение, ограничивая его в ситуациях, когда может быть нанесен столь суровый урон священной исторической памяти.

Дьявол кроется в процессуальных деталях. В приведенных примерах национальная идентичность защищалась посредством корректировки регулирования самих субстантивных прав, что укладывается в рамки доктрины свободы усмотрения. Однако поскольку ее применение легитимируется судебным актом, основания для ее применения нужно доказать в состязательном процессе. Бремя доказывания наличия таких оснований предсказуемо лежит на государстве-ответчике, поскольку оно, как указывал ЕСПЧ, находится в лучшем положении, чем международный суд, для того чтобы судить о содержании требований общественной нравственности[12]. Поэтому государство становится главным[13] источником информации для международного суда об основаниях для применения к нему доктрины свободы усмотрения. И если оно по тем или иным причинам не воспользуется своим процессуальным положением, оно может упустить возможности по демонстрации обоснованности своей позиции, отстаивающей национальную идентичность.

Сказанное видно на примере недавнего постановления ЕСПЧ по делу «*Картыжев и другие против России*»[14]. Одна из заявительниц по делу – брянский блогер Алена Червякова – была

---

[12] ECHR. Handyside v. The United Kingdom. Judgement of 7 December 1976. Application no. 5493/72. § 48 // HUDOC. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57499 (дата обращения: 22.05.2025).

[13] В ряде случаев международные суды черпают информацию о национальных особенностях и традициях не только из позиции государства-ответчика (все же, речь идет о заинтересованной стороне спора). Для проверки достоверности информации, исходящей от государства, к участию в деле могут привлекаться международные или неправительственные организации, в т. ч. действующие в этом государстве, выступающие в качестве *amici curiae*. Так, ЕСПЧ учитывал позицию неправительственных российских организаций, разрешая дело «*Баев и другие против России*», рассмотренное далее в настоящей работе, см.: ECHR. Bayev and others v. Russia. Judgement of 20 June 2017. Application nos. 67667/09. § 58–60 // HUDOC. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-174422 (дата обращения: 22.05.2025).

[14] ECHR. Kartyzhev and others v. Russia. Judgement of 15 May 2025. Application nos. 40763/19 // HUDOC. URL: https://hudoc.echr.coe.int/tkp19/view.asp?i=001-243128 (дата обращения: 22.05.2025).

привлечена к административной ответственности на основании части 3 статьи 20.1 КоАП РФ по факту публикации видеоролика, в котором она исполнила латиноамериканский реггетон на площадке Кургана Бессмертия – мемориального комплекса павшим советским воинам Великой Отечественной войны. Не согласившись с административным штрафом и выводами судов, Червякова обратилась в ЕСПЧ с жалобой на нарушение гарантий свободы выражения мнения.

Фабула проста: публичное исполнение увеселительного танца на фоне мемориального места, где увековечивается память героев и защитников Отечества, положивших свои жизни на алтарь Священной Победы, с позиций российской общественной нравственности рассматривается как оскорбительное. Такой поступок может расцениваться как наносящий удар по российской национальной идентичности, неотъемлемым элементом которой является память о Великой Отечественной войне, подвиге, мужестве и жертве советского народа. И хотя прецедентное право ЕСПЧ имеет все предпосылки к тому, чтобы ограничивать такие способы самовыражения, в данном деле Суд все же установил нарушение статьи 10 Европейской конвенции. Этим решением Суд обрушил на себя шквал предсказуемой критики в России.

Представляется, что истинные причины такого решения кроются не в отступлении ЕСПЧ от собственной устоявшейся практики или в его политической ангажированности, а в процессуальных деталях дела.

Во-первых, несмотря на болезненность для России поставленного в деле вопроса, она не выразила своей позиции по делу, хотя ЕСПЧ, в соответствии с пунктом 2(b) правила 54 Регламента, коммуницировал жалобу России. При этом на момент коммуникации – 20 октября 2020 г. – Россия являлась стороной Конвенции. В своем уведомлении Суд поставил перед Россией конкретные извлекающие вопросы, позволявшие пролить свет на ее позицию по защите национальной идентичности посредством ограничений способов самовыражения, глубоко оскорбляющих историческую память («Имело ли место нарушение статьи 10 Конвенции?», «Соответствует ли духу Конвенции предоставление повышенной защиты… государственным учреждениям законом об оскорблениях?» и «Был ли размер

штрафов оправдан тяжестью правонарушения и конкретными обстоятельствами дела?»[15]). После выхода России из Конвенции молчание могло объясняться сугубо формально – необязательностью для России решений ЕСПЧ, вступивших в силу после 15 марта 2022 г., в том числе будущего решения по этому делу.

Во-вторых, из постановления по делу следует, что основанием для присуждения заявительнице компенсации стало нарушение не только статьи 10, но и статьи 6 Конвенции, что не было учтено критиками решения в России[16]. Нарушение права на эффективную судебную защиту выразилось в отсутствии прокурора в ходе судебного разбирательства – как установлено ЕСПЧ и не оспорено, единственным поводом для возбуждения дела стало сообщение третьего лица (Управление культуры Брянской городской администрации)[17], которое, «заменив» государственное обвинение, легло в основу обвинения. Возможно, именно это обстоятельство и стало решающим для принятия Судом решения.

Таким образом, ЕСПЧ вынужден был принимать решение в условиях дефицита критически значимой информации, которая – в свете распределенного бремени доказывания – могла быть получена только от России как государства-ответчика. Не исключено, что активное участие России в данном деле, которое поднимает вопросы, чувствительные для истории страны и, как следствие, ее идентичности, повлияло бы на выводы Суда о нарушении статьи 10 Конвенции.

Национальная идентичность как предмет политического процесса. Международный суд, разрешая чувствительный для государства спор, нередко учитывает не только международно-правовые, но и политические соображения. Таковыми могут быть: ожидаемая политическая реакция государства на принятое решение, предполагаемый объем дипломатических усилий, которые потребуется задействовать для обеспечения его исполнения, вероятность возникновения

[15] ECHR. Kartyzhev and others v. Russia (Communicated Case). Statement of Facts. Questions to the Parties // HUDOC. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-206179 (дата обращения: 22.05.2025).

[16] ECHR. Kartyzhev and others v. Russia. Appendix no. 3.

[17] ECHR. Kartyzhev and others v. Russia (Communicated Case). Statement of Facts. § D(19).

потребности в дипломатическом давлении на обязанное государство, влияние решения на исполнимость других будущих решений против этого же государства и т.п. По признанию председателя ЕСПЧ Л.-А. Сицилианоса (2019–2020 гг.), исполнение решений Суда под надзором Комитета министров Совета Европы (КМ СЕ) требует приложения политических усилий, а иногда и усиления дипломатического давления (Сицилианос, Костопулу 2020: 169, 173). На этом фоне справедливы слова профессора Лондонской школы экономики С. Экономидеса, сказанные некогда в контексте международной уголовной юстиции: «Суд – это правовой институт, но в высшей степени политизированный, который будет жизнеспособным и успешным только благодаря сотрудничеству государств и политике консенсуса» (Economides 2003: 49).

При рассмотрении международных споров, касающихся национальной идентичности, сталкиваются следующие противостоящие интересы. С одной стороны, государство-ответчик заинтересовано в защите своей идентичности различными способами, в зависимости от чувствительности поднимаемого вопроса, вплоть до полного отказа от исполнения решения международного суда, подвергающего эти ценности сомнению или ревизии. С другой стороны, суд явно заинтересован в исполнении своего решения, с тем чтобы в его портфеле оставалось как можно меньшее количество неисполненных актов. Наличие таких актов позволяет говорить о том, что их адресаты не воспринимают эти акты всерьез, что наводит на мысли либо о низком качестве отправляемого этим судом правосудия, либо об отталкивающем судейском активизме, провоцирующем государства на протест.

С этого ракурса исполнение решения международного суда, затрагивающего вопросы национальной идентичности, из банальной правовой процедуры превращается в творческий поиск взаимоприемлемых политических решений, причем нередко по инициативе самого международного суда. Рассмотрим этот процесс на примере двух конкретных дел.

Наиболее резонансным из них стало дело «*Баев и другие против России*». В нем рассматривалась ситуация, когда участники публичных мероприятий, тематикой которых являлась защита нетрадиционных сексуальных отношений и привлечение

внимания к проблеме прав сексуальных меньшинств (признаны экстремистской организацией решением Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023 г.), были подвергнуты административному наказанию за их пропаганду среди несовершеннолетних по статье 6.21 КоАП РФ. Решение ЕСПЧ, признавшее нарушение статьи 10 Конвенции, стало резонансным в России как расходящееся с традиционными для российского общества представлениями о сексуальных отношениях.

Любопытно, что предметом рассмотрения ЕСПЧ стал не столько характер проведенных заявителями демонстраций[18], сколько само российское законодательство об административных правонарушениях. Так, ЕСПЧ высказал следующие суждения относительно качества («конвенционности») национального законодательства:

– «рассматриваемые правовые нормы [статьи 6.21 КоАП РФ] не способствуют достижению легитимной цели защиты нравственности»[19];

– Суд подчеркнул «расплывчатость используемой терминологии и потенциально неограниченную сферу их применения»[20];

– «неполноценность однополых отношений по сравнению с отношениями разнополыми» обусловливается именно законодательством, а не конкретными правоприменительными решениями[21].

Главной сентенцией ЕСПЧ стало то, что Россия вышла за пределы усмотрения по статье 10 Конвенции именно в результате «принятия общих мер» – законодательства, запрещающего пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений. Вместе с тем, вопреки позиции большинства критиков, ЕСПЧ, присуждая заявителям средства защиты, учитывал позицию России, подробно представленную в настоящем деле[22].

---

[18] В этой части ЕСПЧ резюмировал, что при проведении своих демонстраций заявители не стремились взаимодействовать с несовершеннолетними и не вторгались в их личное пространство. См.: ECHR. Bayev and others v. Russia. § 80.

[19] ECHR. Bayev and others v. Russia. § 83.

[20] Ibid.

[21] Ibid. § 90–91.

[22] Ibid. § 45–50.

Суд понимал, что Россия не пересмотрит это законодательство, в том числе по принципиальным для нее соображениям защиты традиционных ценностей, а в случае принятия решения об обратном – не исполнит его. ЕСПЧ также учел, что это законодательство являлось предметом оценки Конституционного Суда России и было признано конституционным[23], что подчеркивает принципиальность позиции России. Учитывая, наконец, что отсутствовали основания для применения пилотной процедуры согласно правилу 61 Регламента ЕСПЧ, Суд воздержался от предписания России мер по корректировке законодательства и ограничился лишь присуждением денежных компенсаций. Тем самым Суд попытался найти баланс противостоящих интересов, названных выше, и не понудил Россию к тем мерам, которые она бы саботировала, не вступая в политический диалог, разменивая свою национальную идентичность.

Еще более ярким примером является дело «*Федотова и другие против России*», в основу которого легли отказы российских органов ЗАГС регистрировать однополый брак со ссылкой на семейное законодательство. Дело было рассмотрено Палатой[24] и Большой палатой ЕСПЧ[25], и оба раза было констатировано нарушение права на уважение семейной жизни заявительниц (статья 8 Конвенции).

ЕСПЧ оценивал качество российского закона и здесь. Суд связал нарушение Конвенции именно с дефектностью закона, который не предусматривает никаких форм легализации однополых отношений[26]. Однако, принимая решение, ЕСПЧ столкнулся с той же конкуренцией политических интересов, что и в деле «Баев и другие против России»: суд осознавал, что затрагивает крайне чувствительный для России вопрос ввиду господствующих в стране традиционных взглядов на однополые отношения. Палата даже признала, что закрепление

---

[23] Ibid. § 20, 22, 25.

[24] ECHR. Fedotova and others v. Russia. Judgement of 13 July 2021. Application no. 40792/10 // HUDOC. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-211016 (дата обращения: 22.05.2025).

[25] ECHR. Fedotova and others v. Russia (Grand Chamber). Judgement of 17 January 2023. Application no. 40792/10 // HUDOC. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-222750 (дата обращения: 22.05.2025).

[26] Ibid. § 224; ECHR. Fedotova and others v. Russia. § 56.

в Конституции России с 2020 года понятия брака как союза мужчины и женщины может быть направлено на достижение легитимной цели укрепления брачных институтов[27]. В результате и Палата, и Большая палата ограничились лишь констатацией нарушения статьи 8 Конвенции, воздержавшись даже от присуждения заявителям компенсаций. Вопреки мнению критиков данного решения, ЕСПЧ не формулировал в адрес России предписаний о мерах общего характера, в том числе по легализации нетрадиционных форм отношений.

Тем самым ЕСПЧ старался принять политически взвешенное решение. С одной стороны, оно не требует от России никаких активных действий: ни общего, ни индивидуального характера – ничего, что хотя бы в малейшей степени заставляет государство преступить через свою идентичность. С другой стороны, оно имеет сугубо констатационную природу и в принципе не нуждается в каком-либо исполнении, что лишает государство-ответчика правовых рычагов его преодоления в национальной правовой системе.

Выдерживать баланс политических интересов важно и на стадии исполнения решения. В этих целях международный суд может более лояльно относиться к мерам, принимаемым государством по исполнению решения, конфликтующего с отдельными аспектами идентичности. Примером является постановление ЕСПЧ по делу «*Юнал Текели против Турции*»[28], в котором отсутствие в турецком законодательстве опции по сохранению женщиной своей девичьей фамилии при вступлении в брак было признано нарушением права на уважение частной жизни. Как видно, ЕСПЧ и в этом деле связал нарушение конвенционных прав с дефектами законодательства – статьи 187 Гражданского кодекса Турции, которая предписывала женщине при вступлении в брак использовать либо фамилию супруга, либо двойную фамилию[29]. Хотя Суд не предписал Тур-

---

[27] ECHR. Fedotova and others v. Russia. § 54.

[28] ECHR. Ünal Tekeli v. Turkey. Judgement of 16 November 2004. Application no. 29865/96 // URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-67482 (дата обращения: 23.05.2025).

[29] Türk Medenî Kanunu. 4721 sayılı // Lexpera. URL: https://www.lexpera.com.tr/mevzuat/kanunlar/turk-medeni-kanunu-4721 (дата обращения: 25.05.2025).

ции скорректировать законодательство, очевидно, что устранение нарушения Конвенции, – исходя из первопричин нарушения, – требует такой корректировки.

Несмотря на то, что решение было принято еще в 2004 г., фактически оно оставалось неисполненным на протяжении без малого двадцати лет, – пока Конституционный Суд (КС) Турции в 2023 г. не дисквалифицировал статью 187 ГК Турции, в том числе со ссылкой на позицию ЕСПЧ[30]. При этом столь длительное бездействие турецкой стороны не нашло порицания со стороны КМ СЕ, осуществляющего надзор за исполнением решений ЕСПЧ. Лишь в том же 2023 году КМ СЕ удовлетворился ссылкой на явно запоздалое решение КС Турции, указав, что «тот факт, что дело остается на рассмотрении Комитета, не означает, что государство-ответчик игнорирует судебное решение»[31]. Причины тому кроются не только в правовых нюансах (исполнение постановления не было темпорально ограничено, резолютивная часть постановления не содержала указания на необходимость корректировки турецкого законодательства, высокая текущая нагрузка на КМ СЕ и т.п.), но и в политических: вопрос о том, чью фамилию должна нести замужняя женщина, является особо чувствительным для турецкого общества и, с учетом его традиций, восходит к самобытным семейным ценностям страны.

Заключение. Как видно, процесс защиты государствами национальной идентичности в международно-правовой плоскости может протекать по двум сценариям.

Первый сценарий предполагает односторонний отказ государства от исполнения международных обязательств и имплементации обусловленных ими судебных актов, – даже если для этого придется буквально нарушить международное право. В этом случае государство, отступая от международных обязательств, не ставит вопрос о том, «куда» ему придется отступать.

---

[30] Anayasa Mahkemesinin 2 Şubat 2023 kararı. Tarihli ve E: 2022/155, K: 2023/38 // Lexpera. URL: https://www.lexpera.com.tr/Appendix/publication_tr/rg801y2023n32174p6_483908533_1.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

[31] Supervision of The Execution of Judgments and Decisions of The European Court of Human Rights. 17th Annual Report of the Committee of Ministers // The Council of Europe, 2024. P. 13.

Такой сценарий может быть избран сознательно, если государство намерено сигнализировать международному сообществу о принципиальности и чувствительности для себя затронутых вопросов (в том числе ввиду их связи с вопросами идентичности).

Между тем, когда государство оперирует аргументами к национальной идентичности, стоит учитывать, что представления государства и гражданского общества о ее содержании могут не совпадать. Более того, граждане этой страны, исходя из собственных чувств общности и исповедуемых ценностей, могут являться носителями другой идентичности – отличной от той, какую государство намеревается защитить (например, когда гражданское общество отторгает ценности, насаждаемые государством исходя из его утилитарных интересов). В таких случаях национальная идентичность из субстантивного аргумента превращается в формальный, направленный на искусственное создание «пространства» для отступления государства от своих обязательств. Как бы там ни было, данный сценарий мыслим в исключительно благоприятном политико-правовом контексте, который объективно позволяет государству диктовать соответствующему международному суду, по выражению В.Д. Зорькина, свои «пределы уступчивости» (Зорькин 2024: 29) (пассивность международного суда в предписании государству мер общего характера, нерегулярность надзора за исполнением его решений, послаблений в нем и т.д.).

Согласно второму сценарию, вопросы защиты национальной идентичности решаются в процессе международно-правовой коммуникации, то есть являются предметом длительных дипломатических усилий, состязания в международном суде и даже политического торга, в том числе при исполнении актов международной юстиции. Такой сценарий более интуитивен по следующим причинам.

Во-первых, как правило, международный суд не ограничивает государство в выборе способов исполнения своего решения. Такова природа суверенитета и субсидиарности международного правосудия, которые, как отмечает П. Кароцца, «признают… ответственность национальных [властей] за обеспечение прав человека и рассматривают международное вмешательство [лишь] как… дополняющий или вспомогательный

механизм» (Carozza 2003: 67). В результате государство получает возможность выбирать «меньшее из зол»: такой способ исполнения, который будет отвечать соображениям защиты национальной идентичности или, во всяком случае, нанесет ей меньший урон.

Во-вторых, международное право поощряет активное международное общение. Неслучайно, например, Комиссия международного права ООН указывает, что возражение государства против формирующегося международного обычая (англ. *persistent objector doctrine*) должно быть не просто доведено до сведения всех причастных государств, но и последовательно отстаиваться на международной арене[32], что возможно только в условиях непрерывной международно-правовой коммуникации. В противном случае государство не будет считаться возразившим против нежелательной для него нормы, что сулит угрозы для национальных ценностей, которые оно посредством этого возражения стремилось защитить. Интуитивность такого подхода подтверждают и древнеримские юристы, гласившие, что «законы помогают бодрствующим, а не спящим» (лат. *vigilantibus, non dormientibus, jura subveniunt*).

В этом контексте отличие подлинного права от сиюминутных политических интересов состоит именно в соблюдении должной процедуры: «даже при разногласии интересов и хотений» и «даже «подпорченное» ценностными предпочтениями решение… в итоге все же признают, хотя бы и без одобрения, если оно… состоялось в законной процедуре» (Арановский, Князев 2016: 71, 121). Сказанное применимо и к международному праву: если государство намерено «обезопасить» себя от применения к нему каких-либо международно-правовых норм (например, предотвращая возникновение обычая или консенсуса, противоречащего внутренним традиционным ценностям) или стандартов (например, используя свою свободу усмотрения), это возможно только в рамках международно-правового режима, закрепляющего эти нормы или стандарты, а именно

[32] International Law Commission. Draft Conclusions on Identification of Customary International Law, with Commentaries. Adopted by the ILC at its 17-th session, 2018. P. 153 // URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_13_2018.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

посредством постоянной, открытой и своевременной коммуникации, в том числе в установленных этим режимом процедурах, не исключая судебные. Если признать защиту национальной идентичности важным суверенным интересом государства – рубежом, за которым некуда отступать, – то надлежит признать и то, что суверенитет, будучи международно-правовым атрибутом, может и должен защищаться не иначе как средствами международного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арановский К.В., Князев С.Д. 2016. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. Москва : Проспект. 206 с.

Зорькин В.Д. 2024. Лекции о праве и государстве. Санкт-Петербург : Конституционный Суд Рос. Федерации. 352 с.

Сицилианос Л.-А., Костопулу М.-А. 2020. Индивидуальная жалоба в системе Европейской Конвенции по правам человека : Практический комментарий. Москва : Развитие правовых систем. 188 с.

Харрис Д. и др. 2017. Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. 2-е изд., доп. Москва : Развитие правовых систем. XC, 1341 с.

Carozza P. 2003. Subsidiarity as a Structural Principle of International Human Rights Law // The American Journal of International Law. Vol. 97, iss. 1. P. 38–79. DOI 10.2307/3087103

Dumberry P. 2010. Incoherent and Ineffective: The Concept of Persistent Objector Revisited // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 59, № 3. P. 779–802. DOI 10.1017/S0020589310000308

Dupuy P.-M. 2020. Prosper Weil's Article: A Stimulating Warning. Symposium on Prosper Weil, "Towards Relative Normativity in International Law?" // AJIL Unbound. Cambridge University Press. Vol. 114. P. 72–76.

Economides S. 2003. The International Criminal Court: Reforming the Politics of International Justice // Government and Opposition. Vol. 38, № 1. P. 29–51. DOI 10.1111/1477-7053.00003

Grewe W.G. 2000. The Epochs of International Law. Berlin ; New York : Walter de Gruyter. 782 p.

Hafner-Burton E. et al. 2011. Emergency and Escape: Explaining Derogations from Human Rights Treaties / Hafner-Burton E., Helfer L., Fariss C. // International Organization. Vol. 65, № 1. P. 673–707. DOI 10.1017/S002081831100021X

Viktor D. Balakaev
Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: balakaev.work@gmail.com

"Nowhere to Retreat": Defending National Identity by Means of International Law and Justice

Abstract. From the point of view of international law, approaches to protecting its national identity on the part of a state may include expanding or narrowing the scope of its international obligations or derogating from them. In order to clarify these approaches, the article examines the most high-profile cases considered in recent years by the European Court of Human Rights that involve issues of protecting historical memory and traditional values. The case-study method is used to demonstrate that the outcome of such cases is influenced not only by the content (scope) of the substantive law, but also by less obvious factors, such as historical and political contexts, as well as the procedural behaviour of the disputing party. In such cases, it is shown that the international court also pursues its own interests, which can be understood in terms of ensuring the enforceability of its own decisions rather than "diluting" the national identity of the state. By considering the implementation of acts of international justice on issues sensitive for a state not merely as a formally defined procedure, but also as a complex process of seeking mutually acceptable political solutions, the scope of opportunities for a state to defend its national identity is expanded. The effectiveness of protecting national identity is shown to be determined not by the principled position of the state in terms of the regularity or categorical nature of its objections, but rather by the effectiveness of its participation in international legal communication, including judicial proceedings.

Keywords: international justice; execution of international court decisions; national identity; historical memory; politics; European Court of Human Rights

УДК 343.9.01:340.125

Вячеслав Юрьевич Васечко
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1808-4404
ResearcherID: K-2505-2018
SPIN-код: 3610-5534

Русская уголовно-антропологическая школа в свете советской историографии (1920-е – 1960-е гг.)

Аннотация. Создание российской историографической модели политико-правовых знаний предполагает систематическое обращение к недооцененным в свое время и даже забытым на достаточно долгий срок, вычеркнутым из научного и культурного дискурса креативным личностям, их биографиям, трудам, идеям и концепциям. Такая работа требует также изучения их позднейших имиджей и интерпретаций, которые так или иначе складывались и функционировали в отечественной социально-правовой мысли и играли свою роль в том, что одни имена постоянно оставались на виду и на слуху, тогда как другие поглощал мрак забвения. Русская уголовно-антропологическая школа конца XIX – начала XX вв., развивавшая идеи Ч. Ломброзо и представленная именами Д.А. Дриля, В.Ф. Чижа и менее известных авторов, стала в советскую эпоху объектом не столько беспристрастного исследования, сколько превратных, идеологически ангажированных толкований либо элементарного замалчивания. В настоящей статье предметом рассмотрения являются два типа интерпретации уголовной антропологии, соответствующие двум существенно отличным друг от друга этапам советской истории. В 1920-е годы, в сравнительно толерантной академической атмосфере, идеи криминальной антропологии еще востребованы и их эпистемологическое содержание оказывает немалое влияние на дискуссии, связанные с объяснением причин преступности и выбором ориентиров пенитенциарной политики. Напротив, в 1930-1960-е годы «ломброзианство» превращается в идейное и политическое клеймо, его научный потенциал полностью утрачивается, а объективное изучение корней преступности подменяется агрессивной и бессодержательной риторикой, становящейся нормой криминологического дискурса, юридического образования и официальной про-

паганды. Целями статьи автор считает, во-первых, восстановление исторической справедливости по отношению к одному из важных научных направлений дореволюционной русской криминологии, и, во-вторых, внесение своего посильного вклада в дело разработки перспективных средств противодействия тем силам, которые не заинтересованы в возвращении России на путь ее суверенного цивилизационного развития.

Ключевые слова: криминальная антропология; русская уголовно-антропологическая школа; Чезаре Ломброзо; ломброзианство; Д.А. Дриль; В.Ф. Чиж; советская юридическая историография

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Рассмотрение современного состояния той или иной научной проблемы с необходимостью предполагает периодическое обращение к тем концепциям, методам, подходам, с помощью которых она решалась в прошлом – разумеется, с поправками на то, что ранее она осознавалась и формулировалась на другом уровне, с помощью других понятий и, возможно, в других академических и культурных контекстах. Историографический анализ соответствующих источников позволяет не только более подробно и адекватно обрисовать генеральную траекторию и боковые, иногда тупиковые пути решения данной проблемы, но и высветить те моменты, которые либо не были в полной мере своевременно поняты и оценены, либо по разным причинам отошли впоследствии на задний план, а то и вообще были забыты исследователями последующих поколений. Это относится и к истории отечественной социальной мысли: чем лучше мы будем знать своих предшественников, их идеи, их мотивацию и их споры, тем понятнее будет для нас то, к чему пришли мы сегодня, и тем легче будет определить, куда двигаться завтра.

На этом пути весьма многообещающим делом выглядит анализ восприятия и интерпретации той или иной доктрины авторами, работавшими примерно в той же предметной области спустя некоторое время. Те критические оценки, которые этой доктрине давались (будь они со знаком плюс или минус),

неизбежно несли на себе отпечаток не только сугубо эпистемологических новаций, но и духа той эпохи, которая оценки эти породила. Поэтому историографическое рассмотрение источников, содержащих эти оценки, представляется важным, как минимум, в двояком отношении – и как способ более глубокого проникновения в аутентичный смысл той конкретной доктрины, которой они были посвящены, и как инструмент постижения того культурно-исторического времени, когда работали авторы этих текстов.

Русская уголовно-антропологическая школа, представленная именами Д.А. Дриля (1846–1910) (Васечко 2024), В.Ф. Чижа (1855–1922?) (Васечко 2025) и менее известных личностей, активно функционировавшая в последние десятилетия XIX века и до 1917 г., бесспорно, возникла под мощным влиянием учения итальянского психиатра Чезаре Ломброзо о существовании наследственной и антропологической предрасположенности к преступному поведению и образу мыслей[1]. Вдохновленные, подобно их западным коллегам, теми широкими перспективами, которые открывали для изучения феномена преступности многие молодые тогда науки (антропология, психология, физиология, математическая и социальная статистика и др.), российские криминальные антропологи выступили с развернутой и веской критикой так называемой классической школы в уголовном праве и ее традиционных представлений о причинах преступлений, вине и вменяемости, а также о репрессивных мерах в отношении субъектов, совершивших криминальные деяния. Хотя в России (как, собственно, и на Западе) сторонникам уголовной антропологии не удалось добиться радикальной перестройки уголовно-правовой, уголовно-процессуальной

[1] Помимо самой известной фигуры, давшей название всему течению («ломброзианство»), в качестве представителей его обычно называют французских психиатров середины XIX в. Бенедикта Мореля и Жана Деспина, из работ которых Ломброзо немало позаимствовал, а также более молодых его соотечественников – Рафаэле Гарофало и Энрико Ферри. В 1880 г. Ломброзо и его единомышленники стали инициаторами издания специального печатного органа – журнала «Архив уголовной психиатрии и уголовной антропологии». С этого же времени начали собираться международные конгрессы по уголовной антропологии, к участию в которых позднее присоединились и российские криминологи.

и пенитенциарной систем, деятельность их оказала определенное влияние на работу правоохранительных органов, а также, в еще большей степени, на те острые дискуссии, которые велись среди российских юристов и вообще в российском образованном обществе.

1920-е годы: криминальная антропология в роли «попутчицы» в деле формирования нового человека. Та роль, которая отводилась старой, дореволюционной интеллигенции новой коммунистической властью в России, была в общих чертах описана в работах В.И. Ленина как до-, так и послереволюционного периода, и в этом вопросе первый руководитель Советского государства был достаточно последователен. С одной стороны, было очевидно, что коммунистической партии и правительству не обойтись без этих людей, владеющих необходимыми конкретными знаниями, будь то экономика, техника, военное дело, медицина, естественные науки, право и т.д. Как писал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» (1909), «вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков» (Ленин 1968: 364), подразумевая под последними тогдашних профессоров политической экономии. И там, где партии и (после 1917 г.) Советской власти было необходимо, они никогда не чурались прибегать к услугам этих «ученых приказчиков», этих, как их еще называл Ленин вслед за Иосифом Дицгеном, «дипломированных лакеев» старого режима. При этом шла речь о естествоиспытателях, инженерах, военспецах, деятелях культуры или же, как в нашем случае, о юристах.

С другой стороны, всей этой публике с самого начала давалось понять, что в ее содействии нуждаются лишь до поры до времени: на достойное место в новом обществе может рассчитывать только та ее часть, которая сумеет «перековаться», то есть отказаться от привитых жизнью в прошлом эксплуататорском обществе предрассудков и принять «всепобеждающее учение Маркса – Энгельса» в полном объеме – и его философию, и его социально-политическую доктрину, и вообще все то, что будет предложено на данный момент его официальными интерпретаторами. Для той части, которая не сумеет и тем более не захочет изменять своим прежним идеалам, перспективы рисовались довольно мрачные: «революционные рабочие

и крестьяне», волю которых олицетворяли репрессивные органы, быстро дадут понять таким отсталым индивидам, что в их профессиональных талантах, знаниях и навыках общество больше не заинтересовано – со всем, что отсюда вытекает.

Как известно, далеко не все интеллигенты, выросшие и сформировавшие свое мировоззрение до революции, приняли эти жесткие правила игры. Миллионы из них предпочли неопределенность, страдания и тяготы жизни в эмиграции, отказавшись от какого бы то ни было сотрудничества с новыми властями. Однако другие, и их также было достаточно много, сделали иной выбор, и это относится в том числе ко многим заметным юристам старой школы. Но при этом значительная их часть, пойдя на службу советскому режиму, читая лекции в советских вузах, выпуская одну за другой новые книги и даже порой добросовестно работая в различных правоохранительных структурах, продолжала придерживаться, по сути, своих привычных воззрений, в том числе и там, где дело касалось причин преступности и борьбы с ней.

Ровесник Ленина, правовед и психолог *С.В. Познышев* (1870–1943), задолго до революции получивший степень доктора уголовного права и профессорское звание, а в 1915–1917 гг. бывший даже проректором Московского университета, откровенно опираясь на Ломброзо, Ферри и Гарофало, разрабатывает свою классификацию преступных типов (Познышев 1923; Познышев 1926)[2]. Правда, он оговаривается, что не существует «антропологического типа преступника» – такого, который можно было определить по внешним признакам типа формы черепа, асимметрии лица или строения ушных раковин. Но для него нет никаких сомнений насчет того, что преступный тип как таковой – объективный феномен, просто надо уяснить себе, что он определяется не физической, а психической конституцией индивида и проявляется в его практических действиях: «Содержание преступного типа образует то сочетание постоянных свойств, в силу которого личность реагировала на получен-

[2] Недавно, в 2023 г., почти сто лет спустя, «Криминальная психология» Познышева была переиздана издательством «Юрайт». В аннотации ценность этой книги для нынешнего российского читателя определяется тем, что «она основана на материале, взятом из современной действительности автора» (так на сайте издательства. – *В.В.*).

ные ею впечатления преступным поведением определенного характера» (Познышев 1926: 31). И в этом вопросе ни о каком разрыве Познышева с принципами учения Ломброзо не может идти речи: сами ближайшие последователи автора «Человека преступного» еще при его жизни указывали на проблематичность обнаружения криминального типа посредством методов антропометрии. Об этом же нередко писали и русские «ломброзианцы», в частности, и Дриль[3], и Чиж[4], но при этом, надо подчеркнуть, и они никогда не ставили под сомнение основополагающие тезисы криминальной антропологии.

Весьма характерно, что, черпая эмпирический материал из современных реалий, а именно из уголовных материалов и судебных дел Советской России первой половины 1920-х гг., в своих теоретических конструкциях Познышев опирается на те же самые авторитеты, что и его дореволюционные предшественники из числа криминальных антропологов. Имена Эскироля, Мореля, Ломброзо, Деспина, Гарофало, Рибо и других постоянно фигурируют в его книгах, причем практически исключительно в положительном контексте – как имена ученых, открывших некие важные, фундаментальные истины, против которых их преемникам по существу нечего возразить. Одним из таких базовых текстов становится для юриста Познышева «Физиологическая психология» Теодора Цигена (Познышев

[3] По поводу разнообразных антропометрических, физиогномических и физиологических особенностей, на которых акцентирует внимание Ломброзо, Дриль замечает, что для выделения именно их в качестве стигматов «преступного типа» нет достаточных оснований: «…Описанные признаки наблюдались в различных количествах и комбинациях у различных преступников и объединены во всей сумме в одно общее целое, в тип, только описанием… Чтобы иметь основание для выделения особого “преступного типа”, надо было сначала доказать, что приводимые признаки, или по меньшей мере некоторые из них, суть признаки специфические, присущие только преступникам и не встречающиеся у непреступных людей. Ничего подобного не доказано и не может быть доказано…» (Дриль 2010: 473).

[4] Чиж указывает, например, что самостоятельно проводя в течение трех лет исследования асимметрии человеческих лиц, пришел к выводу, что полная симметрия лица встречается крайне редко, вследствие чего, по логике первых ломброзианцев, абсолютное большинство людей следовало бы отнести к психическим вырожденцам и представителям «преступного типа» (Чиж 1890: 209).

1926: 64), первый перевод которой в России, как явствует из ее выходных данных, вышел под редакцией В.Ф. Чижа, в ту пору профессора Юрьевского университета (Циген 1896) Также многократно упоминаются Познышевым различные работы Дриля (Познышев 1923: 85, 98, 199, 231). Цитирует он и монографию «Убийцы», принадлежащую перу бывшего сахалинского врача Н.С. Лобаса (Лобас 1913), личного знакомого и последователя Дриля (Познышев 1923: 231-232), и, возможно, именно по его примеру богато иллюстрирует свою «Криминальную психологию» фотографиями фигурантов уголовных дел, призванными подкрепить тезис о том, что криминальный тип – это объективный, можно даже сказать «медицинский» факт, а не досужий вымысел кабинетных теоретиков.

Новацией уголовно-антропологического дискурса 1920-х гг. следует считать активное обращение к работам Фрейда. Зигмунд Фрейд с его открытым атеизмом и декларациями о приверженности к научно-материалистическому мировоззрению небезосновательно рассматривался многими большевистскими вождями (в частности, Троцким) как идейный союзник, которого можно и нужно использовать на благо коммунизма, и потому его работы неоднократно переводились, издавались и живо обсуждались. Фрейд вполне укладывался в ленинский трафарет тех «представителей современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма» (Ленин 1970: 29). Как полагает современный автор, Фрейд и Чиж (последний старше всего на один год) до начала XX в. двигались в своих исследованиях проблемы бессознательного параллельными курсами, а тот факт, что имя первого оказалось столь «раскрученным», а имя второго так скоро забылось, следует отнести на счет некоторых личных черт характера, помешавших Чижу сделать то, что сделал Фрейд – создать законченную теорию личности и разработать на ее основе психоаналитический метод (Слабинский 2015: 10-12). Весьма вероятно, что и сравнительно ранний уход Чижа из жизни также сыграл здесь свою роль, и если бы он, подобно Фрейду, смог продолжить в 1920–1930-х гг. свою деятельность, его вклад в науку, в том

числе науку криминальной антропологии, оказался бы куда существеннее.

Как бы то ни было, фрейдистский психоанализ оказался интересен не только молодому поколению российских (уже советских) ученых, как, например, известным психологам *А.Р. Лурии* (1902–1977) и *Ф.В. Бассину* (1905–1992)[5], но и интеллектуалам старой выучки, в том числе криминологам. Тот же Познышев ссылается на недавно вышедшие переводы «Лекций по введению в психоанализ» и книги «Психоанализ и учение о характерах» (Познышев 1926: 67). *Л.Г. Оршанский* (1866–1937), дав развернутый пересказ учения Фрейда и отметив, что не каждую его идею стоит принимать безоговорочно, делает такой многозначительный вывод: «Все учение Фрейда… еще ждет серьезного экзамена в приложении к криминологии. У нас Фрейд нашел среди врачей и педагогов несколько пламенных приверженцев, которые толкуют его вкривь и вкось; русские криминологи пока обходят его молчанием» (Оршанский 1927: 50).

В целом, отношение к криминальной антропологии со стороны авторов периода первого советского десятилетия надо оценить как вполне благожелательное[6]. Даже там, где образ западного «ломброзианства» рисуется весьма негативными штрихами, считается уместным подчеркнуть, что между ним и отечественными его сторонниками нельзя ставить знак равенства. *М.М. Исаев* (1880–1950), еще один юрист с солидным дореволюционным бэкграундом, упомянув, например, в своем вузовском пособии Д.А. Дриля как последователя антропологической школы, указывает, что «его взгляды, в отличие

[5] См.: (Грэхэм 1991: 168-171, 189). Почти восторженно отзывались о Фрейде и некоторые молодые философы. Б.Э. Быховский в 1923 г. в журнале «Под знаменем марксизма», тогдашнем главном теоретическом органе партии и страны, утверждал, что «психоанализ в основе своей есть учение, проникнутое монизмом, материализмом… и диалектикой, то есть методологическими принципами диалектического материализма» (цит. по: Грэхэм 1991: 171).

[6] Как подчеркивает современный автор, «…криминологию в первые годы советской власти отличала традиция, преемственность во взглядах со своими дореволюционными предшественниками, тем более что многие из них продолжили свои исследования и при новом режиме» (Бахарев 2023: 37).

от западно-европейских антропологов, отличались удивительно гуманным отношением к преступнику» (Исаев 1927: 41). Вообще такая снисходительность и такой либерализм в отношении учения, на которое вскоре будут навешены самые тяжелые обвинительные ярлыки, могут показаться довольно неожиданными. Однако, если принять во внимание более широкий социальный и культурный контекст, многое становится понятным.

Двадцатые годы в СССР – это время активных научных поисков и энергичного социального и технического экспериментирования. Воодушевленные своей недавней победой, большевистские лидеры уверены, что им все по плечу, что они могут «сказку сделать былью» и что в их руках – радикально трансформировать не только внешний, вещный мир, но и самого человека, включая его биологическую природу. Этот возвышенный энтузиазм передается не только тысячам молодых людей, которые еще не знают и не задумываются о том, что́ потеряла Россия, но и среднему поколению, уже достаточно умудренному жизнью. Например, именно Николай Кольцов, которому в 1923 г. было уже за 50, выпускает брошюру «Улучшение человеческой породы», где рассказывает о задачах и возможностях новой биологической науки – *евгеники*, «науки о благородстве человека» (Кольцов 1923). А с 1922 по 1930 годы под его редакцией выходят семь томов «Русского евгенического журнала» (Шноль 1997: 73-75). И он не только рассуждает, но и, будучи главой Института экспериментальной биологии, пользующегося покровительством властей и большими материально-техническими ресурсами, привлекая при необходимости лучшие заграничные кадры, развертывает широкую программу исследований для выведения Homo creator, человека созидающего. При этом априорно предполагается, что у людей такого замечательного, совершенного типа какие-либо антисоциальные, а тем паче преступные наклонности просто не смогут иметь места быть.

Естественно, на этом фоне концепции, трактовавшие о наследственных и антропологических корнях криминала, были в тренде и выглядели вполне респектабельно. Ни о каком их пессимизме или человеконенавистничестве речи пока не шло, наоборот, была уверенность в том, что если мы найдем, где скрывается и в чем конкретно заключается генетический ко-

рень зла преступности, то сможем найти и средства, чтобы если и не выкорчевать его полностью, то, по крайней мере, свести его вред к минимуму. Ведь если нам по силам искусственный подбор, улучшающий природные свойства растений и животных, то почему мы не сможем скорректировать и свои собственные природные задатки – там, где они наверняка дефектны и негативны? Уголовная антропология в этом ракурсе выступала в качестве одной из научных дисциплин, дающих знание о путях формирования нового человека, знание практически ценное и социально востребованное, и потому со всем правом могла рассчитывать на сравнительно комфортное существование в условиях советского режима.

1930–1960-е годы: «ломброзианство – идеология реакции и мракобесия». Конец 1920-х гг. ознаменовался в СССР приходом к власти группировки Сталина, единолично сосредоточившего в своих руках все рычаги управления не только государством и обществом, но и духовной культурой. Для науки, и прежде всего той, которая имеет дело с обществом и человеком, это означало, что время более или менее широкого плюрализма и относительно свободного выражения взглядов миновало всерьез и надолго. К середине 1930-х обстановка для продолжения исследований в области генетики человека становится невыносимой. В 1936 г. Герман Мёллер, американский генетик и будущий Нобелевский лауреат, несколько лет до этого проработавший в Институте генетики, возглавляемом Н.И. Вавиловым, предпринял отчаянную попытку поддержать советских коллег, написав личное письмо Сталину. Ответом стало ужесточение репрессий в отношении ученых, официальное запрещение медико-генетических исследований и объявление генетики и евгеники лженауками, стоящими на службе империализма, фашизма и расизма (Сойфер 2016: 153-159, 179-186, 203-218).

На дисциплинарном статусе уголовной антропологии это изменение официального курса также отразилось самым роковым образом: на несколько десятилетий «ломброзианство» превращается в бранный эпитет, в жупел и объявляется не просто *не*научной концепцией типа знахарства или народного суеверия, а системой *анти*научных, *анти*гуманных воззрений, целенаправленно разрабатываемой псевдоучеными, которые

финансируются воротилами капиталистического мира[7]. Всякое изъявление симпатии идеям Ломброзо, даже скромное упоминание о каких-либо его научных заслугах, становится поводом для самой уничижительной критики на грани политических обвинений в проповеди буржуазной идеологии и измене делу социализма. В результате под раздачу попадают не только западные «ломброзианцы», но и отечественные, включая и давно ушедших из жизни, которые методично шельмуются на всех уровнях, начиная с периодической печати и массовой пропаганды и заканчивая вузовскими лекционными курсами и научными монографиями.

Теоретической основой советской криминологии становятся тезисы о *социальной природе преступности* и *всесильной роли воспитания*, которые провозглашаются единственно верными и ставятся в неразрывную связь с марксистской теорией. Этим тезисам, превратившимся в сталинскую эпоху в непререкаемые догмы, стремятся дать не только философское, но и естественнонаучное обоснование: считается, что примат воспитания над какой бы то ни было индивидуальной предрасположенностью полностью доказан учением И.П. Павлова об условных рефлексах (Грэхэм 1991: 223). Соответственно, всякая попытка как-то иначе объяснить существование криминала рассматривается не просто как добросовестное заблуждение (это считается извинительным только для мыслителей, работавших в домарксистскую эпоху), но как умышленное и злостное искажение истины.

Так, *С.С. Остроумов* (1909–1979), делая ряд исключений для представителей так называемой русской социологиче-

[7] Вот типичный пример того, в какой манере преподносятся советскому читателю того времени воззрения, не согласующиеся с марксистско-ленинскими догматами: «Из всего изложенного видно, что философскую, социологическую и общеюридическую основу учения "антропологической" и "социологической" школ составляет эклектическая смесь реакционных антинаучных теорий, что уже во многом предопределяет реакционный и антинаучный характер антропологосоциологического направления в буржуазном уголовном праве» (Решетников 1966: 69). Налицо не только бедность, примитивность аргументации, но и поразительная для университетского профессора (как в данном случае) скудость лексики, при всей ее резкости, хлесткости и воинственности.

ской школы в уголовном праве, по отношению к антропологическому направлению однозначен и непримирим: оно, по его словам, «всегда было сугубо реакционно», «оно было с самого начала своего возникновения сугубо реакционным, вполне отвечающим политическим взглядам и интересам наиболее консервативной части господствующих классов» (Остроумов 1960: 275, 320). С его точки зрения, если ломброзианство в России порой и критиковалось, то лишь со стороны либералов, зато оно якобы всегда находило поддержку у явных консерваторов типа монархистов и черносотенцев (Остроумов 1960: 309).

Ф.М. Решетников (1930–1998), произвольно объединяя «антропологов» с «социологами», заявляет, что после Парижской Коммуны буржуазия использовала и тех, и других «для обоснования самых реакционных мер уголовной репрессии, для разрушения формально-демократических принципов буржуазного правосудия и законности» (Решетников 1965: 4). Создателю теории «преступного человека» Ломброзо (этому «апологету реакции» и «распространителю антинаучных взглядов») Решетников противопоставляет другого итальянца, и тоже Чезаре, Беккариа, просветителя XVIII века, который, мол, был «настоящим ученым, стремившимся к научному пониманию причин преступности» (Решетников 1965: 36)[8]. М. Роговин в «Философской энциклопедии» (в целом, довольно продвинутом и толерантном для 1960-х гг. издании) столь же категоричен: «Интерес к концепциям Л[омброзо] со стороны бурж[уазной] криминалистики, несомненно, в значительной мере определяется их объективно реакц[ионной] социальной направленностью» (Роговин 1964: 251). Понятно, что такая характеристика относилась и ко всем, кто так или иначе солидаризировался с ломброзианством, будь то на Западе или в России.

---

[8] Решетников находит возмутительным проведение параллелей между Беккариа и Ломброзо как бунтарями против косности и предрассудков современной им уголовно-правовой системы, которое популярно на Западе. Одним из объектов его гневных нападок оказывается в этой связи видный французский юрист Марк Ансель (1902–1990), ведущий теоретик «новой социальной защиты» (Решетников 1965: 35). Но советский автор в 1965 г. еще не знает, что в 1982 г. тот будет избран в качестве иностранного члена в… Академию наук СССР.

Даже у тех представителей классического направления и социологической школы, которые резко (и нередко по существу) критиковали «антропологов», отыскиваются высказывания, которые сближают их с последними и таким образом, помимо субъективных желаний «классиков» и «социологов», выдают истинные их цели и мотивы. Когда, например, И.Я. Фойницкий или Н.С. Таганцев утверждают, что основная причина преступности кроется в личных качествах преступника, которого зачастую не в состоянии исправить и самая благоприятная среда, то это, конечно, очевидная уступка «ломброзианцам» (Остроумов 1960: 322). Если И.Я. Фойницкий признает, что, помимо «извращенного воспитания», причиной того, что некто «впадает в преступление», может быть «перевес импульсивной силы над задерживающею» или «пассивность и дряблость характера», то, по Остроумову, «под этими словами подписался бы, пожалуй, любой антрополог...» (Остроумов 1960: 270). Решетников, процитировав Ф. Листа, главу немецких юристов-социологов («Преступление – вечно, как смерть и болезни»), с удовлетворением отмечает, что «это утверждение Листа почти дословно повторяет высказывание главы "антропологов" Ломброзо» (Решетников 1966: 80)[9]. Роднят с «антропологами» «социолога» Листа (разумеется, не делая ему чести) и понятие «постоянного преступника, находящегося в состоянии хронической преступности»[10], и требование отказа от принципа индивидуальной вины правонарушителя, пусть и иначе, по сравнению с «антропологами», обосновываемое (Решетников 1966: 85-87).

Что касается конкретно «русских ломброзианцев», то некоторые авторы стараются принизить их роль в дореволюционной юридической мысли, а то и вообще умолчать об их существовании. *М.Д. Шаргородский* (1904–1973) в работе 1957 г.

---

[9] Имеется в виду следующее место из «Человека преступного»: «Преступление... является естественным феноменом, – феноменом необходимым, как зачатие, как рождение, как смерть, как душевные болезни» (цит. по: Решетников 1966: 71).

[10] Хроническая преступность, по Листу, – это состояние, когда «преступление вытекает из самой организации преступника, из глубоко укоренившихся свойств его натуры, истинную сущность которой это преступление обнаруживает» (цит. по: Решетников 1966: 85).

говорит только о классическом и социологическом направлениях, добавляя к ним еще «третью школу» в лице Э. Немировского и П. Люблинского, но «антропологов» в особую школу не выделяет (Шаргородский 2004: 271). Однако там, где речь все-таки заходит об отдельных персонах, относительно них порой возникают разночтения на предмет того, принадлежит ли автор имярек к данному лагерю и как его взгляды следует оценивать.

Особенно это касается Д.А. Дриля, который, как известно, сам позиционировал себя в первую очередь как сторонника уголовной антропологии, но при этом совсем не отрицал справедливости и правомерности социологического подхода к преступности[11]. Поэтому неудивительно, что *Б.С. Утевский* (1887–1970), например, относит его к антропологическому направлению (Утевский 1950: 231), а Решетников – к социологическому (Решетников 1966: 78). Наиболее подробно останавливается на этом моменте Остроумов, оставляя Дриля в антропологическом лагере, но при этом, принимая во внимание его ярко выраженные симпатии не только к «социологам», но и к Марксу, к Энгельсу и вообще социалистам, предлагает квалифицировать его как «честного ученого», который не скрывает и добросовестно анализирует «антагонизмы капитализма» и, пусть и вступая в противоречие с собственными либеральными взглядами, «приходит к мысли о неизбежности революции» (Остроумов 1960: 295). Очевидную же заинтересованность «гуманного Дриля» «учением реакционера Ломброзо» советский профессор объясняет, во-первых, его неудовлетворенностью умозрительными доктринами классической школы уголовного

[11] Противопоставление уголовно-антропологической школы школе социологической представлялось Дрилю совершенно неправомерным и казалось ему «странным недоразумением и каким-то научным недосмотром», своего рода «вивисекцией науки»: «Если научный работник по необходимости односторонен, то наука, напротив, должна быть всестороння… Поведение и поступки человека – это равнодействующая усилий факторов двух категорий: особенностей психофизической природы деятеля и особенностей внешних воздействий, которым он подвергается. Определить сколько-нибудь точно и взвесить доли влияния каждой из этих двух категорий факторов невозможно. Поэтому при изучении человеческой преступности мы не должны односторонне следовать ни социальной, ни органической теории» (Дриль 2010: 340-341). Ср. также: (Дриль 1890: VI-VII).

права и, во-вторых, его увлечением «идеями вульгарного материализма, имевшего в то время все еще довольно большое распространение в естествознании и медицине, которые жадно изучал Дриль» (Остроумов 1960: 293).

Зато относительно «антропологов-врачей» (особенно таких «рьяных ломброзианцев», как В.Ф. Чиж и П.Н. Тарновская) мнение Остроумова вполне ясно и категорично. Чиж, резонно сомневающийся (как, собственно, любой трезвый ученый и просто здравомыслящий человек) в том, что «стоит изменить общественные условия, изменится и человек», и пытающийся установить признаки «врожденного или привычного» преступника, изображается как хитрый и политически ангажированный манипулятор статистическими и антропометрическими данными. Демагогическое жонглирование цифрами Остроумов усматривает даже там, где, казалось бы, Чиж высказывается против буржуазной системы – констатирует, например, аморализм и развращенность сильных мира сего, указывая, что «во всех странах число преступников между высшими классами общества относительно больше, чем между низшими» (Чиж 1894: 13). Но для того, чтобы показать, что Чиж неправ и здесь, его советскому критику приходится, тоже ссылаясь на статистику, признать, что «больше 9/10 общего числа преступников составляют выходцы из “низших слоев населения”, бывшие безработные, нищие, бродяги, проститутки и т.д.» (Остроумов 1960: 300-301). И критик как будто не замечает, что этот аргумент работает отнюдь не в пользу высокой моральности «низших слоев».

Достается от Остроумова и Прасковье Тарновской (Остроумов 1960: 302-308, 322), которая на основании собственноручно собранного и обработанного ею огромного эмпирического материала старалась доказать наличие у большинства преступных женщин признаков, указывающих на их отклонение от нормального типа как в физическом, так и в психическом отношениях. Не забывает он и о таком «распространителе порочных воззрений», как сахалинский доктор-подвижник Николай Лобас, который в своей книге «Убийцы» показывает, что не только в «жизненных условиях» нужно видеть причины преступности, но и в самой преступной личности, в несовершенстве ее психофизической организации (Остроумов 1960:

322-323). Постоянно передергивая и не вдаваясь в суть криминологических проблем и предлагаемых «антропологами» уголовно-процессуальных и пенитенциарных реформ (или отмахиваясь от них, как от «утопических прожектов»), Остроумов выставляет своих давно ушедших в мир иной оппонентов ограниченными и злобными мещанами, интеллект которых ненамного превышает уровень среднего полуобразованного монархиста начала XX в. Так, например, Остроумов пишет: «Жестокие меры по отношению к преступникам, предлагаемые антропологами, находили самую горячую поддержку среди реакционеров, которые требовали от правительства не только сохранения, а еще более широкого применения сметной казни, введения телесных наказаний и т.п.». И далее дает пару цитат из петиций черносотенцев, сопроводив их сакраментальным «Комментарии излишни» (Остроумов 1960: 323-324).

В отношении юристов-«попутчиков» правоведы даже послесталинских 1960-х гг. также проявляют положенную благонамеренность и бдительность, вскрывая при возможности ненаучность их взглядов либо идеологическую подоплеку и противоречия с марксистскими постулатами. Например, *Б.В. Волженкин* (1937–2008) в своей кандидатской диссертации 1965 г., похвалив вскользь вышеупомянутую «Криминальную психологию» С.В. Познышева, не упускает повода пожурить маститого юриста старой школы с его теорией преступных типов за идейную невыдержанность и увлечение психоанализом: «Ошибкой Познышева было то, что он основу общественной опасности видел в психической конституции, в значительной степени наследственно предопределенной. В учении о криминогенной и криминорепульсивной частях психической конституции и их взаимоотношении чувствуется влияние фрейдистских концепций». И добавляет ниже еще раз для верности: «Ошибочно, однако, его (Познышева. – *В.В.*) учение о преступном типе» (Волженкин 2008: 99, 103). А все тот же Остроумов, приведя небольшую цитату из книги *А.А. Жижиленко* (1873 – не ранее 1930) «Преступность и ее факторы» (М., 1922), дает понять читателю, что ее автор, как и в дореволюционную пору, в бытность профессором Петербургского университета, продолжает своими дурными, в духе ломброзианцев, объяснениями делать то же, что и прежде – «искажать

действительные причины преступности в буржуазных странах» (Остроумов 1960: 324-325).

В целом, грубая и напыщенная риторика при явном нежелании (а, возможно, и неспособности) углубляться в суть той или иной реальной криминологической проблемы становится нормой историографических экскурсов правоведов сталинского и постсталинского периодов. В то самое время, когда на Западе в области генетики человека делалось одно открытие за другим и шло открытое свободное обсуждение проблемы весьма вероятной наследственной обусловленности девиантного поведения (по крайней мере, у значительной части криминального контингента), ученые в СССР были лишены возможности проводить какие-либо экспериментальные исследования в данной области или хотя бы теоретически, на академическом уровне, рассматривать результаты подобных исследований в других странах. Высказываться публично было дозволено только обществоведам, но и они вынуждены были либо по многу раз разжевывать одни и те же официальные догмы на уровне (самое большее) науки XIX в., либо заниматься голословной критикой и шельмованием тех зарубежных уголовно-правовых концепций, которые всерьез стремились осмыслить последствия новейших открытий в области психологии, психиатрии, антропогенетики и других наук о человеке.

Заключение. Итак, наш историографический обзор показывает, что те криминологические проблемы, которые волновали ученых самых разных специальностей на рубеже XIX–XX вв., носили отнюдь не узко академический характер, но так или иначе затрагивали интересы многих социальных слоев, а по большому счету и всего общества. И появление русской уголовно-антропологической школы было явлением отнюдь не случайным: Д.А. Дриль, В.Ф. Чиж, П.Н. Тарновская и другие стремились дать ответы на те острые вопросы, которые были уже поставлены – и наукой, и самой жизнью. Очевидно, что на эти вопросы, несмотря на неизмеримо возросший объем научных знаний, и сегодня нет окончательных ответов (если они вообще возможны), но мы всегда должны помнить о заслугах тех, кто делал в этой сфере первые шаги, о тех трудностях, через которые им пришлось пройти, и должны стараться раскрыть те причины, которые помешали им достичь своих благородных целей.

Рассмотрение советской юридической историографии 1920–1960-х гг. в том аспекте, в каком она избирала своим предметом криминальную антропологию (как отечественную, так и зарубежную), показывает, что каких-либо существенных открытий на данном пути сделано не было. И главная причина этого – та объективная ситуация, те обстоятельства экстернального характера, в которые была поставлена советская наука – как экспериментальная, так и теоретическая. Если в первое советское десятилетие еще сохранялись некоторые традиции дореволюционной криминологии и определенные возможности для научного поиска, то в последующие 40 лет советские ученые оказались под жестким идеологическим и административным прессингом, лишавшим исследователей-эмпириков заниматься теми работами, которые находились на переднем крае науки, а исследователей-теоретиков – свободно, неангажированно выстраивать те или иные фундаментальные, обобщающие концепции. От этого прессинга страдали все – и ученые (медики, биологи, юристы, социологи и т.д.), и те, кого называют практическими работниками, и правоохранительная система, и, собственно, все общество в целом.

Как и любое серьезное историческое расследование, работа с наследием советской криминологической историографии имеет выход и на современность. Благодаря этой работе яснее, глубже, конкретнее высвечиваются те непростые проблемы, которые ныне стоят перед уголовно-правовой наукой, отечественной и мировой. Ибо криминологии, даже когда она решает свои дисциплинарные проблемы, всегда приходится так или иначе испытывать на себе влияние различных социальных сил и корпораций – влияние порой благожелательное, партнерское и поддерживающее, а порой и тормозящее, враждебное и деструктивное.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахарев Д.В. 2023. Иосиф Соломонович Ной (1923–1997) – «enfant terrible» советской криминологии? Оценки личности и творческого наследия спустя столетие со дня рождения // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках : Материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола / ред. коллегия: В.И. Морозов, А.Ф. Абдулвалиев. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та. С. 34–44.

Васечко В.Ю. 2024. Идейное наследие Д.А. Дриля: становление русской уголовно-антропологической школы // Антиномии. Т. 24, вып. 2. С. 161–185. DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_161

Васечко В.Ю. 2025. Доктор В.Ф. Чиж и психиатрическое направление в русской школе криминальной антропологии // Антиномии. Т. 25, вып. 1. С. 159–179. DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_159

Волженкин Б.В. 2008. Основание уголовной ответственности и общественная опасность преступника // Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс. С. 33–141.

Грэхэм Л.Р. 1991. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. Москва : Политиздат. 480 с.

Дриль Д.А. 1890. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями. Частная психология преступности. Москва : Тип. А.И. Мамонтова. XII, 190 с.

Дриль Д.А. 2010. Учение о преступности и мерах борьбы с нею // Дриль Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. Москва : ИНФРА-М. С. 181–614.

Исаев М.М. 1927. Основы пенитенциарной политики. Москва ; Ленинград : Гос. изд-во (ГИЗ). 196 с.

Кольцов Н.К. 1923. Улучшение человеческой породы. Петроград : Время. 62 с.

Ленин В.И. 1968. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Москва : Политиздат. Т. 18. С. 7–384.

Ленин В.И. 1970. О значении воинствующего материализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Москва : Политиздат. Т. 45. С. 23–33.

Лобас Н.С. 1913. Убийцы: некоторые черты психофизики преступников. Москва : Тип. т-ва И.Д. Сытина. 168 с.

Оршанский Л.Г. 1927. Половые преступления. Анализ психологический и психопатологический // Жижиленко А.А., Оршанский Л.Г. Половые преступления. Ленинград : Раб. суд. С. 41–90.

Остроумов С.С. 1960. Преступность и ее причины в дореволюционной России. Москва : Изд-во Моск. гос. унта. 340 с.

Познышев С.В. 1923. Основы пенитенциарной науки. Москва : Юрид. изд-во Наркомюста. 342 с.

Познышев С.В. 1926. Криминальная психология: преступные типы. Ленинград : Гос. изд-во. 255 с.

Решетников Ф.М. 1965. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 1. Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. Москва : Ун-т Дружбы народов им. Патриса Лумумбы. 72 с.

Решетников Ф.М. 1966. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 2. «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление. Москва : Ун-т Дружбы народов им. П. Лумумбы. 100 с.

Роговин М. 1964. Ломброзо // Философская энциклопедия : в 5 т. Москва : Совет. энцикл. Т. 3. С. 251.

Слабинский В.Ю. 2015. Владимир Федорович Чиж и Зигмунд Фрейд: схождение биографий и различие судеб // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. № 3 (32). С. 1–30. URL: http://mprj.ru. (дата обращения 26.09.2024).

Сойфер В.Н. 2016. Сталин и мошенники в науке. 2-е изд., доп. Москва : Добросвет : Городец. 480 с.

Утевский Б.С. 1950. История уголовного права буржуазных государств. Москва : Гос. изд-во юрид. лит. 424 с.

Циген Т. 1896. Физиологическая психология. В 14 лекциях / пер. с нем. М. Милословского; под ред. В.Ф. Чижа. Санкт-Петербург : тип. Ю.Н. Эрлих. 190 с.

Чиж В.Ф. 1890. Лекции по судебной психопатологии. Санкт-Петербург : Изд-во Г.Ф. Пантелеева. 338 с.

Чиж В.Ф. 1894. Преступный человек перед судом врачебной науки. Казань : Типо-лит. Императ. ун-та. 41 с.

Шаргородский М.Д. 2004. Наказание в русском дореволюционном праве // Шаргородский М.Д. Избранные труды. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс. С. 212–278.

Шноль С.Э. 1997. Герои и злодеи российской науки. Москва : Крон-Пресс. 464 с.

Vyacheslav Yu. Vasechko
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

The Russian Criminal-Anthropological School in the Light of Soviet Historiography (1920s–1960s)

Abstract. The creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge requires systematic reference to creative individuals who were underappreciated in their time, even forgotten for long periods or erased from scientific and cultural discourse – along with their biographies, works, ideas and concepts. Such work also requires the study of their later images and interpretations, which, one way or another, developed and functioned in Russian socio-legal thought and played a role in the fact that some names constantly remained in sight and on everyone's lips, while others were swallowed up by the darkness of oblivion. The Russian criminal anthropology school of the late 19th and early 20th centuries, in which the ideas of the Italian criminologist Cesare Lombroso were developed by figures including Dmitry Dril and Vladimir Chizh, along with lesser-known authors, became the object less of impartial research during the Soviet era than of distorted, ideologically biased interpretations or simple silence. In the present

article, two interpretative approaches to criminal anthropology are considered as corresponding to two significantly different stages of Soviet history. During the 1920s, when a relatively tolerant academic atmosphere prevailed and the ideas of criminal anthropology were still in vogue, the epistemological content of the latter exerted considerable influence on discussions related to explaining the causes of crime and selecting guidelines for penal policy. Conversely, during the 1930s–1960s, "Lombrosianism" became an ideological and political stigma, the possibility of developing its scientific potential was completely repudiated, and an objective study of the roots of crime was replaced by aggressive and empty rhetoric, which became the norm in criminological discourse, legal education and official propaganda. Thus, the aims of the present article are, firstly, to restore an increment of historical justice in relation to one of the significant scientific directions of pre-revolutionary Russian criminology, and, secondly, to contribute to the development of promising means for countering those forces that aimed at preventing Russia's return to the path of sovereign civilisational development.

Keywords: criminal anthropology; Russian criminal anthropological school; Cesare Lombroso; Lombrosianism; Dmitry Dril; Vladimir Chizh; Soviet legal historiography

УДК 343.231

Сергей Владимирович Маликов
Институт государства и права
Российской академии наук
г. Москва, Россия
E-mail: s.v.malikov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5144-052X
SPIN-код: 6778-1871

Александр Иванович Чучаев
Институт государства и права
Российской академии наук
г. Москва, Россия
E-mail: moksha1@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-5144-052X
SPIN-код: 6778-1871

А.А. Благовещенский как представитель исторической школы права

Аннотация. Статья посвящена анализу научного наследия А.А. Благовещенского – одного из ярких представителей исторической школы права в России. В ней контурно представлена биография ученого, окончившего полный курс Московской духовной академии и призванного М.М. Сперанским во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии для обучения практической юриспруденции; дана характеристика Второго отделения как «школы русских профессоров», в частности программы подготовки русских ученых-законоведов, профессорско-преподавательского состава, прохождения стажировки за границей у Савиньи и других известных ученых Германии. Особое внимание уделено анализу содержания диссертации «История метод науки законоведения в XVIII и XIX веке», в которой автор, во-первых, достаточно подробно исследовал взгляды Х. Вольфа и И. Канта, критически оценив их влияние на общее законоведение; во-вторых, рассмотрел учение Г. Гуго, первым бросившего вызов теории естественного права и ставшего провозвестником исторической школы права в Германии; в-третьих, дал характеристику концепции Савиньи, сформировавшего научные основы данного направления в правовой доктрине; в-четвертых, изложил собственные представления о сравнительном правоведении,

сформулировав дефиницию диахронной компаративистики и разработав методику проведения сравнительно-правовых исследований. В заключении изложены краткие выводы, в первую очередь относящиеся ко вкладу ученого в концепцию исторической школы вообще и историко-сравнительного правоведения в частности.

Ключевые слова: право; историческая школа права; Гуго; Савиньи; Благовещенский; Второе отделение канцелярии императора; подготовка юристов; учебные дисциплины; русское законодательство; правовая мысль в России в XVIII – во второй четверти XIX века

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Алексей Андреевич Благовещенский занимает особое место в истории становления и развития исторической школы права в России: ярко засияв на научном небосклоне, рано ушел из жизни (в 35 лет от роду), не сделав всего того, что отвечало бы его таланту и знаниям[1]; оставленное же им сочинение «свидетельствует о его обширных познаниях и светлом взгляде на Науку Права»[2].

Родился Благовещенский в семье священника в 1800 г. В 1828 г. окончил Московскую духовную семинарию, но священнослужителем не стал: в том же году, в числе шести наиболее одаренных выпускников и старшекурсников семинарии, отобранных лично М.М. Сперанским, был направлен в С.-Петербург. Ему предстояло освоить юридические науки

[1] См.: Русский биографический словарь. [В 25 т.] Т. 3. Санкт-Петербург : Имп. Рус. ист. о-во, 1908. С. 85.

[2] *Станиславский А.* О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления с присовокуплением систематического указателя сочинений юридического содержания, изданных в России с 1830 по 1852 год включительно. Санкт-Петербург, 1853. С. 55.

практическое законоведение, в частности составление законов, во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии (с посещением лекций в С.-Петербургском университете), сыгравшем важную роль в становлении высшего юридического образования и подготовке чиновничества для управленческого аппарата (Смирнова 2009).

Второе отделение было образовано в 1826 г. вместо Комиссии составления законов, созданной в свое время при Государственном совете[3]. В его задачи входило в основном приведение в порядок ранее принятых правовых установлений, а не разработка законов, как то возлагалось на Комиссию. Официально возглавлял отделение М.А. Балугьянский (Тебиев 2021: 326)[4], фактически же руководил его работой Сперанский.

Правовой статус Второго отделения вызывает дискуссии, пожалуй, с момента его образования (Андреева 2019: 43). Одни авторы признают его временным, чрезвычайным органом в государственном аппарате, поскольку сфера его полномочий и компетенция персонального состава, как и его существование законодательно не определялись, не находились «в рамках законной министерской системы управления…», в связи с чем «слишком нелогичным видится его положение в системе управления Российской Империи XIX в.» (Уткин, Смирнова 2013: 92). Другие ученые исходят из того, что организация отделения действительно характеризовалась своеобразием, оно «было создано *вновь*, это не было *преобразование* Комиссии составления

---

[3] 31 января 1826 г. князю Лопухину поступил рескрипт (личное письмо императора), в котором говорилось: «При первоначальном обозрении разных частей государственного управления, обратив особое внимание на уложение наших отечественных законов, усмотрел Я, что труды с давних лет по сей части предпринятые, были многократно прерываемы и потому доселе не достигали своей цели. Желая, сколь можно более удостоверить их успешное совершение, Я признал нужным принять их в непосредственное Мое ведение. Для сего приказал Я учредить в собственной моей канцелярии особое для них отделение. <…> Я удостоверен… что опытность ваша и сведения в делах государственных, многолетним служением вашим в разных частях приобретенные, будут полезным и верным мне содействием» (цит. по: *Майков П.М.* Второе отделение Собственной Его императорского Величества канцелярии. 1826–1882. Исторический очерк. Санкт-Петербург, 1906. С. 114–115).

[4] Изначально фамилия – Балудянский.

законов». Отделение стало главным «законодательным учреждением, в котором сосредоточился процесс законотворчества» вплоть до 1882 г., только в его компетенцию входили «функции *создания* новых законов». Таким образом, о Втором отделении можно говорить как «об отдельном министерстве кодификации», которого в XIX в. не знает ни одно государство (Ружицкая 2018: 60, 62).

В первой половине XIX в. подготовка юридических кадров в России оставляла желать лучшего: в университетах отсутствовали единые программы, студентам давался некий набор сведений из римского права, европейских теорий отдельных отраслей права, комментарии узаконений и т.д., определяемый самим преподавателем (Кодан 2005: 18). Как отмечается в литературе, учебные курсы представляли попытки аппликирования основ права зарубежных государств на российские законодательные установления (Томсинов 1992: 51). С.В. Кодан обращает внимание еще на одну существенную причину сложившегося положения: «Состояние российского законодательства и практические потребности в его применении отнюдь не способствовали формированию в юридической политике государства задач, направленных на развитие правового образования» (Кодан 2003: 89).

По словам А.Г. Станиславского, в первой четверти XIX в. «господствующее направление в преподавании и юридической литературе было практическо-догматическое. Большей частью ограничивались, здесь и там, изложением постановлений действующего законодательства, не разъясняя его историческими изысканиями и не стараясь, посредством благоразумного употребления философского метода, проникнуть в общий дух изучаемого законодательства… Что же касается древнейших памятников законодательства, то, хотя важнейшие и обширнейшие из них и были уже известны, зато множество других оставались еще закрытыми для исследователей истории русского права. Не удивительно, что при таком состоянии источников законоведы ограничивались в преподавании и в сочинениях, по большей части, весьма неполным изложением действующего законодательства, упуская из виду его историю»[5].

[5] *Станиславский А.* Указ. соч. С. 48.

Создание Сперанским при Втором отделении «школы профессоров российского права» существенно повлияло на ситуацию с кадровым обеспечением университетов в России. Из Московской духовной академии, помимо Благовещенского, в эту «школу» на учебу были направлены В.П. Знаменский (за несколько месяцев до окончания курса) и К.А. Неволин (будущий декан юридического факультета С.-Петербургского университета)[6]. Первый набор будущей русской профессуры из «духовных академий С.-Петербургской и Московской… по три студента, по дарованию и поведению лучших и вполне окончивших курс», на наш взгляд, был обусловлен двумя возможными обстоятельствами: во-первых, в первой половине XIX в. наиболее качественную общую подготовку в области естественных и гуманитарных наук, знание иностранных языков, в том числе латыни, обеспечивали церковные учебные заведения; во-вторых, сказалось, вероятно, и то, что сам Сперанский также закончил С.-Петербургскую духовную академию[7].

---

[6] *Д. М.* Рецензия на «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Книга 1-ая и приложение к ней. СПб., 1859» // Журнал Министерства юстиции. 1859. Октябрь. С. 103. Сперанский в напутственном слове будущим юристам особо подчеркнул: «Вы должны положить основание науке российского правоведения. Я хочу, чтобы оно было преподаваемо в университетах подлинно по-ученому, а не по приказнически».

[7] Яков Иванович Баршев (будущий ординарный профессор и декан юридического факультета С.-Петербургского университета), направленный на обучение во Второе отделение из Московской духовной академии вместе с братом Сергеем (будущим профессором и ректором Московского университета) вспоминает: «Воспитанные в беспредельной покорности и благоговении к Высочайшей воле, избранные ими студенты с радостью и воодушевлением стремятся на путь, указанный им волею Государя, покинув все то, на что они приобрели право на прежнем поприще после долговременных, неутомимых трудов и успехов. Перенесенные в новую, для них чуждую область наук, они употребляют более, нежели обыкновенные усилия, чтобы сделаться достойными Высочайшего снисхождения. <…> Государь с изумительным, невыразимым участием и благоволением снисходил до мельчайших подробностей, касавшихся юристов, студентов Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии» (*Баршев Я.И.* Историческая записка о содействии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величия Канцелярии развитию юридических наук в России. Санкт-Петербург, 1876. С. 29–30).

План подготовки юристов во Втором отделении был рассчитан на три года. Благовещенский изучал на первом году обучения «Общие юридические и политические науки, ведущие к точному познанию Российского законодательства» (предусматривали 6 дисциплин); на втором году – преимущественно российское законодательство и так называемые продолжающиеся дисциплины; на третьем году – российское судопроизводство, уголовное законоведение, народное право[8], историю римского права, статистику и иностранные языки (Кодан 2003: 90). Занятия вели известные ученые и талантливые педагоги: А.П. Куницын, М.Г. Пилисов и К.И. Арсеньев (все трое в 1821–1822 гг. «за вольнодумство» были уволены из Санкт-Петербургского университета). К чтению лекций привлекался профессор Петербургского университета В.В. Шнейдер. В работе со студентами принимали участие чиновники Второго отделения В.Е Клоков и М.А. Корф, один из основных составителей Свода законов.

В 1835 г. Благовещенский, характеризуя подготовку юристов в России в первой трети XIX в., писал: «С умножением Университетов и Лицеев в XIX в. пробудилась новая, быстрая и обширная деятельность в области Законоведения, как и во всех других родах Наук и Искусств. <…> Явилось большое количество разных сочинений и переводов… Всего более было обрабатываемо так называемое Естественное право и из Российских Законов – Гражданское и Уголовное Право. Однако все усилия оставались только опытами, попытками подвинуть Науку далее. Без общего обзора и единства направления она колебалась в одних и тех же границах, в одном и том же обычном круге. Основания, Руководства, Опыты начертаний Российского Гражданского и Уголовного права обнимали сии роды Законов большей частью не вполне и без поддержания внутреннего союза с целым составом Российского Законодательства, составлялись по методе, заимствованной или из Юстиниановых Институтов Римского Права, или из систем т.н. Естественного права, и из-

[8] Как указывает Благовещенский, «народное право… это есть странная смесь нравственных и разнородных положительных законов и правил одного Государства в отношении к другим» (*Благовещенский А.А.* История метод науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 6. С. 405).

лагались часто языком, совершенно чуждым духу Российского Законодательства. <…> Все сии Науки предлагались почти исключительно в виде догматическом…»[9].

После прохождения курса наук Благовещенский вместе с другими студентами был направлен на стажировку в Германию, занимался в основном в Берлинском университете (одновременно посещал семинары и в других учебных заведениях), где прослушал курс лекций «по энциклопедии и философии права, истории и теории государственного права, правам римским, германским, прусским и европейским международным», которые читали видные ученые – профессора права Г.-В.Ф. Гегель, Ф.К. Савиньи, К.Ф. Эйхгорн и др.

Вернувшись из командировки, он продолжил работу под началом Сперанского во Втором отделении, одновременно приступив к подготовке диссертации «История метод науки законоведения в XVIII и XIX веке»[10], которую защитил в 1834 г. В том же году выдержал экзамен на степень доктора наук.

Надо иметь в виду, что в XVIII в. в русской юриспруденции преобладала либо схоластика (Юртаева 2012: 86), либо «стремление философствовать о существующем Государственном устройстве и управлении, объяснять ход Законодательств в Истории, проникать в дух их и испытывать первоначальные основания человеческих обществ»[11].

Станиславский в речи, произнесенной в торжественном собрании императорского Казанского университета 1 июня 1853 г., отмечал, что законоведение являлось «исключительным

---

[9] *Благовещенский А.А.* История метод науки законоведения в XVIII и XIX веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 7. С. 47–49.

[10] Название работы приводится по первоисточнику; по правилам современной грамматики после слова «история» требуется либо дополнительное слово (например, есть) или тире. Следует сказать, что встречается и иное название диссертации Благовещенского, например, в Википедии она представлена как «О методах науки Законоведения», в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона – «История и метод науки законоведения в XVIII веке», что не соответствует оригиналу.

[11] *Благовещенский А.А.* История метод науки законоведения в XVIII и XIX веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 6. С. 376.

достоянием правителей, судей и в особенности лиц, занимавшихся деловодством, – *докладчиков, рассказчиков*, или стряпчих, *дьяков* или *подъячих*, или так называемых *приказных*»[12]. Сущность знания таких делопроизводителей состояла в умении сочинять деловые бумаги и акты и ходить по делам в судах, а мерою их знания был тот или другой род службы. Станиславский замечал: «…ни одна Наука не может в такой мере назваться плодом Правительства, как Наука Права. Между тем как в других государствах успехи Законоведения вызывали нередко деятельность общественной власти к усовершенствованию законодательства, в России, наоборот, по мере как слагались и совершенствовались законы, и учение о них приобретало большее значение и подвигалось вперед. Такова отличительная черта Русского Законоведения. Она объясняет нам отчасти поздние его успехи, но, с другой стороны, мы видим также в этом обстоятельстве надежное ручательство правильного его развития на будущее время»[13].

Благовещенский в диссертации предстает ярким и убежденным сторонником исторической школы права (Маликов, Чучаев 2025а), в этом бесспорно сказалось влияние лекций Савиньи. Автор отмечает, что в XVIII в. законоведение вступает в Европе в новый период своего существования. Возникнув в Италии, получив совершенствование во Франции и Нидерландах, оно переходит в Германии в новую фазу своего развития, наполняясь философским содержанием, неся на себе в первую очередь отпечаток воззрений Христиана Вольфа и Иммануила Канта. К этому времени сложилось несколько направлений в доктрине права («археология и критика, история и догматика, схоластика и рамизм»), однако преобладали философские течения. «Наука получила более стройности во внутреннем развитии, более определенности во внешнем образовании, более

[12] *Станиславский А.* Указ. соч. С. 22–23.

[13] Там же. На это обстоятельство обращает внимание и П.И. Дегай. Он пишет: «…в России успехи законодательства опередили успехи частных Юридических сочинений, тогда когда в других Государствах усовершенствование законоучения обыкновенно предшествует усовершенствованию законов отечественных» (*Дегай П.И.* Пособия и правила изучения российских законов, или Материалы к энциклопедии методологии и истории литературы российского права. Москва, 1831. С. 142).

точности в пределах, более твердости в основаниях, или по крайней мере более сознания и постоянства в стремлении к дознанию и утверждению их: а с таковым благородством Науки облагородилась и жизнь»[14].

Характеризуя влияние Вольфа на законоведение, Благовещенский указывает, что философия последнего обеспечила познание всех юридических предметов, позволила все положительное законоведение объяснить исходя из философского законоведения и доказать математически. По мнению автора, его ученики и последователи, кроме И. А. Ф. фон Икштата, Д. Неттельбладта и И. Гейнекция, исказили суть учения Вольфа.

«И. Кант, подвергнув… строгому испытанию познавательные силы человеческого духа, определил существо их, взаимные отношения между собою и к предметам вне их, означил круги и границы деятельности их… указал всеобщие и необходимые формы и категории для всех родов… познания истины… установил пределы между областью ума теоретического и между областью ума практического… утвердил верховное начало внутреннего и внешнего Законодательства в практическом уме. Отсюда, независимо от Истории и опыта, Кант начертал свои метафизические основные начала Правоучения, в которых заключил полную систему умного Законодательства, долженствующего служить образцом и пробным камнем всех положительных Законодательств»[15]. Кантовы начала правоучения были положены в основу преподавания римского, церковного, государственного, гражданского и уголовного права. Законоведением были востребованы отдельные положения его философии в целях установления различия между нравственностью и праведностью, более глубокого проникновения в суть понятий, составляющих основание всякого законодательства, разграничения частей положительного законоведения, органичного развития отдельных правовых учений, совершенствования энциклопедии и методологии права.

---

[14] *Благовещенский А.А.* История метод науки законоведения в XVIII и XIX веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 6. С. 377.

[15] Там же. С. 382–383.

Вместе с тем, подвергая критике учение Канта за его желание подменить собой законоведение или по крайней мере стать над ним, Благовещенский замечает, что кантовская философия отвергает историю законодательства и таким образом превращает его правоучение в схоластику, оторванную от реальной жизни. В связи с этим он приходит к выводу: в конце XVIII в. право ищет новые парадигмы, способные объяснить появление законов «в живой государственной жизни народов» и их историческое развитие. Другими словами, ученый обращается к исторической школе права.

Основоположником исторического направления в праве он считает Густава Гуго, положившего в основу своего учения филологию, историю и так называемую здравую философию. Гуго, решив «восстановить» науку римского законоведения, обратился к юридическим памятникам Рима. На их основе он написал историю римского права, в которой, по мнению Благовещенского, превосходно отразил внешнее и внутреннее состояние законодательства. Подготовил наставления по римскому законоведению для начального его изучения, расположив институты в порядке, предложенном Юстинианом. Кроме того, составил хрестоматию, охватившую «доказательства на каждое положение, в них (институтах. – *Авт*.) содержащееся, по порядку учений и самыми точными словами закона»[16]. Таким образом, он показал истинное назначение учебных книг, которые «отнюдь не должны останавливать на себе внимание учащихся, но служить только проводником к самим источникам законов и руководствоваться при почерпании сведений из сих источников»[17]. Указанный подход полностью укладывался в концепцию исторической школы права.

Как полагает Благовещенский, Гуго обратился к римскому законодательству по ряду причин: во-первых, по своему уровню («по своему внутреннему достоинству») оно превосходит законодательство других стран; во-вторых, лежит в основе подготовки германских юристов; в-третьих, активно используется

---

[16] *Благовещенский А.А.* История метод науки законоведения в XVIII и XIX веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 6. . С. 377.

[17] Там же.

в судебной деятельности («образует корень гражданской практики»).

Гуго не ограничивался римской цивилистикой, исследовал все основные отрасли («роды») законодательства: государственное, церковное, военное, народное, уголовное и др. Соответственно им выделялись отрасли науки, в своей совокупности составляющие науку законоведения. Сущность последней, ее границы и основные направления развития были изложены им в юридической энциклопедии. Все отрасли права Гуго рассматривал с трех позиций: действующего законодательства, философии и истории. Кроме того, им был подготовлен учебник естественного права (чем Гуго, по его словам, исполнил мечту Г.В. Лейбница, которого считал своим учителем).

Таким образом, как нам представляется, еще в первой половине XIX в. Благовещенский наглядно показал, что именно Гуго, бросив вызов теории естественного права, доминировавшей в Европе на протяжении ряда столетий, первым не только высказал идею об историческом континуитете права как достоянии конкретного народа, но и убедительно доказал это, создав тем самым, во-первых, необходимые предпосылки развития исторической школы права; во-вторых, фундамент для появления в будущем юридического позитивизма и его развития в XX в.

Благовещенский большое внимание уделил концепции Савиньи, поводом для возникновения которой явился «кодификационный диспут» между ним и Тибо, ратовавшим за создание единых для всей Германии гражданского и уголовного уложений, а также судопроизводства. Как пишет автор, «Савиньи… доказал, что законодательство каждого народа не зависит от произвола Законодателя, но образуется повсюду посредством внутренних, сокровенно действующих сил, именно сперва посредством обыкновения и верования народного, а потом посредством Законоведения, как органа общего сознания народа; что способность к составлению нового Уложения… открывается только в немногие времена, а потребности никогда… <…> …можно извлечь всю потребную пользу для практики и теории из существующего отечественного Законодательства посредством глубоко изучения Истории онаго…»[18]. Суть учения

[18] Там же. С. 398.

Савиньи Благовещенский видел в том, что, согласно концепции исторической школы, «Законодательство определяется совокупностью минувших времен нации… возникает из внутреннего существа самой нации и ее истории. А разумная деятельность каждого века должна быть направлена к тому, чтобы сие содержание или вещество, по началу необходимости образовавшееся, созерцать, обновлять и содержать во свежести»[19]. Это предполагает необходимость исследования законодательства с момента возникновения, определения его истоков, установления соответствия современному укладу жизни и, исходя из последнего, сохранения правоустановлений или отказу от них. Благовещенский подчеркивает, что исторический метод Савиньи не исключает использование других методов, в частности догматического и философского, но лишь в качестве дополнительных к первому.

Характеризуя отношение Савиньи к идее «всеобщего законоведения», или «универсальной юриспруденции» Фейербаха и Тибо, приводит его следующие доводы: во-первых, единственное достоинство истории – это познание имевшихся подробностей, чего не может быть при обращении к всеобщей истории; во-вторых, для изучения истории многих народов нет соответствующих источников; в-третьих, не все народы имеют поучительную историю законодательства[20]. В то же время Благовещенский отмечает, что произошло некоторое примирение сторон дискуссии: было признано плодотворным

---

[19] Там же. С. 399.

[20] Прусский философ и историк И.П.Ф. Ансильон (в ряде источников – Ансиль**й**он), в частности, отмечал: «…нет ничего обманчивее, ничего несовершеннее и даже опаснее, как всеобщая теория… Законодательства и правления. Есть небольшое количество начал, коими в наше время думали всего достигнуть, всем распоряжать и все учреждать. Но начала сии беспрерывно опровергаются и оспариваются беспредельным разнообразием Природы, производящей между народами множество частных и местных различий, коих никогда нельзя забывать безнаказанно. Искусство Законодателя … состоит в том, чтобы постигнуть оные, им последовать, исчислить их действия и видеть то, что они позволяют или запрещают предпринимать. <…> Желать, чтобы все народы имели одни политические формы, и утверждать, что одно только есть постановление, которое может и должно служить правилом и образцом, значит покушаться бесконечное подчинить

сравнительно-историческое направление исследований правовых систем разных стран (по сути, речь идет о признании диахронной компаративистики как самостоятельной составляющей исторической школы права).

Влияние немецкой исторической школы права, по мнению Благовещенского, заметно по работам ряда русских историков и юристов: Эверса, Рейца, Бунге, Розенкампфа и др. (Маликов, Чучаев 2025b; Маликов, Чучаев 2025c) Так, П.И Дегай пишет: «Круг сведений Юридических во всем его пространстве должен открыть общее происхождение законов (познание Философическое), представить постепенное их преобразование (познание Историческое), показать влияние, какое на них имеет местность (познание Емпирическое), означить с точностью современно действующее право (познание Догматическое) и описать постепенное усовершенствование учения права (познание Литературное). <…> Юрист только тогда с ясностью будет понимать отечественное Право, когда хорошо познает общую цель законов; только тогда с успехом будет содействовать усовершенствованию правоведения, когда воспользуется опытом других положительных прав…»[21].

Благовещенский не только анализирует учение исторической школы права, но и по ряду проблем формулирует свои предложения. Так, он предлагает собственную дефиницию сравнительного правоведения: «Под именем сравнительного Законоведения можно понимать тот образ изучения и преподавания законов, по которому законы и законные правила какого-либо определенного Государства (наприм[ер], Российского) сравниваются с законами того же самого государства, наприм[ер], настоящие законы с прежними, или с законами других государств,

---

мелочным измерениям ограниченного ума» (*Ансильон*. О пользе истории / пер. с франц. Фад. Паевский // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 8. С. 280–281).

«Мы хотим, – пишет Ж. Мишле, – …чтобы факты были истинны в малейших своих подробностях. Та же самая любовь к истине поведет нас к изысканию отношений, к открытию законов, которыми они управляются и, наконец, к испытанию возможности вылить Историю в форму Науки» (*Мишле Ж.* Жизнь и система Вико / пер. с франц. И. Штейн // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 6. С. 443).

[21] *Дегай П.И*. Указ. соч. С. 109.

в большем или меньшем количестве взятых, или, наконец, с законами и обычаями всех Государств и народов, прежде существовавших и ныне существующих. Мы понимаем его в сем последнем и пространнейшем смысле и признаем собственно наукой Законоведения…»[22].

По мнению ученого, правовая наука должна состоять из двух относительно самостоятельных частей: общей и особенной. Общая часть служит введением, основанием и обозрением соответствующей отрасли науки, в ней раскрываются понятия, на основании которых устанавливается точный смысл всех частных законов и всего законодательства. Здесь же автором предлагается метод сравнительных исследований, который, по его утверждению, является единственным – полное, последовательное («связное») и непрерывное сравнение законов за все время существования определенного государства. Оно позволяет выявить коренные, неизменные, присущие всем народам начала правды и справедливости, являющегося краеугольным камнем общей части науки законоведения.

Особенная часть охватывает все положительное законодательства, конкретизируя положения, содержащиеся в общей части. Она не должна ограничиваться исследованием национального (собственного) законодательства, так как только основываясь на зарубежном праве, можно уяснить назначение и сущность заимствованных из практики других стран государственных установлений и законодательных актов. Причем их сравнение с действующими в собственном государстве аналогичными учреждениями и правоустановлениями не должно осуществляться только с частью из них (даже пусть самых важных) или быть дискретным.

При сравнительно-правовом исследовании, как рекомендует Благовещенский, за основу следует брать собственное законодательство; «отечественные законы должны образовать точку исхождения и средоточие, куда имеет быть устремлено все сравнительное дело»[23]. Последовательность сравниваемых

---

[22] Там же.

[23] *Благовещенский А.А.* История метод науки законоведения в XVIII и XIX веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 6. С. 414.

объектов избирается не произвольно, а в соответствии с отдельными частями науки законоведения.

Действующее законодательство «в каждом Государстве изображает только настоящее его законное состояние», поэтому ограничение исследования лишь этим массивом нормативных актов не удовлетворяет требованиям как теории, так и практики. Именно этим в первую очередь обусловлена необходимость обращения к правовым памятникам, причем необходимо охватить всю историю существования государственных правоустановлений. «История должна взойти к основаниям и изъяснить связь их стройно и постепенно. В состав ее входят все исследования, относящиеся к происхождению и образованию отечественного Государства, к его законам и прочим формам развития его жизни»[24].

Исследование истории законов должно в частности:

1) отобразить внешнюю историю законов – когда и каким образом народ образовал государство; чем обусловлено появление тех или иных законодательных актов; как они соотносились с «народным духом» (Савиньи 2011); какое оказали влияние на состояние дел в государстве; какова их судьба;

2) выяснить историю каждого закона, действовавшего в государстве, с учетом всех его изменений и преобразований. Именно это должно показать состояние законодательства, определяющего и обеспечивающего права и обязанности государства и его членов, как-то: а) общие и частные учреждения государства, законы, система государственного управления, суд; б) образование государственных сословий, их права и обязанности; в) установления церковные, нравственные, политические и др.;

3) выявить внутреннюю сторону законов – состояние или судьбу законов, определяющих и охраняющих внешние права и обязанности государства и его членов.

Благовещенский предупреждает, что история отечественного законодательства не всегда позволяет уяснить сущность всех явлений законодательной системы «из нее самой»; это обстоятельство предопределяет необходимость обращения к истории законодательства других стран. При этом важно иметь в виду: между странами и народами всегда существовали различные

[24] Там же. С. 419.

связи – религиозные, экономические, военные и т.д. Подобная инклюзивность оказывала взаимовлияние на разные стороны жизни государств, в том числе и на становление и развитие правовой системы, что является важным для сравнительного правоведения. Подобное исследование должно осуществляться в той же последовательности, что и догматический анализ законодательства[25]. Вначале следует сравнивать законодательство тех стран, с которыми Россия тесно связана географически и исторически, а затем – других зарубежных государств.

Пожалуй, большую часть своей работы Благовещенский посвятил исследованию русского законодательства и русской правовой мысли, их эволюции. По его мнению, первым положил начало теоретическому законоведению в России Петр I. Желая иметь достойных советников, судей и «исполнителей закона», он направлял многих молодых людей в университеты зарубежных стран. Государь повелел «учинить Академию и начать переводить книги Юриспруденции», при Академии – университет, где следовало обучать «Политике, Этике и Праву Натуры».

При Елизавете Петровне был учрежден университет в Москве и две гимназии для «предуготовительных познаний». Всем студентам вменялось в обязанность изучать Законоведение. В связи с этим в штате юридического факультета предусматривались: «1) Профессор всей Юриспруденции, который учить должен Натуральные и Народные права и узаконения Римской и Новой Истории. 2) Профессор Юриспруденции Российской, который сверх вышеписанных законов знать и обучать особливо внутренние Государственные Права…». Преподавателям предписывалось вести занятия на латинском либо русском

---

[25] Как отмечается в литературе, «в области истории права показательными моментами эволюции служат многообразные проявления нормативных и юридических фактов, в особенности – прецеденты, законы, кодексы, акты судебной и внесудебной практики. <…> Констатировав… наличность эволюционных изменений, историк… восстанавливает ход непрерывного развития. <…> Для того, чтобы последовательный ряд изменений выступал как непрерывный ход эволюционного процесса… необходимо вскрыть их взаимообусловленность в смысле причинно-следственной связи между ними…» (*Тарановский Ф.В.* Периодизация в истории права // Труды русских ученых за границей : сб. акад. группы в Берлине : в 2 т. / под ред. А.И. Каминка. Берлин, 1922. Т. 2. С. 204–205).

языке и только по работам авторов, рекомендованных Профессорским собранием[26].

До первой половины XIX в. русские законоведцы, как утверждает Благовещенский, не могли создать теорию права по объективным причинам и в первую очередь потому, что не имели ни Полного Собрания, ни Свода законов[27]. Между тем «только чтение подлинных памятников может дать живое понимание древности»[28]. «Ныне сии источники открыты во всевозможной чистоте и в полноте… Наука Отечественного Законоведения будет полная, истинная и совершенная, когда она будет a) обнимать весь состав Российских законов, b) излагаться в порядке и словами, извлеченными из существа и намерения самих Законов, именно, как они предлежат в законных книгах (в Своде), которые должны быть *основанием и в отправлении дел и в учебном образовании*… c) обозревать каждый род законов во всей полноте бытия, т.е. догматически, исторически и философски, как мы изобразили в Истории метод науки вообще; d) непрестанно соображать и сравнивать Законы Отечественные с законами других народов и времен, ближайших и отдаленных, сродных и чуждых; e) соединять теорию с практикой, так, чтобы они непрестанно друг в друга проникали, восполняли и поддерживали; и f) одушевляться *единым духом Православия,*

---

[26] *Благовещенский А.А.* История метод науки законоведения в XVIII и XIX веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 6. С. 434.

[27] Ф.И. Леонтович начало системного исследования истории русского права связывает с работой И.Ф.Г. фон Эверса «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (в 1826 г. вышла на немецком, в 1835 г. издана на русском), охватывающей состояние законодательства в период Русской Правды. «Знакомый с… состоянием историко-юридических наук в Западной Европе, Эверс старался применить добытые ими результаты к истории русского права, выяснить общую идею, лежащую в основе юридического быта наших предков… Труд Эверса важен, как первая попытка дать историко-юридическим исследованиям строго научный характер, – попытка объяснения русской жизни началами, выработанными наукой и жизнью западноевропейских народов» (*Леонтович Ф.И.* История русского права. Вып. 1. Одесса, 1869. С. 47).

[28] *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. 1. Территория и население. Санкт-Петербург, 1880. С. V.

Самодержавия и народности. В сем гармоническом соединении и взаимнодействия опыта, Истории, Философии и Искусства процветет наша наука и сохранит себя в вечном обновлении красоты»[29].

Кратко резюмируем изложенное.

1. Благовещенский входил в первую группу «призванных» в «школу русских профессоров» Сперанского после окончания Московской духовной академии. Пройдя во Втором отделении Его Императорского Величества канцелярии практико-ориентированную юридическую подготовку, по возвращении из заграничной командировки подготовил и в 1834 г. защитил диссертацию на тему «История метод науки законоведения в XVIII и XIX веке», в том же году выдержал так называемый профессорский экзамен.

2. В диссертации Благовещенский предстает как яркий сторонник исторической школы права, что, скорее всего, можно объяснить влиянием идей Савиньи и других известных немецких ученых, чьи лекции он посещал, будучи в Германии. Исследование охватывает три блока проблем: эволюция законодательства и доктрины права в Европе в XVIII в.; возникновение и характеристика исторической школы права; развитие законодательства, законоведения и юридического образования в России, начиная с правления Петра I и заканчивая царствованием императора Николая I; содержит объяснения относительно позднего начала теоретической разработки российского права.

3. В работе не только констатируется роль Г. Гуго как провозвестника концепции исторической школы права, но и раскрыты его взгляды на историю права и сравнительно-правовое (диахронно-компаративистское) направление в теории права.

4. Автором сформулировано понятие сравнительного правоведения и представлена методика осуществления историко-сравнительных исследований, по сути, содержащая алгоритм действия исследователя; раскрывается значение подобного рода исследований как для законодательства, так и для правовой доктрины, а также подготовки студентов-юристов.

---

[29] *Благовещенский А.А.* История метод науки законоведения в XVIII и XIX веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 7. С. 51–52.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреева Т.В. 2019. Второе отделение Собственной ЕИВ канцелярии: технология законотворчества. 1826–1832 // Петербургский исторический журнал. № 2. С. 43–64. DOI 10.51255/2311-603X-2019-00025

Кодан С.В. 2003. Школа профессоров российского права М.М. Сперанского // Государство и право. № 9. С. 88–95.

Кодан С.В. 2005. Государственно-правовая подготовка чиновников в России в 1800–1850 гг. // ЧиновникЪ. № 1 (35). С. 18–35.

Маликов С.В., Чучаев А.И. 2025a. Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве. Историческая школа права как основа исторического направления в русской уголовно-правовой доктрине (статья первая) // Антиномии. № 1. С. 128–158. DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_128

Маликов С.В., Чучаев А.И. 2025b. Нейман и его школа русского уголовного права (статья первая: Казанский университет) // Государство и право. № 1. С. 192–206. DOI 10.31857/S1026945225010173

Маликов С.В., Чучаев А.И. 2025c. Нейман и его школа русского уголовного права (статья вторая: Дерптский университет) // Государство и право. № 2. С. 154–166. DOI 10.31857/S1026945225020155

Ружицкая И.В. 2018. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. Санкт-Петербург : Центр гуманит. инициатив. 310 с.

Савиньи Ф.К. фон. 2011. О призвании нашего времени к законодательству и правоведению // Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права : [в 8 т.] Москва : Статут. Т. 1. С. 128–207.

Смирнова А.А. 2009. Второе Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии: 1826–1882 : дис. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург. 359 с.

Тебиев Б.К. 2021. Россия на перепутье эпох : избр. социально-экон. исслед. и статьи. В 4 т. Т. 1. Москва : МРСЭИ. 901 с.

Томсинов В.А. 1992. Развитие юриспруденции в России // Развитие русского права второй половины XVII–XVIII в. / Е.А. Скрипилев, А.А. Преображенский, В.М. Клеандрова и др.; отв. ред. Е.А. Скрипилев. Москва : Наука. С. 51–103.

Уткин Н.И., Смирнова А.А. 2013. Второе отделение Собственной Его Величества канцелярии на службе государства: к вопросу о роли чрезвычайных органов государства в деле кодификации законов Российской Империи // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России». № 1. С. 91–94.

Юртаева Е.А. 2012. Законоведение и законоведы: о юриспруденции и ее деятелях в дореволюционной России // Журнал российского права. № 2. С. 86–99.

Sergey V. Malikov
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Alexander I. Chuchaev
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: moksha1@rambler.ru

A. Blagoveshchensky as a Representative of the Historical School of Law

Abstract. The article is devoted to the analysis of the scientific heritage of Alexey Andreevich Blagoveshchensky, one of the prominent representatives of the historical school of law in Russia. It outlines the biography of the jurist who completed the full course at the Moscow Theological Academy and was recruited by Mikhail Speransky to the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery for training in practical jurisprudence. The Second Section, which is characterised as a "school of Russian professors", is particularly noted for its programme for training Russian legal scholars, its academic staff, and the completion of internships abroad with Friedrich Carl von Savigny and other renowned German scholars. Particular attention is devoted to analysing the content of the dissertation History and Method of the Science of Law in the 18th and 19th Centuries, in which the author, firstly, investi-gated in considerable detail the views of Christian Wolff and Immanuel Kant, critically assessing their influence on general jurisprudence; secondly, examined the teachings of Gustav Hugo, who was the first to challenge natural law theory and became the herald of the historical school of law in Germany; thirdly, characterised Savigny's conception as establishing the scientific foundations of this direction in legal doctrine; fourthly, set forth his own ideas about comparative jurisprudence, formulating a definition of diachronic comparativistics and developing a methodology for conducting comparative legal research. The conclusion presents brief findings that are primarily related to the 19th-century scholar's contribution to the concept of the historical school in general and historical-comparative law in particular.

Keywords: law; historical school of law; Hugo; Savigny; Blagoveshchensky; Second Section of the Chancellery of the Emperor; training of lawyers; academic disciplines; Russian legislation; 18th- and early 19th-century Russian legal thought

УДК 340

Анна Сергеевна Конопий
Институт государства и права
Российской академии наук
г. Москва, Россия
E-mail: konopy-anna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3356-4318
SPIN-код: 4206-9420

Доктринальные и историографические основы современного публичного права Китая

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной и фундаментальной проблеме современной китайской юридической науки – становлению публичного права Китая. Вместе с тем исследование данной проблематики осуществляется в контексте изучения взаимодействия публичного права с частным, что обусловлено особенностями социалистической правовой системы с китайской спецификой. С учетом доктринальных и историографических основ анализируются предпосылки разграничения права Китая на частное и публичное. Автором устанавливается, что в рамках китайской правовой традиции разграничительная линия между частным и публичным правом не проводилась, а первые предпосылки к формированию частного права возникают лишь в XX в. в результате влияния западноевропейской правовой мысли. В данном исследовании также уделено внимание современным тенденциям развития публичного и частного права в условиях социалистической рыночной экономики. Автор приходит к выводу о размытости границ между частным и публичным правом, что вызвано следующими процессами: конвергенцией публичного и частного права (公私法混合, *Gōngsī fǎ hùnhé*), приватизацией публичного права (公法私法化, *Gōngfǎ sīfǎ huà*), а также публицизацией частного права (私法公法化, *Sīfǎ gōngfǎ huà*). В то же время в существующих отечественных исследованиях данная проблематика не освещается достаточным образом, тогда как подобные работы создают условия для формирования идейно-мировоззренческой основы изучения правовой системы и государственности Китая, в рамках которой возникает возможность для всестороннего сравнительно-правового анализа историко-правового развития Китая.

Ключевые слова: историография; китайская историография; публичное право; частное право; право Китая

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Как в отечественной, так и в зарубежной юридической науке последних лет отмечается повышение исследовательского интереса к праву Китая, что вполне может быть обусловлено возрастающим влиянием страны на мировой политической арене.

Право Китая, основанное на синтезе китайской культурно-исторической правовой традиции и современных аксиом марксизма, представляет собой самобытный архетип, который, несмотря на сформированную к настоящему моменту огромную источниковую базу, не изучен до конца и нуждается в своем новом переосмыслении. Такое положение объяснимо тем, что китайская правовая традиция как одна из старейших в мире глубоко укоренена в её философско-религиозном наследии, что делает ее сложной для понимания с точки зрения европейского правового дискурса, основанного на ценностных характеристиках романо-германской и англо-саксонской правовых традиций.

Следует отметить, что, хотя Китай не знал философии в западноевропейском смысле, это вовсе не означает, что китайская цивилизация была лишена собственной философской традиции. Как справедливо отмечает академик РАН А.Н. Савенков, «философия – это прежде всего культура мышления, которая стремится ответить на вопросы о сущности и значении человека и мира, в котором он живет. Поэтому философия всегда имеет определенные черты, определенный интеллектуально-духовный и культурный облик» (Савенков 2024: 322).

В отличие от западноевропейской, в центре внимания древнекитайской традиции находились концепции равновесия, гармонии и поиска правильного пути, при этом коллективные

ценности превалировали над индивидуализмом. Философия, будучи направленной на достижение гармонии человека с обществом и природой, играла ключевую роль в формировании норм и правил поведения, а также в установлении принципов государственного управления.

Несмотря на то, что история китайской философской мысли насчитывает не одно тысячелетие, философское знание как отдельное теоретическое знание длительное время не существовало в Китае, в связи с чем католические миссионеры, знакомя в XVII в. Китай с философской мыслью и трудами западной цивилизации, прибегали к транскрибированию слова «философия». Термин в значении «философия» (哲学), употребляемый в современности, впервые стал применяться только лишь в XX столетии, а само словосочетание «китайская философия» (中国哲学), под которым понимается традиционное учение мудрецов и учение канонов, впервые было употреблено ученым-каноноведом Лю Шипэем в 1906 г. (Киселев 2017: 27). Этот шаг стал важным этапом в осмыслении богатого философского наследия Китая.

Право Китая, так же, как и философия, достаточно самобытно и оригинально, в связи с чем важно придерживаться китайского прочтения специфики китайской правовой культуры, формирующейся под неукоснительным влиянием историософии, философии и политических тенденций. Так как многие категории и понятия, свойственные китайской правовой мысли, не имеют прямых аналогов в мысли Западной Европы, интерпретация китайских понятий и категорий через призму западноевропейской историко-культурной точки зрения может привести к смысловым искажениям, неточностям и ложным утверждениям.

Вместе с тем на становление социалистической правовой системы с китайской спецификой оказали влияние не только китайские культурно-правовые традиции, но и достижения западной правовой традиции.

При этом следует учитывать, что теории, подходы и идеи, заимствованные из западноевропейской юридической науки, претерпели изменения, обусловленные китайским идеологическим дискурсом, предполагающим их синтез с достижениями китайской традиционной культуры. Так, употребление

понятий, теорий исключительно с точки зрения западноевропейской науки, без учета идейного и культурного наследия китайского общества, приводит к искажению китайской юридической мысли.

Вместе с тем философское осмысление проблем публичного права Китая требует, в первую очередь, обращения к основополагающему вопросу деления китайского права на частное (私法) и публичное (公法). Это обусловлено тем, что данная проблематика не освещена достаточным образом в отечественной литературе, а частное и публичное, хоть и отдельные, тем не менее, взаимосвязанные области права.

При этом в процессе осмысления вопроса разграничения права на частное и публичное представляется необходимым учитывать не только исторический контекст, но и особенности языка, формальных способов и средств языкового выражения научной информации, что наилучшим образом подчеркивает специфику китайского права.

И в этом смысле невозможно не согласиться с утверждением, что «в вопросах влияния языка на общественные науки, в частности на теорию права, нужно быть внимательным и осторожным, не допускать латентных или явных попыток под видом прогрессивного мышления внедрять совершенно чуждый его вариант» (Горбань 2025: 125).

Однако одна из важнейших методологических трудностей разграничения права на частное и публичное заключается в том, что данная проблематика не является характерной для китайской правовой традиции. В первую очередь это обусловлено тем, что идея деления права на частное и публичное, уходящая корнями в римское право, не находит отражения в традиционных памятниках китайской правовой мысли. Следует отметить, что право Древнего Китая в основном было представлено нормами уголовного права, тогда как нормы частного права не получили самостоятельного развития в традиционном китайском праве. В этой связи значительное количество как отечественных, так и зарубежных исследований посвящено именно уголовному праву Китая и его истории.

Характеризуя правовую мысль Древнего Китая, следует обратиться к историографическому труду специалиста по истории китайского права Ян Хунли «История китайской

правовой мысли» (1936)[1], который отмечает, что значительный вклад в развитие уголовного права в Китае в период формирования рабовладельческого общества внес политический деятель Чжоу-гун, предложивший при назначении наказания учитывать такие обстоятельства, как форма вины (преступления, совершенные с умыслом (非眚) и без него (眚)), совершение преступления впервые (偶犯非终) и рецидив (累犯惟终), а также отказаться от принципа коллективной ответственности рода. Наличие подобного рода учений безусловно свидетельствует о развитости древнекитайской правовой мысли.

Кроме того, нужно отметить, что первым письменным памятником права Китая, полностью дошедшим до нас, является Танский кодекс «Тан люй шу и», представляющий собой собрание уголовных установлений танского правительства. Будучи образцом и основой для уголовного законодательства последующих династий, танский кодекс оказывал влияние на развитие уголовного права вплоть до XX в.

Заслуживает внимания тот факт, что до XIX столетия китайское право опиралось исключительно на свою древнюю правовую традицию, в чем и проявлялась его исключительность и самобытность. Ядром права имперского Китая оставались нормы уголовного и административного права. Так, основным сборником законов, действовавшим в Китае в период правления династии Мин, являлся «Да Мин люй», или «Законы Великой династии Мин» (大明律), состоявший по большей части из норм уголовного права. Право следующей династии – маньчжурской – было представлено сводом уголовных законов империи Цин 1646 г. – «Основными законами и постановлениями Великой династии Цин», или «Дацин люйли» (大清律例) и сводом административных законов «Дацин хуэйдянь» (大清会典), содержащим предписания относительно функций всех правительственных учреждений. При этом несмотря на то, что «Дацин люйли» помимо норм уголовного права содержал также нормы гражданского и семейного, они не образовывали систему частного права и между ними не проводилась четкая грань.

---

[1] *Ян Хунли*. История китайской правовой мысли. Китайский университет политических наук и права, 2004. 316 с. (на кит.: 杨鸿烈.中国法律思想史. 中国政法大学出版社, 年第2004.316页).

Однако события девятнадцатого столетия стали толчком к изменениям в традиционном праве Китая. Как отмечает в своем современном исследовании доцент юридического факультета Университета Цинхуа, доктор права Ние Син, до столкновения Китая с западной Европой в опиумных войнах все земли за пределами китайских границ считались варварскими, и никакие другие цивилизации не признавались равными китайской (Xin Nie 2025: 235). И только после серии поражений влияние Запада в китайском сознании возросло, а уничижительный термин «варвары» (夷) был заменён сперва нейтральным «западный» (西), а затем понятием «далекий Запад» (泰西), в связи с чем, по мнению ученого, Китаю пришлось начать процесс трансформации, заимствуя западный опыт и создавая современные государственные институты (Xin Nie 2025: 243).

Результатом распространения влияния западноевропейских правовых концепций и идей на китайское право стало принятие новых законов, давших импульс к формированию основ частного права. В 1912 г. принято довольно прогрессивное Уголовное уложение (Временное новое уголовное уложение), а в период с 1929 по 1931 гг. – первый в истории Китая Гражданский кодекс, построенный по швейцарской и германской модели кодификаций.

Однако с образованием КНР вектор развития права кардинально меняется, и в период с 1949 по 1978 гг. правовая система формируется в русле маоистской системы идеологических установок, сложившейся под влиянием марксизма-ленинизма, сталинизма и традиционной китайской философии. В связи с этим концепция разделения права на частное и публичное, характерная для западных правовых систем, не получает распространения в правовой мысли указанного периода. Китайские исследователи едины во мнении, что в период до реформ 1978 г., во времена высокоцентрализованной плановой экономики, государственная власть проникала буквально во все сферы общественной жизни, в связи с чем частное право не имело оснований для развития[2].

[2] *Тадамицу Акира*. Соотношение публичного и частного права в Китае: сквозь призму «теории Минобэ» // Юридический журнал Шанхайского университета Джао Тонг. 2013. № 1. С. 134. (на кит.: 但见亮.中国公法与私法的关系—以"美浓部理论"为线索//载 "交大法学".年第2013.期1.页134).

Начало становления частного права (в частности, гражданского и торгового) связывают с китайской политикой реформ и открытости конца 1970-х годов, главным архитектором которой является Дэн Сяопин. Дискуссия о соотношении публичного и частного права в китайской правовой мысли начала активно развиваться только с 1990-х гг., тогда как с 1980 по 1990-е гг. данной проблематики предпочитали избегать[3]. Одной из первых работ, посвященных проблематике деления права на частное и публичное, считается исследование профессора Академии общественных наук КНР Лян Хусэя «Рыночная экономика и модернизация правовой системы»[4], где впервые в правовой доктрине Китая звучит мысль о необходимости разграничения публичного и частного права.

В то же время, огромное влияние на китайскую правовую мысль оказала теория разграничения публичного и частного права японского государственного деятеля и правоведа Тацукичи Минобэ, представленная в работе «Публичное право и частное право»[5]. Впервые переведенное на китайский язык в 1941 г., исследование японского ученого заняло исключительное место среди сформированного задела по данной проблематике. Будучи одним из первых доступных для китайской аудитории, оно легло в основу многих работ, в том числе и современных[6].

Первые исследования были сосредоточены не столько на определении критериев разграничения сфер публичного и частного права, сколько на поиске ответа на ключевой для того времени вопрос: является ли частное право жизнеспособным в рамках социалистической системы, или же оно представляет собой исключительно продукт западноевропейской правовой традиции. В частности, профессор Ян Лисинь утверждал, что формирование

---

[3] Там же. С. 134–135.

[4] *Лян Хусэй*. Рыночная экономика и модернизация правовой системы: материалы круглого стола // Юридические исследования. 1992. № 6. (на кит.: 梁慧星.市场经济与法制现代化—座谈会发言摘要//载 "法学研究".年第1992.期6).

[5] *Тацукичи Минобэ*. Публичное право и частное право / пер. с япон. Хуан Фэнмин. Изд-во Китайского университета политических наук и права, 2003. 251 с. (на кит.: 美浓部达吉. 2003. 公法与私法/译: 黄冯明. 中国政法大学出版社. 年第2003.251页).

[6] *Тадамицу Акира*. Указ. соч. С. 131–132.

гражданско-правового регулирования является необходимым условием развития социалистической рыночной экономики[7].

Новые социально-экономические и политические условия привели к возобновлению научного интереса к данной проблематике, и в последние десятилетия в Китае наблюдается активное переосмысление теории разделения публичного и частного права. В современной китайской правовой доктрине выделяются несколько критериев их разграничения. К признакам публичного права относятся участие государства в качестве обязательного субъекта, неравноправный характер правоотношений, наличие публичного интереса и императивный метод правового регулирования. Частное право, напротив, регулирует отношения между физическими и юридическими лицами, основанные на автономии воли и равенстве сторон.

В то же время всё чаще высказывается позиция о размытости границы между публичным и частным правом, что объясняется процессами «*приватизации публичного права*» (公法私法化), «*публицизации частного права*» (私法公法化), а также *конвергенцией публичного и частного права* (公私法混合). Эти тенденции отражают постепенное сближение частноправовых и публичноправовых начал в правовом регулировании общественных отношений. Так, ученый Ван Лушэн в своей статье «Повторный отказ от деления права на частное и публичное» пишет, что разделение права на частное и публичное неприменимо в современных условиях[8]. Более того, по мнению автора, в истории китайской правовой мысли уже были «отказы» от заимствованной западной теории, в частности, в период особенного влияния советской правовой мысли на правовую систему Китая.

Однако, как пишет ученый Юй Байхуа, в современных китайских работах отмечается наличие ошибочных суждений и представлений, вызванных неправильным применением трех

---

[7] *Ян Лисинь*. Социально-экономическое развитие и гражданско-правовая защита личных прав // Вестник Центрального института управления в сфере права. 1995. № 6. (на кит.: 楊立新. 社會經濟發展與人身權民法保護//载 "中央政法管理幹部學院學報". 年第1995.期6).

[8] *Ван Лушэн*. Повторный отказ от деления права на частное и публичное // Журнал Сычуаньского педагогического института. 2006. № 7. С. 24–26. (на кит.: 王禄生. 对公法和私法分类的再次否定//载 "四川教育学院学报".年第 2006.期7.页24–26).

нетождественных по своему содержанию категорий (***Gōngsī fǎ hùnhé*** 公私法混合, ***Gōngfǎ sīfǎ huà*** 公法私法化 и ***Sīfǎ gōngfǎ huà*** 私法公法化)[9]. Так, согласно его позиции, под «*приватизацией публичного права*» (公法私法化) следует понимать применение в публично-правовых отношениях инструментов, традиционно свойственных частному праву, что способствует повышению эффективности и гибкости управления (государство может выступать в качестве субъекта в гражданско-правовых отношениях, вступая, например, в имущественные отношения, регулируемые гражданским законодательством). Под «*публицизацией частного права*» (私法公法化) следует понимать внедрение в частно-правовые отношения инструментов публичного права (в частности, ограничение автономии воли в гражданском праве для защиты публичных интересов). И в качестве отдельной категории китайский исследователь выделяет *конвергенцию публичного и частного права* (公私法混合), в соответствии с которой две области права «сосуществуют» и взаимодействуют друг с другом. Такой пример сосуществования приводит профессор Дин Сяодун, отмечая, что правовое регулирование в области защиты персональных данных в своей основе опирается на нормы как частного (гражданского), так и публичного права (конституционного) и тем самым демонстрирует конвергенцию публичного и частного права в современном праве Китая[10].

Несмотря на то, что исторически право Китая носило преимущественно публично-правовой характер, с начала политики реформ и открытости свое развитие получает частное право, к настоящему моменту находящееся в тесном взаимодействии с публичным. При этом наблюдается тенденция к смещению границ между двумя областями права, что обусловлено историческими,

---

[9] *Юй Байхуа*. Аналитическое разграничение понятий «смешение публичного и частного права», «приватизация публичного права» и «публицизация частного права» // Вестник Хэйлунцзянского института политических наук и права. 2010. № 1. С. 18–20. (на кит.: 于柏华. "公私法混合"、"公法私法化"与"私法公法化"辨析//载 "黑龙江省政法管理干部学院学报".年第 2010.期1.页18–20).

[10] *Дин Сяодун*. Многомерное толкование комплексной защиты личной информации в публичном и частном праве // Исследования верховенства права. 2022. № 5. С. 14–25. (на кит.: 丁晓东.个人信息公私法融合保护的多维解读//载 "法治研究".年第2022. 期5.页14–25.

культурными и социально-экономическими факторами. Однако современная направленность к сближению частноправовых и публичноправовых начал в праве Китая вполне может привести к вопросу о разграничении частного и публичного права. Как справедливо отмечает профессор Г.В. Мальцев, «трудности и разочарования для тех, кто в проблеме частного и публичного права видит универсальный ключ к раскрытию «тайн» правового регулирования, коренятся именно в относительности и условности методов и объективных критериев, необходимых для решения данной проблемы. Поэтому в давних и бесконечных спорах исследователи постоянно сбиваются с вопроса, где лежит граница между частным и публичным правом, на вопрос, где эту границу следует провести» (Мальцев 2003: 20-21).

Выводы. Современное право Китая представляет собой синтез китайской культурно-исторической правовой традиции, современных аксиом марксизма и одновременно с этим заимствованных конструкций и ценностей из западных правовых систем. Ввиду этого формирование облика прошлого Китая, в том числе его права, понимание его настоящего, а также конструирование его будущего требуют учета культурных, исторических, философских контекстов, а, кроме того, и господствующей политической линии, и государственной идеологии. В то же время игнорирование национального языка права и его внутренней грамматики может привести к ошибочным суждениям и искажению смыслов.

Из представленного анализа становится очевидно, что на институциональном уровне право Китая схоже с континентальным правом, при этом его содержательная сторона наполнена исключительным смыслом, обусловленным своеобразием культуры, общественно-религиозного сознания, языка и других аспектов. Такое сближение систем позволяет прийти к выводу о том, что Китай, сохраняя свою культурно-историческую самобытность, демонстрирует готовность к изменениям, что позволяет ему гармонично интегрироваться в международные процессы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСИЙ СПИСОК

Горбань В.С. 2025. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой тео-

рии // Антиномии. Т. 25, вып. 1. С. 107–127. DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_107

Киселев В.А. 2017. Формирование истории китайской философии как научной дисциплины в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. Т. 21, № 1. С. 24–32. DOI 10.22363/2313-2302-2017-21-1-24-32

Мальцев Г.В. 2003. Проблема частного и публичного права // Социология власти. № 3. С. 20–46.

Савенков А.Н. 2024. Философия права и становление российского государства-цивилизации : моногр. Москва : Наука. 739 с.

Xin Nie. 2025. The History of Government and Public Law in China. Singapore : Springer. 475 p.

Anna S. Konopiy
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: konopy-anna@mail.ru

Doctrinal and Historiographical Foundations of Modern Chinese Public Law

Abstract. This article examines a foundational question of public law development in contemporary Chinese jurisprudence. Situating the analysis within the broader framework of public-private law interactions, the study accounts for the distinctive features of China's socialist legal system with Chinese characteristics. Drawing upon doctrinal and historiographical foundations, the author explores the historical preconditions for the differentiation of Chinese law into public and private spheres. The analysis demonstrates that traditional Chinese legal thought did not distinguish between private and public law, with the first substantive impetus toward private law formation emerging only in the 20th century under the influence of Western European legal traditions. The study further investigates contemporary trends in public and private law under China's socialist market economy, highlighting the erosion of traditional boundaries between the two domains. This blurring results from three key processes: convergence of public and private law (chin. 公私法混合, pin. *Gōngsī fǎ hùnhé*), privatization of public law (chin. 公法私法化, pin. *Gōngfǎ sīfǎ huà*), and publicization of private law (chin. 私法公法化, pin. *Sīfǎ gōngfǎ huà*). The author contends that existing domestic scholarship has yet to sufficiently address these developments. However, such research lays the groundwork for a robust theoretical and ideological foundation for studying China's legal system and statehood, facilitating a comprehensive comparative legal analysis of the nation's historical and jurisprudential evolution.

Keywords: historiography; Chinese historiography; public law; private law; Chinese law

УДК 347.94

Алексей Михайлович Пономарёв
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Ижевск, Россия
E-mail: amp08@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9033-6426
ResearcherID: K-2709-2018
SPIN-код: 1292-8907

Эпистемологические характеристики судебного познания в гражданском процессе

Аннотация. В статье анализируется судебное познание в гражданском судопроизводстве в контексте установления истины. Получение объективного, достоверного и истинного знания является условием и предпосылкой принятия судом решения, удовлетворяющего целям и задачам гражданского судопроизводства. Продемонстрировано, что разработка теоретико-правовой модели судопроизводства, в которой снимается противопоставление двух парадигм установления истины – формальной и материальной, – возможна только через описание судебного познания как специфического метода познания социальной реальности. Это требует экспликации его эпистемологических аспектов. В философско-правовом контексте рассматривается место судебного познания в системе правового и процессуального познания, соотношение судебного познания и судебного доказывания. Демонстрируется, что дискуссионные вопросы о соотношении моделей судопроизводства: состязательной и активности суда, – порождены редукцией судебного познания к судебному доказыванию. Обосновывается положение, что и судебное познание, и судебное доказывание могут рассматриваться как единый эпистемологический процесс в силу того, что их ход осуществляется в рамках единого процесса гражданского судопроизводства. В силу этого можно выделять общие для них элементы (этапы осуществления). Но по причине различия в объекте, предмете и задачах субъектов содержательное наполнение этих элементов различно. Обоснован вывод, что в качестве частного случая правового познания судебное познание организуется и направляется процессуальными принципами и нормами, есть процессуальное познание, познавательным материалом которого выступают правовые нормы (формальный, правовой аспект) и фактические обстоятельства правоотношений (содержательный, объектный аспект), а судебное доказывание является механизмом движения судебного познания от вероятност-

ного субъективного знания к знанию объективному и достоверному.

Ключевые слова: правовое познание; процессуальное познание; судебное познание; судебное доказывание; предмет судебного познания; предмет судебного доказывания; судебная истина

Перспективы внедрения в судопроизводство интеллектуальных систем на базе технологий искусственного интеллекта актуализируют исследования в области характера истины, устанавливаемой в гражданском судопроизводстве. Полученные в ходе предыдущих дискуссий по этой проблематике результаты не являются достаточными. Основная причина, по нашему мнению, заключается в том, что исследования выполнялись в рамках теорий, остававшихся в границах классической научной рациональности. Диссертация М.Д. Олегова (Олегов 1999), в которой системно проанализированы вопросы установления истины в гражданском судопроизводстве – в рамках парадигмальных моделей состязательности сторон и активности суда с присущими для них принципами, проявлениями интересов и т.п., – а также предлагается синтез обоих моделей, наглядно демонстрирует пределы используемых в отечественном правоведении подходов при проведении исследований по данной проблематике.

Основные причины этого связаны со встроенными в классические теории установления истины в судопроизводстве ограничениями. С нашей точки зрения это, во-первых, опора на концепцию корреспондентской истины, негативная критика которой с философско-правовых позиций развернуто дана в: (Пржиленский 2015). Во-вторых, используемая гносеологическая схема познавательной деятельности[1].

[1] В контексте статьи гносеологическая схема познавательной деятельности понимается как отношение субъекта познания к объекту познания. При этом субъект познания в отечественных теориях правового познания понимается как индивидуальный субъект. Эпистемологическая схема познавательной деятельности понимается как отношение субъекта познания к системе знания. При этом в (пост)неклассических теориях субъект понимается как сложноорганизованный коллектив коммуницирующих на основе признаваемых всеми норм индивидов; основы такового понимания применительно к судебному

Новые перспективы исследования в сфере проблематики установления истины в судопроизводстве открывает разработка теории, исходящая из неклассических методологических позиций. Их философско-правовая экспликация дана в: (Деникина 2008). Теоретико-правовые основания для возможной теории сегодня в отечественном правоведении активно разрабатываются в рамках коммуникативной теории права, предложенной А.В. Поляковым.

Неклассическая исследовательская программа должна сохранить позитивные наработки предшествующих исследований в качестве исходных точек своего развития. Под таким углом зрения классические теории формальной (юридической) и материальной (объективной) истины, устанавливаемой в судопроизводстве, насколько известно автору статьи, не рассматривались. Такого рода анализ является целью статьи.

Исходя из этого в предлагаемом тексте решаются следующие задачи:

• Реконструкция классической модели установления истины в гражданском судопроизводстве;

• Выявление ее элементов, которые могут стать точками формирования и развития новой исследовательской программы;

• Определение методологического направления, в рамках которого перспективно построение одной из возможных неклассических теорий установления истины в гражданском судопроизводстве.

Судебное познание является единственным процессуальным путем решения задач правосудия, им же определяется истинность самого пути (процессуальных средств и способов достижения цели). Установление знания объективного, истинного и достоверного выступает в качестве предпосылки принятия судебного решения по конкретному судебному делу.

В истории правовой мысли сформировались два подхода к решению вопроса о характере истины, устанавливаемой в судебной процессе, тесно связанных с двумя парадигмами организации судебного процесса. Это парадигма чистой

процессу можно найти в: (Корнеев 2006: 235-240). А система знания приобретает характер семиотического объекта. Соответственно, право в качестве объекта анализа приобретает характер дискурса, интегрирующий логические и юридические компоненты.

состязательности, характеризующаяся активностью сторон и формальностью истины, и парадигма активности суда, характеризующаяся пассивностью сторон и материальностью (объективностью) истины. Практические потребности подталкивают на теоретическом уровне к созданию синтеза этих подходов к пониманию характера истины, устанавливаемой в судебном процессе. Одним из вариантов создания непротиворечивой концепции установления истины в гражданском судопроизводстве является подход, при котором судопроизводство рассматривается через призму судебного познания (Олегов 1999).

Судебное познание содержит в себе и юридический, и познавательный аспекты. То есть, это акт познания, осуществляемый в правовой форме. Гражданский же процесс в качестве судебного познания предстает как познание в процессуально-правовом оформлении. Соответственно, дискуссии о парадигмах организации судебного процесса предстают как дискуссии о моделях организации судебного познания в гражданском судопроизводстве.

Решение вопроса об установлении истины через призму судебного познания означает, что две парадигмы организации гражданского судебного процесса могут рассматриваться как две парадигмальные модели организации судебного познания. Но такая формулировка с необходимостью подводит к синтезу обеих позиций в силу того, что единством обладает реальный гражданский процесс. Иными словами, субъект такого познания должен обладать единством, единством должен обладать способ установления действительных обстоятельств дела, так как установление объективного достоверного знания об этих обстоятельствах является предпосылкой вынесения решения судом в соответствии с требованиями ст. 2 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации.

Эвристичность гражданского судебного процесса лежит в самой его природе. Гражданской процессуальной формой и ее правилами задается алгоритм судебного познания. Но его суть не сводится к познанию предмета процесса. Его смысл в том, что суд, имея в начале и в ходе процесса дело с переменными величинами, обязан прийти от знания предполагаемого к знанию достоверно-истинному, основанному на имеющих юридическое значение фактах; прийти при помощи правовых

средств и способов, которые сами требуют познания и квалификации в ходе познавательной деятельности. Познание предмета конкретного процесса предваряется познанием юридического инструментария судебного познания; дабы в итоге процесса знание стало истинным, важно, чтобы и средства его постижения также были истинными.

Иными словами, судебный процесс с точки зрения познания есть процесс перевода знания из гипотетической модальности в аподиктическую и может анализироваться как прикладной исследовательский метод, структура которого помимо принципов содержит онтологический, гносеологический, категориально-понятийный и логико-семантический компоненты. Именно структурой судебного процесса типологически предзадан результат судебного производства – новый знаниевый объект, характеристики которого идеально-типически определены Гражданским и Гражданско-процессуальным кодексами Российской Федерации[2].

Современная процессуальная мысль понимает судебное познание как познание, форма которого есть синтез в процессуальной деятельности логического и юридического, как синхронную актуализацию теоретического и эмпирического знания, эпистемологического и правового материала. Такой подход подводит к пониманию судебного познания как единства гносеологической и процессуальной деятельности, позволяет выделить особенности судебного познания на каждом этапе развития судебного процесса.

Посредством категорий правового и процессуального познания судебное познание связывается с эпистемологической проблематикой. Правовое познание юристами рассматривается как совокупность когнитивных процессов, процедур и методов приобретения теоретического и эмпирического знаний о явлениях и закономерностях функционирования и разви-

[2] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Часть первая (введен в действие Федеральным законом от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.07.2025); Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) (введен в действие Федеральным законом от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 02.07.2025).

тия социально-правовых систем (Гаврицкий 2007). Тем самым фактически утверждается, что правовое познание есть познание, реализуемое специфическими (юридическими, правовыми) средствами, осуществляемое в правовой категориально-понятийной системе. Образно говоря, это взгляд на социальные явления и процессы через оптику (теорию) права. На теоретическом уровне такое видение дает дискурсивно формируемые идеальные конструкты, которые закрепляются в юридических нормах – специфических идеальных объектах, которые интегрируют в себе аподиктическую (описательно-утвердительную) и деонтическую (императивно-обязывающую) модальность. На эмпирическом уровне происходит «склеивание» этих модальностей – объективная данность юридического сознания, его феномен и реальные социальные отношения воспринимаются их участниками и наблюдателями как правоотношения.

Переход к проблематике судебного познания от проблематики правового познания обеспечивает категория процессуального познания. В этом контексте правовое познание предстает как совокупность когнитивных процессов, направленных на изучение, сбор, обобщение, систематизацию, анализ юридических фактов, их взаимосвязей, а процессуальное познание как познание в рамках конкретного дела. То есть признается наличие в рамках гражданского судопроизводства теоретического и эмпирического познания, которые должны связываться категорией процессуального познания, а также механизма и средств такого связывания.

Но процессуальное познание есть прагматически ориентированное исследование, связанное с процессуальным доказыванием, условия осуществления которого задают особенности процессуального познания (Белкин 2005). Его специфика заключается в ограниченности определенным кругом единичных фактов, составляющих событие, рассматриваемое в судебном процессе, и в установлении истины с целью правильного разрешения конкретного судебного дела, правильного решения стоящих перед судом задач (Трусов 1960). Одновременно с этим «такое познание… рационально и системно, но его системность, как необходимость приводить знания в определенный порядок на основе логической взаимосвязанности понятий, суждений, выражается предметом доказывания» (Боруленков 2006: 75).

Процессуальной доктриной судебное познание рассматривается как система связанных видов познавательной деятельности: познание и доказывание фактических материально-правовых и процессуальных обстоятельств дела, познание спорного правоотношения, прав и обязанностей сторон, а также осуществляемое вышестоящими судами познание при проверке или пересмотре судебных постановлений (Гуреев 1981).

Иными словами, анализируемая теория судебного познания в качестве механизма связывания теоретического и эмпирического уровней судебного познания указывает на доказывание, а соотносимый с объектом судебного познания предмет доказывания оказывается его ключевым средством (элементом). В рамках доказывания как механизма перевода наличного знания из случайного, хаотичного – из модальности гипотетического знания в системно упорядоченное знание – аподиктическую модальность, – ключевую функцию выполняет принцип диспозитивности как средство переноса материальных норм Гражданского кодекса РФ в нормативную систему ad hoc, «создаваемую» судом для рассмотрения каждого конкретного дела.

У познания и доказывания в гражданском процессе общий онтологический исток. Они могут различаться в процессуальной деятельности, но не могут осуществляться порознь; они различаются содержательно, будучи связаны процессуально.

Аргументация сторонников этой позиции строится на анализе закрепленных в ГПК РФ полномочий суда в процессе установления действительных обстоятельств дела, реальных прав и обязанностей спорящих сторон – в частности, в ходе доказывания. «…Судебные процессуальные действия в ходе деятельности сторон по доказыванию направлены на получение знаний (познание) действительных обстоятельств дела, их реальных прав и обязанностей». Суд не несет ответственности за результаты дела, но устанавливает и определяет его обстоятельства в качестве имеющих значение для дела, а также сторону для их доказывания. Суд согласно ст. 67 ГПК РФ исследует доказательства, оценивает их по отдельности на достоверность, достаточность, взаимосвязанность (то есть логическую непротиворечивость), принимает или же отклоняет их. На основании этого утверждается, что в качестве участника процесса доказывания суд может быть определен «только как субъект познавательной деятель-

ности» (Болтуев 2015: 156). Судебное познание ориентировано поиском ответов на вопросы, вытекающие из процессуальных задач судебного производства (в частности, ст. 196 ГПК РФ, п. 17 Постановление Пленума ВС РФ от 24.06.2008 № 11[3]). Поиск таких ответов возложен на суд, но он может получить их только с помощью инициативной и доказательственной деятельности заинтересованных лиц.

Это противоречивое единство ведет к различию предметов судебного познания и судебного доказывания при общности процессуальной цели, объекта. Это противоречие проблематизирует также понятие субъекта познавательной деятельности в гражданском судопроизводстве.

Объектом судебного познания являются материально-правовое отношение, существующее между сторонами судебного спора. Важно отметить: в ходе судебного познания проводится реконструкция спорного правоотношения пост-фактум, что означает «исчезновение» реального социально-правового отношения из видимости суда, замена его семиотическим конструктом ad hoc. В силу этого, исследование средств такого конструирования и методики их применения, а также их зафиксированность в процессуальных нормах являются самостоятельной познавательной задачей.

Согласно мнению Ю. Боруленкова, «…истина должна включать в себя не только достоверно установленные обстоятельства дела, но и правильную квалификацию с точки зрения действующего закона» (Боруленков 2006: 80). Судопроизводство по делам гражданского характера осуществляется на базе двух кодексов – Гражданского и Гражданского процессуального. Нормы первого являются основанием для выявления и определения правонарушения. На основании норм второго решается вопрос о нарушении прав конкретных физических и юридических лиц. Положение п. 3 ч. 4 ст. 198 ГПК РФ прямо указывает, что при принятии судебного решения указываются законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при его принятии, а также мотивы, по которым суд не применил

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (ред. от 09.02.2012). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78038/ (дата обращения: 02.07.2025).

законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле. Речь идет как об актуализации судом юридического знания, так и о его оперировании им применительно к конкретному случаю. Результатом этой познавательной деятельности является сформированное судом знание о конкретной социально-правовой ситуации (онтологический аспект), которая описана в юридических терминах конкретной материальной правовой нормы (гносеологический аспект).

Специфика этого знания определяется опосредованностью судебного познания. Подлежащие установлению по делу обстоятельства обычно имеют место в действительности до момента возбуждения гражданского судопроизводства; все знания о них суд получает в результате исследования сведений, содержащихся в четко очерченных источниках таких сведений (ст. 55 ГПК РФ), – то есть в результате исследования юридически признаваемых доказательств по данному делу. В силу этого судебное познание в качестве метода есть алгоритм правовой реконструкции.

В эпистемологическом контексте это означает, что суд должен установить юридические факты, прямо предусмотренные гипотезой материальной нормы, и уже на их основе в ходе судебного разбирательства провести реконструкции реальных отношений. Но реконструкции предшествует акт конструирования, который в области права выполняется законодателем. Если в акте конструирования материальный объект, реальные отношения сохраняются в видимости познающего субъекта, то в акте реконструкции они исчезают, заменяются семиотическими объектами. С эпистемологической стороны, «семиотизация» объекта познания меняет характеристику объективность истины. Она из корреспондентской трансформируется в конвенциональную.

Такого рода трансформация заставляет несколько иначе расставлять акценты участников гражданского процесса в качестве гносеологических агентов. Традиционный подход специалистов в области гражданского процесса признает субъектами судебного познания суд и участвующих в деле лица. Но исключительно суд, в силу возложенной на него как на орган публичной власти функции правосудия, есть обязанный субъект познания. Он обязывается правильно определить значимые для дела обстоятельства. И суд не вправе уклониться от судеб-

ного процесса; посему он необходимо обязан выполнять функции субъекта познания.

В силу наличия материально-правового интереса сторон процесса и «процессуального интереса к его исходу» у ряда других участников процесса они не могут рассматриваться в качестве «обязанных» субъектов познания, то есть субъектов, ориентированных на установление объективной и достоверной истины. Более того, принцип диспозитивности предполагает установку на представление стороной процесса своей позиции в качестве достоверной и ее фиксации как «юридически верной». Наличную агональность интересов сторон закрепляет принцип состязательности, а их асимметричность нивелируется принципом равенства сторон. И показательно, что в отношении суда эти принципы не применимы. В отношении него уместны связанность публичным интересом, пассивность в процессе доказывания. Таким образом, две модели организации гражданского судебного процесса основываются именно на различных ролях его участников (включая и суд) в качестве гносеологических агентов. Именно поэтому появляются две – не более, – характеристики судебной истины. И эти характеристики должны быть сведены к общему знаменателю в силу общей направленности гражданского процесса и императивности решения, принятого судом.

Обсуждение проблематики характера истины, устанавливаемой в юридико-процессуальной форме, вновь выводит на вопрос об объекте и предмете судебного познания и судебного доказывания (Олегов 1999: 159).

И в судебном познании, и в судебном доказывании речь идет об одних и тех же обстоятельствах, имеющих юридическое значение и составляющих основание для требований и возражений спорящих сторон судебного разбирательства. Но нетождественность процессуального познания и доказывания ведет к существенному различию в их предмете. «Доказывание характеризуется эгоистичным интересом конкретной стороны, которая, исходя из своих возможностей, формирует предмет своего доказывания. Тогда как субъект познания должен получить полноценное, объективное и всестороннее представление о действительных обстоятельствах дела, реальных правах и обязанностях сторон… <…> …субъектам познания в гражданском процессе,

в особенности суду, приходится устанавливать все обстоятельства, имеющие значение для дела» (Болтуев 2015: 159).

В цитате привлекают внимание три обстоятельства. Во-первых, за различием предметов процессуального познания и доказывания стоит реальный, объективный конфликт не только сторон процесса, но и всех его участников. Во-вторых, и предмет доказывания, и предмет познания формируются субъектами, участвующими в гражданском процессе. В-третьих, механизмы формирования предмета познания и предмета доказывания в гражданском судебном процессе специфичны.

В совокупности эти обстоятельства позволяют выдвинуть два тезиса. 1) За различием двух моделей гражданского процесса – состязательной и активности суда – скрыто различие двух предметов внешне схожих видов деятельности в рамках единого судебного процесса. Наблюдаемая напряженность научных дискуссий в немалой степени связана с теоретическим неразличением предметов этих эпистемологических процессов. 2) Предмет доказывания связывает теоретический и эмпирический уровни процессуального познания через свою соотнесенность с предметом судебного познания как единичное (протокольное) высказывание с общим высказыванием, зафиксированным в материальной норме Гражданского кодекса. В этом контексте «верификация по modus tollens» протокольных высказываний является идеально-типической моделью движения гражданского судебного процесса.

С учетом вышеизложенного центр исследовательского внимания при обсуждении характера устанавливаемой в судебном процессе истины смещается на механизмы формирования связывания предметов познания и доказывания в гражданском процессе, на тождества и различия этапов этих процессов и их содержания.

В реальном гражданском судебном процессе этапы познания и доказывания происходят параллельно и в некоторых случаях даже могут совпадать в совершаемых процессуальных действиях. Правда, название и содержание этапов познания несколько отличаются от тех же составляющих доказывания, поскольку совершаются разными субъектами гражданского процесса, имеющими неодинаковый правовой статус и неодинаковые цели деятельности (Олегов 1999: 159-160).

Минимально в рамках гражданского судебного процесса принято выделять следующие этапы процессуального познания.

1) определение предмета познания и круга относимых доказательств;

2) собирание (содействие в собирании) доказательств;

3) доказывание;

4) исследование доказательств;

5) оценка доказательств.

Первый этап познавательного процесса происходит на стадиях возбуждения гражданского дела и подготовки дела к судебному разбирательству. Его содержание – определение предмета познания и круга относимых к делу доказательств. Центральным субъектом на этой стадии является суд, который начинает процесс познания с изучения сущности предъявленного истцом требования. Объектом познания в данном случае будут нормы материального права – правовые основания исковых требований. На основе подлежащих применению в данном конкретном случае норм материального права определяются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, круг которых может быть заранее определен законодателем.

Но стороны процесса также принимают участие в определении предмета познания и относимых к делу обстоятельств. Истец, предполагая нарушение его прав и/или неисполнение ответчиком своих обязанностей, апеллирует к своему пониманию имеющих значение для дела обстоятельств. Тем самым истец фактически определяет свой предмет доказывания. Ответчик также заявляет о своем понимании его прав и обязанностей, приводит обстоятельства, которые могут быть по разным причинам и мотивам проигнорированы или скрыты истцом. Тем самым он заявляет о своем определении предмета доказывания. С учетом позиций сторон суд, формулируя для юридически правильного разрешения дела перечень обстоятельств дела, определяет предмет доказывания на основе предмета судебного познания. С эпистемологической стороны – это нормативное познание, то есть познание формальное, которое создает условия для получения истинного судебного решения.

На втором этапе основными субъектами познания являются стороны процесса: истец, ответчик и иные участники процесса. Законодатель однозначно признает субъектами доказывания

истца и ответчика и возлагает на них обязанность представления доказательств. Суд не может быть субъектом доказывания по своим функциональным целям и обязанностям в гражданском процессе. Поскольку познание на этом этапе происходит в рамках предмета доказывания, суд, находящийся в рамках предмета судебного познания, не может требовать от сторон доказательств, выходящего за предмет доказывания. Ограничение познавательной деятельности суда предметом судебного познания предопределяется его позицией как точкой ввода публичного интереса с целью снятия конфликта частных интересов сторон. Связь суда с публичным интересом наиболее явно раскрывается в ситуации, когда он в качестве властного органа в строго определенных процессуальных рамках оказывает содействие сторонам в получении доказательств.

На третьем этапе – доказывании – основная познавательная активность также принадлежит сторонам и их представителям. Содержательно этот этап есть предъявление сторонами своих позиций и их подкрепление аргументами. Этап важен, так как исследование доказательств происходит непосредственно, чем обеспечивается самоочевидность (перед очами суда) и достоверность получаемого знания. Это перевод судебного познания как опосредованного познания прошлого в непосредственное (свидетельское), то есть «здесь-и-сейчас» происходящее событие; это реконструкция прошлого в настоящем.

На этом этапе каждая сторона преследует свои интересы, пытаясь убедить суд в своей правоте. В силу подчинения доказывания субъективной цели получаемые судом знания еще не носят объективный характер, являясь вероятностными суждениями. Задача суда – очистить полученные знания от субъективного характера и получить на их основе достоверное знание о действительных обстоятельствах дела, имеющих характер необходимого достоверного знания. Эта задача решается судом на следующем этапе.

На четвертом этапе – исследовании доказательств – активность в познавательной деятельности, согласно п. 3 ст. 67 ГПК РФ, вновь возвращается к суду. Суть этой стадии заключается в восприятии и изучении доказательственной информации судом и лицами, участвующими в деле (Боннер 2000: 73). Изучение определенных свойств источника доказательств по-

средством использования допущенных законом средств доказывания создает впечатление, что этот этап есть часть процесса доказывания. Именно такая позиция преобладает в большинстве научных публикаций. В действительности же исследование доказательств помимо формальной юридико-процессуальной стороны, а именно: приемлемость доказательства с точки зрения закона, – имеет и содержательную сторону – формирование судебного убеждения в правоте доказывающей стороны. То есть познавательная задача этого этапа – формирование достоверности получаемого знания.

Выделение данного этапа важно не только в силу юридических и эпистемологических аспектов. Его самостоятельное выделение вытекает также из заинтересованности стороны, представляющей доказательство, в исходе судебного разбирательства. Именно сторона процесса заинтересована в убеждении суда в своей правоте на основе и с привлечением именно этого доказательства. Эта заинтересованность может быть проинтерпретирована в рамках процесса как заинтересованность стороны в признании доказательства юридически приемлемым, юридически достоверным и юридически значимым.

В силу последнего аспекта нельзя не признать стороны участниками процесса исследования доказательств как этапа познавательной деятельности. Но перед судом, в связи с активностью сторон в исследовании доказательств, с учетом принципа состязательности и агональности их интересов, возникают специфические задачи.

Суд, помимо руководства всем процессом исследования доказательств, в качестве субъекта познавательной деятельности увязывает получаемые доказательства с обстоятельством дела, которое подлежит познанию, и выявляет наличие или отсутствие между ними причинной связи. Также суд как уполномоченное на это публичное лицо констатирует наличие этой причинной связи как юридически значимой и вытекающих из этой связи юридических последствий.

Иными словами, познавательная деятельность на данном этапе вновь разворачивается в рамках предмета судебного познания.

Пятый этап – оценка доказательств – вытекает из предыдущего этапа. Не случайно ГПК РФ не выделяет отдельно

исследование доказательств, регулируя оба этапа ст. 67. Участники познавательной деятельности остаются те же; они объективно вынуждены проводить оценку доказательств всех сторон для своего целедостижения, но их функционал меняется (Лельчицкий 2008: 9). Выделение данного этапа как самостоятельного этапа диктуется процессуально-правовыми моментами: результат оценки доказательств судом находит выражение в соответствующих судебных актах, а в идеальном случае – в решении, на что прямо указывает п. 1 ст. 196 ГПК РФ и приводившееся выше Постановление Пленума ВС РФ.

Другими словами, исходя из положений ст. 67, пп. 3, 4 ч.2 ст. 198 ГПК РФ, на основе принятой аргументации сторон суд конструирует новый объект знания, в котором в правовых понятиях воспроизводятся выявленные системные взаимосвязи между всеми обстоятельствами дела. С эпистемологической позиции на этом этапе проводится сложная познавательная работа, в результате которой подтверждается достоверность каждого из исследованных обстоятельств. Лишь по итогу реконструкции всей совокупности действительных обстоятельств дела возможно утверждение соответствия действительности содержащихся в доказательстве сведений; только соотнесение со всей совокупностью обстоятельств позволяет оценить достоверность сведений конкретного доказательства. Но каждое обстоятельство в отдельности есть следствие сведений, содержащихся в отдельном доказательстве. Возникает проблемная познавательная ситуация, которая решается посредством движения по герменевтическому кругу. В свою очередь, получение совокупности обстоятельств дела предъявляет к совокупности доказательств как своей предпосылке ряд требований – логическую непротиворечивость и т.п., – которые в своей целостности дают основания для оценки доказательств судом как субъектом познания.

Проведенный анализ позволяет динамике судебного процесса сделать следующее заключение. Процессуальное познание совершается на двух онтологических уровнях. Имея общий объект – конкретные обстоятельства дела, – познавательная деятельность осуществляется в рамках двух предметов познания. В рамках предмета судебного познания она реализуется на уровне идеально-типических объектов. В этих пределах по-

лучаемое знание приобретает объективный (материальный) характер как соответствующее объекту – норме материального права. На этом же уровне обеспечивается его истинность. Так как способом связывания получаемых результатов является логика, истина приобретает формальный характер. В рамках предмета судебного доказывания познавательная деятельность реализуется на уровне эмпирических фактов – фактических обстоятельств дела. Процессуальный характер познания ведет к приобретению ими юридических (то есть формализованных) характеристик, благодаря чему они могут вводиться в судебное познание. Механизмом ввода фактических обстоятельств дела в судебное познание в качестве юридических фактов является их описание по процессуальным нормам в терминах применяемых материальных норм. Благодаря такой познавательной активности приобретаемое в судебном познании получает характеристику достоверности.

Обобщая изложенное в статье, можно сделать вывод, что, хотя проблематика характера истины, устанавливаемой в гражданском судебном процессе, «изъезжена вдоль и поперек», удовлетворительного решения теоретиками права не предложено. Причина заключается в «эмпирично-утилитарном» подходе к обсуждению этой проблематики правоведами. Тем удивительней, что крайне редко ставится вопрос о синтезе двух подходов. Практическое единство и целостность гражданского судебного процесса делают такой синтез настоятельно необходимым.

Предложенный в рамках процессуальной теории подход, основные положения которой воспроизведены выше, содержит целый ряд «точек напряжения» и противоречий, которые практически не осознаются в комплексе. Причиной такого обстоятельства дел является попытка решать проблемы судебного познания в парадигме теорий «классической научной рациональности». Проведенный анализ позволяет утверждать, что за «утилитарной» проблемой характера судебной истины скрывается целый комплекс научных проблем, связанных с пониманием процессуального кодекса как метода исследования социальных явлений правовыми средствами. Эксплицированные в статье «узлы» проблематики являются лишь частью проблемного поля. Наряду с изучением связи онтологических уровней, логических модальностей и других затронутых в тексте

вопросов, важной частью этого поля являются такие вопросы как механизм переноса объекта – положений материальных норм – в новый сконструированный юридический объект (судебный акт), темпоральные аспекты модальностей процессуального познания и т.п. Глядя на перечень подобных вопросов, становится ясно, что теории на основе «классической научной рациональности» достигли предела своих эвристических возможностей. Поиск ответов на возникающие вопросы должен вестись уже в рамках теорий, формируемых на основе (пост) неклассической научной рациональности. И, как представляется автору статьи, хорошие перспективы для этого поиска дают методологии коммуникативной и/или трансцендентальной прагматики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белкин А.Р. 2005. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Москва : Норма. 528 с.

Болтуев С.Ш. 2015. Необходимость познавательной деятельности суда в регулировании гражданских правовых споров. // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. № 3. С. 156–164.

Боннер А.Т. 2000. Установление обстоятельств гражданских дел. Москва : Городец. 328 с.

Боруленков Ю.П. 2006. Теоретические основы процессуального познания. Владимир : Владим. гос. пед. ун-т. 254 с.

Гаврицкий А.В. 2007. Судейское познание: теоретико-правовые аспекты : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Ростов-на-Дону. 178 с.

Гуреев П.П. 1981. Понятие судебного познания и доказывания в гражданском процессуальном праве // Курс советского гражданского процессуального права: Теоретические основы правосудия по гражданским делам : в 2 т. / отв. ред. А.А. Мельников. Москва : Наука. Т. 1. С. 340–364.

Деникина З.Д. 2008. Неклассическая и постнекласическая философия права. Москва : Всерос. гос. налог. акад. Минфина России. 242 с.

Корнеев Г.П. 2006. Идеонормативная концепция истины. Философия и правоприменение. Москва : Академ. проект. 352 с.

Лельчицкий К.И. 2008. Проблемы оценки доказательств в гражданском процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15. Москва. 23 с.

Олегов М.Д. 1999. Истина в гражданском процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03. Москва. 184 с.

Прижелинский В.И. 2015. Реальность и истина в конструктивистской парадигме философии права. // Lex Russica (Русский закон). Т. 102, № 5. С. 23–43.

Трусов А.И. 1960. Основы теории судебных доказательств : (краткий очерк). Москва : Госюриздат. 176 с.

Alexey M. Ponomarev
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia. E-mail: amp08@mail.ru

Epistemological Characteristics of Judicial Cognition in Civil Proceedings

Abstract. The article analyses judicial cognition in legal proceedings in the context of establishing the truth. Obtaining objective, reliable and true knowledge is a condition and prerequisite for the court to make a decision that satisfies the goals and objectives of legal proceedings. It is demonstrated that the development of a theoretical and legal model of legal proceedings, in which the opposition of two paradigms for establishing truth – formal and material – is removed, is possible only through the description of judicial cognition as a specific method of understanding social reality. This necessitates an explication of its epistemological aspects. The place of judicial cognition in the system of legal and procedural knowledge, as well as the relationship between judicial cognition and judicial proof, are considered in philosophical and legal contexts. The reduction of judicial cognition to judicial proof raises controversial issues about the relationship between adversarial and judicial-activist models of legal proceedings. It is argued that both judicial cognition and judicial proof can be considered as a single epistemological process due to being carried out within the framework of a single process of civil proceedings. Based on this assumption, it is possible to identify elements common to them in terms of phases of implementation. However, due to differences in the object, subject matter, and tasks of the subjects, the substantive content of these elements varies. The conclusion is substantiated that, as representing a particular case of legal cognition, judicial cognition is organised and directed by procedural principles and norms, constituting procedural cognition, whose content is comprised of legal norms (the formal, legal aspect) and factual circumstances of legal relations (the substantive, object aspect), while judicial proof serves as the mechanism for moving judicial cognition from probabilistic subjective knowledge to objective and reliable knowledge.

Keywords: legal cognition; procedural cognition; judicial cognition; judicial proof; subject matter of judicial cognition; subject matter of judicial proof; judicial truth

УДК 340.122:17:51-7:512

Владимир Олегович Лобовиков
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: vlobovikov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8760-0452
SPIN-код: 3994-4289

Проблема разделения властей в публичном праве с точки зрения булевой алгебры естественного права
(Конституционное право и дискретная математическая модель философско-правовых доктрин Руссо и Гегеля)

Аннотация. Объект исследования – проблема противоречивости взаимного сдерживания разделенных властей в публичном праве. *Предмет исследования* – собственно алгебраический аспект этой проблемы. *Методы исследования* – дискретное математическое моделирование и гипотетико-дедуктивный метод. *Научная новизна результата исследования:* впервые в науке конституционного права *строго дедуктивно* (аккуратным вычислением композиций соответствующих ценностных функций) обоснована необходимость существования противоречия во власти над народом для надежного обеспечения неделимого суверенитета народа, то есть для его власти (демократии); ранее таким методом юристы ничего подобного в теории конституционного права не делали.

Ключевые слова: принцип разделения властей; Руссо; суверенитет; неделимость суверенитета; суверенитет народа; демократия; власть над народом; Гегель; внутреннее противоречие; алгебра естественного права

Введение в проблему. В теории государственного права XIX в. существовала (и до сих пор существует) кажущаяся интеллектуально респектабельной тенденция считать учение о разделении властей (Локк 1988: 346-356; Монтескье 1999: 138-139; Руссо 1998: 231, 254) научно-теоретически ошибочным и практически вредным. Репрезентативные представители этой тенденции – профессор права Леон Дюги и профессор права Богдан

Кистяковский. В работах (Дюги 1908: 430-458; Кистяковский 1999: 472-488) они утверждали, что разделение властей невозможно, так как их неизбежное *взаимодействие, взаимосвязь, взаимная адаптация, взаимное ограничение, взаимное сдерживание представляют собой противоречие, а внутренне противоречивое невозможно*. Словосочетание «внутренне противоречивое невозможно» невольно ассоциируется с формальной логикой и с Г.В.Ф. Гегелем, учение которого, по мнению некоторых, несовместимо с формально-логическим учением о противоречии. *Кажется*, что в данном конкретном отношении имеет место проблема-*антиномия*. Но в настоящей статье демонстрируется, что это *только кажется*. Похожая на правду иллюзия (кажимость) рассеивается с помощью гипотетико-дедуктивного метода и систематического использования концептуального аппарата дискретной математики. Замеченная Кистяковским внутренняя противоречивость разделенной власти над народом действительно существует, но, согласно представленным ниже результатам исследования, она не опасна для народа, а наоборот, целесообразна для обеспечения его суверенитета. Автор знаменитой «Науки логики» (провозгласивший в ней, что *все явления внутренне противоречивы*), рассуждая о разделении властей, писал:

> «...Следует упомянуть представление о *необходимом разделении властей* в государстве — чрезвычайно важном определении, которое, взятое в своем истинном смысле, с полным правом могло бы рассматриваться как гарантия публичной свободы; но именно те, кто мнят, что говорят о нем с восторженностью и любовью, ничего о нем не знают и знать не хотят, ибо в нем именно и заключается момент *разумной определенности*. Принцип разделения властей и содержит существенный момент различия, реальной разумности; однако в понимании абстрактного рассудка в нем заключается частью ложное определение абсолютной самостоятельности властей по отношению друг к другу, частью одностороннее понимание их отношения друг к другу как негативного, как взаимного *ограничения*. При таком воззрении предполагается враждебность, страх каждой из властей перед тем, что другая осуществляет против

нее как против зла, и вместе с тем определение противодействия ей и установление посредством такого противовеса всеобщего равновесия, но не живого единства. <…>

Самостоятельностью властей, например, *исполнительной* и *законодательной*, как их обычно называют, непосредственно положено, как мы это видели в большом масштабе, разрушение государства — или, поскольку государство по существу сохраняется, возникает борьба, в результате которой одна власть подчиняет себе другую и тем самым создает единство, какой бы характер оно не носило, и, таким образом, спасает существенное, пребывание государства» (Гегель 1990: 309-310).

Из этой цитаты следует, что не только Л. Дюги и Б.А. Кистяковский, но в какой-то мере и Г.В.Ф. Гегель относится к числу авторитетных критиков системы разделения властей как системы *взаимных ограничений* (сдержек и противовесов). Теоретическая *проблема-противоречие* налицо и, по моему мнению, вплоть до настоящего времени ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе формально-логически непротиворечивого решения этой проблемы у теоретиков государства нет. Указанную абстрактно-теоретическую антиномию-проблему юристы осторожно обходят, создавая у собеседников и у самих себя правдоподобную *иллюзию* ее решения формально-логически противоречивым нагромождением сложных предложений *чисто естественного* языка, известного неустранимой *многозначностью* слов и словосочетаний. Не осознают юристы всей планеты также и то, что слово «государство» *многозначно*: оно используется в естественном человеческом языке как минимум *в двух качественно различных ценностно-функциональных значениях* (а как максимум – даже в четырех). Что это за *качественно различные* значения (почему их точно 4, а не 3 и не 5) и можно ли их *строго формально* определить, как того требует собственно юридическая культура? Для всех без исключения профессиональных юристов прошлого, а также и для всех современных профессиональных юристов планеты Земля даже сам этот вопрос непонятен. Но бесконечно долго так продолжаться не может: пора уже *начать решительно действовать* в направлении, указанном О. Шпенглером *более ста лет назад*,

а именно, начать систематическое использование *искусственного* языка дискретной математики, которое *необходимо* для систематического изучения ценностных *функций* (Spengler 1928: 67, 82, 83) и их композиций в уже существующей *алгебраической системе естественного права* (Lobovikov 2011; Lobovikov 2014; Lobovikov 2016; Lobovikov 2020; Lobovikov 2022; Lobovikov 2023). Ссылаясь на Шпенглера, я имею в виду прежде всего следующие его высказывания:

> «Классическое право – это право тел. В том, из чего состоит мир, оно различает телесные Лица и телесные Вещи и, подобно Евклидовой математике публичной жизни, устанавливает разумные отношения между ними. Сходство между мышлением математическим и юридическим очень велико» (Spengler 1928: 67).
>
> * * *
>
> «Следует подчеркнуть – и со всей строгостью, – что Классическое право было системой законов для *тел*, в то время как наше право является системой законов для *функций*. Древние Римляне создали некую юридическую статику; наша задача – создать некую юридическую динамику. Для нас лица являются не телами, а единицами силы и воли; и вещи являются не телами, а целями, средствами и сложными комплексами, состоящими из этих единиц. Классическое юридическое отношение между телами было позиционным, в то время как юридическое отношение между силами именуется действием» (Spengler 1928: 82).
>
> * * *
>
> «Будущее будет призвано привести все наше юридическое мышление в соответствие с нашей высшей физикой и математикой. Вся наша социальная, экономическая и техническая жизнь ждет, чтобы ее наконец поняли именно в этом смысле. Нам потребуется столетие, а то и больше, самых тонких и глубоких размышлений, чтобы достичь этой цели. А необходимой предпосылкой для этого будет совершенно новый вид профессиональной подготовки юристов» (Spengler 1928: 83).

В этих цитатах Шпенглер гениально пророчествует о гипотетической *качественно новой парадигме* юридической деятельности *будущего* (и в сфере научно-теоретического исследования права, и в сфере профессионального образования юристов): речь идет не о том, что уже есть, а о том, чему, по мнению Шпенглера, хорошо было бы быть. Отношение юристов к пророчеству Шпенглера неоднозначно: некоторые его игнорируют, так как не хотят с ним согласиться из принципиальных мировоззренческо-методологических соображений; некоторые на словах могли бы с ним согласиться (а некоторые из них даже искренне хотели бы), но не могут участвовать в реализации проекта Шпенглера по объективным причинам, а именно потому, что полученное ими юридическое образование не дает им возможности плодотворно использовать искусственные языки, абстрактные понятия и методы современной дискретной математики. Однако ситуация не безнадежна: мир стремительно меняется: компьютеризация, информатизация, «цифровизация», «искусственный интеллект» и т.п. непреодолимо влияют на формирование современных стандартов высшего образования вообще и юридического в частности. Поэтому в настоящее время кто может, тот должен по мере возможности принять участие в реализации обсуждаемого проекта.

Методы исследования (*точные определения* основных понятий, *необходимые* для получения и обоснования вышеупомянутых новых научных результатов).

«*Ius est ars boni et aequi*»
(Право – искусство доброго и справедливого).
Цит. по: (Дождев 2016: 61).

Знаменитое латинское изречение «*Ius est ars boni et aequi*» выдающегося древнеримского юриста Цельса (Публия Ювентия Младшего[1]) было существенно использовано другим выдающимся древнеримским юристом Ульпианом при определении

[1] Его отец тоже был древнеримским юристом и тоже имел имя «Публий Ювентий Цельс», поэтому, чтобы отличить сына от отца, обычно используется добавление к его имени слова «младший» (или «сын»). Полное имя автора латинского изречения «*Ius est ars boni et aequi*» – Цельс, Публий Ювентий Тит Ауфидий Гоэний Север иан (*Celsus, Publius Iuventius Titus Aufidius Hoenius Severianus*).

интересующего нас в данной статье понятия «естественное право». Ульпиан писал:

> «Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово "право" (ius). Право получило свое название от "правосудия" (iustitia), ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом. По заслугам нас называют жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого… <…> Частное право делится на три части, ибо оно составляется или из естественных предписаний, или (из предписаний) народов, или (из предписаний) цивильных. Естественное право (ius naturale) – это то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам; сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком, сюда же порождение детей, сюда же воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права. Право народов (ius gentium) – это то, которым пользуются народы человечества; можно легко понять его отличие от естественного права: последнее является общим для всех животных, а первое – лишь для людей (в их отношениях) между собой» (Перетерский 1984: 23).

С точки зрения современных канонов научной этики, цитирование Ульпианом изречения Цельса было вполне корректным: Ульпиан явно сослался на Цельса, заявляя, что естественное «право есть наука о добром и справедливом» (Перетерский 1984: 23; Monroe 1904: 3; Watson 1998: 1). Еще один выдающийся древнеримский юрист – Павел (Paulus) тоже считал естественное право наукой о *добром* и справедливом. Он писал: «Слово "право" употребляется в нескольких смыслах: во-первых, "право" означает то, что всегда является справедливым и добрым – каково естественное право» (Перетерский 1984: 25; Watson 1998: 2-3). Бесспорно, что добро (хорошее) и зло (плохое) суть *оценочные* понятия, поэтому рассмотрение естественного права как формальной *аксиологии* (универсальной теории морально-

правовых *ценностей*) имеет глубокие основания в теории права древней Римской Империи. В свою очередь, в увлекательно написанной философской статье «Математика и добро» (Уайтхед 1990), выдающийся математик XX в. обратил особое внимание на возможность плодотворного применения абстрактных понятий и эффективных методов математики (особенно алгебры) для существенного прояснения смутной идеи естественного права (концепции добра) и превращения ее в настоящую научную теорию с помощью точной формулировки ее строго формально определенных универсальных законов на искусственном языке математики.

Для исследования возможностей плодотворного приложения концептуального аппарата *дискретной математики* (Яблонский 1979) к *естественному праву* вообще, а также для изучения возможных следствий применения *дискретной математической модели естественного права как формально-аксиологической системы* к публично-правовой проблеме разделения властей в особенности, в данной статье используются гипотетико-дедуктивный метод, искусственные языки и дискретное математическое моделирование, а именно конструирование подходящих для этого алгебраических систем. *Дедуктивный метод* используется в настоящей статье для выведения и анализа логических следствий из фундаментальной *гипотезы*, согласно которой, в сущности, *естественное право есть универсальная формальная аксиология*: или (1) *разумной* деятельности (как *человеческой*, так и *Божественной*), или (2) *любой активности* (в том числе и неразумной) *любых возможных форм жизни*, как утверждал Ульпиан (Перетерский 1984: 23; Monroe 1904: 3; Watson 1998: 1). Исключающим выбором между дизъюнктами, входящими в предыдущее сложное предложение, мы в данной статье заниматься не будем, так как они не исключают друг друга и оба представляют научно-теоретический интерес. Та нетривиальная гипотеза, выведению логических следствий из которой посвящена эта статья, представляет собой стройную систему логически взаимосвязанных строго формально определенных абстрактных понятий *естественного публичного (конституционного) права*. Теперь перейдем непосредственно к формулировке точных дефиниций понятий, входящих в эту систему.

Начнем с того, что, *по определению*, представляющему собой основание исследуемой гипотезы, *двузначная алгебраическая система естественного права как формальной аксиологии* есть тройка множеств <П,О,R>, в которой символ П обозначает непустое (даже потенциально бесконечное) множество всех таких и только таких существующих или несуществующих поступков и персон (индивидуальных или коллективных – неважно), которые являются либо хорошими, либо плохими с точки зрения некого субъекта оценивания (оценщика) ∑ (индивидуального или коллективного, естественного или искусственного, – неважно). Очевидно, что ∑ – *переменная*: изменение ее значений может приводить к изменению оценок конкретных элементов множества П. Однако, если значение переменной ∑ вполне определено (жестко зафиксировано), то оценки конкретных элементов множества П оказываются вполне определенными. Элементы множества П – поступки или персоны (лица) называются *формально-аксиологическими объектами* теории естественного права (независимо от их бытия или небытия). Символы «g (хорошо)» и «b (плохо)» обозначают *аксиологические (ценностные) значения* элементов множества П.

В тройке множеств <П,О,R>, символ О обозначает множество всех *n-арных алгебраических операций* (или просто *операций*), определенных на множестве П. Элементы множества О называются *формально-аксиологическими* операциями двузначной *алгебры естественного права* (как формальной аксиологии). В двузначной алгебраической системе <П,О,R>, определенные на множестве П *n-арные алгебраические операции* являются такими и только такими *функциями*, которые ставят в однозначное соответствие каждой упорядоченной *n*-ке элементов множества П некоторый элемент множества П, называемый результатом применения упомянутой *n*-арной алгебраической операции к упомянутой упорядоченной *n*-ке элементов множества П. Иначе говоря, определенная на множестве П *n*-арная *(алгебраическая) операция* есть n-местная функция: $П^n \to П$. Здесь символ → обозначает “отображение (mapping)” одного множества в другое (в собственно математическом значении слова “отображение (mapping)”.

Определим теперь (в упомянутой выше тройке множеств) значение символа R. В этой тройке множеств символ R обозначает

множество всех *n-местных формально-аксиологических отношений*, определенных на множестве П. Например, определенное ниже бинарное отношение «*формально-аксиологическая эквивалентность* (элементов множества П)» принадлежит множеству R. Поскольку все три множества П, O, R не являются пустыми, постольку, согласно общепринятому в современной математике точному определению понятия «алгебраическая система», обсуждаемая в настоящей работе тройка <П,O,R> представляет собой *алгебраическую систему* в *собственно математическом* значении термина (Мальцев 1970; Кон 1968).

Результаты естественно-правовых (т.е. морально-правовых) алгебраических операций, определенных на множестве П, суть элементы множества П. Следовательно, по определению множества П, они или хороши, или плохи (с точки зрения ∑). Между аксиологическими (ценностными) значениями – g (хорошо) или b (плохо) – тех элементов множества П, к которым применена морально-правовая алгебраическая операция, определенная на множестве П, и аксиологическим значением (g или b) результата этой операции существует *ценностно-функциональная* связь. Ценностное значение (g или b) результата определенной на П алгебраической операции есть значение некой *ценностной функции*, допустимыми значениями переменных которой являются аксиологические значения (g или b) тех элементов множества П, к которым применена упомянутая алгебраическая операция.

По определению, *ценностной функцией в широком смысле термина* называется любая такая и только такая функция, у которой областью (изменения) значений (этой) функции является двухэлементное множество {g (хорошо), b (плохо)}. По определению, *ценностной функцией в узком смысле термина* называется такая и только такая функция, у которой областью допустимых значений ее переменных является двухэлементное множество {g (хорошо), b (плохо)}, и областью (изменения) значений этой функции является то же самое двухэлементное множество. Иначе говоря, при рассуждениях о ценностных функциях *в узком смысле термина* имеются в виду следующие отображения (mappings): {g,b} → {g,b} , если разговор идет о функциях, детерминируемых одним ценностным аргументом; {g,b}×{g,b}→ {g,b}, если разговор идет о функциях, детер-

минируемых *двумя* ценностными аргументами (здесь "×" обозначает Декартово произведение множеств); $\{g,b\}^N \to \{g,b\}$, если разговор идет о функциях, детерминируемых *N*-мя ценностными аргументами, (здесь *N* обозначает некое конечное положительное целое число). По определению, *смешанной ценностной функцией* называется любая такая и только такая *ценностная функция*, областью допустимых значений переменных которой является определенное выше множество П. Таким образом, согласно данным выше дефинициям, множества *чисто* ценностных и *смешанных* ценностных функций не тождественны друг другу, но они оба суть подмножества множества ценностных функцией в широком смысле термина.

Теперь рассмотрим конкретные примеры элементарных естественно-правовых алгебраических операций (элементов множества О) и соответствующих им морально-правовых ценностных функций. Начнем с рассмотрения определенных на П морально-правовых алгебраических операций, детерминированных *одним* аргументом.

Глоссарий для помещенной ниже таблицы 1. Символ *Дх* обозначает морально-правовой акт «*сдерживание, удерживание* (чего, кого) *х*». Символ *Dx* – «*разделение, деление, делимость* (чего, кого) *х*». *Ех* – «*единство, неделимость, неразделенность, объединение* (чего, кого) *х*». *Ух* – «*уничтожение, разрушение, коррупция* (чего, кого) *х*». *Sx* – «с*пасение, сохранение* (чего, кого) *х*». *Nx* – «*небытие, отсутствие* (чего, кого) *х*». *Бх* – «*бытие, существование* (чего, кого) *х*». *Lx* – «*свобода* (чего, кого, чья) *х*» или «*свобода для* (чего, кого) *х*». *Fx* – «*свобода от* (чего, кого) *х*» ®*х* – «*произвол*, т.е. *абсолютная свобода* (действий), *по отношению к* (чему, кому) *х*». *Вх* – «*свобода морального выбора* и совершения поступка, могущего быть сконструированным *из пары* (поступков) *х* и *Nx*. Иначе говоря, *Вх* – «*свобода морального выбора* (действий) *по отношению к* (чему, кому) *х*, или *небытие произвола* (*абсолютной свободы* действий) *по отношению к* (чему, кому) *х*, т.е. *свобода от произвола по отношению к* (чему, кому) *х*». *Пх* – «*производство, творение, создание* (чего, кого) *х*». В двузначной алгебре естественного права функциональная зависимость морально-правового аксиологического (ценностного) значения (g – хорошо, или b – плохо) каждого из вышеупомянутых морально-правовых актов от морально-правового ценностного значения

переменной *x* точно определяется следующей ниже таблицей 1.

Знакомясь с представленными в данной главе ценностными таблицами, нужно иметь в виду, что символы *x, y, z*, обозначают в ней некие (любые) элементы множества П, а символы, имеющие форму $\Omega^n x_1, \ldots, x^n$ и $\Psi^n y_1, \ldots, y_n$, обозначают такие результаты применения *n*-арных алгебраических операций (принадлежащих множеству О) к неким (любым) упорядоченным *n*-кам элементов из П, которые (результаты) сами тоже суть элементы множества П. Имеет смысл напомнить, что *аксиологическими (ценностными) значениями* (элементов множества П) называются в двузначной алгебре естественного права элементы множества {g (хорошо), b (плохо)}. Символы $\sqrt{x}$, $\sqrt{y}$, $\sqrt{z}$ обозначают *аксиологические (ценностные) значения* переменных *x*, *y*, *z* обсуждаемых *ценностных функций* (детерминированных каким-то целым положительным числом ценностных переменных), а символы $\sqrt{Дx}$, $\sqrt{Dx}$, $\sqrt{У^2xy}$, $\sqrt{Щ^2xy}$ обозначают *аксиологические значения ценностных функций Дx, Dx, У²xy, Щ²xy*, соответственно. Ценностные функции $\sqrt{x}$, $\sqrt{y}$, $\sqrt{z}$ принимают значения из множества {g (хорошо), b (плохо)}. Аксиологические значения ценностных функций $\sqrt{Дx}$, $\sqrt{Dx}$, $\sqrt{У^2xy}$, $\sqrt{Щ^2xy}$ тоже принадлежат множеству {g (хорошо), b (плохо)}.

Таблица 1. *Унарные* морально-правовые операции

√x	√Дx	√Dx	√Ex	√Yx	√Sx	√Nx	√Бx	√Lx	√Fx	√®x	√ℬx	√Пx
g	b	b	g	b	g	b	g	g	b	b	g	g
b	g	g	b	g	b	g	b	b	g	b	g	b

В связи с тем, что в философии права в качестве красивой *метафоры* популярна максима «Право есть *математика свободы*», имеет смысл обратить особое внимание на то, что, согласно таблице 1, в *формально-аксиологической семантике* естественного языка существует несколько *математически различных ценностно-функциональных значений* слова «свобода». В случае *двузначной* формальной аксиологии их ровно четыре, а именно: $\sqrt{Lx}$, $\sqrt{Fx}$, $\sqrt{®x}$, $\sqrt{ℬx}$. Ранее эти *четыре* математически различные *ценностно-функциональные* значения слова «свобода» были таблично определены и исследованы в англоязычной статье (Lobovikov 2022).

Глоссарий для следующей ниже таблицы 2. Px – «*власть (сила), господство* (чего, кого) *x*». *Ax* – «*анархия* (чего, кого, чья) *x*». *Vx* – «*власть (сила), господство над* (чем, кем) *x*». *Wx* – «*анархия над* (чем, кем) *x*». *Ox* – «*ограничение, определение, т.е. установление пределов для*, (чего, кого) *x*» или «*ограниченность, определенность* (чего, кого) *x*». *Jx* – «*суд* (чего, кого, чей) *x*». *Ux* – «*суд над* (чем, кем) *x*». *Зx* – «*закон* (чего, кого, чей) *x*». *Zx* – «*закон для* (чего, кого) *x, как средство регулирования, упорядочивания, регламентации* (чего, кого) *x*». *Ux* – «*исполнение, осуществление, выполнение, реализация* (чего) *x*». *Гx* – «*государство* (чего, кого, чье) *x*». *Rx* – «*государство над* (чем, кем) *x*». Ценностные значения результатов унарных алгебраических операций (определенных на множестве П), перечисленных выше в данном глоссарии, точно определяются помещенной ниже ценностной таблицей 2.

Таблица 2. *Унарные* операции алгебры естественного права

√*x*	√*Px*	√*Ax*	√*Vx*	√*Wx*	√*Ox*	√*Jx*	√*Ux*	√*Зx*	√*Zx*	√*Ux*	√*Гx*	√*Rx*
g	g	b	b	g	b	g	b	g	b	g	g	b
b	b	g	g	b	g	b	g	b	g	b	b	g

Глоссарий для расположенной ниже ценностной таблицы 3. Нx – «*народ* (чего, кого, чей) *x*». *Яx* – «*суверенитет* (чего, кого, чей) *x*» или «*суверен* (что, кто) *x*». ∇*x* – «*суверенитет над* (чем, кем) *x*». *Ьx* – «*связанность, скованность* (чего, кого) *x*». Символ ↑*x* – «*подчинение, послушность, повиновение, покорность* (чему, кому) *x*». Символ ↓*x* – «*подчинение, послушность, повиновение, покорность* (чего, кого, чья) *x*». *#x* – «*противоположность* (чего, кого, чья) *x*» или «*противоположность для* (чего, кого) *x*». ☼*x* – «*демократия* (чего, кого, чья) *x*». ♀*x* – «*демократия над* (чем, кем) *x*». Аксиологические значения результатов этих унарных алгебраических операций (определенных на множестве П) точно определяются расположенной ниже таблицей 3.

Таблица 3. *Унарные* операции над элементами из П

√*x*	√*Нx*	√*Яx*	√∇*x*	√*Ьx*	√↑*x*	√↓*x*	√*#x*	√☼*x*	√♀*x*
g	g	g	b	b	g	b	b	g	b
b	b	b	g	g	b	g	g	b	g

Теперь рассмотрим конкретные примеры определенных на множестве П элементарных морально-правовых алгебраических операций (элементов множества О) и соответствующих им морально-правовых ценностных функций, детерминированных *двумя* морально-правовыми ценностными аргументами.

Глоссарий для помещенной ниже таблицы 4. Пусть символ $У^2xy$ обозначает бинарную морально-правовую алгебраическую операцию «*уничтожение, разрушение, разложение, коррупция* (чего, кого) *x* (чем, кем) *y*». (Здесь и далее в тексте данной статьи верхний числовой индекс 2 информирует о том, что проиндексированный символ обозначает *бинарную* операцию алгебры естественного права.) Символ S^2xy обозначает бинарную морально-правовую алгебраическую операцию «*спасение, сохранение* (чего, кого) *x* (чем, кем) *y*». K^2xy обозначает бинарную морально-правовую алгебраическую операцию «*единство, объединение* (чего, кого) *x* с (чем, кем) *y*». D^2xy – «*разделение, раздельность* (чего, кого) *x* и (чего, кого) *y*». $Д^2xy$ – «*сдерживание, удерживание, держание, удержание* (чего, кого) *x* (чем, кем) *y*». O^2xy – «*ограничение, определение, т.е. установление пределов* (кем, чем) *y для* (чего, кого) *x*». V^2xy – «*насилие или превосходство в силе* (чего, кого, чье) *y над* (чем, кем) *x*». P^2xy – «*власть* (чего, кого, чья) *y над* (чем, кем) *x*». $Г^2xy$ – «*государство* (чего, кого, чье) *y над* (чем, кем) *x*». Функциональная зависимость ценностных значений результатов вышеупомянутых бинарных операций алгебры естественного права от ценностных значений переменных *x* и *y* точно определяется следующей таблицей 4.

Таблица 4. *Бинарные* операции алгебры естественного права

$\sqrt{x}$	$\sqrt{y}$	$\sqrt{У^2xy}$	$\sqrt{S^2xy}$	$\sqrt{K^2xy}$	$\sqrt{D^2xy}$	$\sqrt{Д^2xy}$	$\sqrt{O^2xy}$	$\sqrt{V^2xy}$	$\sqrt{P^2xy}$	$\sqrt{Г^2xy}$
g	g	b	g	g	b	b	b	b	b	b
g	b	b	g	b	g	b	b	b	b	b
b	g	g	b	b	g	g	g	g	g	g
b	b	b	g	b	g	b	b	b	b	b

Глоссарий для следующей ниже ценностной таблицы 5. J^2xy – «*суд* (чего, кого, чей) *y над* (чем, кем) *x*». Z^2xy – «*закон* (чего, кого, чей) *y для* (чего, кого) *x, как средство регулирования, упорядочива-*

ния, регламентации (чего, кого) *x* (чем, кем) *y*». *П²xy* – «*производство, творение, создание, осуществление, исполнение* (чего, кого) *x* (кем, чем) *y*». *Х²xy* – «*анархия* (чего, кого, чья) *y над* (чем, кем) *x*». *С²xy* – «*существование, бытие, присутствие, наличие* (чего, кого, чье) *y в* (чем, ком) *x*». *Т²xy* – «*тождество, отождествление* (чего, кого) *x с* (чем, кем) *y*». *U²xy* – «*исключающий морально-правовой выбор между* (чем, кем) *x и* (чем, кем) *y*», т.е. (1) реализация хорошего и воздержание от плохого, если *x* и *y* имеют противоположные морально-правовые значения; (2) реализация более хорошего и воздержание от менее хорошего, если оба (как *x* так и *y*) имеют морально-правовое значение «хороший»; (3) реализация менее плохого и воздержание от более плохого, если оба (как *x* так и *y*) имеют морально-правовое значение «плохой»; (4) реализация любого одного и только одного произвольно выбранного либо *x* либо *y*, если количественного различия их одинакового морально-правового значения нет. *N²xy* – «*объединение нереализации* (чего, кого) *x и нереализации* (чего, кого) *y*». *А²xy* – «*не-исключающий морально-правовой выбор между* (чем, кем) *x и* (чем, кем) *y*». Точнее говоря, *А²xy* есть: (1) *реализация К²xy*, т.е. *реализация* (чего, кого) *y вместе с реализацией* (чего, кого) *x*», если оба (*x* и *y*) имеют моральное значение «хороший»; (2) *реализация U²xy*, если *x* и *y* имеют качественно различные моральные значения; (3) *реализация U²xy*, если оба (*x* и *y*) имеют моральное значение «плохой». Аксиологические значения результатов этих бинарных алгебраических операций (определенных на множестве П) точно определяются расположенной ниже таблицей 5.

Таблица 5. *Бинарные* морально-правовые операции

$\sqrt{x}$	$\sqrt{y}$	$\sqrt{J^2xy}$	$\sqrt{Z^2xy}$	$\sqrt{П^2xy}$	$\sqrt{X^2xy}$	$\sqrt{C^2xy}$	$\sqrt{T^2xy}$	$\sqrt{U^2xy}$	$\sqrt{N^2xy}$	A^2xy
g	g	b	b	g	g	g	g	b	b	g
g	b	b	b	g	g	b	b	g	b	g
b	g	g	g	b	b	g	b	g	b	g
b	b	b	b	g	g	g	g	b	g	b

Глоссарий для таблицы 6. Символ *Ь²xy* обозначает «*связанность, связывание* (чего, кого) *x* (чем, кем) *y*». *Ч²xy* – «*противоречие, противостояние* (чего, кого) *y* (чему, кому) *x*». *Щ²xy* –

«*превращение* (чего, кого) *х во* (что, кого) *у*». Y^2xy – «*воздействие, действие у на х*». R^2xy – «*противодействие* (чего, кого) *у* (чему, кому) *х*».

Таблица 6. *Бинарные* операции

$\sqrt{x}$	$\sqrt{y}$	$\sqrt{Ь^2xy}$	$\sqrt{Ч^2xy}$	$\sqrt{Щ^2xy}$	$\sqrt{Y^2xy}$	$\sqrt{R^2xy}$
g	g	b	b	b	b	b
g	b	b	b	b	b	b
b	g	g	g	g	g	g
b	b	b	b	b	b	b

Теперь от представленных выше точных табличных определений ценностных значений, определенных на множестве П алгебраических операций (принадлежащих множеству О), перейдем к строго формальным дефинициям основных понятий *современной* (точно сформулированной на искусственном математическом языке) теории естественного права: «*закон естественного права*», «*формально-аксиологическое противоречие*», «*формально-аксиологическая эквивалентность элементов множества П*».

ДЕФИНИЦИЯ DF-1. По определению, для любых элементов φ и λ множества П, имеющих, соответственно, морально-правовые формы $\varphi(x_1, \ldots, x_n)$ и $\lambda(y_1, \ldots, y_k)$, верно, что λ и φ *формально-аксиологически эквивалентны (равноценны в естественно-правовом отношении)*, если и только если, при любых ценностных значениях морально-правовых форм $x_1, \ldots, x_n$ и $y_1, \ldots, y_k$, верно, что $\sqrt{\varphi}(\sqrt{x_1}, \ldots, \sqrt{x_n}) = \sqrt{\lambda}(\sqrt{y_1}, \ldots, \sqrt{y_k})$.

ДЕФИНИЦИЯ DF-2. По определению, любой элемент φ множества П, имеющий морально-правовую форму $\varphi(x_1, \ldots, x_n)$, есть (необходимо универсальный и неизменный) *закон естественного права* или (что то же самое) *формально-аксиологический закон*, если и только если $\sqrt{\varphi}(\sqrt{x_1}, \ldots, \sqrt{x_n}) = g$, при любых ценностных значениях морально-правовых форм $x_1, \ldots, x_n$. Договоримся обозначать формально-аксиологический закон символом @.

ДЕФИНИЦИЯ DF-3. По определению, любой элемент φ множества П, имеющий морально-правовую форму $\varphi(x_1, \ldots, x_n)$, есть *формально-аксиологическое противоречие* или (что то же самое) *неисполнение (нарушение, преступление) закона естественного*

права, если и только если $\sqrt{}\varphi(\sqrt{}x_1, \ldots, \sqrt{}x_n) = b$, при любых ценностных значениях морально-правовых форм $x_1, \ldots, x_n$. Договоримся обозначать формально-аксиологическое противоречие символом ©.

Новые научные результаты (полученные с помощью строго определенных выше абстрактных понятий и методов).

> «Я позволю себе усомниться в том, чтобы между двумя школами, школою Монтескьё и школою Руссо, действительно существовала та глубокая черта отличия, которая обыкновенно проводится, и чтобы та и другая не послужили к образованию единой политической доктрины…» (Ковалевский 1895: 613).

Если читатель вполне осознал и готов систематически использовать в своих рассуждениях об естественном публичном праве вообще и о проблеме разделения властей в особенности все те строго формально определенные выше понятия двузначной алгебраической системы юс-натурализма, он может самостоятельно перепроверить (аккуратным «вычислением» соответствующих функций) следующие алгебраические «уравнения» и помещенные справа от них (непосредственно после двоеточия) переводы этих «уравнений» на естественный человеческий язык.

1) $K^2O^2PxPyO^2PyPx$=+=©: взаимное *ограничение* (определение) властей *x* и *y* есть противоречие (Гегель 1990: 309).

2) $K^2Д^2PxPyД^2PyPx$=+=©: взаимное *сдерживание* властей *x* и *y* есть противоречие.

3) $K^2R^2PxPyR^2PyPx$=+=©: взаимное *противодействие* властей *x* и *y* (т.е. их *действие «в противовес»*, вопреки друг другу) есть противоречие (Гегель 1990: 309).

4) $K^2Y^2PxPyY^2PyPx$=+=©: взаимодействие властей *x* и *y* есть противоречие.

5) $K^2Ь^2PxPyЬ^2PyPx$=+=©: взаимосвязь властей *x* и *y* есть противоречие.

6) $K^2Щ^2PxPyЩ^2PyPx$=+=©: взаимопревращение властей *x* и *y* есть противоречие.

7) $Ч^2xx$ =+=©: самопротиворечие *x* есть противоречие.

8) O^2xx=+=$Ч^2xx$: самоопределение (самоограничение) *x* есть самопротиворечие.

9) O^2xx=+=©: самоопределение (самоограничение) *x* есть противоречие.

10) P^2xx=+=©: самовластье *x* есть противоречие.

11) C^2x©=+=*Nx*: бытие *противоречия* в *x* эквивалентно небытию (чего, кого) *x*.

12) C^2VHx©=+=*NVHx*: бытие *противоречия* внутри власти над народом *x* эквивалентно небытию власти над народом *x*.

13) *NVHx*=+=*ЕЯНx*=+=*ЯНx*: небытие власти над народом *x* эквивалентно (неделимому) суверенитету народа *x* (Руссо 1998: 209-211, 216-217, 220-224).

14) *Dx*=+=*Vx*: разделение (чего, кого) *x* равноценно власти над *x*. (Как тут не вспомнить знаменитое кредо политиков Древнего Рима «Разделяй и властвуй!».)

15) *Dx*=+=*Nx*: разделение (чего, кого) *x* равноценно небытию x.

16) *DPRHx*=+=*NPRHx*: разделение власти государства над народом *x* равноценно небытию власти государства над народом *x* (Руссо 1998: 54, 209-211, 216-217, 220-224, 246).

17) *DPRHx*=+=*ЯНx*=+=*ЕЯНx*: разделение власти государства над народом *x* равноценно (неделимому) суверенитету народа *x* (Руссо 1998: 209-217).

Рассуждая о разделении властей, Гегель писал о бытии *самоопределения x внутри x* (т.е. внутри себя) следующее: «Лишь *самоопределение* понятия внутри себя, а не какие-либо другие цели и соображения полезности представляет собой источник абсолютного происхождения различенных властей, и лишь благодаря ему государственная организация есть внутри себя разумное и отображение вечного разума» (Гегель 1990: 309-310). Процитированная мысль, на мой взгляд, вполне адекватно уточняется и моделируется следующими уравнениями.

18) C^2VxO^2VxVx=+=*Яx*: бытие (*самоопределения* (власти над *x*)) во (власти над *x*) означает суверенитет *x*. Это уравнение эвристически значимо моделирует сказанное в (Гегель 1990: 309).

19) $C^2RxO^2PRxPRx$=+=*Яx*: бытие *самоопределения* (власти (государства над x)) в государстве над *x* означает суверенитет *x*. Данное уравнение – эвристически значимая *модель* сказанного в (Гегель 1990: 309).

20) $C^2RHxO^2PRHxPRHx{=}{+}{=}Яx{=}{+}{=}ЕЯx$: бытие *самоопределения* (власти (государства над народом *x*)) в государстве над народом *x* эквивалентно (неделимому) суверенитету народа *x*.

Что и планировалось обосновать аккуратным вычислением композиций соответствующих ценностных функций, согласно строгим дефинициям понятий, данным в разделе 2 настоящей статьи.

Дюги и Кистяковский считали логически несовместимыми (взаимно исключающими) учение Монтескье о разделении властей и учение Руссо как о неделимости суверенитета вообще, так и о неделимости суверенитета народа при демократии в частности (Кистяковский 1999: 484). Б. Кистяковский критиковал попытки М. Ковалевского логически непротиворечиво совместить упомянутые учения в некой единой политической доктрине. По мнению Кистяковского, эти попытки, предпринятые в работе «Происхождение современной демократии» (Ковалевский 1895: 612-658), были не просто *фактически* неудачными; они и *не могли* увенчаться успехом (Кистяковский 1999: 484). Однако, согласно представленной выше системе уравнений, это мнение Кистяковского ошибочно, так как указанная система уравнений: (1) логически непротиворечива; (2) является дискретной математической моделью *объединения* обсуждаемой теории Монтескье и обсуждаемой теории Руссо. Более того, приведенная выше система уравнений является еще и дискретной математической моделью весьма нетривиального *формально-аксиологического истолкования* диалектического учения Гегеля об отрицании внутренне противоречивого бытия. Выраженная в *чисто естественном* (очень *многозначном*) языке «*объективная диалектика*» (Гегель 2021), многим рационально мыслящим ученым кажется «*бредом сумасшедшего*», ярким примером иррационализма, но, по моему мнению, ее психологически неожиданная *формально-аксиологическая интерпретация*, будучи адекватно выражена в некоем вполне однозначном *искусственном* языке, *может быть вполне рациональной* и эвристически ценной как для философии, так и для конституционного права.

«Парадоксы» двузначной булевой алгебры логики и двузначной булевой алгебры естественного права. Согласно современной философии науки, *непосредственным*

предметом любой абстрактной теории являются не чувственно воспринимаемые, а абстрактные идеализированные объекты; *законы абстрактной теории суть необходимо универсальные отношения между ее абстрактными идеализированными объектами*. Попытки *непосредственно* сопоставлять собственно теоретические законы с эмпирическим материалом приводят к «парадоксам» (психологически естественно возникающим иллюзиям неадекватности) теории. Это общее положение современной философии науки хорошо иллюстрируется «парадоксами материальной импликации» в двузначной булевой алгебры логики, но и абстрактно-теоретические законы классической алгебры логики, относящиеся к дизъюнкции и конъюнкции, с точки зрения обыденного сознания, тоже кажутся явно парадоксальными[2]. Двузначная алгебра логики и двузначная алгебра естественного права суть качественно различные интерпретации одной и той же алгебраической структуры – двузначной булевой алгебры. Поскольку между этими двумя *качественно различными интерпретациями* (областями приложения) одного и того же *собственно (чисто) математического* аппарата имеет место отношение взаимной *аналогии*, постольку вполне правдоподобно, что и в обсуждаемой булевой алгебре естественного права обыденное сознание нормального человека также не может не заметить некой странности ее абстрактных идеализированных объектов и парадоксальности ее законов – необходимо универсальных отношений между ее абстрактными идеализированными объектами.

Рассмотрим это на конкретном примере определенных выше операций $\uparrow x$ – «подчинение, послушность, повиновение, покорность (чему, кому) x» и $\downarrow x$ – «подчинение, послушность,

---

[2] Например, выражаемая в естественном языке союзом «и» *конъюнкция коммутативна*. Непосредственное приложение этого закона логической теории к реальной жизни дает такой результат: высказывание «Джейн родила и вышла замуж» логически эквивалентно высказыванию «Джейн вышла замуж и родила». Однако, если вынести логическую эквивалентность этих двух высказываний на голосование в широкие народные массы, то с очень высокой вероятностью можно предсказать, что большинством голосов она будет отвергнута как явно противоречащая богатому эмпирическому материалу из личной жизни голосующих – «парадокс»!

повиновение, покорность (чего, кого) *x*». Читателю может показаться, что некоторые значения вводимых автором ценностных функций выглядят довольно странно, особенно если читатель – сугубый гуманитарий. Так, например, из представленной выше таблицы 3 читатель узнает, что подчинение «хорошему *x*» – дело хорошее, и с этим он, наверно, не будет спорить. Но вот почему подчинение кому-либо со стороны самого этого «хорошего *x*» оценивается негативно – читателю может быть непонятно.

Для устранения такого психологически естественно возникающего недоразумения целесообразно еще раз обратить внимание читателя на то, что *непосредственными* объектами приложения теории естественного права являются ее абстрактные идеализированные объекты, которые в ней строго формально определены. Одним из такого рода абстрактных идеализированных объектов является «хороший субъект (добрый человек)». *По принятому определению* хорошего субъекта, имея свободу, он сам по себе сделает хорошее без подчинения кому-бы-то-ни-было. Поэтому, в обсуждаемом случае *подчинение, подданство хорошего есть излишество*; доброго человека не надо подчинять: действуя свободно, он сам по себе сделает хорошее, а если он сам по себе не сделает хорошее без подчинения, то он не есть хороший, а есть плохой (согласно принятой дефиниции), а подчинение плохого хорошо. Излишество есть нарушение меры, а это, согласно Аристотелю, есть нечто плохое (порок, зло). Следовательно, будучи излишним, подчинение хорошего есть плохое, что вполне соответствует обсуждаемому табличному определению. Аналогичные «парадоксы» возникают в обыденном сознании также и в связи с некоторыми другими операциями алгебры естественного права. Мы не будем здесь сейчас рассматривать все эти «парадоксы», так как объем настоящей статьи ограничен, но заметим, что все они успешно разрешаются применением к ним того прецедента (по аналогии), который был сформулирован выше в связи с алгебраическими операциями $\uparrow x$ и $\downarrow x$.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. Москва : Мысль. 524 с.
Гегель Г.В.Ф. 2021. Наука логики. Москва : АСТ. 959 с.

Дождев Д.В. 2016. Ars boni et aequi в определении Цельса: право между искусством и наукой // Труды Института государства и права Российской академии наук. № 4. С. 61–73.

Дюги Л. 1908. Конституционное право. Общая теория государства. Москва : Издание Товарищества И.Д. Сытина. 957 с.

Кистяковский Б.А. 1999. Философия и социология права. Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ. 800 с.

Ковалевский М. 1895. Происхождение современной демократии. Т. 1. Москва : Тип. А.И. Мамонтова. 658 с.

Кон П.М. 1968. Универсальная алгебра. Москва : Мир. 352 с.

Локк Дж. 1988. Сочинения в трех томах. Т. 3. Москва : Мысль. 668 с.

Мальцев А.И. 1970. Алгебраические системы. Москва : Наука. 392 с.

Монтескье Ш.Л. 1999. О духе законов. Москва : Мысль. 672 с.

Перетерский И.С. 1984. Дигесты Юстиниана. Москва : Наука. 458 с.

Руссо Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре. Трактаты. Москва : КАНОН-пресс. 416 с.

Уайтхед А.Н. 1990. Математика и добро // Уайтхед А. Избранные работы по философии. Москва : Прогресс. С. 332–336.

Яблонский С.В. 1979. Введение в дискретную математику. Москва : Наука. 272 с.

Lobovikov V. 2011. Discrete Mathematical Representing G.W. Leibniz' Philosophy of Law, Morals and Theology by Means of Two-valued Algebra of the Natural Law // XI Internationaler Leibniz-Kongres unter der Schirmherreschaft des Bundespräsidenten "Natur und Subject" / H. Breger, J. Herbst und S. Erdner (Eds.). Vorträge 2. Hannover, 26. September bis 1. October 2011. Berlin : Akademie Verlag : Bahlsen GmbH & Co. P. 611–615.

Lobovikov V.O. 2014. Algebra of Morality and Formal Ethics // Benziman Y., Lobovikov V., Lublin R.I., Huang L., Bacon S., Szutta N., Bronk K. Looking Back to See the Future. Reflections on Sins and Virtues / Ed. by K. Bronk. Oxford : Interdisciplinary Press. P. 17–41.

Lobovikov V.O. 2016. Leibniz's Motto "Calculemus!" and Its Significance for Developing the Natural Law Theory as a Consistent System of Universal Values Uniting All Possible Rational Persons // "Für unser Glück oder das Glück anderer" Volträge des X. Internationalen Leibniz-Kongresses, 18. – 23. Juli 2016. Hannover. / Herausgegeben von Wenchao Li in Verbindung mit Ute Beckmann, Sven Erdner, Esther-Maria Errulat, Jünger Herbst, Helena Iwasinski und Simona Noreik. Hildesheim ; Zürich ; New York : Georg Olms Verlag. B. 1. P. 541–550.

Lobovikov V.O. 2020. A Wonderful Analogy between Augustine's Definition of Moral-Value-Functional Sense of Response-Action and Philo's Definition of Truth-Functional Sense of Implication in Logic // CIENCIA ergo-sum, 27(3). P. 1–14. DOI 10.30878/ces.v27n3a4

Lobovikov V.O. 2022. Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions "Freedom"

and Four Ones “Slavery” Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence) // Антиномии. Т. 22, вып. 1. С. 65–90. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_65

Lobovikov V.O. 2023. Analytic philosophy of natural language of jurisprudence, ethics, and theology (Four mathematically different formal-axiological meanings of “law” and four ones of “power”) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 71. P. 59–67. DOI 10.17223/1998863X/71/7

Monroe C.H. 1904. The Digest of Justinian. Vol. 1. Books 1–6. Cambridge : University Press. 399 p. URL: https://archive.org/details/digestofjustinia01monruoft/page/58/mode/2up (дата обращения: 11.03.2025).

Spengler O. 1928. The Decline of the West (in two volumes). Vol. 2. Perspectives of the World History. New York : Alfred A. Knopf. Inc. 408 p.

Watson A. (Ed.) 1998. The Digest of Justinian. Vol. 1. Book 1. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press. P. 1–39.

Vladimir O. Lobovikov
Institute of Philosophy and Law Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: vlobovikov@mail.ru

Problem of the separation of powers in public law from the perspective of Boolean algebra of natural law (Constitutional law and discrete mathematical model of the philosophical and legal doctrines of Rousseau and Hegel)

Abstract. The article sets out to investigate the problem of contradiction inherent in the mutual restraint of divided powers in public law. In order to do so, the work considers the algebraic aspect of the problem. The main methods of research are discrete mathematical modeling and the hypothetico-deductive method. Scientific novelty of the research result: for the first time in the field of constitutional law, the necessity of a contradiction in authority over the people for the reliable provision of the indivisible sovereignty of the people – i.e. its exercise of power (democracy) – is substantiated on a strictly deductive basis (by careful calculation of the compositions of the corresponding value functions).

Keywords: principle of separation of powers; Rousseau; sovereignty; indivisibility sovereignty; sovereignty of the people; democracy; power over the people; Hegel; internal contradiction; algebra of natural law

УДК 342.5+343.2

Валентина Викторовна Руденко
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: emikh_valentina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6641-691X
Researcher ID: N-6495-2016
SPIN-код: 4985-2588

Историографическая модель политико-правовых знаний в российском юридическом образовании

Аннотация. В статье проанализированы перспективы внедрения историографической модели политико-правовых знаний в российском юридическом образовании. Показано значение данной модели для формирования универсальных и общепрофессиональных компетенций выпускников с декомпозицией на знания, умения, навыки. Это не вклад в прошлое, это вклад в формирование навыков будущих юристов по выработке оптимальных правовых решений. По мнению автора, использование данной модели должно осуществляться в том числе в рамках исторических дисциплин, входящих в социогуманитарное ядро, а также посредством введения в федеральные образовательные программы философии права в качестве обязательной дисциплины. При этом учебный курс по философии права необходимо структурировать на основании сочетания хронологического принципа и выделения парадигм взглядов с акцентом на русской философии права. Кроме того, необходимо расширить применение историографии как методологической базы в рамках отраслевых дисциплин на основе заданий, направленных на отражение воздействия теорий, идей, концепций на становление и развитие правовых институтов. В качестве основных проблем внедрения историографической модели знаний в юридическое образование в России автор выделяет кадровый вопрос и проблемы методологии.

Ключевые слова: образование; критическое мышление; историография; юриспруденция; национальная безопасность; гражданская позиция; патриотизм; историографическая модель знаний

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на про-

ведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Осуществляемая в России реформа образования обусловлена многочисленными факторами, среди которых не последнюю роль играет изменение ценностных оснований российского общества и государства, заданных конституционной реформой 2020 г. Совершенно обоснованным в данном направлении становится формирование во всех вузах, в том числе в технических, социогуманитарного ядра, которое включает в себя в том числе историю, основы философии, русский язык, основы российской государственности, что значимо прежде всего с точки зрения формирования у студентов общероссийской гражданской идентичности. Одним из необходимых шагов по реформированию системы высшего юридического образования, способствующих формированию у будущего юриста необходимых для профессиональной деятельности установок и компетенций, на наш взгляд, является внедрение в юридическое образование историографической модели политико-правовых знаний. Она объединяет совокупность исторических исследований о развитии представлений об истории государства и права, их отдельных институтов, позволяющих отследить изменения в исторических знаниях и в оценке исторического опыта по определенной проблематике государства и права, в периоде развития государства и права, методологии исследования государства и права.

Представляется, что данная модель позволяет целенаправленно формировать у будущих юристов конкретные ценностные установки в условиях внешнего идеологического давления, содействовать воспитанию ответственных граждан. Кроме того, ее использование необходимо в целях обеспечения национальной безопасности. Согласимся с А.Н. Савенковым, что в качестве элемента национальной безопасности можно рассматривать любую деятельность (Савенков 2019: 10). Образование в этом плане не является исключением, поскольку подготовка высококвалифицированных специалистов является одним из факторов, предопределяющим развитие страны в долгосрочной перспективе.

Применение историографической модели политико-правовых знаний в высшем юридическом образовании позволит: 1) сформировать у будущих юристов понимание развития представлений о тех или иных правовых институтах, многообразии имеющихся правовых решений; 2) понимать исторические условия применения тех или иных правовых решений, оценивать риски их использования в современных условиях к правовой системе конкретного государства; 3) обогатить арсенал известных методов, способов и средств правового регулирования, в том числе на основе сравнительного правоведения; 4) способствовать формированию юридического мышления.

В системе российского юридического образования получение знаний исторической направленности в разные годы обеспечивали следующие учебные дисциплины: история России, история политико-правовых учений, политология, культурология, история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, теория государства и права, философия права в разнообразных сочетаниях. Необходимо отметить, что включение в учебный план всех обозначенных дисциплин было избыточным ввиду того, что образование приобретало скорее теоретический, нежели практический характер. Использование историографической модели политико-правовых знаний в учебном процессе ценно именно тем, что не только обеспечивает теоретическую базу, но и способствует формированию практических навыков по выработке новых правовых решений, выбору оптимального правового решения на основе анализа условий его применения и оценке рисков использования правового решения в конкретных условиях исходя из критического осмысления ранее высказанных учеными оценок.

В современных образовательных стандартах высшего образования по направлениям подготовки специалитета (40.00.00 – Юриспруденция) и в подготавливаемых на их основе учебных планах явно наметилась тенденция на сокращение количества исторических и теоретических дисциплин и часов на их изучение. По направлениям 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности»[1] и 40.05.02 «Правоохранительная

[1] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 Право-

деятельность»[2] в числе дисциплин, которые должны быть реализованы учебными организациями, указаны: философия, теория государства и права, история государства и права России, история государства и права зарубежных стран. По направлениям 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность»[3] и 40.05.03 «Судебная экспертиза»[4]: философия, история (история России, всеобщая история). В последнем из указанных стандартов также присутствует теория государства и права. Анализ учебных планов ведущих российских вузов, осуществляющих подготовку юристов, показал, что такие дисциплины, как философия права и история политико-правовых учений, отсутствуют и в части, формируемой участниками образовательных отношений. Практически во все учебные планы включены история России и история российской государственности, которые при этом дублируют часть материала из истории государства и права России и российского конституционного права, но не используют историографический подход как базовый для изложения материала. Крайне редко историографический подход используется в базовых отраслевых материальных и процессуальных

вое обеспечение национальной безопасности, утв. приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 31.08.2020, № 1138 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2025).

[2] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - специалитет по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность, утв. приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от приказ Минобрнауки России от 28.08.2020, № 1131 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2025).

[3] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - специалитет по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность, утв. приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 18.08.2020, № 1058 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2025).

[4] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза, утв. приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 31.08.2020, № 1136 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2025).

дисциплинах. Курсы истории России, всеобщей истории, истории государства и права России и истории государства и права зарубежных стран выстроены чаще всего по хронологическому принципу и не позволяют сформировать у юриста представление о многообразии концепций, теорий и идей и их оценок в историческом континууме. Теория государства и права содержит устоявшиеся в российском праве понятия и их определения в общепринятом для российской правовой системы понимании, что оптимально в качестве категориально-методологической базы для изучения отраслевых дисциплин, но данная учебная дисциплина страдает излишней схематизацией и стремлением к универсализму. Так, например, концепция правовых семей имеет крайне условный характер ввиду игнорирования особенностей правовых систем внутри самих правовых семей, гибридности, игнорирования процессов конвергенции, сконцентрированности на западных правовых традициях, и не может быть использована для практической выработки правовых решений.

Вместе с тем применение историографической модели политико-правовых знаний в образовании позволяет сформировать такие обозначенные в федеральных государственных образовательных стандартах компетенции, как системное и критическое мышление, гражданская позиция, анализ основных закономерностей формирования, функционирования и развития права, межкультурное взаимодействие. Формируется и способность на основе анализа основных этапов и закономерностей исторического развития Российского государства, его места и роли в контексте всеобщей истории, формировать устойчивые внутренние мотивы профессионально-служебной деятельности, базирующиеся на гражданской позиции, патриотизме, ответственном отношении к выполнению профессионального долга. Включаемые в современные учебные планы дисциплины не позволяют в полной мере использовать историографический подход к структурированию и изложению исторического знания, позволяющий демонстрировать логику развития институтов государства и права, анализировать изменения подходов к пониманию государства и права в привязке к историческим, политическим, культурным условиям их становления и развития, критически осмысливать концепции,

теории и идеи на основе отслеживания изменения их оценок исследователями. Таким образом, данный подход формирует системное критическое историко-юридическое мышление, позволяющее юристу не только применять имеющиеся нормы, но и разрабатывать новые правовые решения и осмысливать имеющиеся решения и акты, в которых они содержатся, на базе сопоставления альтернативных решений одной и той же проблемы в контексте конкретных политико-правовых условий.

Очевидно, что предметные области таких дисциплин, как история России, история российской государственности, история государства и права России, всеобщая история, история государства и права зарубежных стран, теория государства и права, история политико-правовых учений, политология и философия права, пересекаются. Однако все обозначенные дисциплины имеют свое место в учебном процессе, что обусловлено прежде всего компетенциями, формирование которых предполагается у обучающихся. Наиболее оптимальной для реализации историографической модели политико-правовых знаний представляется реализация дисциплины «философия права» в образовательном процессе, но с изменением подходов к изложению материла в рамках данной дисциплины. Данная дисциплина: 1) формирует представление о многообразии воззрений на государство, право, правовые институты; 2) учитывает преемственность взглядов о государстве, праве, правовых институтах; 3) обеспечивает возможность поиска вариантов решения конкретной проблемы; 4) имеет прикладную ценность для решения нестандартных задач. В условиях поиска Россией своего цивилизационного пути развития представляется целесообразным использовать в качестве основы структурирования и изложения материла учебной дисциплины «Философия права» монографию А.Н. Савенкова «Философия права и становление российского государства-цивилизации» (Савенков 2024). Преимуществами данной работы являются: 1) структурирование материала на сочетании хронологического принципа и выделения парадигм взглядов; 2) акцент на отечественной философии права и на погружении в полемику в контексте становления и развития российского государства-цивилизации; 3) отход от европоцентризма и развенчание мифа о правовой неполноценности России (подробнее об этих явлениях применительно

к историографии см.: Васильев 2024: 35-38); 4) использование историографии в качестве методологической познавательной основы. Курс философии права должен обеспечить многообразие формируемых представлений о праве и государстве у будущих юристов, что в свою очередь закладывает вариативность правовых решений, которые могут быть предложены выпускником. В то же время нельзя забывать о воспитательной и аксиологической функциях философии права (Кожевников 2014; Новикова, Чернов 2023: 231-232). Универсализм не присущ философии права в силу того, что формирование представлений, в том числе ученого, происходит в сознании человека, которое связано с его собственными взглядами, включая религиозные. Их формирование обусловлено множеством факторов: воспитанием, образованием, особенностями политико-правовых условий государства, гражданином которого человек является или на территории которого он проживает, и т.д. Философия права получает ясные черты только в приложении к конкретному народу и в конкретных-исторических условиях (Горбань 2025: 112). Чьи-либо воззрения нельзя рассматривать как единственно верные пути развития и понимания права.

Акцентирование на отечественных юристах и теоретиках права вовсе не означает отрицания или умаления значимых иностранных образцов интеллектуальной мысли. Выделение таких направлений философии права, как немецкое, американское, французское и др., обусловлено непосредственной связью политико-правовой мысли с конкретными историческими условиями их формирования и складывающейся исходя из этого формулы историографии (см. подробнее: Горбань 2023: 94-96). Несмотря на то, что изначально русская философия права основывалась на освоении западноевропейской философско-правовой мысли, она имеет принципиально иную мировоззренческо-методологическую парадигму (Кожевников 2017: 41). Акцент на русской философии права в рамках учебного курса вполне обоснован по причине его нацеленности на формирование у выпускников российских традиционных культурно-нравственных ценностей, понимания задаваемых Конституцией Российской Федерацией цивилизационных ориентиров развития российских государства и общества (Бабурин 2024: 74) и осознания необходимости учета российской специ-

фики в дальнейшей их деятельности. В этом также проявляется идеологическая функция философии права.

Обособление философии права по предмету от истории политико-правовых учений в вузах, осуществляющих подготовку юристов, необходимо в целях формирования у студентов юридического мышления. Соответственно, и материал по философии права должен быть изложен как правовая мысль, а не как симбиоз этических, политических, философских, религиозных представлений и идей.

Философия права является одной из тех учебных дисциплин, посредством которой можно оказывать целенаправленное влияние на сознание обучающихся. Выборка теорий, концепций, перечня ученых и государственных деятелей, чьи взгляды освещаются, исторических событий, а также ученых, которые критически осмысливали эти теории и концепции, может существенным образом отличаться. В зависимости от комбинации элементов, выборка может иметь разное воздействие, в том числе деструктивное. В то же время единство мнений по обозначенным подходам существенно ограничивает академические свободы. Последние не могут быть абсолютны. Так, в контексте исторических исследований академические свободы могут быть ограничены в целях защиты конституционного строя, в связи с угрозой подрыва легитимности власти, а также по этическим соображениям (Васильева 2024: 121-125). Применительно к философии права, в российском юридическом образовании представляется целесообразным введение экспертизы разрабатываемых образовательными учреждениями рабочих программ. В рамках юридического образования должно не только обеспечиваться его качество, но и проходить подготовка специалистов, которые в будущем могли бы способствовать реализации целей стратегического планирования и в целом цивилизационному развитию России.

Представляется, что в ходе проводимой реформы системы образования РФ разрабатываемые стандарты высшего образования по направлению «Юриспруденция» должны быть дополнены универсальной компетенцией – «формирование общероссийской гражданской идентичности», а также общепрофессиональной компетенцией выпускника – «способен разрабатывать и обосновывать варианты правовых

решений, выбирать и реализовывать оптимальный вариант, а также оценивать его последствия». Применительно к философии права декомпозиция данной компетенции может быть осуществлена следующим образом. Знания: знает основные философско-правовые школы, теории и концепции, владеет философско-правовой терминологией, знает онтологические и гносеологические основы права, знает методологию анализа текстов нормативных правовых актов, правовых доктрин и теорий. Умения: выявляет философско-правовую проблематику в конкретной правовой ситуации и в тексте правового акта, анализирует ценностные основания и идеологические предпосылки, заложенные в правовых нормах, судебных решениях и правовых позициях, критически оценивает и обосновывает выбранное правовое решение, используя философско-правовую аргументацию. Навыки: владеет навыками аргументации на ценностно-мировоззренческом уровне, выбирает наиболее оптимальное решение применительно к российской правовой системе, необходимое для ее цивилизационного развития, разрешает коллизии между правовыми ценностями и принципами.

Историографию как методологическую основу целесообразно использовать и в рамках отраслевых юридических дисциплин в обязательной части учебных планов. Она может быть использована не только для демонстрации развития того или иного правового института или явления в историческом континууме, но и для критического осмысления изменения представлений о тех или иных институтах, для отражения воздействия тех или иных воззрений, идей, концепций на становление и развитие институтов. Например, в рамках конституционного права может быть предложено задание по анализу Конституции Российской Федерации на предмет влияния на текст конкретного акта концепций естественного права. В рамках экологического права это подготовка эссе на тему «Возможно ли признание в российской правовой системе животных субъектами прав на основании естественно-правовой концепции?». В уголовном праве – предложение следующего задания: «На примере статей 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 75 и 76 Уголовного кодекса Российской Федерации покажите влияние концепции

неотвратимости наказания на законодательство Российской Федерации». Таким образом фонды оценочных средств отраслевых правовых дисциплин могут быть дополнены заданиями с историографической составляющей.

Сложности внедрения историографической модели политико-правовых знаний в образовательный процесс обусловлены специфичностью применяемых в историографии методов исследования, которые не характерны для российского юридического образования: источниковедческий анализ, кросскультурный анализ, контент-анализ, историко-правовой метод, семиотический метод. По этой причине формы заданий, используемых преподавателями в ходе практических занятий, должны быть многообразны: дебаты на семинарских занятиях, работа с первоисточниками, в том числе на иностранном языке, ретроспективный правовой мониторинг (анализ ранее действовавших правовых актов на предмет выявления в них правовых решений с целью их адаптации для решения определенной социальной проблемы), сравнительно-правовой анализ научных школ.

Дисциплины в части, формируемой участниками образовательных отношений, также целесообразно обогащать историографическим арсеналом. Рабочие программы по нормотворчеству и сходным курсам можно дополнить следующей тематикой: юридическая стратегия и тактика, адаптация иностранных правовых институтов в национальной правовой системе, заимствование правовой терминологии, особенности юридической техники составления правовых актов при конвергенции правовых систем. В рамках правового мониторинга важно обучать студентов навыкам ретроспективного мониторинга, навыкам сопоставления редакций нормативных правовых актов с пониманием контекста изменения текстов актов.

Существенной проблемой введения курса философии права в качестве обязательного на историографической основе является кадровая проблема. Анализ сайта Российской государственной библиотеки показывает, что по специальности 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки» количество защищаемых диссертаций составляет 30-40 в год, что является наименьшим среди специальностей по юридическим наукам. Подготовка специалистов в области историографии осуществляется также на базе

аспирантур по специальности 5.6.5 «Историография, источниковедение, методы исторического исследования», но преподавание философии права на историографической основе крайне специфично. Решение кадрового вопроса невозможно без конкретных мер со стороны государства в рамках образовательной политики. К их числу можно отнести: развитие механизмов грантовой поддержки исследований в сфере философии права и историографии, включение философии права в качестве обязательного предмета в федеральные государственные образовательные стандарты по специальности «Юриспруденция», популяризация русской философии права.

Значение историографической модели политико-правовых знаний в юридическом образовании сложно переоценить. Историография – не вклад в прошлое, это вклад в формирование навыков будущих юристов по выработке оптимальных правовых решений. Это невозможно без знания и критического осмысления накопленных в человеческой правовой мысли теорий, концепций, без идей на основе представлений об изменении оценок теорий исследователями по мере научного развития и изменения политико-правовых условий. В таком аспекте данная модель имеет вполне конкретную практическую значимость, поскольку способствует формированию компетенции по разработке оптимальных правовых решений, особенно правотворческих, в конкретных ситуациях. Внедрение историографической модели необходимо осуществлять не только в рамках преподавания дисциплин в соответствии с социогуманитарным ядром, но и в рамках закрепления в качестве дисциплины обязательной части в федеральных государственных образовательных стандартах философии права на историографической основе, а также в контексте переформатирования занятий в рамках отраслевых правовых дисциплин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабурин С.Н. 2024. Цивилизационные ориентиры Конституции России (размышления над монографией «Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации) // Государство и право. № 11. С. 72–78. DOI 10.31857/S1026945224110065

Васильев А.А. 2024. Идеологические искажения в историографии политических и правовых учений: природа и типология // Государство и право. № 11. С. 33–43. DOI 10.31857/S1026945224110032

Васильева Т.А. 2024. Академические свободы в контексте исторических исследований: европейская практика // Государство и право. № 12. С. 119–131. DOI 10.31857/S1026945224120124

Горбань В.С. 2023. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 4. С. 91–101. DOI 10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101

Горбань В.С. 2025. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. Т. 25, вып. 1. С. 107–127. DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_107

Кожевников В.В. 2017. К вопросу об исторических этапах становления и развития отечественной философии права // Вестник Омского университета. Серия: Право. № 2. С. 40–44. DOI 10.24147/1990-5173.2017.2.40-44

Кожевников В.В. 2014. Функции философии права и ее значение в подготовке будущего юриста // Вестник Омского университета. Серия: Право. № 1(38). С. 6–10.

Новикова С.В., Чернов А.В. 2023. Аксиологическая функция «философии права» как учебной дисциплины // Kant. № 4(49). С. 230–235. DOI 10.24923/2222-243X.2023-49.41

Савенков А.Н. 2019. Ценности Конституции РФ в изменяющемся мире // Государство и право. № 3. С. 5–16. DOI 10.31857/S013207690004422-6

Савенков А.Н. 2024. Философия права и становление российского государства-цивилизации: монография. Москва : Наука. 739 с.

Valentina V. Rudenko
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: emikh.valentina@mail.ru

A Historiographical Framework for Political and Legal Knowledge in Russian Legal Education

Abstract. This article examines the prospects for integrating a historiographical model of political and legal knowledge into Russian legal education. It underscores the model's significance in shaping graduates' universal and professional competencies by systematically decomposing them into knowledge, skills, and abilities. Rather than focusing merely on historical retrospection, this approach contributes to cultivating future lawyers' ability to develop optimal legal solutions. The author argues that the implementation of this model should extend beyond historical disciplines, including those

within the socio-cultural core, by incorporating the philosophy of law as a mandatory subject in federal educational programs. Furthermore, the philosophy of law curriculum should integrate both chronological structuring and paradigmatic analysis, with a particular emphasis on Russian legal philosophy. Additionally, the article advocates for the broader methodological application of historiography in key legal disciplines – such as criminal law, civil law, and administrative law — through specialized assignments that explore how theories, ideas, and concepts have influenced the formation and evolution of legal institutions. The author identifies two major challenges in adopting this historiographical model in Russian legal education: (1) faculty-related constraints and (2) methodological difficulties.

Keywords: education; critical thinking; historiography; jurisprudence; national security; citizen position; patriotism; historiographical model of knowledge

УДК 349.2

Сергей Юрьевич Чуча
Институт государства и права РАН
г. Москва, Россия
E-mail: chuchaigpan@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5771-6323
ResearcherID: AAB-6526-2021
SPIN-код: 6043-1045

Деструктивное влияние идеологического искажения роли публичной составляющей в традиционной российской модели трудового права как частно-публичной отрасли

Аннотация. Целями статьи являются выяснение причин искажения роли публичной составляющей в традиционной российской модели трудового права как частно-публичной отрасли, обоснование их небазисного идеологического характера и деструктивного в перспективе воздействия на организацию производства и труда, а также определение способа купирования проблемы. Для этого на примере гражданского права и истории становления трудового исследованы причины изменения предмета традиционных отраслей и основания возникновения новых в условиях смены технологических укладов. Исследуется теория трудовых правоотношений как частно-публичных. Формулируются предположения о будущей трансформации частного и публичного права в контексте изменения экономической парадигмы общества. Обосновывается усиление роли публичной компоненты в существующих и возникающих социальных отраслях права. В отсутствие базисной экономической потребности в изменении правового регулирования в традиционных отраслях экономики, обосновывается утверждение о неэффективности регулирования отношений, связанных с использованием личного труда, в случае перспективных способов организации производства средствами гражданского права. Широкое использование принципа дифференциации правового регулирования разных договоров в трудовом праве позволит в большей степени защитить права сторон отношений в новых зарождающихся способах организации труда, свойственных будущему технологическому укладу, обеспечив публичный интерес. Однако в сложившейся в отечественной науке идеологической структуре научных специальностей, не основанной на базовых экономических потребностях, ученые в области трудового права будут разнесены по разным советам,

подвергаясь все большему влиянию специалистов по частному либо публичному праву. В результате упрощение номенклатуры научных специальностей, невключение в нее частно-публичных советов приведут к исчезновению частно-публичных отраслей, уровняв их методологию с частноправовой. При этом такое правовое регулирование вступит в противоречие с базовыми экономическими потребностями, обусловленными организацией производства и труда. Способом нормализации ситуации и предотвращения вреда организации экономики в будущем является закрепление в номенклатуре частно-публичных специальностей.

Ключевые слова: частное право; публичное право; гражданское право; история трудового права; социальное право; отрасль права; историография трудовых правоотношений; традиционная модель; идеология

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Глобальный кризис современности (Савенков 2018), отсутствие верифицированной перспективной философско-правовой модели как итога переходного периода (Савенков, Горбань 2023) все чаще заставляют нас обращаться к успешным традиционным отечественным доктринам и практикам, межотраслевой публичной или частной методологии (Маликов 2024: 208-209; Чуча 2024b: 21-34). В ряду национальных отраслей советское трудовое право было доктринальным мировым лидером, а к концу 70-х годов прошлого века – и практической моделью правового регулирования труда для юридических систем многих стран мира. Этот статус был утрачен им в попытках имплементации не всегда успешных современных западных норм в переходный период 90-х годов (Чуча 2024a: 117). Изъятие под любым предлогом из него публичной компоненты не позволит ни защитить права сторон трудового договора, ни обеспечить публичный интерес.

В самом начале своего формирования трудовое право напоминало отрасль публичного права с элементами частного (Устав о промышленном труде[1] – нормативный акт, в целом относящийся к административному (полицейскому праву)), но почти сразу стало рассматриваться как институт права гражданского, поскольку в основе трудовых правоотношений лежал цивилистический договор найма труда, очень быстро названный трудовым (Таль 1913: 9-12).

Труд на промышленных предприятиях в XIX в. регламентировался гражданским правом – на основании договоров подряда, возмездного оказания услуг (сегодня эти договоры регламентируются главами 37 (ст. 702-768), 39 (ст. 779-783.1) ГК РФ), личного найма, а впоследствии – и найма труда. Почему в России на рубеже XIX–XX вв. начали рассуждать о договоре найма труда как об институте гражданского права, а не административного? Фабричное (промышленное) право включало в себя законодательство, ограничивавшее хозяйскую власть работодателя (охрана труда, ограничение продолжительности рабочего времени), законодательство о социальном страховании от несчастных случаев на производстве и законодательство о нормативных (тарифных) соглашениях. Оно было более объемным, нежели нормы ГК, составляющие институт найма, в которых была сведена к минимуму диспозитивность – по современным критериям их с полным правом следовало относить к административному праву. Третьей «инъекцией» в тело договора найма стало законодательство о профсоюзах для отстаивания работниками своих интересов во взаимоотношениях с работодателями при заключении тарифных соглашений (то, что сегодня мы называем социальным партнерством, имеющим «ярко выраженные публичные начала» (Зайцева 2024: 375) – ведь главной чертой публично-правовых норм является их направленность на обеспечение конкретного государственного или общественного интереса (Алексеев 1999: 42)).

Исторический процесс способствовал становлению новой отрасли – уже в 1918 г. был принят первый КЗоТ РСФСР[2], в 1922 г.

---

[1] Свод законов Российской Империи. Т. XI. Ч. II.

[2] Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 87/88. Ст. 905.

за ним последовал новый[3], десятилетиями изменявшийся и дополнявшийся, обраставший массой подзаконных актов. Накопленный нормативный материал позволил Н.Г. Александрову теоретически обосновать формирование самостоятельной частно-публичной отрасли советского права – трудового (Александров 1948).

Действительно, сложное переплетение свободно вступающих в трудовые отношения на основании договора, но вынужденных выполнять обязательства по договору исключительно личным трудом, подчиняясь хозяйской воле работодателя, элементов правоотношений, свойственных и частному, и публичному праву, чтобы сколь-либо эффективно функционировать, должно представлять собой взаимосвязанную интегративную совокупность, имеющую антиэнтропийный характер, то есть систему, удаление части элементов из которой влечет разбалансировку системы в целом с возможным последующим разрушением.

Самостоятельные универсальные теории трудовых правоотношений во второй половине XX в. удалось создать Н.Г. Александрову и В.Н. Скобелкину (Скобелкин 1982; Скобелкин 1999), исследовавшим объект под разными углами зрения. Если первый создал абстрактную модель единого неделимого правоотношения, расценивая все исключения как подтверждающие правильность его теоретической модели, то второй использовал и правила, и исключения из них как равноценный строительный материал в своих теоретических построениях. Один исследовал правовые нормы, а второй – и их реализацию. Получившиеся теории можно условно назвать статической и динамической соответственно.

Н.Г. Александров теоретически обосновывал создание отрасли и в это единое правоотношение «подтягивал» правовые связи из смежных отраслей права, а неделимостью правоотношения прикреплял их к трудовому праву, к предмету отрасли. Сейчас о проблеме отраслевой самостоятельности трудового права дискуссия на сколь-нибудь серьезном теоретическом уровне не ведется. Об этом действительно начали рассуждать на фоне реформы юридических специальностей (Зайцева 2024), но даже будучи

[3] КЗоТ РСФСР // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. Отд. 1. № 70. Ст. 903.

разорванным в номенклатуре между частным и публичным, трудовое право не перестанет существовать как самостоятельная отрасль со своими предметом и методом, пока существует несамостоятельный труд. К ее исчезновению, на наш взгляд, может привести только смена технологического уклада, влекущая за собой такие изменения организации производства и общества, при которых несамостоятельный труд не будет востребован полностью и нормам отрасли нечего станет регулировать.

Тем не менее, наличие в трудовом праве публично-правовой компоненты не рассматривается как достаточный признак его отграничения от других цивилистических отраслей, поскольку и им в той или иной степени свойственны публично-правовые начала как в предмете правового регулирования, так и в его механизме (Бублик 2000: 12; Михайлова 2024).

Более того, отмечается и встречный процесс – восприятие не свойственных в целом гражданскому праву целой группы общественных отношений, связанных с правовым регулированием личных неимущественных прав[4] (Иванов 2021). В ближайшей перспективе гражданскому праву самому придется побороться за сохранение текущего своего предмета и попытаться перетянуть на себя (в состязании с публичными полностью или частично отраслями) еще пока «бесхозные», появляющиеся и могущие появиться уже на наших глазах, вызванные технологическими изменениями новые общественные отношения (Чуча 2022).

В современных условиях следует разработать теорию Александрова–Скобелкина – теорию множественности единых трудовых правоотношений, возникающих на основании открытого перечня видов трудо-правовых договоров и недоговорных оснований (например, обязательный труд в порядке исполнения наказания), предполагающую, что исключение из единого трудо-правового отношения определенного вида отдельных правовых связей может не только разрушить это правоотношение как трудовое, превратив его в гражданско-правовое, но и, как правило, превратить его в другой трудо-правовой договор из длинного и открытого перечня, закрепленного в измененном ТК РФ.

---

[4] *Иванов А*. Новое социальное право – 2, 02.07.2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/02/novoe_socialnoe_pravo_-_2 (дата обращения: 09.01.2024).

Такой подход позволит завершить начатый полтора столетия назад процесс и окончательно изъять из предмета гражданского права все договоры, предусматривающие наем труда, оставив ему на первых порах только договор личного найма между физическими лицами, предполагающий равенство сторон, если это самостоятельный труд не у единственного работодателя.

Следует модифицировать доктрину трудового права и теорию трудовых правоотношений с тем, чтобы предмет трудового права как частно-публичной отрасли распространялся на всякие отношения с применением несамостоятельного труда: платформенные, отношения самозанятых (индивидуальных предпринимателей), оказывающих услуги одному (единственному) нанимателю, и др., существующие и могущие появиться в будущем. Для этого трудовое право, нацеленное сегодня на один определенный тип организации труда (с нюансами и существенной дифференциацией) – труда коллективов работников на индустриальных предприятиях, технологически относимых к третьему и четвертому технологическим укладам – и выработавшее оптимальную систему защиты слабой стороны трудовых отношений, характеризующуюся стабильностью этих отношений, отдельными своими институтами должно распространяться и на другие новые и возможные формы организации труда, которые возникли и еще возникнут (Petrylaite 2006; Prassl, Risak 2017; Prassl 2018; Laptev, Fedin 2020; Chucha 2021) как наиболее соответствующие организации производства с использованием технологий пятого и шестого технологических укладов.

Представляется, что этими институтами, как и в начале века, должны стать охрана труда, социальное страхование и социальное партнерство. Требования первых двух уже сегодня так или иначе фактически охватывают трудящихся независимо от способа организации производства и выходят за рамки классического предмета трудового права. Осталось только распространить на всех нормы института социального партнерства, что вынудит создавать социально-партнерские структуры во всех новых областях применения несамостоятельного труда хотя бы даже для того, чтобы избежать автоматического распространения на них договоренностей классических соци-

альных партнеров, достигнутых на федеральном и отраслевом уровнях.

Итогом распространения института социального партнерства станет постепенное применение к новым отношениям отдельных норм иных институтов трудового права и, со временем, полное регламентирование нормами ТК РФ об отдельном виде трудо-правового договора.

Полное поглощение со временем правового регулирования новых форм организации предметом трудового права – один вариант развития событий. Второй – появление новых отраслей, как и выход в начале века на арену истории трудового права как комплексной отрасли, впитавшей в себя институты права гражданского и административного с единственным отличием: теперь и трудовое право может стать донором. При этом, вероятно, придется исключить и из предмета гражданского права личные неимущественные отношения, передав их в предметы иных отраслей. Трудовое, семейное, жилищное, хозяйственное право и др. свое от права гражданского уже получили. В научной трудоправовой литературе время от времени предлагается адаптировать (без изъятия из предмета) и иные институты и нормы гражданского права или применять отдельные его нормы к трудовым отношениям субсидиарно (Бару 1963; Абрамова 2013). Теперь предстоит формировать предмет «нового социального права», включающего в себя социальное обеспечение, социальную защиту и социально-сетевое право, которое в условиях возможного внедрения безусловного базового дохода (хлеба) станет исполнять роль еще и зрелищ. Какие-то группы личных неимущественных отношений образуют, возможно, и иные отрасли права, также с включением элементов права публичного, которые будут вызваны к жизни меняющимися технологиями организации экономической и социальной жизни. Альтернатива – инъекции в отрасль гражданского права такого объема публичного элемента (по рецепту приготовления лягушки), за которым не видно будет частной сущности отрасли – равенства сторон, свободы договора и т.д., по типу параграфа 6 главы 30 ГК РФ, включая ч. 2 ст. 548 ГК РФ и соответствующее законодательство.

А.А. Иванов допускает неблагоприятные для отрасли гражданского права последствия расширения шестьдесят лет

назад ее предмета за счет включения в него неразрывно связанных с личностью неимущественных отношений[5]. Так может, лучше для отрасли восстановить *status quo* (*ante bellum*), чем утратить оригинальность? Проникновение публичного элемента в отдельные институты рано или поздно изменит и все остальные. А государство никогда не допустит регулирование неразрывно связанных с личностью отношений исключительно частноправовыми методами, особенно в условиях начавшейся трансформации экономической и общественной моделей (положительной или отрицательной – не важно, это оценочное суждение, базирующееся на сформированном у субъекта мировоззрении).

Как будет выглядеть договор перевозки в условиях ограничений QR-кодирования? Брутальное продавливание кодировки в свое время замещалось умным и тихим – через электронные паспорта, применение которых само по себе удобно и которые будут востребованы людьми. Этот документ в гораздо большей степени позволяет государству вмешиваться в частноправовые отношения с участием граждан, существенно влияя на свободу договора (Андреев и др. 2020). Еще большие возможности для этого предоставит широкое использование для установления личности биометрических данных при условии совмещения их с соответствующими базами данных – привитых, судимых, закредитованных, подозрительных, шумных, нелояльных… Использование биометрии и предоставление своих биометрических данных государству довольно популярны[6].

Ну а окончательно крест на приватности может поставить цифровой рубль (Музыка 2024), позволяющий задать время действия, целевое назначение, место применения и иные параметры каждой платежной единице. Это позволит жестко контролировать (предписывать любому и каждому), когда, где и на какие цели тратить электронные деньги (а других уже

---

[5] *Иванов А.* Новое социальное право – 2.

[6] Собянин назвал дату запуска системы оплаты проезда в метро по лицу, 01.09.2021. URL: https://www.rbc.ru/society/01/09/2021/612f708c9a7947ca58c04b51 (дата обращения: 10.01.2022); *Филоненко В.* Двуликая цифровизация, 10.01.2022 // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/politics/dvulikaya-cifrovizaciya.html (дата обращения: 10.01.2022).

и не будет), бороться с пороками (кефир приобрести можно, а сигареты – нет), нормировать потребление (молока можно и нужно (срок действия соответствующего рубля прекратится) приобрести два литра в неделю, а сахара – ноль граммов, ибо сахар – белая смерть), заполнить многочисленные новые сибирские города (если местом расходования всех поступивших петербуржцу цифровых рублей будет Новокожугетовск-на-Колыме) и т.д.

Задача юриста – из элементов (норм) зачастую разной отраслевой принадлежности создать правовую модель (смоделировать комплекс правоотношений), обеспечивающую функционирование бизнес-модели, модели управления социальными процессами и др. Юрист на основе субъектного состава и характера их деятельности создает модель правовой регламентации комплекса правоотношений, словно складывает домик из кубиков. И чем больше кубиков – тем красивее может стать этот дом, тем удобнее будет в нем жить, тем он будет крепче и долговечнее. Очевидно, многообразие могут обеспечить только диспозитивные предписания. Императивные нормы (делай так или садись в тюрьму) позволят смоделировать только самый примитивный барак.

Обычными гражданско-правовыми мерами уже сегодня не может быть обеспечено соблюдение прав сторон в договорах присоединения. Предложение вместо неэффективной предусмотренной ст. 428 ГК РФ защиты от несправедливых условий таких договоров использования других механизмов, таких как блокировка навязанных сильной стороной условий на основании ст. 10 ГК РФ (Церковников 2021), вызывает вопросы. Применение ст. 10 ГК РФ иначе, как исключительной, чрезвычайной меры, на наш взгляд, свидетельствует о неготовности стандартных гражданско-правовых способов защиты стороны сделки. Быть может, правильнее (эффективнее с точки зрения защиты прав сторон) было бы регулировать соответствующие отношения не гражданским правом, а, например, антимонопольным, совмещающим частные и публичные черты, с перемещением их в предмет соответствующей отрасли. Что, собственно, произошло в свое время и с трудовыми отношениями, основанными на классическом трудовом договоре, предполагающем неравенство сторон (хозяйская власть работодателя), с одной

стороны, и исключительно личное исполнение обязательств по договору работником (в какой-то степени, и работодателем – в этом, как нам представляется, одна из причин запрета заемного труда в России).

Статья А.А. Иванова подводит к выводу, что идея правового регулирования «нового социального права» может быть реализована установлением перечня запретов (что, собственно, и предлагает сам автор[7]), перечня дозволений или оставлением всего как есть и регулированием его договорными диспозитивными методами. Однако тогда без широкого применения ст. 10 ГК РФ обойтись не удастся, что заразно и может стать обычным и для иных институтов гражданского права. Зачем гражданскому праву строить регулирование целого блока отношений на оценке нравственных категорий? В каждом случае это будет делать суд. В чем же состоит деструктивное влияние именно идеологического (не основанного на базисных экономических процессах и потребностях) искажения роли публичной составляющей в традиционной российской модели трудового права как частно-публичной отрасли? В отсутствии базисной экономической потребности в изменении правового регулирования в традиционных отраслях экономики, и в сомнительном результате регулирования отношений, связанных с использованием личного труда (и даже шире – всяких неразрывно связанных с личностью неимущественных отношений) в перспективных способах организации средствами гражданского права. Мы можем ошибаться, но широчайшее использование принципа дифференциации правового регулирования разных договоров в трудовом праве в гораздо большей степени позволит защитить права сторон отношений в новых зарождающихся способах организации труда, свойственных будущему технологическому укладу. Но наша точка зрения не будет никого интересовать в сложившейся в отечественной науке структуре научных специальностей – трудовики будут разнесены по разным советам, подвергаясь все большему влиянию специалистов либо по частному, публичному, либо международному праву. Спустя недолгое время они будут столь же далеки друг от друга в сущностном понимании предмета исследования, как сегодня

[7] *Иванов А.* Новое социальное право – 5.

далеки специалисты в области трудового права и права социального обеспечения: будучи изначально неразрывным целым (социальное страхование стало одним из причин выделения трудового договора), образуя экономическую основу и надстройку единой системы (труд лежит в основе социального обеспечения), они уже сегодня не всегда понимают друг друга.

В результате упрощение номенклатуры научных специальностей, исключение из нее частно-публичных советов приведет к исчезновению со временем частно-публичных отраслей не по названию, но по сути, уровняв их методологию с частно- или публично-правовой. При этом такое правовое регулирование вступит в противоречие с базовыми экономическими потребностями, обусловленными организацией производства и труда.

Правильным и довольно простым способом нормализации ситуации и предотвращения вреда организации экономики в будущем является закрепление в номенклатуре частно-публичных специальностей и советов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова А.И. 2013. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования // Журнал российского права. № 10. С. 46–55.

Александров Н.Г. 1948. Трудовое правоотношение. Москва : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР. 336 с.

Алексеев С.С. 1999. Право: азбука – теория – философия : Опыт комплексного исследования. Москва : Статут. 712 с.

Андреев В.К. и др. 2020. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров / Андреев В.К., Лаптев В.А., Чуча С.Ю. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 11, № 1. С. 19–34. DOI 10.21638/spbu14.2020.102

Бару М.И. 1963. О субсидиарном применении норм гражданского права к трудовым правоотношениям // Советская юстиция. № 14. С. 17–18.

Бублик В.А. 2000. Правовое регулирование предпринимательства: частные и публичные начала // Хозяйство и право. № 9. С. 12–22.

Зайцева Л.В. 2024. Развитие публично-правовых начал в современном российском трудовом праве // Демидовский юридический журнал. Т. 14, № 4. С. 372–377. DOI 10.18255/2949-3439-2024-4-372-377

Иванов А.А. 2021. Расширение предмета гражданского права: социальный аспект // Закон. № 9. С. 94–103. DOI 10.37239/0869-4400-2021-16-9-94-103

Маликов С.В., Чуча С.Ю. 2024. Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации (обзор международной научно-практической конференции) // Государство и право. № 2. С. 207–213. DOI 10.31857/S1026945224020227

Михайлова Е.В. (ред.) 2024. Институты защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции: монография / Е.В. Михайлова, И.И. Бутрим, К.А. Корсик и др.; под ред. Е.В. Михайловой. Москва : Ин-т государства и права РАН. 639 с.

Музыка М.В., Чуча С.Ю. 2024. Цифровой рубль в ряду форм оплаты труда: проблемы и перспективы использования // Трудовое право в России и за рубежом. № 3. С. 29–31. DOI 10.18572/2221-3295-2024-3-29-31

Савенков А.Н. 2019. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. № 4. С. 5–19. DOI 10.31857/S013207690004632-7

Савенков А.Н., Горбань В.С. 2023. В.С. Нерсесянц как философ права переходного периода: от советского к постсоветскому // Государство и право. № 9. С. 7–18. DOI 10.31857/S102694520027731-5

Скобелкин В.Н. 1982. Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих : Нормы и правоотношения. Москва : Юрид. лит. 167 с.

Скобелкин В.Н. 1999. Трудовые правоотношения. Москва : Вердикт – 1 М. 372 с.

Таль Л.С. 1913. Трудовой договор : Цивилист. исслед. Ч. 1. Общие учения. Ярославль : Тип. Губ. правл. 362 с.

Церковников М.А. 2021. О специальной защите слабой стороны в договоре присоединения // Закон. № 9. С. 42-47. DOI 10.37239/0869-4400-2021-16-9-42-47

Чуча С.Ю. 2022. К вопросу о «новом социальном праве» и предмете гражданского права // Закон. № 4. С. 113-122. DOI 10.37239/0869-4400-2022-19-4-113-122

Чуча С.Ю. 2024a. Историографические контексты концептуализации и применения гибридных и постглобального правовых режимов: социально-трудовой аспект // Государство и право. № 11. С. 114–124. DOI 10.31857/S102694522411001O9

Чуча С.Ю. (ред.) 2024b. Междисциплинарная защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации : моногр. / Савенков А.Н., Камболов М.А., Дроздов И.А. и др.; отв. ред. С.Ю. Чуча. Москва : Ин-т государства и права РАН. 430 с.

Chucha S. 2021. Remote Work as a Method of Labor Protection in Periods of Public Hazard // Revistă ştiinţifică internaţională "Supremaţia Dreptului" № 2. С. 141–150. DOI 10.52388/2345-1971.2021.e2.12

Laptev V., Fedin V. 2020. Legal Awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. Vol. 8, iss. 1. P. 138–157. DOI 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157

Petrylaite D. 2006. The flexibility by Atypical Labour Agreements. International project IP flexem. Vilnius. 215 p.

Prassl J. 2018. Humans as a Service: The Promise and Perils of Work in the Gig Economy. First Edition. Oxford University Press. 199 p. DOI 10.1093/oso/9780198797012.001.0001

Prassl J., Risak M. 2016. Uber, TaskRabbit, & co: Platforms as Employers? Rethinking the Legal Analysis of Crowdwork // Comparative Labor Law & Policy Journal. Vol. 37, № 3. P. 619–651.

Sergey Yu. Chucha
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Destructive Ideological Distortion of the Public Component in Traditional Russian Labour Law as a Private-Public Branch

Abstract. The aims of the article are to clarify the reasons for the distortion of the role of the public component in the traditional Russian model of labour law as a private-public branch, to substantiate their non-basic ideological character and their destructive prospective impact on the organisation of production and labour, as well as to determine a method for addressing the problem. For this purpose, reasons for the change in the subject of traditional industries and the grounds for the emergence of new industries in the context of changing technological paradigms were analysed on the example of civil law and the history of the development of labour law. The theory of labour relations as a private-public sector is explored. Assumptions are formulated about the future transformation of private and public law in the context of changing the economic paradigm underlying Russian society. The strengthening of the role of the public component in existing and emerging social branch of law is substantiated. In the absence of a basic economic need for changes in legal regulation in traditional sectors of the economy, the assertion of the inefficiency of regulating relations related to the use of personal labour is substantiated. The widespread use of the principle of differentiation in legal regulation of different contracts in labour law will allow for greater protection of the rights of parties in relations within new emerging methods of labour organisation characteristic of future technological systems, thus ensuring the public interest. However, in the ideological structure of scientific specialities that has developed in Russian scholarship, which is not based on basic economic needs, specialists in the field of labour law will tend to be scattered among different councils and thus subject to increasing influence from specialists in private or public law. As a result, the simplification of the nomenclature of scientific specialities

and the non-inclusion of private-public councils in it will lead to the disappearance of private-public branches to level their methodology with private law. At the same time, such legal regulation will come into conflict with the basic economic needs determined by the organisation of production and labour. In order to normalise the situation and prevent harm to the future organisation of the economy, a consolidation of the nomenclature of private-public specialities is recommended.

Keywords: private law; public law; civil law; history of labour law; social law; branch of law; historiography of labour relations; traditional model; ideology

Междисциплинарная интеграция публичного права: проблемы и решения

УДК 327.8

Ольга Фредовна Русакова
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: rusakova_mail@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6920-2549
SPIN-код: 3392-5157

Политики впечатлений: опыт структурного дискурс-анализа

Аннотация. Политика впечатлений – относительно новое понятие в современной политической науке, хотя его идейные истоки можно обнаружить еще в работах Платона и Макиавелли. Нами разработано определение дискурса политики впечатлений, под которым понимается система способов конструирования, интерпретации и продвижения образов (картин) политической действительности, которая направлена на формирование в массовом сознании эмоционально-чувственных представлений о явлениях политической жизни, заданных определенными коммуникативными установками. Раскрывается тесная взаимосвязь политики впечатлений с политикой постправды и постжурналистикой. Проводится структурный анализ дискурса политики впечатлений на примерах таких политических перформансов, как церемония открытия Олимпиады-2024 в Париже и выступление президента Д. Трампа в Конгрессе США 5 марта 2025 года. В основу исследования положена авторская модель структурного дискурс-анализа публичных коммуникаций, согласно которой дискурс политики впечатлений может быть представлен посредством выделения следующих его планов: 1) интенциональный, или сценарный

план (коммуникационный проект); 2) актуальный, или перформативный план (способы реализации коммуникативного проекта); 3) ценностный план (система транслируемых и внушаемых ценностей); 4) контекстуальный план (извлечение новых смыслов перформанса посредством его погружения в разного рода контексты); 5) психологический план (анализ манипулятивных приемов для усиления эмоционального заражения публики); 6) «осадочный» план (отклики разнообразных источников на представляемое шоу-событие). Отмечается, что все структурные планы дискурса политики впечатлений представляют собой целостную, синергетически взаимосвязанную систему компонентов. Сравнительный анализ дискурсов церемонии открытия Олимпийских Игр 2024 года в Париже и публичного выступления Д. Трампа в Конгрессе США в марте 2025 года, согласно автору, показывает, что в современной мировой политической практике назревают ценностные трансформации, связанные с пересмотром базовых идеологических ориентиров стран Запада в области политики культуры, образования, спорта.

Ключевые слова: политика впечатлений; структурный дискурс-анализ; церемония открытия Олимпиады-2024; обращение президента США к Конгрессу; сценарный замысел; ценностная ориентация; квир-культура; гендерное разнообразие; идеология воукизма

Идейные истоки понятия «политика впечатлений». Впервые о политике впечатлений как о самостоятельной научной категории российские политологи заговорили в 2024 г., связав ее с особенностями современной информационно-коммуникативной революции, когда производство и распределение впечатлений превратилось в более популярное и прибыльное дело, чем производство и распределение материальных благ[1].

Вместе с тем, на наш взгляд, идейные корни понятия «политика впечатлений» можно обнаружить еще в работах Платона и Макиавелли. Так, согласно Платону, чувственное, а именно визуальное восприятие мира посредством создания его зрительных образов является весьма достойным занятием, имеющим не меньшее значение, чем сугубо умственная позна-

[1] *Лукьянов Ф.* Политика впечатлений, 14.08.2024. URL: https://globalaffairs.ru/articles/politika-vpechatlenij/?ysclid=mb6alc0p8y400888210 (дата обращения: 19.03.2025).

вательная деятельность. «В процессе познания, – считает один из исследователей философского наследия древнегреческого мыслителя, – зримый мир Платон наделяет значением, выходящим за рамки простого ощущения, непосредственно связывая его с миром умозрительным. Статус визуальной составляющей платоновского учения указывает на необходимость его целостного понимания, без абстрактного деления на мир вещей и мир идей…» (Трушина 2018: 29).

В известном политическом трактате эпохи Возрождения «Государь» его автор, Н. Макиавелли, рассуждает о том, какие именно чувства или впечатления важнее всего возбуждать правителю в сознании собственных подданных, чтобы успешно ими управлять: любовь или страх? Давая собственный ответ на данный вопрос, Макиавелли отмечает: «Я нахожу, что желательно было бы, чтобы государи достигали одновременно и того и другого, но так как осуществить это трудно и государям обыкновенно приходится выбирать, то… замечу, что полезнее держать подданных в страхе» (Макиавелли 1990: 70). В этих словах о выборе приоритетных впечатлений, которые правителю следует возбуждать в сознании народа, отчетливо виден прагматический стиль политической мысли Макиавелли.

Проблема изучения механизмов и инструментов формирования определенных впечатлений о деятельности конкретных людей или государственных институтов власти постоянно оказывалась в центре внимания мыслителей всех последующих эпох. Так, к примеру, в известной работе М. Монтеня «Опыты», в разделе «О том, что наше восприятие блага и зла в значительной мере зависит от представления, которое мы имеем о них», автором указывается на ценностное (стоимостное) измерение нравственных чувств и доблестей, наличие которых порождает в обществе эффект одобрения. В качестве такого измерительного инструмента Монтень называет трудности, которые приходится преодолевать человеку на пути к обретению добродетельности и благочестия: «Мы не принимаем в расчет ни их качества, ни степени их полезности; для нас важно лишь то, чего нам стоило добыть их, словно это есть самое основное в их сущности: и ценностью их мы называем не то, что они в состоянии нам доставить, но то, какой ценой мы себе их достали… Если вещь добыта нами с трудом, она стоит в наших глазах столько,

сколько стоит затраченный нами труд. Мнение, составленное нами о вещи, никогда не допустит, чтобы она имела несоразмерную цену. Алмазу придает достоинство спрос, добродетели – трудность блюсти ее, благочестию – претерпеваемые лишения…» (Монтень 1979: 60).

Одной из характерных черт философско-политической мысли эпохи модерна (от Р. Декарта и мыслителей Французского Просвещения до классической немецкой философии) является *противопоставление рационального (абстрактно-логического) способа постижения реальности, рассматриваемого в качестве высшей формы эпистемологического мышления, его эмоционально-чувственным формам, к которым относятся впечатления и которые, согласно представителям данной эпохи, выполняют второстепенную роль в процессе мироосмысления*. В это время широкое распространение получает классический тип мышления, главными отличительными чертами которого являются: *монизм, логоцентризм или иерархизм, телеологизм* (представление о существовании некоего исходного сценария развития мира), *рациоцентризм и сциентизм* (Русакова 2012: 92-103).

На рубеже XIX–XX вв. на смену эпохи модерна приходит эпоха постмодерна, которая опровергает большинство принципов классического типа мышления, стирает грани между эмоционально-чувственными и рационалистическими способами постижения мира. На смену принципам монизма и логоцентризма приходят принципы плюрализма и ризомы. Рациоцентризм и сциентизм подвергаются критике и вытесняются образно-чувственными форматами, позволяющими осмысливать уже под новым углом зрения траектории развития объективного мира и ценности человеческого бытия.

Исходной точкой наступления эпохи постмодерна считается критическая философия Ф. Ницше, для учения которого главным понятием была «воля к жизни» (Хабермас 2003: 57-67). Представители постмодернизма ввели в арсенал гуманитарных наук новые категории и методы исследований, к примеру, такие как структурный психоанализ, «бессознательное», «имаго», «травма» («Парижская школа фрейдизма», Ж. Лакан и др.), «порядок дискурса», «психика власти» (М. Фуко, Дж. Батлер и др.), «деконструкция» (Ж. Деррида и др.), «шизоанализ» (Ж. Делез,

Ф. Гваттари), «интертекстуальность» (Ю. Кристева и др.), «симулякр», «символический обмен», «соблазн» (Ж. Бодрийяр и др.), «нарратология», «большие наррации» (Ж-Ф. Лиотар, Ф. Анкерсмит и др.), что привело в итоге к дискурсивно-семиотическому повороту в гуманитарных науках, а также к пристальному вниманию исследователей к плюральным, синтетическим формам постижения действительности. Идеалом философского стиля мышления в постмодерне становится полицентризм, который не признает приоритета рациональных форм постижения мира над эмоционально-образными его формами, считая их равноценными и равнозначными. Отметим, что и поднимаемый нами вопрос о структуре дискурса политики впечатлений тоже непосредственно связан с вышеотмеченными особенностями постмодернистского типа мышления.

Наряду с постмодернистской парадигмой в качестве важного методологического источника понятия «политика впечатлений» следует назвать еще одну парадигму, а именно – *перформативную*, – внедрение которой в современное гуманитарное знание способно внести существенный вклад в структурный анализ политики впечатлений.

Перформативный подход связан с широким применением к изучаемым объектам познания системы таких понятий, как *игра, спектакль, карнавал, постановка, сценарий, драматургия* и т.п. Для сторонников данного подхода жизнь всего общества, включая капиталистическую фазу развития, – это большой разыгрываемый спектакль или карнавальное представление. Согласно перформативному подходу, в процессе разворачивания перформанса осуществляется взаимодействие его основных участников или акторов, *производящих определенные впечатления на публику, следствием чего выступают те или иные трансформации в ее сознании и поведении*.

Анализу основных свойств и черт перформанса посвящены многие работы, главным образом, зарубежных авторов (Хейзинга 1992; Oswick et al. 2001; Schechner, Brady 2002; Schulze 2005; Jenkins 2007 и др.). Понятие «впечатление» обрело свой глобальный общественный контекст и смысл именно в рамках перформативных исследований. Для сторонников перформативного подхода вся жизнь общества в целом, включая его капиталистическую стадию, – это большой разыгрываемый

спектакль или карнавальное представление (Goffman 1959; Дебор 2000; Boje 2001; Schulze 2005; Пайн, Гилмор 2005 и др.), основная цель которого состоит в производстве впечатлений и в управлении ими. «Впечатляй и властвуй!» – таков девиз данного общества.

Согласно Гоффману, производство впечатлений может быть определено как деятельность по оказанию влияния одних участников разворачиваемого драматургического акта на других его участников (Goffman 1959: 15-16). Автор также отмечает: «Драматургическая перспектива предлагает описание приемов управления впечатлениями, выработанных в данном социальном образовании, основных проблем управления впечатлениями в нем, критериев идентификации отдельных исполнительских команд, действующих в пределах такого образования и взаимоотношений между ними» (цит по: Вахштайн 2003: 105).

О преобразующей силе впечатлений, способных оказывать сильное эмоциональное воздействие на публику, говорится в работе Э. Фишер-Лихте «Эстетика перформативности» (Фишер-Лихте 2015: 13). Наблюдая за современными театральными практиками, Фишер-Лихте приходит к выводу о том, что перформанс как система управления впечатлениями обладает «могущественной трансформирующей силой», а потому выступает важным конституирующим фактором культуры (Фишер-Лихте 2015: 13).

Перформативный подход позволяет представить политику впечатлений в виде заранее срежиссированного и отрепетированного политического спектакля, где общественный деятель выступает перед публикой в различных амплуа, дабы произвести на нее положительное впечатление, вызывая при этом чувство доверия. Наличие игрового момента в политике впечатлений выступает одним из ее атрибутивных компонентов. Так, к примеру, в работе «Перформативные исследования: Введение» (“Performance Studies: an Introduction”), опубликованной в 2002 г. под редакцией известного американского теоретика перформанса Ричарда Шехнера (Rishard Schechner) и медиа-редактора Сары Бреди (Sara Brady), его авторы отмечают: «Общественные деятели часто притворяются, что хотят, чтобы зрители восприняли их выступления “по-настоящему”.

Когда американский президент выступает на совместной сессии Конгресса или делает важное заявление национальной важности, его появление тщательно инсценируется, чтобы он мог публично продемонстрировать свои полномочия. Выступая перед Конгрессом, президент стоит позади вице-президента и спикера Палаты представителей, а большой американский флаг создает соответствующий патриотический фон… В других случаях национальный лидер может пожелать предстать в роли друга или доброго соседа, неформально беседующего с "согражданами"» (Schechner, Brady 2002: 43). В этом фрагменте подчеркивается искусственный характер производства политического перформанса и тех впечатлений, возникающих у публики, которые планируется произвести посредством заданного стратегического плана.

Дискурс политики впечатлений как предмет специального изучения в российской политической науке. В российской политической мысли дискурс политики впечатлений стал специальным предметом теоретического рассмотрения относительно недавно, первоначально существуя в слабо артикулированном формате в рамках таких предметных областей, как политический PR-дискурса и дискурс шоу-политики (Русакова 2009; Русакова, Русаков 2011). Следует также подчеркнуть, что базовые черты дискурса политики впечатлений в значительной степени совпадают с атрибутивными свойствами дискурса шоу-политики, к которым мы относим: зрелищность и иллюзионистичность; интерактивность; презентационность; развлекательность; манипулятивность; театрализованность; карнавальность; гедонистичность; звездность (Русакова, Русаков 2011: 172).

Однако впервые вопрос об изучении политики впечатлений в качестве самостоятельной категории политической науки был поставлен в России на повестку дня только в 2024 г., и сделано это было главным редактором журнала «Россия в глобальной политике», директором по научной работе Международного дискуссионного клуба «Валдай», автором редакционной колонки «Российской газеты» Федором Лукьяновым. С его точки зрения, в современную эпоху именно процесс производства впечатлений превращается в самый прибыльный род деятельности. При этом «картина событий не просто отрывается от самих

событий, но становится важнее их». Создание такой картины самоценно само по себе, поскольку «она должна постоянно затрагивать эмоции публики»[2]. Согласно Лукьянову, «политика впечатлений» охватывает разные сферы – от противостояния на поле боя до избирательных кампаний и дипломатического взаимодействия… когда главное – поддержание саспенса»[3]. В другой резонансной статье, написанной также в 2024 г., политика впечатлений трактуется как деятельность, направленная на создание и поддержку в сознании публики эмоционального образа постреальности как искусственного виртуального образования, достигаемого посредством применения манипулятивных технологий постправды (Дмитриев, Евстафьев 2024).

Обращение российских авторов в процессе изучения понятия политики впечатлений к такой категории, как *постправда* далеко не случайно. Дело в том, что обе категории связывает их внутреннее смысловое родство, для выявления которого обратимся к существующим трактовкам понятия постправды, получившим довольно глубокую теоретическую разработку как в зарубежных, так и в отечественных научных исследованиях (Linch 2017; McIntyre 2018; Фуллер 2021; Чугров 2017; Лукьянова 2017; Баранов 2018; Рустамова, Барабаш 2018; Кошкарова, Руженцева 2019; Русакова, Русаков 2019; Грачев, Евстифеев 2020; Чумиков 2024 и др.)[4]. Их анализ показал, что одни авторы трактуют постправду как *разрушение правды* (Грачев, Евстифеев 2020), другие – как *продукт постмодернистской идеологии и особый способ борьбы за власть* (McInder 2018; Фуллер 2021), а некоторые – как *правду желаемого* (Дмитриев, Евстафьев 2024). Однако, несмотря на некоторые разночтения в интерпретации постправды, большинство авторов указывает на такую особенность её дискурса, как доминирование эмоционально-чувственного начала над рационально-логическими его компонентами. Иначе

---

[2] *Лукьянов Ф.* Мир без смыслов. URL: https://rg.ru/articles/smysly/?ysclid=madm8h2hv9102883611 (дата обращения: 19.03.2025).

[3] Там же.

[4] См. также: *Красовская Н.* Почему фейковые новости опасны: Жизнь в эпоху постправды, 12.02.2020. URL: https://www.pravda.ru/science/1473851-feik_seti/ (дата обращения: 11.09.2024).

говоря, дискурс постправды построен на принципе: *впечатление важнее логики* (Русакова, Русаков 2019: 13). В итоге в конкуренции политических дискурсов, ответственных за конструирование той или иной картины мира, побеждает вовсе не тот дискурс, который ближе других подошел к правдивой ее интерпретации, а тот, у кого оказалось больше медиаресурсов, способных влиять на сознание публики путем производства ярких и сильных впечатлений.

В последние годы в западных СМИ стали особенно широко использоваться медиатехнологии, нацеленные главным образом на производство постправды, что позволяет им вполне успешно формировать у массовой аудитории ложные представления о текущей политической жизни, в частности, о политическом курсе современной России, разжигать чувство русофобии у граждан западных государств. Это закономерно приводит к росту настроений враждебности по отношению к Российской Федерации, к поддержке населением политики дискриминации всего русского – культуры, спорта, образования и др. В этих условиях формируется благоприятная почва для распространения искусственно созданных обвинений России в, якобы, многочисленных ее вмешательствах в систему выборов других стран, в осуществлении разнообразных провокаций и террористических актов. Так, в западных СМИ активно применяются такие устойчивые мемы и нарративы, как «во всем виновата Россия», «цивилизованный мир против агрессивной России», «Путину нельзя доверять» и т.п. Таким образом дискурс постправды получает свое прибежище в дискурсе политики впечатлений, формируемом западными СМИ.

Кроме дискурса постправды можно назвать еще одну форму дискурса, обладающую рядом общих черт с дискурсом политики впечатлений. Это – *дискурс постжурналистики*. В отечественных работах, посвященных особенностям данного дискурса, выделяются следующие черты и признаки, делающие его отличным от дискурса традиционной журналистики. К таковым относятся: 1) апелляция в первую очередь к чувствам и эмоциям целевой аудитории, в результате чего происходит запечатление в сознании публики медийных образов и транслируемых смыслов, имеющих мало общего с реальной действительностью; 2) преимущественная нацеленность на передачу

адресату конкретной политической информации посредством видео и музыкальных клипов, визуальных образов и иллюстраций. Это приводит к формированию клипового типа мышления и клипового восприятия реальности, что существенно затрудняет потребление публикой сложных смысловых образов, запечатление которых в массовом сознании требует значительных и продолжительных усилий; 3) гедонизация медиа-контента, связанная с гипертрофированным увеличением доли развлекательного контента; 4) геймификация журналистской деятельности, которая все активнее стала включать в свои реальные практики технологии игр и информационных поединков; 5) производство фейковой (ложной) информации и фейковых новостей в целях введения публики в заблуждение, компрометации политического противника и извлечения посредством этого определенных политических дивидендов (Короченский 2019; Дзялошинский 2023 и др.).

В современных условиях информационной войны в мире существует значительное число политических фондов и медиацентров, чья основная деятельность направлена на производство и продвижение продуктов постжурналистики, связанных с конструированием и распространением фейковых новостей. К примеру, на Украине таковым выступает благотворительный фонд SafeUA, возникший в самом начале проводимой Россией на территории Украины Специальной военной операции (СВО). Фонд специализируется на создании особого рода фейкового медиа-контента с целью выработки у адресной аудитории устойчивого представления о преступном и крайне агрессивном характере военно-политической практики России, связанной с нарушением норм международного права[5].

Таким образом, существует прочная внутренняя связь между дискурсами постправды, постжурналистики и дискурсом политики впечатлений. Их главным связующим звеном выступает опора на технологии усиления эмоционального эффекта от передаваемой информации, связанной с процессами переформатирования массового сознания.

---

[5] SafeUA – главная информация, 26.02.2022. URL: https://telegra.ph/SafeUa---glavnaya-informaciya-02-26?ysclid=m8df42jgro747401036 (дата обращения: 19.03.2025).

С учетом сказанного считаем возможным дать собственное определение понятию *«дискурс политики впечатлений»*. С нашей точки зрения, его можно трактовать как систему перформативных актов, направленную на формирование у публики эмоционально окрашенных и запоминающихся образов реальности, сконструированных посредством как применения медиатехнологий постправды и постжурналистики, так и ряда других, политически более нейтральных инструментов (PR-инструменты, инструменты шоу-политики), с помощью которых осуществляются когнитивные преобразования в сознании адресной аудитории, соответствующие основным целевым установкам задуманного коммуникативного сценария. Иначе говоря, дискурс политики впечатлений присутствует во всех исторических, социокультурных и политических перформансах, когда-либо происходящих в мировой политической практике, включая войны, революции, политические движения, избирательные кампании, партийные съезды и т.п., которые охватываются таким емким понятием как «политический спектакль». В то же время структурный анализ данных «спектаклей», рассматриваемый с позиции коммуникативной парадигмы, насколько нам известно, специально еще не проводился. В этой связи нами предлагается собственная модель структурного дискурс-анализа политики впечатлений, где в качестве примеров рассматриваются церемония открытия Олимпиады-2024 в Париже и выступление президента Д. Трампа в Конгрессе США 5 марта 2025 г.

Структурный дискурс-анализ политики впечатлений на примерах церемонии открытия Олимпиады 2024 и Обращения Президента Д. Трампа к Конгрессу США (05.03.2025). Дискурс политики впечатлений структурно состоит из ряда основных компонентов или планов. В разработанной нами структурной модели данного дискурса обозначены следующие ее планы: 1) интенциональный план; 2) актуальный или перформативный план; 3) ценностный план; 4) психологический план; 5) контекстуальный план; 6) «осадочный» план дискурса политики впечатлений (Русакова, Русаков 2011: 113-169).

Под *интенциональным планом* нами подразумеваются: 1) выработка общей концепции политического шоу или спектакля, его основных коммуникативных стратегий; 2) сценарный

план протекания политического шоу с разбивкой на конкретные эпизоды, сцены и действия; 3) разработка планов ресурсного обеспечения шоу (финансовый, организационно-административный, кадровый и др.); 4) моделирование возможных барьеров коммуникации и провокаторов общения (Русакова, Русаков 2011: 113-118); 5) разработка способов и технологий вовлечения в игровое пространство шоу представителей публики.

Актуальный или перформативный план дискурса политики впечатлений включает следующие его обязательные элементы, связанные с решением стратегических и иных заранее поставленных задач политического шоу: 1) яркий и запоминающийся зачин, предполагающий быстрое овладение вниманием аудитории; 2) использование разнообразных и необычных приемов коммуникации (лексических, визуальных, музыкальных и др.) с целью вызова у публики живого интереса к разыгрываемому представлению (прием шокирующих фактов и статистических данных; использование юмора и шуток; прием иллюстративности, связанный с приведением конкретных примеров, а также с «вызовом на ковер» непосредственных участников и свидетелей тех или иных политических акций (ивентов).

Ценностный план дискурса политики впечатлений предполагает включение в процесс реализации шоу механизмов внушения публике определенных базовых идей и ценностных ориентаций. При этом используются приемы и технологии пропаганды, обольщения, устрашения и суггестии.

Психологический план дискурса политики впечатлений связан с трансляцией эмоционально заряженных сцен и образов разыгрываемого спектакля, что предполагает производство эмоционально-чувственного эффекта в сознании публики, определенных его трансформаций.

Контекстуальный план дискурса политики впечатлений содержит в качестве своих структурных компонентов контексты следующего характера: 1) хронотопный контекст (влияние пространственно-временных форм выбора места и времени для мероприятия на особенности его протекания); 2) историко-культурный контекст, представленный символическим образами значимых событий и персонажей из прошлой истории и культурной жизни страны; нормативно-правовой контекст

(оценка соблюдения/несоблюдения организаторами перформанса принципов и принятых правил его проведения) и др.

«Осадочный» план дискурса политики впечатлений включает всю систему откликов по поводу транслируемого шоу, в том числе реакцию традиционных и цифровых медиа (Русакова 2018: 239).

Важно отметить, что все названные планы находятся между собой в тесной диффузной взаимосвязи и синергетически подкрепляют друг друга.

Пример 1. Церемонии открытия Олимпиады-2024. Автором концепции церемонии открытия и ее главным режиссером был *Томас Жолли (Tomas Jolly)*, известный французский театральный режиссер и постановщик, а креативным директором шоу-программ стал *Тьерри Ребуль (Thierry Rebout)*. В шоу открытия приняли участие 3 тысячи артистов, в том числе, более 400 танцоров[6]. По словам Т. Жолли, главная идея церемонии открытия состояла в том, чтобы продемонстрировать базовую роль таких культурно-политических принципов как *инклюзивность* и *солидарность*[7], а также в том, чтобы *устроить большую языческую вечеринку*[8]. Акцент сознательно был сделан в пользу демонстрации в ходе перформанса *системы ценностей современной культуры Франции*, в числе которых Жолли обозначил *ценности свободной любви*: «Во Франции мы имеем право любить друг друга, как мы хотим, с кем мы хотим»[9].

Креативность сценарного плана Жолли состояла еще и в том, что он был первым, кто вывел церемонию открытия

---

[6] Церемония открытия летних Олимпийских игр 2024. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Церемония_открытия_летних_Олимпийских_игр_2024 (дата обращения: 19.03.2025).

[7] Художественный руководитель рассказал, в чем заключалась сценарная идея церемонии открытия Олимпиады-2024, 27.07.2025. URL: https://matchtv.ru/olimpijskije_igry/paris2024/matchtvnews_NI2085339_Hudozhestvennyj_rukovoditel_rasskazal_v_chem_zakluchalas_scenarnaja_ideja_ceremonii_otkrytija_Olimpiady2024 (дата обращения: 19.03.2025).

[8] Там же.

[9] «Во Франции мы имеем право любить друг друга, как мы хотим, с кем мы хотим…». Режиссер открытия ОИ 2024 Томас Джоли извинился за свое шоу. URL: https://dzen.ru/video/watch/66a7651da2744429a6c66c62?ysclid=majj76gq1r977849227 (дата обращения: 19.03.2025).

за пределы олимпийского стадиона, превратив центр Парижа, а также его главную водную артерию – реку Сену вместе с ее мостами и набережными – в основную сценическую площадку, на которой развернулось праздничное действо. «Церемония открытия никогда не проводилась за пределами стадиона. Модели нет, это абсолютное творение», – сказал Жолли[10].

Другой важной новацией Жолли было то, что вместо презентационного шествия по стадиону спортивные сборные каждой страны были представлены плывущими на отдельных кораблях по Сене. Таким образом они получили возможность не только продемонстрировать публике собственную спортивную атрибутику и национально-государственную символику, но и познакомиться с культурными достопримечательностями Парижа, проплывая мимо самых известных архитектурных памятников, включая Нотр-Дам и Эйфелеву башню[11].

Далее остановимся кратко на самом скандальном эпизоде церемонии открытия Парижской Олимпиады, вызвавшем у большей части публики крайне негативную реакцию. Речь идет о так называемой квир-пародии[12] на известную картину Леонардо да Винчи «Тайная вечеря (Русакова 2025: 115). Дадим в нескольких словах ее описание. В центре представленной композиции на месте Христа оказалась бодипозитивная дама, одетая в синее платье с глубоким декольте. На ее голове – металлический кокошник с исходящими из него семью лучами, на ушах – крупные наушники. Даму изображала одна из активисток движения в поддержку гендерного разнообразия Барбара Бутч[13]. В роли «учеников Христа» выступали танцоры дрэг-квины. Когда на сцену был вынесен огромный поднос, то при открытии его куполообразной крышки оказалось, что внутри,

---

[10] Там же.

[11] *Демидова А.* Открытие летней Олимпиады 2024 в Париже: детали церемонии. URL: https://event.ru/reports/otkryitie-letney-olimpiadyi-2024-v-parizhe-detali-tseremonii/ (дата обращения: 19.03.2025).

[12] Движение ЛГБТ признано экстремистской организацией решением Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023 г.

[13] Франция. Барбара Бутч, которая изобразила… 28.07.2025. URL: https://vk.com/wall-78967614_918812?ysclid=maqeaj7gfp476287712 (дата обращения: 19.03.2025).

свернувшись калачиком, лежит мужчина, с ног до головы выкрашенный синей краской. По замыслу организаторов шоу, он воплощал собой греческого бога Диониса, чей образ был призван демонстрировать абсурдность насилия между людьми (роль Диониса сыграл французский актер и певец Филипп Катерин)[14].

Значительная часть зрителей в данном эпизоде усмотрела насмешку над символами христианской веры[15]. Известный предприниматель Илон Маск в своем аккаунте написал: «Это было проявлением вопиющего неуважения к христианам»[16]. Спустя неделю после открытия Олимпиады Ватикан сделал следующее официальное заявление папского престола по поводу пародии на «Тайную Вечерю»: «Святой престол был опечален определенными сценами на церемонии открытия Олимпийских игр в Париже и не может не присоединиться к голосам, прозвучавшим в последние дни, чтобы выразить сожаление по поводу оскорбления, нанесенного многим христианам и верующим других религий»[17]. В итоге членам оргкомитета Олимпиады пришлось извиняться за данный эксцесс. Директор по коммуникациям Оргкомитета Олимпиады в Париже Анн Дескамп принесла извинения людям, чьи чувства были задеты: «Не было никакого намерения продемонстрировать неуважение к какой-либо религиозной группе. Напротив, я думаю, что Тома Жолли хотел отпраздновать толерантность общества. Это были его слова, и,

---

[14] *Донлеви К.* Дрэг-пародия на «Тайную вечерю» на церемонии открытии Олимпиады в Париже подверглась критике (New York Post, США), 27.07.2024. URL: https://inosmi.ru/20240727/parodiya-269651499.html (дата обращения: 19.03.2025).

[15] *Макарычев М.* Пародия на «Тайную вечерю» на открытии Олимпиады вызвала гнев в мире, 27.07.2025 // Российская газета. URL: https://rg.ru/2024/07/27/parodiia-na-tajnuiu-vecheriu-na-otkrytii-olimpiady-vyzvala-gnev-v-mire.html?ysclid=majos229h201385239 (дата обращения: 19.03.2025).

[16] «Вопиющее неуважение». Маск резко высказался об Олимпийских играх, 27.07.2024 // РИА Новости Спорт. URL: https://rsport.ria.ru/20240727/mask-1962332221.html?ysclid=majp7joitq668262565 (дата обращения: 19.03.2025).

[17] Ватикан назвал оскорбительной пародию на «Тайную вечерю» на открытии Олимпиады, 04.08.2024. URL: https://dzen.ru/a/Zq9kMxJirVneWqwu?ysclid=majpqu6p8z710592043 (дата обращения: 19.03.2025).

судя по цифрам аудитории, эта цель была достигнута. Если кого-то это оскорбило, нам, конечно, очень жаль»[18].

Пример 2. Обращение Президента Д. Трампа к Конгрессу США (05.03.2025). Основным медиа-источником дискурс-анализа данного кейса для нас стала Полная стенограмма речи президента Д.Трампа в Конгрессе США от 5 марта 2025 г.[19]

Рассматривая интенциональный план публичного выступления Д. Трампа, отметим фрагменты, где он говорит о главной политической стратегии своего пребывания в должности 47-го президента США: «Полтора месяца назад, стоя под куполом Капитолия, я провозгласил рассвет Золотого века Америки… Сегодня вечером я вернулся в этот зал, чтобы сообщить, что Америка вернула свой порыв. Мы вернули себе наш дух… И американская мечта крепнет… и наша страна стоит на грани возвращения, равного которому мир прежде не видел, и, возможно, никогда больше не увидит»[20].

Обращаясь к содержанию *перформативного плана* выступления Трампа, выделим такую черту, как активное *использование приема шокирующей информации и статистики*. Например, говоря об огромных расходах федеральных средств на весьма сомнительные проекты во время президентства Джо Байдена, Трамп приводит следующие данные: «45 миллионов долларов на стипендии по вопросам многообразия, равенства и инклюзивности в Бирме. 40 миллионов долларов на улучшение социальной и экономической интеграции малоподвижных мигрантов… 8 миллионов долларов на выведение трансгендерных мышей – это не шутка… 10 миллионов долларов на мужское обрезание в Мозамбике, 20 миллионов на арабскую “Улицу Сезам” на Ближнем Востоке»[21].

---

[18] Организаторы извинились за пародию на «Тайную вечерю» на открытии Игр, 28.07.2024. URL: https://www.rbc.ru/sport/28/07/2024/66a619979a79472f237cd055 (дата обращения: 19.03.2025).

[19] Полная стенограмма речи президента Трампа в Конгрессе (The New York Times, США), 05.03.2025. URL: https://inosmi.ru/20250305/tramp-272082349.html?ysclid=map622xgh2776189816 (дата обращения: 19.03.2025).

[20] Там же.

[21] Там же.

При раскрытии мошенничества со стороны правительственных структур, занимающихся социальным обеспечением американских пенсионеров, Трамп снова приводит шокирующие публику примеры из официальных документов: «Людям выплачивается куча денег: 1 039 человек в возрасте от 220 до 229 лет. Один человек в возрастной колонке от 240 до 249 лет. И еще один рекордсмен, кому уже за 360. На целый век старше нашей страны, даже больше»[22].

Другой характерный прием, к которому часто прибегает Трамп для подкрепления правоты собственных суждений, – *прием вызова непосредственных участников событий*. Так, например, обращая внимание публики на важность решения проблемы борьбы с въехавшими в страну иностранными криминальными группировками, Трамп «вызывает на ковер» одного из героев данной борьбы – агента пограничного патруля Роберто Ортиса, которому воздает свои похвалы: «Сегодня вечером с нами воин на передовой этой битвы. Агент пограничного патруля Роберто Ортис. Крутой парень. В январе Роберто с другим агентом патрулировали Рио-Гранде около района, известного как Остров Картеля — звучит не слишком мило, как по мне. Когда вооруженные до зубов люди начали в них стрелять, Роберто увидел, что его напарник в большой опасности, и он бросился в бой, отстреливаясь и подарив своему коллеге решающие секунды, чтобы спастись — он был на волоске от смерти… Агент Ортис, мы приветствуем вас за ваше великое мужество на линии огня, которую вы удержали, и за храбрость, которую проявили»[23].

К *ценностному плану* структурного анализа выступления Трампа можно отнести его *критику идеологии воукизма*, пропагандирующей ценности инклюзивности, многообразия и равенства полов, получившие широкое распространение в американской культуре, армии и спорте[24]. Трамп провозглашает войну данной идеологии: «Наша страна очистилась

---

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] *Воукизм* – американский политический термин, образованный от английского глагола *wake* – «проснуться»), обозначает повышенное внимание к вопросам, касающимся социальной, расовой и половой справедливости.

от идеологии "воукизма". Мы убеждены, что кем бы вы ни были: врачом, бухгалтером, юристом или авиадиспетчером, – вас должны брать на работу и продвигать по службе на основе знаний и умений, а не расы или пола»[25]. Далее он указывает на собственные законодательные инициативы, направленные против институциональных рассадников воукизма: «Мы удалили отраву критической расовой теории из наших государственных школ, и я подписал указ, по которому официальная политика правительства США заключается в следующем: есть лишь два пола – мужской и женский. А еще я подписал запрет мужчинам соревноваться в женских видах спорта… Теперь я хочу, чтобы Конгресс принял законопроект, который навсегда запретит и криминализирует смену пола у детей и навсегда положит конец лжи о том, что любой ребенок заперт в неправильном теле»[26].

Анализ *психологического плана* дискурса политики впечатлений, получившего реализацию в перформансе выступления Трампа, показывает тщательную продуманность организаторами шоу показа сцен, производящих в сознании публики эффекты сочувствия и поддержки реальных людей, которым удалось продемонстрировать крепость своего духа и верность основной мечте, несмотря на преследующие их трудности. Именно на такой психологический отклик рассчитывает Трамп, когда в качестве примера приводит историю 13-летнего ДиДжея, у которого была диагностирована смертельная болезнь и который ей мужественно сопротивлялся, поскольку постоянно шел к своей заветной мечте – стать агентом секретной службы США: «Сегодня вечером к нам присоединится молодой человек, который по-настоящему любит нашу полицию. Его зовут ДиДжей Дэниел, ему 13 лет, и он всегда мечтал стать полицейским. Но в 2018 году у ДиДжея диагностировали рак мозга. Врачи давали ему максимум пять месяцев. Это было более шести лет назад. С того момента ДиДжей и его отец искали способ осуществить его мечту, и ДиДжей принял присягу в качестве почетного сотрудника правоохранительных органов, и это случилось несколько раз. Полиция любит этого парня. Полицейские депар-

[25] Полная стенограмма речи президента Трампа в Конгрессе.

[26] Там же.

таменты любят его. И сегодня вечером, ДиДжей, мы собираемся оказать тебе самую большую честь. Я прошу нашего нового директора Секретной службы Шона Каррена официально сделать тебя агентом Секретной службы Соединенных Штатов»[27]. После этого многие участники шоу дружно скандируют имя главного виновника данного представления.

Переходя к рассмотрению *контекстуального плана* выступления Трампа, можно отметить, что многие женщины, представляющие в Конгрессе Демократическую партию, были одеты в пиджаки и платья ярко розового цвета, что сразу бросалось в глаза. Именно таким образом женщины-законодатели выразили свой протест против политики Трампа в женском вопросе. В то же самое время и в том же самом зале представители от Республиканской партии регулярно выражали свою полную поддержку Трампу вставаниями с мест и бурными аплодисментами.

«Осадочный» план дискурса политики впечатлений, связанный с реакцией на перформанс Трампа, был, в частности, представлен откликами авторитетных зарубежных СМИ, выражающих позицию как сторонников нового президента США, так и его противников. Вот как описывала американская газета *The Guardian* речь Трампа в Конгрессе: «В течение всего вечера Трамп проходился по Джо Байдену, сделав из него свою боксерскую грушу. Он назвал своего предшественника худшим президентом в истории Америки, а его политику – катастрофой. Трамп также отчитал конгрессменов-демократов за отказ встать или аплодировать во время его речи. Он по-прежнему жаждал лести и обожания». Итальянская еженедельная газета *IL Fatto Quotidiano (Ежедневный факт)* писала: «Речь Трампа была в целом жесткой и мстительной. Ее главная идея – это возрождение Америки под его руководством»[28].

Главный вывод, который можно сделать, опираясь на медиа-отклики по поводу данного выступления Трампа, – это

---

[27] Там же.

[28] «Дерзкий Трамп» и «раскол Америки»: западная пресса о речи президента США в конгрессе, 05.03.2025. URL: https://inosmi.ru/20250305/tramp-272093820.html?ysclid=map5u1bi8l154796698 (дата обращения: 19.03.2025).

нарастающий раскол в американском обществе, связанный с противоречивым видением его гражданами дальнейших путей развития страны.

В представленных нами примерах структурного анализа дискурса политики впечатлений раскрываются основные этапы и механизмы его перформативной реализации – от сценарного замысла до эмоциональных эффектов, получаемых в результате воздействия на публику. В ходе рассмотрения обоих перформансов, в особенности, их ценностных компонентов и существующих откликов в медийном пространстве, мы приходим к выводу о том, в сегодняшнем западном мире продолжает существовать конфронтация между глобалистскими (неолиберальными) ценностными ориентациями, опирающимися, к примеру, на принципы гендерного разнообразия, воукизма и т.п., и системой традиционных ценностей, отстаивающей интересы двуполой семьи и защищающей принципы гетерогенности в современных культурных, образовательных, спортивных и иных практиках. Однако в то же время, на наш взгляд, сегодня в мире назревают глубокие трансформации, призванные радикально изменить массовое общественное мнение относительно будущего мейнстримного направления развития системы ценностей. Смеем надеяться, что этот поворот будет совершен в пользу ценностей, продвигаемых сторонниками полицентричного мироустройства, объединяемых идеями уважения и верности по отношению к историческим и современным традициям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баранов Н.А. 2018. Мягкая сила в условиях постправды // Социально-политические исследования. № 1. С. 20–30.

Вахштайн В.С. 2003. Драматургическая теория Ирвина Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. Т. 3, № 4. С. 104–118.

Грачев М.Н., Евстифеев Р.В. 2020. «Постправда» как проявление «разрушения» правды: новый вектор политико-коммуникационных исследований // Современные СМИ и медиарынок : сб. науч. трудов в честь М.Б. Ротановой / под ред. А.Д. Кривоносова. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ. Вып. 2. С. 28–36.

Дебор Г. 2000. Общество спектакля. Москва : Логос. 184 с.

Дзялошинский И.М. 2023. Журналистика, постжурналистика, паражурналистика: кто формирует контент массмедиа // Между-

народный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии. № 3. С. 74–100. DOI 10.62499/ijmcc.vi3.39

Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г. 2024. От постправды к постреальности // Россия в глобальной политике. Т. 22, № 4. С. 110–121. DOI 10.31278/1810-6439-2024-22-4-110-121

Короченский А.П. 2019. Постжурналистика: сущность, признаки, социальные эффекты // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. № 1. С. 6–12.

Кошкарова Н.Н., Руженцева Н.Б. 2019. На пути к правде, ведущей ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации // Политическая лингвистика. № 1. С. 50–56. DOI 10.26170/pl19-01-05

Лукьянова Г.В. 2017. Медиатехнологии конструирования постправды // Политика постправды в современном мире : сб. материалов по итогам Всерос. науч.-практ. конф., 22–23 сент. 2017 г. / под ред. О.В. Поповой. Санкт-Петербург : Скифия-принт. С. 132–133.

Макиавелли Н. 1990. Государь. Москва : Планета. 79 с.

Монтень М. 1979. Опыты. В 3 кн. Кн. 1 и 2. 2-е изд. Москва : Наука. 704 с.

Пайн Б.Д. II, Гилмор Д.Х. 2005. Экономика впечатлений : работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. Москва и др. : Вильямс. 299 с.

Русакова О.Ф. 2009. Шоу-политика: особенности дискурса // Социум и власть. № 4. С. 36–39.

Русакова О.Ф. 2012. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург : Издат. дом «Дискурс-Пи». 400 с.

Русакова О.Ф., Русаков В.М. 2011. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : УрО РАН : Издат. дом «Дискурс-Пи». 336 с.

Русакова О.Ф., Русаков В.М. 2019. Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти // Дискурс-Пи. № 2. С. 10–27. DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

Русакова О.Ф. 2025. Структурный дискурс-анализ политики впечатлений на примере церемонии открытия Олимпиады-2024 // Дискурс-Пи. Т. 22, № 1. С. 104–119. DOI 10.17506/18179568_2025_22_1_104

Рустамова Л.Р., Барабаш Б.А. 2018. Информационное воздействие в эпоху «постправды» и «фейк-ньюс» // Вопросы политологии. Т. 8, № 5. С. 23–30.

Трушина М.А. 2018. Платон и необходимость визуализации // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Т. 19, № 3. С. 24–30.

Фишер-Лихте Э. 2015. Эстетика перформативности / под общ. ред. Д.В. Трубочкина. Москва : Междунар. театр. агентство «Play&Play» : Канон+. 376 с.

Фуллер С. 2021. Постправда. Знание как борьба за власть. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 368 с.

Хейзинга Й. 1992. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. Москва : Прогресс : Прогресс-Академия. 460 с.

Чугров С.В. 2017. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. № 2. С. 42–59. DOI 10.17976/jpps/2017.02.04

Чумиков А.Н. 2024. Иррациональная взаимосвязь фактов и смыслов в современных медиа // Коммуникология. Т. 12, № 2. С. 13–24. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-2-13-24

Хабермас Ю. 2003. Философский дискурс о модерне. Москва : Весь Мир. 416 с.

Boje D.M. 2001. Carnivalesque resistance to global spectacle: A critical postmodern theory of public administration // Administrative Theory & Praxis. Vol. 23, № 3. P. 431–458. DOI 10.1080/10841806.2001.11643535

Goffman E. 1959. The Presentation of Self in Everyday Life. Edinburgh : University of Edinburg : Social Science Research Centre. 162 p.

Jenkins H. 2007.The Wow Climax: Tracing the Emotional Impact of Popular Culture. New York : New York Univ. Press. VI, 285 p.

Lynch M. 2017. STS, symmetry and post-truty // Social Studies of Science. Vol. 47, № 4. P. 593–599. DOI 10.1177/0306312717720308

McIntyre L. 2018. Post-Truth. Cambridge, MA : MIT Press. 240 p.

Oswick C. et al. 2001. Dramatizing and organizing: Acting and being / C. Oswick, T. Keenoy, D. Grant // Journal of Organizational Change Management. Vol. 14, № 3. P. 218–224.

Schechner R., Brady S. (Eds.) 2002. Performance Studies: an Introduction / Ed. by R. Schechner, S. Brady. 4th ed. London ; New York : Routledge. 376 p.

Schulze G. 2005. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Aufl. Frankfurt ; New York : Campus Verlag. 765 S.

Olga F. Rusakova
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Politics of Impressions: A Structural Discourse Analysis

Abstract. Although the politics of impressions is a relatively new concept in modern political science, its ideological origins can be found in the works of Plato and Machiavelli. In the article, the politics of impressions is understood as a system of discourse methods for constructing, interpreting and promoting images (pictures) of political

reality aimed at forming emotional and sensory ideas about political phenomena in the mass consciousness as determined by certain communicative attitudes. The analysis reveals a close relationship between the politics of impressions and the politics of post-truth and post-journalism. The structural discourse analysis of the politics of impressions presented in this work examines political performances on the examples of the 2024 Paris Olympics opening ceremony and President Donald Trump's address to the US Congress on 5 March 2025. The research is based on the author's developed model of structural discourse analysis of public communications, according to which the discourse of politics of impressions can be represented through the identification of the following plans: (1) intentional or scenario plan (communication project); (2) actual or performative plan (methods of implementing the communication project); (3) value plan (system of transmitted and instilled values); (4) contextual plan (extraction of new meanings of the performance through its immersion in various contexts); (5) psychological plan (analysis of manipulative techniques to enhance emotional contagion of the public); (6) "sedimentary" plan (responses from various media sources to the presented show-event). The structural plans of the discourse of the politics of impressions can be understood as representing a holistic, synergistically interconnected system of components. The comparative analysis of the discourses of the opening ceremony of the 2024 Olympic Games in Paris and the public address by Donald Trump to the US Congress in March 2025 highlights transformations in contemporary world political practice that are connected with an ongoing revision of basic ideological orientations of Western countries in the areas of cultural, educational, and sports policy.

Keywords: politics of impressions; structural discourse analysis; 2024 Olympics opening ceremony; US President's address to Congress; scenario design; value orientation; queer culture; gender diversity; ideology of wokeism

УДК 32:303.01

Оксана Владимировна Головашина
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: ovgolovashia@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9911-175X
ResearcherID: 3757-2016
SPIN-код: 3493-3930

От санкций канселлинга к новой форме коллективной ответственности

Аннотация. Цель работы – рассмотреть, как практики и дискурс канселлинга крупных сообществ могут быть использованы с целью прояснения некоторых аспектов проявления коллективной ответственности в изменившихся социально-политических условиях. Теоретико-методологической базой работы стали идеи И. Канта, Х. Арендт, А.М. Янг, в соответствии с которыми под коллективной ответственностью понимается отношение, определяемое степенью принадлежности к сообществу и участием в причинах действий, породивших вопрос об ответственности. Современная этика ответственности предполагает переход к прагматичному обоснованию индивидом своей собственной моральной позиции, что актуализирует идею степени вовлеченности индивида в действия сообщества, однако индивид оказывается ответственным не столько за действия сообщества, сколько за свой моральный выбор. Практики канселлинга крупных сообществ обращают внимание на политический аспект коллективной ответственности, из чего вовсе не следует, что коллективная ответственность, связанная с культурой отмены, является политической. Канселлинг конституирует новый вариант коллективной ответственности, для которой характерны следующие особенности: 1. Ориентирована на происходящее в настоящем. 2. Имеет институциональный характер. 3. Предполагает конструирование субъекта в процессе формирования соответствующего дискурса, этот субъект не совпадает с актором и конструируется в момент вменения санкций канселлинга. 4. Определяется степенью принадлежности к сообществу, а не совершенными действиями. 5. Цели акторов связаны с воздействием на политическую ситуацию и побуждением к политическим решениям.

Ключевые слова: культура отмены; коллективная ответственность; политическая ответственность; историческая ответственность; отмены русской культуры

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Культура отмены как современная форма социальная социального остракизма все чаще касается отдельных личностей, брендов, но и распространяется на крупные сообщества, в том числе, государства. Отмены концертов и исполнений произведений российских авторов, в том числе, классических[1], акцентуация украинского происхождения известных художников[2], переименование картин[3], запрет российским спортсменам участвовать в Олимпиаде под национальным флагом, так как «для спортсменов из Украины неприемлемо соревноваться со спортсменами России-агрессора и ее ближайшего союзника Беларуси, особенно на Олимпийских играх»[4], можно рассмотреть как яркие примеры отмены русской культуры. Отмечая, что это не новое явление в международной политике, исследователи приводят в примеры отмену сербского народа (Энтина 2022),

---

[1] Borys Godunow odwołany, 01.03.2022 // Opera Narodowa. URL: https://teatrwielki.pl/teatr/aktualnosci/aktualnosc/borys-godunow-odwolany/ (дата обращения: 12.02.2025); *Marczyński J.* Muzyka nie na ten czas. Rosyjscy kompozytorzy spadają z afisza, 02.03.2022. URL: https://www.rp.pl/kultura/art35793101-muzyka-nie-na-ten-czas-rosyjscy-kompozytorzy-spadaja-z-afisza (дата обращения: 12.02.2025); *Rausz J.* Filharmonia Pomorska rezygnuje z utworów rosyjskich kompozytorów, 01.03.2022 // Portal historyczny. URL: https://dzieje.pl/kultura-i-sztuka/filharmonia-pomorska-rezygnuje-z-utworow-rosyjskich-kompozytorow (дата обращения: 12.02.2025).

[2] Метрополитен-музей назвал Айвазовского и Репина украинскими художниками, 12.02.2023 // РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/12/02/2023/63e935839a7947d46ec9c454 (дата обращения: 12.02.2025).

[3] *Мамиконян О.* Лондонская национальная галерея переименовала картину Дега «Русские танцовщицы», 04.04.2022. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/461285-londonskaa-nacional-naa-galerea-pereimenovala-kartinu-dega-russkie-tancovsicy (дата обращения: 12.02.2025).

[4] *Mayer S.* Olympische Spiele 2024 müssen ohne Russland und Belarus stattfinden, 09.03.2023. URL: https://www.cducsu.de/presse/pressemitteilungen/olympische-spiele-2024-muessen-ohne-russland-und-belarus-stattfinden (дата обращения: 12.02.2025).

взаимные бойкоты Олимпиад Советским Союзом и США, отказ короля Георга V носить немецкую фамилию Саксен-Кобург-Гот во время Первой мировой войны или указ Николая II, в соответствии с которым было запрещено принимать на работу немцев в тот же период. Эти и подобные кейсы рассматриваются исследователями через оптику информационных войн (Мусиева 2022), в качестве «механизма политического давления и навязывания» (Энтина 2022: 99), как «орудие политического контроля» (Чугров 2022: 90) или девиация социального порядка (Бойко 2021). Соглашаясь с тем, что эти интерпретации имеют определенный эвристический потенциал, связанный с возможностью выработки нового языка описания для культуры отмены и работающей исследовательской оптики некоторых аспектов международных отношений и культурной политики, мы будем рассматривать канселлинг как одну из санкций коллективной ответственности. В отличие от предыдущих работ (Головашина 2024a; Головашина 2024b) предлагаемая статья не ставит своей целью выработку языка описания для исследования cancel culture, наоборот, практики и дискурс канселлинга будут использоваться для прояснения некоторых аспектов проявления коллективной ответственности в изменившихся социально-политических условиях. Поводом для работы над статьей стали призывы к отмене русской культуры, некоторые из которых приводились выше. Несмотря на то, что эти призывы нельзя называть повсеместными и считать успешными, существующие кейсы поднимают вопросы о применимости актуальных теорий коллективной ответственности, их релевантности современным социально-политических условиям, а также о влиянии культуры отмены на международные отношения.

Уникальность коллективной ответственности как объекта осмысления в том, что определяемые ей отношения выходят за пределы конкретных действий субъектов, а определяются прежде всего их принадлежностью (не всегда важно, задокументированной или нет) к сообществу, что повышает актуальность вопросов, связанных с идентичностью и процессами идентификации. Также важно, что канселлинг актуализирует специфическую форму коллективной ответственности, отличную от политической или исторической.

Далее, в соответствии с предлагаемой И. Кантом трактовкой, ответственность будет рассматриваться применительно к действиям, предполагающим свободный выбор. То есть, наиболее распространенные кейсы канселлинга, как правило, связаны с ценностными аспектами; субъект или сообщество подвергаются отмене не за какие-либо врожденные качества (раса, гендер, этнос), а за отношение к этим качествам, противоречащее распространенным в том или ином сообществе нормам, или за соответствующие действия. В отличие от врожденных качеств и принадлежности, отношение может меняться, то есть, в известной степени определяется свободным выбором, и одна из целей канселлинга может состоять именно в таком изменении отношения, публичном озвучивании этого изменения и совершении последующих действий, хотя обычно речь идет только об осуждении и исключении. В случае канселлинга крупных сообществ не имеет значения позиция отдельного представителя сообщества, но только его принадлежность; высказанная публично позиция, противоречащая позиции сообщества, приводит к исключению из сообщества конкретного представителя, озвучивающего эту позицию.

Распространение идей Канта на ответственность не только индивидов, но и сообщества связано с работами К. Ясперса и Х. Арендт. Влияние оказали Нюрнбергский трибунал и последующие суды над нацистскими преступниками; эти процессы можно интерпретировать в качестве практической апробации концепции коллективного обвиняемого, с опорой на степень принадлежности и вовлечения в сообщество конкретного его представителя. К. Ясперс впервые поставил вопрос о коллективной вине и ответственности в работе «Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии», опубликованной уже в 1946 году (Ясперс 1999). Он говорит о различных видах вины (уголовная, моральная, политическая, метафизическая) и предлагает концептуализацию ответственности как следствия политической вины. Х. Арендт, во-первых, в отличие от Ясперса, строго разделяет вину и ответственность, во-вторых, в отличие от Канта, говорит об ответственности сообщества, а не отдельных индивидов (Арендт 2013a: 205-217; Арендт 2013b: 47-82). Ответственность у Арендт предстает не как определенный феномен, а в качестве возможности этического выбо-

ра в ситуации чрезвычайного положения (К. Шмитт), то есть, Арендт пишет о необходимости самостоятельного осмысления принимаемых решений, несмотря на условия диктатуры, затрудняющей эту самостоятельность. В этом случае стоит говорить о присвоении коллективной ответственности: когда отдельный представитель коллектива чувствует свою личную ответственность за то, что он делает; коллективная ответственность в таком случае ощущается как личная. А.М. Янг, осмысляя кейс с транснациональными корпорациями и действиями активистов, выступающими за улучшение условий труда, говорит о структурной ответственности (Young 2004: 365). Это позволяет Янг переставить акценты с индивидуальных решений, которые были объектом внимания Арендт, на деперсонализацию как следствие большого количества посредников, по-разному влияющих на принятие решений, просчитать последствия которых в этой ситуации почти невозможно. «У Янг ответственность из явления (состояния) становится отношением. Если ответственность оказывается отношением, то человек (отвечающий) выступает, пусть и одним из, но все-таки актором, то есть, от его действий, наряду с другими акторами, также зависит результат. Поэтому он не может снимать с себя ответственность, хотя и не является единственным отвечающим» (Головашина 2021: 25).

Как правило, теоретики разделяют вину и ответственность, связывая первую с личным свободным выбором, а вторую – с социальными связями, основанными на доверии, подчинении, солидарности и т.д., частью которых выступает индивид. Таким образом, идея ответственности как следствие вины «должна уступить место идее ответственности без вины – под давлением таких понятий как солидарность, безопасность и риск, склонных занять место идеи вины» (Рикер 2005: 55). Вопрос об ответственности в этом случае, как заметила А. Янг, оказывается связан с каузальностью (Young 2004: 365), то есть, имеет значение не оценка последствий действий, а исследование роли индивида в их причинах.

Таким образом, коллективная ответственность представляет собой не явление или состояние, а отношение, определяемое степенью принадлежности к сообществу и участия в причинах действий, породивших вопрос об ответственности.

Проблема позиции Янг для анализа кейсов с ответственностью крупных сообществ в том, что ее исследование касается больше корпораций, то есть, сообществ, выбор которых осуществляется индивидами, а не определяется фактом рождения (в отличие от государства). Безусловно, есть вариант публичного отказа от проводимой действующей властью политики, однако, во-первых, за этим далеко не всегда следует снижение степени ответственности (о чем могут рассказать релоканты, поселившиеся в европейских странах из-за своего несогласия с политикой, проводимой Россией), а во-вторых, этот вариант может оказаться несвоевременным. В качестве второй проблемы стоит назвать то, что Янг делает акцент на функционировании социальных и экономических структур; в случае же отмены крупных сообществ приоритетными оказываются политические структуры, а сам этот процесс можно назвать политическим.

Современная этика ответственности (Йонас 2004) предполагает переход от ее трансцендентального характера к рациональному дискурсу, то есть, прагматичному обоснованию индивидом своей собственной моральной позиции. Это актуализирует идею степени вовлеченности индивида в действия сообщества, присутствующую также у Янг, однако индивид оказывается ответственным не столько за действия сообщества, сколько за свой моральный выбор.

В случае кейсов, связанных с призывами к отмене русской культуры, ответственными признаются все, кто связан с Россией фактом гражданства, рождения, этнической принадлежности или совместной деятельности. В этой ситуации структурная ответственность, концептуализированная Янг, распространяется на всех граждан государства, отвечающих по факту своей к нему принадлежности. «Присоединение к публичному дискурсу», о котором пишет Янг (Young 2004: 380), нивелирует ответственность (например, россияне, публично выступившие против СВО, могут не подвергаться канселлингу, так как отказались от своей принадлежности к отменяемому сообществу), но не является основанием для нее, как в ситуации структурной ответственности. Однако редукция различных по своей природе процессов к нравственным, характерная для канселлинга (Симхович 2022; Цибизова 2022), не отменяет политических последствий применяемых санкций, а замена морали

морализаторством дискредитирует возможности обращения к дискурсу ответственности.

В отличие от сильного этического вектора, характерного для осмысления коллективной ответственности в современных работах (Авдеева 2019; Буллер, Линченко 2023; Зиновьева 2015; Сыров 2021), канселлинг актуализирует ее политический аспект. Речь идет о политике идентичности и ее проявлениях в современной политической реальности. Значение в этом случае имеют не конкретные действия субъектов, а кем эти субъекты являются с точки зрения действующих с позиции канселлинга акторов. Мусоргский[5] – русский композитор, и для отменяющих не имеет значения его мнение об актуальной ситуации, которое он, конечно, не может высказать. Идентичность не является константой – можно публично заявить о другой позиции, обозначив таким образом не только другого себя, но и принадлежность к другому сообществу: «Политическая жизнь представляет собой трансформацию идентичностей через индивидуальные поступки» (Herzog 2004: 49). Речь идет не о том, что политическая ответственность распространяется только на значимых акторов политического процесса, но про то, что конкретные действия субъектов, казалось бы, не связанные с политикой (экономия воды, посещение концертов или участие в Олимпиаде) начинают приобретать политический характер.

При этом коллективная ответственность, вызванная санкциями канселлинга, не является политической самой по себе, то есть «ответственностью конкретных субъектов, чьи действия интерпретируются в качестве причины обстоятельств, за которые взыскивается ответственность» в терминологии А. Янг (Young 2004: 368) или следствием коллегиально принятых решений конкретным определенным кругом лиц, в интерпретации Ю. Нисневича (Нисневич 2013: 62). Объекты канселлинга «отвечают», например, за невысказанное несогласие с государственной политикой своей страны (что приравнивается к поддержке), и определить круг тех, кто может подвергнуться канселлингу, не представляется возможным, так как поводы отмены могут меняться. Кроме того, «политическая ответственность

[5] См.: Borys Godunow odwołany…

всегда предполагает наличие хотя бы минимальной политической власти» (Арендт 2013b: 79), а санкциям подвергаются вне зависимости от реального участия в принятии решений.

С другой стороны, нельзя сказать, что речь идет об исторической ответственности, так как поводы/причины для канселлинга не связаны напрямую с историческим прошлым сообщества. Как и в случае исторической ответственности, субъект конструируется (Аникин, Линченко 2022; Сыров, Агафонова 2021). Применительно к исторической ответственности это происходит, в соответствии с замечанием Ж. Деррида, в момент признания вины за события прошлого, даже если (как правило) сам агент не имел к ним отношения (Деррида 2012). В исследуемых случаях субъект конструируется не в момент принятия ответственности, а в момент применения санкций, то есть осуществления операции канселлинга. Российской спортсмен мог не предполагать, что он ответственный за действия своего правительства на Украине, однако становится субъектом ответственности, когда понимает, что не может участвовать в Олимпиаде под национальным флагом. Еще более проблематичной для осмысления оказывается ситуация с отменой концертов классической музыки. Речь не идет о том, что субъектом ответственности оказывается конкретный спортсмен или композитор XIX века, их имена используются как повод для санкций, направленных на сообщество. С позиции акторов, субъект ответственности признается тождественным сообществу без градации степени вовлеченности в это сообщество, совершаемых действий/бездействий или отношения к исходным причинам, побудившим ответственность.

В рассматриваемой ситуации актор и субъект коллективной ответственности не совпадают, как в случае политической и исторической ответственности. Актором оказывается тот, кто инициирует санкции, формируя таким образом субъекта коллективной ответственности: «ответственность приписывается не только тем, кто был идентифицирован как причина тех или иных действий. Если в наших силах внести вклад в борьбу с экологическими проблемами, то мы ответственны за их решение, хотя и не являемся их причиной» (Сыров 2019: 95). Таким образом, в случае канселлинга ответственными за разрешение ситуации можно называть и акторов, и субъекта ответственности.

Конструирование субъекта в момент применения санкций придает коллективной ответственности принудительную релевантность, то есть, применяемые санкции нельзя не заметить не только конкретным «отменяемым», но и сообществу в целом – в этом одна из их целей: «Никто не может быть нейтральным, когда твоя собственная идентичность ставится под вопрос» (Rüsen 2004: 128). Со стороны отменяющих предполагается, что санкции повлияют на действия отменяемого сообщества, то есть, формируется образ желаемого отменяющими будущего. Однако непредполагаемым акторами следствием санкций является повышение уровня солидаризации внутри отменяемого сообщества – канселлинг в этом случае усиливает оппозицию «мы–они», следовательно, «у "отменённой России" появляется возможность чётче и яснее сформулировать для себя и окружающего мира, против чего и за что она выступает, в чём состоит идея, которую она предлагает остальным» (Энтина 2022).

Конструирование субъекта ответственности в момент применения санкций приводит к тому, что мера ответственности не зависит от степени вины конкретного индивида за действия, которые выступили основой для санкций. Субъектом выступает сообщество, а конкретные индивиды подвергаются санкциям даже не по степени вовлеченности или связи с конкретными действиями/решениями (как в случае политической и исторической ответственности), а по степени представленности сообщества в его лице. То есть, неизвестный гражданин, даже имеющий близких родственников, участвующих в СВО, будет подвергаться санкциям с меньшей вероятностью, чем именитый спортсмен, музыкант. Для Мусоргского не имеет значения, что его произведения не будут исполняться, однако это важно для русской культуры вообще и культурного влияния России в мировом сообществе. В случае применения санкций канселлинга (и любых других санкций, источником которых выступает не сам субъект), ответственность не присваивается сознательно, как в случае исторической или политической ответственности, сообщество не чувствует свою вину и – как следствие – не ощущает ответственность, то есть, санкции не исполняют ту функцию, которую они должны были исполнять с позиции акторов.

Стоит отметить также специфическую темпоральность, связанную с ответственностью, конструируемой канселлингом. Если конструирование субъекта уже произошло и процесс отмены начался, время перестает иметь значение – канселлинг одинаково применим, касается ли он событий, произошедших пару дней назад (кейс Ивлеевой и других участников «голой вечеринки»), высказываний, произведенных десятилетия назад или действий и взглядов представителей прошлых эпох (пересмотр фигур участников Гражданской войны в США). В культуру отмены «таинство и чудо крещения не входит; грех несмываем, прощения нет, даже покаявшийся отменённый проклят навеки» (Каспэ 2023). В случае канселлинга крупных сообществ не идет речь об ответственности за действия, совершенные в прошлом, о чем можно говорить при канселлинге отдельных людей. Связь с прошлым происходит только через обозначение причин, которые привели к текущей ситуации, но само по себе это не позволяет говорить об исторической или политической ответственности, в терминологии Х. Арендт. Речь идет о текущей ситуации, то есть, условном настоящем, за которое несут ответственность граждане конкретного государства по факту принадлежности к нему. Оценивая, например, рабовладение и дискриминацию чернокожего населения, культура отмены не опирается на принцип историзма – важными оказываются современные оценки и современная нормативная парадигма. При этом оценивается не событие/действие само по себе, санкциям подвергаются конкретные люди, допускающие высказывания на эту тему.

Таким образом, можно предположить, что речь идет о новом варианте коллективной ответственности, которая, как и политическая ответственность, ориентирована на происходящее в настоящем и имеет институциональный характер, однако предполагает, как в случае с исторической ответственностью, конструирование субъекта в процессе формирования соответствующего дискурса. То есть, значение имеют не конкретные следствия четко обозначенных акторами преступлений, за которые сообщество должно взять на себя ответственность – отдельный представитель сообщества может не иметь (и как правило не имеет) отношения к событиям, за которые отвечает сообщество. Также невозможно говорить об этом варианте

коллективной ответственности исключительно как о моральной или – тем более – юридической. Если «ответственность как ценность и как нормативное требование востребуется в связи с формированием и трансформацией современных обществ» (Сыров 2020: 111), то неудивительно, что ее трактовки меняются в связи с развитием этих обществ.

Важным отличием этого варианта коллективной ответственности является изменение целей акторов. Несмотря на большой соблазн провести параллели между санкциями, направленными против россиян, и соответствующими действиями по отношению к немцам после окончания Второй мировой войны, различий оказывается намного больше. Во-первых, несмотря на определенное влияние Нюрнбергского трибунала и решений стран-союзников, имеет смысл говорить о том, что ответственность была взята жителями Германии, а не вменена им, как происходит в случае попыток отмены русской культуры. Во-вторых, и это представляется более важным, несмотря на серьезные санкции, которые были наложены на Германию, они не касались немецкой культуры и ее оценок. Случаи исключения каких-либо персоналий, произведений могли иметь место внутри государства (что вполне соответствует концепции культурной гегемонии) – например, попытка исключения творчества представителей дворянства и буржуазии в отдельные периоды истории Советского Союза как классово чуждых, однако сложно найти такие прецеденты в отношениях между государствами. То есть, канселлинг переносит дискурс ответственности в поле международных отношений; речь теперь идет не только о преодолении сообществом внутри государства своего прошлого, оценке событий своей истории или решениях представителей политической элиты, но высказываний и действий, направленных на представителей другого суверенного государства, которым не предшествовали какие-либо официальные процедуры, позволяющие говорить о вменении вины.

В этой ситуации, выступая в качестве политического процесса, канселлинг крупных сообществ не направлен на изменение текущих социальных условий и борьбу со структурным неравенством, а представляет собой воздействие на политическую ситуацию и побуждение к политическим решениям. То есть, другое сообщество, обозначая себя как моральную ин-

станцию, маркирует какие-либо действия как «неправильные» и определяет санкции, предполагающие возвращение условно «правильного» порядка. Здесь стоит обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, как и в случае отмены отдельных людей или брендов, канселлинг крупных сообществ предполагает исключение представителей этого сообщества из публичного поля; то есть, акторы занимают условную над- позицию и говорят от лица не другого сообщества (другого государства, культуры), а инстанции, позволяющей исключать («демократический мир», «прогрессивное человечество»); суждения акторов таким образом приобретают нормативный характер. Во-вторых, проблема коллективной ответственности в этом случае может быть проинтерпретирована как проблема сохранения социального порядка, причем этот порядок мыслится как универсальный, из которого и следует определенная нормативная парадигма, однако с высокой степенью вероятности у отменяемого сообщества тоже есть представления о мыслимом им как универсальном социальном порядке и нормативной парадигме. В момент санкций сообщество побуждается к изменению своей ценностной ориентации.

Еще одни параллели, которые могут возникнуть при чтении этой статьи, связаны с преследованием по религиозному признаку. Как и в случае канселлинга крупных сообществ, здесь имеет место политическое решение и апеллирование к высшей моральной инстанции, а также «действия, направленные на лишение людей политических прав и принуждение меньшинств к ассимиляции, отъезду или жизни в качестве граждан второго сорта» (Smith 2015: 26). Оба явления связаны с идентичностью и в значительной степени представляют собой социальные процессы, реализация которых зависит, прежде всего, от социального контекста, который и определяет различия преследований по религиозному признаку и современного канселлинга. Во-первых, канселлинг представляет собой следствие исторической идентичности как одной из форм коллективной памяти. Во-вторых, его функционирование и применяемые санкции напрямую связаны с новой этикой и возможны только в современном информационном пространстве. Канселлинг, в отличие от религиозных преследований, возникает в дискурсивном поле и на своём первом этапе заключается в исклю-

чении из этого поля и информационного пространства вообще. Ризоматическая структура новых медиа предполагает не отражение реальности, а конструкт реальности самой по себе (Савчук 2013: 202), образа без оригинала (Бодрийяр 2015: 20-23), что позволяет говорить о «коннективном повороте» (Hoskins 2011). Этот аспект оказывается источником возможностей для перманентной пересборки идентичностей – вещи (люди, отношения, объекты, события), подверженные коннективному повороту, находятся в постоянном движении и становятся более видимыми благодаря связанности культуры постдефицита (Hoskins 2011: 271). Признание динамичности исторической идентичности является следствием отказа от онтологического статуса прошлого и конституирования истории в качестве набора инструментов и «автобиографии сообщества» (Leone, Curigliano 2009). В случае исторической идентичности, в отличие от устойчивой религиозной – что и побуждает преследования – прошлое становится практическим в том смысле, который имел ввиду Х. Уайт, то есть, не столько представляет собой знание о произошедшем, сколько оказывается ресурсом для решения повседневных проблем или этических коллизий. Если от религиозных преследований можно избавиться, приняв веру преследующих, то в мире канселлинга покаяние не избавляет от санкций, к тому же, универсализация темпоральности, характерная для культуры отмены, приводит к равнозначному применению санкций по отношению не только к современникам, но и к умершим представителям сообщества.

Таким образом, культура отмены постулирует особый вид коллективной ответственности, субъект которой не совпадает с актором и конструируется в момент вменения санкций. Следствием этого является повышение уровня солидаризации внутри отменяемого сообщества. Цели акторов в этом случае связаны не с изменением текущих социальных условий и борьбой со структурным неравенством, а с воздействием на политическую ситуацию и побуждением к политическим решениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авдеева И.А. 2019. К проблеме определения объекта исторической ответственности // Философия и общество. № 3. С. 82–94.

Аникин Д.А., Линченко А.А. 2022. Стратегии концептуализации исторической ответственности в контексте современных медиаре-

презентаций // Вестник Томского государственного университета. № 474. С. 110–118. DOI 10.17223/15617793/474/12

Арендт Х. 2013a. Коллективная ответственность // Арендт Х. Ответственность и суждение. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. С. 205–217.

Арендт Х. 2013b. Личная ответственность при диктатуре // Арендт Х. Ответственность и суждение. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. С. 47–82.

Бодрийяр Ж. 2015. Симулякры и симуляция. Москва : Постум. 240 с.

Бойко А.В. 2021. Девиантологический потенциал «культуры отмены» // Таврические студии. № 28. С. 4–8.

Буллер А., Линченко А.А. 2023. Зачем нужна историческая этика? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. Т. 39, № 3. С. 423–435. DOI 10.21638/spbu17.2023.302

Головашина О.В. 2021. Социальные рамки исторической ответственности: в поисках рациональных оснований исторических оценок // Диалог со временем. № 76. С. 20–30. DOI 10.21267/AQUILO.2021.76.76.027

Головашина О.В. 2024a. «Культура отмены»: исключенность и историческая идентичность // Антиномии. Т. 24, вып. 3. С. 38–54. DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_38

Головашина О.В. 2024b. Отменяем вместе: канселлинг и социальная солидарность // Вестник Томского государственного университета. № 501. С. 60–68. DOI 10.17223/15617793/501/7

Деррида Ж. 2012. Ухобиографии: Учение Ницше и политика имени собственного. Санкт-Петербург : Machina. 115 с.

Зиновьева О.М. 2015. Этика, политика и историческая ответственность // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. № 1/2. С. 32–35.

Йонас Г. 2004. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. Москва : Айрис-Пресс. 480 с.

Каспэ С.И. 2023. Не по Шмитту: политическая теология современных войн // Россия в глобальной политике. Т. 21, № 5. С. 96–107. DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-5-96-107

Мусиева Д.М. 2022. «Гибридная война» коллективного Запада против России // Информационные войны. № 2. С. 29–35.

Нисневич Ю.А. 2013. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы // Полис. Политические исследования. № 4. С. 62–74.

Рикер П. 2005. Справедливое. Москва : Гнозис : Логос. 304 с.

Савчук В.В. 2013. Медиафилософия. Приступ реальности. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманит. акад. 350 с.

Симхович В.А. 2022. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Данилов А.Н., Похомова А.А. (ред.) Современный социум: социология жизни

(междисциплинарный профиль) : материалы I Междунар. науч.-метод. междисциплин. семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума», Минск, 10 нояб. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т. Фак. философии и социал. наук; редкол.: А.Н. Данилов (гл. ред.), А.А. Похомова. Минск. С. 212–219.

Сыров В.Н. 2019. Дискуссия о свободе воли и моральной ответственности: где перспективы? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 51. С. 88–97. DOI 10.17223/1998863X/51/9

Сыров В.Н. 2020. Историческая ответственность: За пределами проблемы соотношения свободной воли и детерминизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 57. С. 108–127. DOI 10.17223/1998863X/57/11

Сыров В.Н. 2021. Роль морального принципа в формировании и функционировании идеи ответственности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 62. С. 40–53. DOI 10.17223/1998863X/62/4

Сыров В.Н., Агафонова Е.В. 2021. Конструктивизм и проблема ответственности // Tempus et Memoria. Т. 2, № 2. С. 56–64. DOI 10.15826/tetm.2021.2.013

Цибизова И.М. 2022. Гипермораль, особенности идеологий постмодерна и информационные войны // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. № 3. С. 78–95. DOI 10.31249/rphil/2022.03.12

Чугров С.В. 2022. Культура отмены в мировой политике: историко-культурные корни // Полис. Политические исследования. № 5. С. 88–98. DOI 10.17976/jpps/2022.05.07

Энтина Е.Г. 2022. От «отменённой России» к странецивилизации // Россия в глобальной политике. Т. 20, №. 5. С. 98–108. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-108

Ясперс К. 1999. Вопрос о виновности. Москва : Прогресс. 146 с.

Herzog A. 2004. Hannah Arendt's Concept of Responsibility // Studies in Social and Political Thought. Vol. 10. P. 39–52.

Hoskins A. 2011. 7/7 and Connective Memory: International Trajectories of Remembering in Post-Scarcity Culture // Memory Studies. Vol. 4, № 3. P. 269–280. DOI 10.1177/1750698011402570

Leone G., Curigliano G. 2009. Coping with collective responsibilities An explorative study on Italian historical identity across three generations // Journal of Language and Politics. Vol. 8, № 2. P. 305–326. DOI 10.1075/jlp.8.2.07leo

Rüsen J. 2004. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. Vol. 43, № 4. P. 118–129. DOI 10.1111/j.1468-2303.2004.00301.x

Smith D.T. 2015. Religious Persecution and Political Order in the United States. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 273 p.

Young I.M. 2004. Responsibility and Global Labor Justice // The Journal of Political Philosophy. Vol. 12, № 4. P. 365–388. DOI 10.1111/j.1467-9760.2004.00205.x

Oksana V. Golovashina
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: ovgolovashia@mail.ru

From Cancel-Culture Sanctions to a New Form of Collective Responsibility

Abstract. The paper sets out to investigate how the practices and discourses of cancel culture as applied to large communities can be used to clarify some aspects of the manifestation of collective responsibility under changing socio-political conditions. A theoretical and methodological basis of the work was formed by the ideas of Immanuel Kant, Hannah Arendt and Iris Marion Young, according to which collective responsibility is understood as a relationship determined by the degree of belonging to a community and participation in the causes of actions that gave rise to the question of responsibility. The modern ethics of responsibility presupposes a transition to a pragmatic justification by the individual of his or her own moral position, which actualises the idea of the degree of involvement of the individual in the actions of the community. However, the individual turns out to be responsible not so much for the actions of the community as for his or her own moral choices. Moreover, while cancellation practices affecting large communities draw attention to the political aspect of collective responsibility, this does not necessarily imply that the collective responsibility associated with cancel culture is political. Thus the phenomenon of cancel culture can be seen as constituting a new version of collective responsibility characterised by the following features: (1) Focus on what is happening in the present; (2) Institutional character; (3) Involving the construction of a discourse-forming subject at the moment of imposing cancellation sanctions, which does not however coincide with the actor; (4) The subject is determined by the degree of belonging to the community rather than by the specific actions taken; (5) The supposed goals of the actors are related to influencing the political situation and encouraging political decisions.

Keywords: cancel culture; collective responsibility; political responsibility; historical responsibility; cancellation of Russian culture

УДК 323.113

Николай Александрович Шавеко
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: shavekonikolai@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5481-7425
ResearcherID: K-4637-2018
SPIN-code: 3004-0891

Когда появилась российская нация?

Аннотация. Политика российского государства, направленная на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей и имеющая целью укрепление гражданского единства, зачастую трактуется как предполагающая демонстрацию исторического единства российской нации. Это актуализирует вопрос о том, когда именно появилась российская нация. Согласно конструктивистскому подходу, нации представляют собой искусственно формируемые социальные общности, определяющим признаком которых является самоидентификация их членов. Сторонники данного подхода полагают, что на формирование национальной идентичности особое влияние исторически оказывали такие факторы, как складывание единого рынка, индустриализация и урбанизация, развитие книгопечатания, а впоследствии периодической печати и других СМИ, выработка единых языковых норм, распространение образования, появление представительных органов и наделение населения избирательными правами, установление общих праздников, выработка общего исторического нарратива и продвижение националистической идеологии. Анализ указанных факторов применительно к российской истории показывает, что первые предпосылки для формирования единой российской нации стали появляться лишь в XVII в. К началу XX в. можно говорить о складывании единого русского этноса; впоследствии большевики приложили усилия для складывания других этносов внутри Советского Союза. Однако единая российская гражданская нация ни при царском режиме, ни при большевиках еще не сложилась. В Российской Империи этому препятствовало четкое разделение русских и инородцев, православных и иноверцев. В СССР, в свою очередь, усилия были направлены на формирование советской, а не российской гражданской идентичности. Отсюда, отсчет зарождения российской нации следует вести от Декларации о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г., в которой различные народы РСФСР отразили свое желание политического единства и где вper-

вые упоминается термин «многонациональный народ». Но в таком случае довольно сложно говорить о традиционных ценностях российской нации, поскольку первые признаки зарождения указанной нации появились лишь несколько десятилетий назад.

Ключевые слова: традиционные ценности; скрепы; православие; идентичность; нация; конструктивизм; примордиализм

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным на правлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Задача выработки консолидирующей общегражданской идентичности, стоящая перед современным российским государством, предполагает демонстрацию исторического единства российской нации, поскольку чувство общей исторической судьбы является одним из факторов, формирующих эту нацию, а одним из способов формирования общей идентичности избрано сохранение и укрепление традиционных российских ценностей, что также можно трактовать как отсылку к истории российской нации. Но с какого момента начинать эту историю, и когда российская нация зародилась? Ответу на данный вопрос и посвящена данная статья. Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что российская нация появилась лишь недавно и по сути еще не имеет своей традиции, а значит, не вполне корректно говорить о традиционных российских ценностях как об общих ценностях представителей российской нации.

На сегодняшний день существует два основных подхода к понятию нации: примордиалистский и конструктивистский. Примордиалисты считают, что (1) нации – это социально-биологические общности, что (2) они возникают естественным путем, в процессе длительного постепенного складывания, и (3) отличаются по таким характеристикам, как происхождение, язык, культура, религия, традиции, обычаи, ментальность и т.д. Конструктивисты же полагают, что (1) нации – это социальные общности, говорить об общем биологическом происхождении их членов некорректно; (2) нации создаются не естественным путем, а путем целенаправленных усилий деятелей культуры и государственных деятелей, поэтому (3) главный

признак нации – это не общее происхождение, язык или культура различных людей, а их самоидентификация в качестве некоторого единства.

В литературе отмечается, что в рамках отечественной науки национализм осмыслялся традиционно в рамках примордиалистской исследовательской парадигмы (Морозова 2011: 141). Вместе с тем, конструктивистский подход сегодня является более распространенным[1]. Поэтому, несмотря на все ограничения последнего, в качестве методологической основы данной статьи будет использован именно он. Представляется, что это позволит по-новому взглянуть на формирование российской нации (и русского народа как его этнической основы), подчеркнув при этом роль модернизационных процессов. Сама по себе указанная методологическая установка не отрицает возможность применения к российской истории примордиалистского подхода, однако способна продемонстрировать проблемы, с которыми сталкивается тезис об историческом ценностном единстве, и тем самым актуализировать вопросы о том, что именно считать «российскими» ценностями, насколько эти ценности являются «традиционными» и существуют ли более оптимальные, чем политика сохранения и укрепления «традиционных российских ценностей», способы выработки консолидирующей общегражданской идентичности.

С точки зрения конструктивизма (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и др.), как представляется, можно выделить следующие основные предпосылки возникновения современных наций:

1) Преодоление феодальной раздробленности и формирование единых рынков, что усиливает экономические и иные связи между населением государства.

2) Индустриализация и урбанизация, поскольку только в городах люди отрываются от своих локальных корней и попадают в тот «котел», где формируются их общие устои и идентичность.

---

[1] Примордиализм // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/primordializmd5b58a/?v=7824182 (дата обращения: 12.05.2025).

3) Развитие книгопечатания, а затем периодической печати и других средств массовой информации и коммуникации, и связанное с этим формирование единых языковых норм и «воображаемого сообщества».

4) Развитие образования, так как единое образование является сплачивающим опытом, порождает схожее мировоззрение и ценности.

5) Появление представительных органов и наделение населения избирательными правами, так как избирательный процесс способствует чувству принадлежности к единому коллективу.

6) Установление общих праздников, написание общей истории («колонизация прошлого») и пропаганда националистических идей, вследствие чего у людей возникает ощущение, что у них есть общие скрепы и что все они – часть единого целого (миф об общей исторической судьбе).

Перечисленным факторам те или иные представители конструктивизма придают разное значение. Так, например, Э. Геллнер делает акцент на индустриализации, тогда как Б. Андерсон – на развитии печати (Шишков, Хорошев 2021: 90). Кроме того, в разных странах этих факторы могли играть неодинаковую роль. Тем не менее, во имя полноты картины, применительно к России представляется учесть каждый из них. Также следует отметить, что приведенный перечень (за исключением последнего пункта) разделяется не только собственно конструктивистами, но и представителями так называемого эволюционно-исторического направления примордиализма, в рамках которого, с одной стороны, нация рассматривается как социальная, а не биологическая общность, с другой стороны, среди факторов нациестроительства на первый план выдвигаются объективные исторические условия, а не интеллектуальные усилия политических и культурных элит.

Так или иначе, проанализируем, в какой исторический период перечисленные факторы возникают и начинают играть значимую роль применительно к России. При этом мы будем исходить из того, что поскольку термином нация обозначают всех жителей той или иной страны, постольку о нации можно говорить лишь если перечисленные выше признаки (грамотность, доступ к печатной продукции, право

голоса, связь с городской культурой и т.д.) распространяются на большинство жителей, либо хотя бы на большинство глав семей, способных транслировать новые ценностные установки на членов этой семьи. До этого термином нация можно обозначать лишь более узкие группы людей, что будет отличаться от современного словоупотребления: так, например, в конце XVIII в. Д.И. Фонвизин называл нацией российское дворянство (Миллер 2010: 45).

1. *Общий рынок, индустриализация и урбанизация.* Первые предпосылки складывания общего рынка в Московском государстве относят к XVII веку. Тогда же формируется сельскохозяйственная и промысловая специализация отдельных регионов страны (с Юга – пшеница, с Каспия – рыба, с Урала – соль и т.д.). К тому же времени относится появление общероссийских ярмарок (Макарьевская, Ирбитская, Свенская и др.). Однако индустриализация в России набрала обороты только в середине XIX века, и по сравнению с передовыми странами Запада Российская Империя по части индустриализации всегда находилась в роли догоняющего. То же самое касается и урбанизации. К 1913 году в городах жили 19% населения (Ёлшина 2015: 7), остальные проживали в деревнях и селах, а значит – придерживались своих локальных традиций и устоев. Для сравнения: в то же самое время доля жителей городов в общем населении составляла в Англии – 3/4, в Германии – 1/2, во Франции – 2/5 (Чикалов 2013: 19).

2. *Печать*. Начало книгопечатания в Московском государстве относится ко второй половине XVI в. (притом, что изобретение книгопечатания Гутенбергом – это середина XV в). Однако еще на протяжении всего XVII в. печатались в основном церковные книги[2]. За пределы церкви книгопечатание стало активно выходить лишь при Петре I. Помимо учебной литературы печатались, например, проповеди Феофана Прокоповича, знаменитого апологета самодержавия. Тогда же, при Петре I (с 1703 г.), стала регулярно выходить первая российская газета – «Ведомости» (в Европе, как считается, периодическая печать зародилась в 1605 г.). В 1756 г. при Московском университете появились

[2] Печатное дело // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С.-Петербург : Типо-лит. И.А. Ефрона, 1898. Т. 23а: Петропавловский - Поватажное. С. 527.

«Московские ведомости», а в 1811 г. – «Казанские известия» (первая газета за пределами Москвы и Санкт-Петербурга). Первая же частная газета – «Северная пчела» – появилась только в 1825 г., но практически сразу же, после восстания декабристов, стала носить консервативно-охранительный характер, являясь инструментом государственной пропаганды. Поначалу тиражи газет и книг были небольшими. Но к началу XX в. произошли кардинальные изменения. Российская пресса в это время стала одной из мощнейших в мире. В 1914 г. всего в стране выходило 916 газет и 1351 журнал на 35 языках народов Империи (Галин 2015: 15). В 1913 г. было издано 34 тыс. книг (как в США, Великобритании и Франции вместе взятых, и примерно столько же, как в Германии) (Галин 2015: 14).

3. *Грамотность.* Количество читающей публики, конечно, определялось распространением грамотности. И тут надо сказать, что так называемые берестяные грамоты показывают достаточно высокий уровень грамотности в Древней Руси, но из-за монголо-татарского ига эта традиция была утрачена. Показательно, например, что в конце XVI в. из 22 бояр, подписавших грамоту об избрании Годунова на царство, не знали грамоты четверо[3]. Но начиная с XVII в. ситуация постепенно налаживается: если во времена Ивана Грозного грамотными были в основном представители духовного и приказного сословия, то теперь их было немало среди дворян и посадских людей. За вторую половину XVII столетия Печатный двор издал 300 тысяч букварей, 150 тысяч учебных Псалтирей и Часословов, многие учились по рукописным азбукам, прописям и арифметикам. Но подавляющая масса населения оставалась неграмотной. За весь XVIII век средний уровень грамотности достиг лишь 2-6% среди женщин и 4-8% среди мужчин, в 8-10 раз уступая европейским странам и в 3-5 раз Японии и Китаю; на народное образование Россия в 1796 г. тратила 1,7% бюджета, или 1,17 млн руб., тогда как на содержание императорского двора – около 7 млн руб. (Ханин 2011: 186). К началу XIX в. в России было только 315 народных училищ, в которых обучалось 19 915 учащихся

[3] Грамотность // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С.-Петербург : Типо-лит. И.А. Ефрона, 1893. Т. 9а: Гравилат - Давенант. С. 547.

(Калинина 2012: 201). Лишь в XIX в. система образования в России начинает активно развиваться. В итоге, по данным всеобщей переписи 1897 г., грамотным был уже каждый пятый, что существенно ниже уровня грамотности западных стран в тот период (например, в 1886–1887 гг. в России 2/3 рекрутов были неграмотны, тогда как во Франции таковых было менее 10%)[4], однако в последующие годы число грамотных все больше увеличивалось. Как представляется, вкупе с развитием печати, это позволяет говорить об общем информационном пространстве для значительной доли населения империи. Обязательное же школьное образование было установлено только большевиками в 1918 г. (Положение ВЦИК от 16 октября 1918 г. «О единой трудовой школе РСФСР»).

4. *Язык.* При ответе на вопрос, когда появился русский язык, следует различать древнерусский, церковнославянский, старорусский и собственно русский языки. Относительно ранних периодов истории сведения о языке весьма скудны. Так, о дописьменном периоде развития древнерусского языка известно очень мало, к тому же письменным языком в Древней Руси был церковнославянский, а не древнерусский. При этом некоторые исследователи отрицают существование единого древнерусского языка (Shevelov 1979), хотя большинство все же признает таковой, одновременно выделяя в нем ряд диалектных зон (количество которых неодинаково у различных авторов). Правда, становление такого языка относят лишь к XI веку (Бранднер 1993: 28). Так или иначе, в XIV в. по политическим причинам древнерусский язык распадается (Филин 2006: 81). Различные диалекты развиваются далее самостоятельно и постепенно складываются в севернорусское и южнорусское наречия. Одновременно усиление и расширение Великого княжества Московского привело к распространению существовавшего там диалекта, сочетающего в себе черты обоих наречий, в качестве разговорного койне (так называемый старорусский или великорусский язык). Единого литературного языка в тот период не существовало[5]. В официальных

[4] Там же. С. 538–539.

[5] *Филин Ф.П.* Русский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва : Совет. энцикл., 1990.

документах стала использоваться архаизированная версия старорусского языка, подчеркивающая величие Московского царства. Лишь в XVII в. на базе старорусского языка начинает складываться литературный русский язык. Сфера применения церковнославянского языка постепенно сужается и к петровскому времени ограничивается лишь богослужениями. Расцвет литературы в XVIII–XIX вв. приводит к стандартизации языковых норм и утверждению так называемого русского национального языка (что нередко связывается с именами М.В. Ломоносова и А.С. Пушкина).

5. *Избирательные права*. Первый парламент (Государственная Дума) появился в Российской Империи только в 1906 г. в результате революции. До этого существовала традиция самоуправления (народное вече) в Новгороде, Пскове и других городах, но она прервалась в эпоху доминирования Москвы. С середины XVI в. по середину XVII в. существовала традиция созыва земских соборов. Но земские соборы созывались лишь в период слабости царской власти, особое значение получив во время Смутного времени. Как только власть укрепилась, земские соборы перестали созываться. Республиканские идеи вынашивали, например, некоторые декабристы в начале XIX в., однако тогда эти идеи были чрезвычайно далеки от сознания подавляющего большинства населения. Рефлексия правящей элиты над Великой Французской революцией поначалу породила размышления о конституции, но в конечном счете выбор был сделан в пользу консервации. Лишь поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. вскрыло настоятельную необходимость реформ, которые в конечном счете провел Александр II в 1860–1870-е гг. Так, в 1861 г. отменяется крепостное право. Поскольку в литературе подчеркивается ключевая роль воинской повинности в распространении избирательных прав (Фишман 2011), стоит также отметить, что всеобщая воинская повинность была введена в Российской Империи в 1874 г. Таким образом, предпосылки для предоставления избирательных прав сложились всего за три десятилетия до того, как таковые были действительно предоставлены. В то же время в западных странах институт выборов и представительства имеет многовековую историю, и даже если принимать во внимание, что на более-менее широкие слои населения избирательное право там стало распространяться

лишь в XIX в., отставание России налицо (впрочем, это отставание резко обратилось первенством, когда в 1917 г. в России было введено всеобщее избирательное право).

6. *Праздники, история и национализм*. Нерабочие праздничные дни впервые были установлены Государственным Советом лишь в 1897 г. Почти все из них были православные праздники, но «иноверцам» разрешалось заменять эти праздники своими. Едиными для всех были т.н. «царские праздники» (дни рождения и именины членов царской семьи, день коронования и т.п.). Для сравнения, во Франции еще со времен Великой Французской революции государственные праздники использовались как средство обеспечения народного единства (Иль 2015).

Что касается исторической науки, то первым русским историком считается В. Татищев (XVIII в.). Историческая наука при этом изначально была построена так, чтобы показать величие российского государства и государствообразующего русского народа.

К 1830-м гг. относится, с одной стороны, провозглашение теории официальной народности министром народного просвещения графом Сергеем Уваровым, с другой стороны, публикация первого «философического письма» Петра Чаадаева. В обоих случаях отчетливо видна фиксация на особом историческом пути и особых традициях России, которая впоследствии вылилась в спор западников и славянофилов, где представители каждого из противоборствующих лагерей пытались по-своему осмыслить российскую историю. С точки зрения конструктивизма, однако, речь здесь должна идти не об осмыслении, а о создании российской истории. Так, исследуя историю владений династии Рюриковичей-Романовых, западники и славянофилы «опрокидывали» в нее сформировавшиеся лишь в их историческое время представления о русском народе (известной путанице способствовало и многозначное летописное слово «русь»). В результате на базе общей культуры вырабатывалось и представление об общей «исторической судьбе». Причем о последней следует говорить применительно не только к прошлому, но и к будущему, ведь именно на представлениях о будущем основывались политические разногласия западников, славянофилов и официальной власти, тогда

как в отношении прошлого они разделяли общее понимание того, что «русская» история и культура имеет свои уникальные особенности. Основываясь на представлениях об уникальности русского народа, интеллигенция Российской Империи к концу XIX в. увлеклась размышлениями о «русской идее»: нередко русский народ воспринимался как народ-богоносец, хранящий истинную веру (мессианизм), но чаще речь шла лишь об особой миссии русского народа, существующей наряду с особыми миссиями других народов (миссионизм) (Мотрошилова, Руткевич 2012: 293-298), в любом случае некритично принималась мысль о том, что у русского народа есть некоторое предназначение. Впрочем, все эти интеллектуальные брожения, никак не затрагивающие подавляющее большинство населения Российской Империи, представляют собой скорее внешнее выражение объективных процессов формирования общей идентичности, чем сознательное конструирование нации. Первые русские националистические политические организации, появившиеся лишь на рубеже XIX–XX вв. (в том числе так называемые черносотенцы), также не имели достаточного влияния на широкие массы населения (Иванов и др. 2015: 153), чтобы стать катализатором этнического самоопределения. Российскому государству, в свою очередь, теория официальной народности нужна была лишь как противопоставление формуле «свобода, равенство, братство», а не как идеологическое обоснование политики нациестроительства (как раз наоборот, термин «народность» должен был вытеснить приобретшее революционный потенциал понятие «нации» (Миллер 2010: 60)). Так или иначе, если и говорить о роли политических и культурных элит в формировании национального самосознания, то применительно лишь к XIX в.

Какие же выводы можно сделать по результатам такого беглого взгляда на историю?

Представляется, что изложенное свидетельствует о том, что первые предпосылки для формирования русского народа появились в XVII в., а окончательно он сформировался только на излете Российской Империи (Жданко 1975: 56), когда уже определились нормы национального языка, развилась периодическая печать и книгопечатание, население стало более-менее грамотным и получило минимальные политические права, а интеллектуальная элита стала активно осмыслять

феномен русскости. На самом деле, многие факторы, с которыми конструктивисты связывают рождение нации, появились лишь в СССР: всеобщее обязательное образование, всепроникающие средства массовой информации и коммуникации, торжественное празднование множества памятных дат и, наконец, полноценная индустриализация. До XVII–XIX вв. корректнее говорить о других видах идентичности, причем не просто потому, что этническая идентичность не была актуализирована, а потому, что русского народа как такового не существовало (существовала скорее область господства православной религии, поэтому и слово «русский» зачастую означало скорее религиозную, чем этническую принадлежность). Причем к тому же периоду (XVII–XIX вв.) относится формирование и развитие концепции триединого русского народа (великорусы, малорусы, белорусы), то есть этногенез украинцев и белорусов шел параллельно этногенезу русских, а обретение ими собственной государственности в первой четверти XX в. (в конечном счете в виде УССР и БССР) ускорило этот процесс. Про подавляющее большинство остальных народов Российской Империи можно сказать то же самое. С позиций конструктивизма сложно говорить о существовании множества народов, населяющих современную Россию, в период до прихода к власти большевиков, потому что, как правило, именно большевики дали этим народам письменность, унифицировали их языки, организовали обучение на национальных языках, даровали этим народам политическую автономию и т.д., то есть в сущности сформировали эти народы как таковые. Понятно, что этнические и языковые различия существовали на протяжении веков и даже тысячелетий. Но эти отличия накапливались от местности к местности более-менее плавно (за исключением, пожалуй, религиозных отличий). Четкое же разграничение культурных признаков различных народов и формирование их уникального самосознания – это заслуга большевиков.

Но нас здесь интересует не столько русский народ (этнос), сколько российская нация. Под народом мы имеем в виду совокупность людей, объединенных, в первую очередь, языком и другими культурными признаками (такими как, например, хозяйство и быт, ценности и религия, обычаи и традиции и т.д.), а под нацией – совокупность людей, характеризующих-

ся, в первую очередь, общим политическим самосознанием. Поскольку народ, как правило, исторически выступает основной для формирующейся нации, постольку сказанное выше о русском народе имеет значение и при анализе происхождения российской нации. Что касается последней, то применительно к ней действует тот же самый перечень факторов, который был рассмотрен выше, однако следует сделать несколько поправок, касающихся социального состава населения Российской Империи. Во-первых, существовало четкое разграничение правового статуса православных и иноверцев. По переписи 1897 г. православных и старообрядцев было 69,9%. Во-вторых, не менее серьезное разграничение было между теми, кто владеет русским языком (по переписи 1897 г. они составляли всего 44,31% населения, а с учетом малорусского и белорусского языков – 66,8%), и теми, кто не владеет. Эти данные показывают, что треть населения государства не относилась к титульному этносу, не разделяла многие его ценности и не имела с ним равного правового статуса. Управление территориями компактного проживания такого населения осуществлялось особыми способами в зависимости от местных обычаев и образа жизни (Фадеичева 2003). В таких условиях нельзя говорить о предпосылках складывания единой гражданской нации, даже с учетом отмены крепостного права и постепенного нивелирования сословных различий. Соответствующие предпосылки появились лишь при наделении широких слоев населения избирательными правами в результате революции 1905–1906 гг. Но в 1917 г. к власти пришли большевики, а в 1922 г. был образован Советский Союз и началось централизованное формирование не российской нации, а интернационального советского народа (Фадеичева 2014: 99). В итоге, российская нация начала складываться лишь после распада СССР, когда, во-первых, нерусское население в подавляющем большинстве уже владело русским языком как родным, во-вторых, религиозные отличия стали менее значимыми, в-третьих, правовой статус людей выравнялся, в-четвертых, было провозглашено всеобщее избирательное право. Началом формирования российской нации можно считать Декларацию о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г., которой различные народы РСФСР провозгласили свое желание политического единства (что можно

рассматривать как свидетельство общего самосознания), и в которой впервые упоминается термин «многонациональный народ», перекочевавший впоследствии в Конституцию РФ 1993 г. При этом, конечно, формулировки правовых документов можно рассматривать только в качестве отдельных (необязательно достаточных) признаков существования нации. Но важно зафиксировать, что эти признаки появляются только после краха сначала Российской Империи, а потом и Советского Союза, в рамках которых вместо политики строительства российской нации осуществлялась поддержка совершенно иных идентичностей. Кроме того, важно подчеркнуть, что сам по себе факт возникновения нового государства не свидетельствует о появлении новой нации. Однако возникновение Российской Федерации, по крайней мере, создало необходимые предпосылки для выработки новой, российской идентичности.

Таким образом, российская нация имеет крайне непродолжительную историю: она существует в лучшем случае с 1990 г., до этого об «историческом единстве» (в ценностном плане) говорить следует весьма осторожно. Соответственно, традиционными ценностями российской нации могут считаться только те ценности, которые существуют в указанный период; фактически это не столько традиция, сколько ценности, вырабатываемые здесь и сейчас теми же самыми поколениями людей, при которых и появились первые признаки российской нации. В свою очередь, отсылки к более ранним периодам при характеристике российской нации и ее ценностей являются некорректными, поскольку в этом случае следует говорить уже не об истории и ценностях российской нации, а об истории каких-то иных феноменов и о ценностях каких-то иных субъектов. Соответственно, об общих духовно-нравственных ценностях представляется корректным говорить либо как о российских, либо как о традиционных, но вряд ли существуют какие-то ценности, которые корректно было бы обозначать как «традиционные российские» (то есть как традиции, присущие российской нации). О традиционных духовно-нравственных ценностях можно говорить в других смыслах: например, как о ценностях, которых придерживались предки современных россиян, или как о ценностях, которые были свойственны разнородному населению российского государства в предшествующие периоды истории.

Но в таком случае непросто доказать, что эти ценности были свойственны большинству соответствующих субъектов и в этом смысле являются общими.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бранднер А. 1993. Проблематика периодизации истории русского языка: происхождение русского литературного языка // Opera Slavica. Vol. 3, iss. 2. P. 27–31.

Галин В. 2015. Капитал Российской империи. Практика политической экономии. Москва : Алгоритм. 352 с.

Ёлшина А.А. 2015. Процесс урбанизации в России: история и тенденции // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. № 5-6. С. 6–9.

Жданко Т.А. 1975. Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России // Современные этнические процессы в СССР / отв. ред. Ю.В. Бромлей. Москва : Наука. С. 33–84.

Иванов А.А. и др. 2015. Русский национализм: основные вехи исторического осмысления / А.А. Иванов, А.Л. Казин, Р.В. Светлов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 16, № 4. С. 142–156.

Иль О. 2015. Смех и священное. К истории государственных праздников во Франции // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 2. С. 45–64.

Мотрошилова Н.В., Руткевич А.М. (ред.) 2012. История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 3. Философия XIX–XX вв. / под ред. Н.В. Мотрошиловой, А.М. Руткевича. Москва : Академ. проект. 443 с.

Калинина Е.А. 2012. Школьная реформа Александра I и «Положение об училищах» 1804 года // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 11. С. 192–202.

Миллер А. 2010. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) : сб. статей / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. Москва : Новое лит. обозрение. С. 42–66.

Морозова П.А. 2011. Национализм в современном политическом процессе: отечественные и зарубежные исследовательские стратегии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4; История. Регионоведение. Международные отношения. № 2. С. 139–143.

Фадеичева М.А. 2003. Этническая политика в Российской Империи XIX В. «Положение об Инородцах» // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 4. С. 369–382.

Фадеичева М.А. 2014. Концептосфера национальной политики позднесоветского периода: возможности актуализации // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 14, вып. 2. С. 96–107.

Филин Ф.П. 2006. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: ист.-диалектологический очерк : [капитальный труд о происхождении восточнославянских яз.] Изд. 2-е., стер. Москва : URSS. 656 с.

Фишман Л.Г. 2011. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург : УрО РАН. 260 с.

Ханин Г.И. 2011. Надо ли восхищаться Екатериной II? // ЭКО. Вып. 3(441). С. 179–188.

Чикалов Р.А. 2013. Новая история стран Европы и Северной Америки (1815–1918). Минск : Вышэйшая школа. 686 с.

Шишков В.В., Хорошев С.В. 2021. Распавшийся нарратив: постимперский дискурс о национальном государстве в России // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 16, № 1. С. 87–101. DOI 10.22394/2071-2367-2021-16-1-87-101

Shevelov G.Y. 1979. A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg : Winter. 809 p.

Nikolai A. Shaveko
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: shavekonikolai@gmail.com

When Did the Russian Civic Nation Appear?

Abstract. The current policy of the Russian federal state, which is explicitly aimed at protecting traditional Russian spiritual and moral values while strengthening civic unity, is often interpreted as also implying the historical unity of the Russian civic nation. This raises the question of when exactly the Russian civic nation emerged. According to the constructivist approach, nations are artificially formed social communities, whose defining feature is the self-identification of their members. Proponents of this approach believe that the formation of national identity has been historically influenced by such factors as the development of a unified market, industrialisation and urbanisation, the development of printing and subsequently periodical press and other mass media, the establishment of unified linguistic norms, the spread of education, the emergence of representative bodies and the granting of electoral rights to the population, the establishment of common holidays, the development of a common historical narrative, and the promotion of nationalist ideology. An analysis of these factors in relation to Russian history shows that the first prerequisites for the formation of a unified Russian nation

began to appear only in the 17th century. By the beginning of the 20th century, one can speak of the formation of a unified Russian ethnos; subsequently, the Bolsheviks made efforts to facilitate the formation of other ethnic groups within the Soviet Union. However, no unified Russian civic nation was formed under the Bolsheviks any more than it had under the preceding tsarist regime. In the Russian Empire, this was prevented by a clear distinction between ethnic Russians and foreigners, Orthodox and non-Orthodox. In the USSR, in turn, efforts were directed at the formation of a Soviet, rather than Russian, civic identity. Hence, the countdown of the birth of the Russian civic nation should be taken from Declaration of State Sovereignty of the Russian Soviet Federated Socialist Republic (RSFSR) of 12/06/1990, in which the various peoples of the RSFSR reflected their desire for political unity and where the term "multinational people" was first mentioned. In this case, however, it is quite difficult to talk about the traditional values of this Russian civic nation, since the first signs of its emergence started to appear only a few decades ago.

Keywords: traditional values; societal glue; Orthodoxy; identity; nation; constructivism; primordialism

УДК 101.1

Иван Владимирович Суслов
Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Россия
E-mail: suslov85@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-0991-6368
SPIN-код: 4922-0479

Идеологические трансформации российского общества: философская рефлексия

Аннотация. В начале XXI в. наблюдается постепенное возрождение интереса к реидеологизации политического и культурного пространства страны. Цель данной статьи заключается в систематизации и анализе философских взглядов на процессы реидеологизации, которые происходили в России в период с 2012 по 2023 г. Теоретический анализ позволил утверждать, что философское сообщество продемонстрировало разнообразные реакции на активные процессы реидеологизации в России, поддерживаемые государством с 2012 г. С одной стороны, выдвигались предупреждения о репрессивном характере тотальной идеологии. С другой стороны, философы искали формы участия в обсуждении общенациональных вопросов и определения будущего развития страны. Некоторые философы, отказываясь от обсуждения идеологии, заняли позицию эскапизма, стремясь к свободе в своем собственном бытии, вне влияния общества или какой-либо конкретной идеологии. Трансформации представлений о роли идеологии в жизни общества и государства открывают новые ракурсы для философской саморефлексии. Дискуссии о необходимости «ухода» от обсуждения политических проблем и идеологической конфронтации вызывают «кризис философской идентичности» и одновременно представляют собой важный эпистемологический вызов.

Ключевые слова: идеология; реидеологизация; философия и государство; идеологический консенсус; общественная консолидация; философское сообщество

Целью статьи является анализ реакции философского сообщества на процессы реидеологизации государства. В связи с этим предпринимается концептуальный анализ философских публикаций и дискурсивной среды, оказывающей влияние

на само философствование. Период 1990-х гг. в интеллектуальной истории постсоветской России характеризуется парадоксальным сосуществованием двух разнонаправленных тенденций. Отказ от государственной идеологии, зафиксированный в Конституции Российской Федерации 1993 года (ст. 13 Конституции РФ), на протяжении первого постсоветского десятилетия определял нормативно-ценностный контур политико-публичных и научных споров о перспективах развития страны. С одной стороны, официальные государственные лица и представители либеральной общественности апеллировали к принципу деидеологизации государства как необходимому условию перехода к демократическому устройству, призванному преодолеть тоталитарное прошлое и обеспечить идеологический нейтралитет государства, формировалась концепция идеологического плюрализма, предполагающая недопустимость господствующей идеологии и приоритет личностной автономии в определении ценностных ориентиров.

С другой стороны, внутри политико-публицистического дискурса постепенно усиливались призывы к восстановлению смысловой и ценностной целостности социального тела, что неизбежно возвращало проблему идеологии как форму символического порядка и общественного самосознания. Например, противопоставляя себя как либерализму, так и классическим идеологиям модерна (марксизму и фашизму), А. Дугин утверждал, что наступает новая эпоха, требующая синтеза геополитики, традиционализма и православной эсхатологии. Россия же не может существовать без идеологии, потому что она – не просто государство, а носитель мессианского смысла, противопоставленного секулярному Западу (Товбин 2014). А. Дугин делает попытку восстановить онтологический статус идеологии как формы миропорядка, в которой человек осмысляет свое место в истории, культуре и космосе, освободив ее от исторического контекста XX в. (Суслов, Тихонова 2024).

С точки зрения С.Г. Кара-Мурзы, декларация о «деидеологизации» в 1990-е годы сама по себе служила формой идеологической манипуляции. Под видом «освобождения» от идеологии на деле происходила замена одной системы координат на другую, преимущественно западно-либерального образца, без осознания ее нормативно-властной природы (Лексин 2014).

В.С. Мартьянов и Л.Г. Фишман отметили трагическое совпадение постсоветского транзита России в 1990-е годы с истощением морального импульса, легитимировавшего политический проект капитализма. Исследователи утверждали, что для создания новой идеологии, способной сохранить человеческие ценности от деградации и кризиса, необходима моральная трансформация (революция) российского общества (Мартьянов, Фишман 2010).

В 2000-е годы на уровне государственной риторики попрежнему сохранялось внешнее следование курсу деидеологизации. Конституционная установка на «идеологическое нейтральное государство» оставалась в силе и озвучивалась как правовая гарантия политического плюрализма. Однако уже к середине 2000-х стало очевидно, что фактический отказ от идеологического проектирования оборачивается символическим вакуумом, который спонтанно заполняется либо внешне заимствованными ценностными матрицами, либо архаичными формами массового сознания. На этом фоне в академическом и общественно-политическом дискурсе нарастает обеспокоенность отсутствием четкой смысловой опоры в жизни государства и общества.

В частности, в 2004 г. заметным явлением становится выход двух монографий – А.Г. Дугина «Проект "Евразия"» (Дугин 2004) и В.Н. Кузнецова «Российская идеология 21» (Кузнецов 2004), в которых утверждалась возможность создания и успешного функционирования идеологии, призванной объединить российское общество. Перспективы и эффективность новой формирующейся российской идеологии оценивались как положительные, отмечалось, что только через идеологию консолидации можно обогатить и наполнить цели, идеалы и ценности людей значимым смыслом. Идеология, таким образом, наделялась способностью сформулировать «российскую мечту» на основе сохранения и укрепления исторической памяти и патриотизма.

Публичные дискуссии в 2000-е годы продолжали разворачиваться между двумя полюсами. С одной стороны, сторонники сохранения деидеологизации государства (либералы) настаивали на том, что идеология в любых формах несет в себе риск репрессивности, подмены мышления догматикой, ограничения свободной рефлексии. С другой стороны, усиливается

позиция мыслителей и публицистов, рассматривающих идеологию как неизбежный элемент любой формы коллективного существования, форму артикуляции национального интереса, исторической памяти и культурной миссии российского народа. В этом контексте особую роль играла концепция «суверенной демократии», артикулированная В. Сурковым в 2005 г., которая, по сути, представляла собой институциализированную форму реидеологизации, не признаваемую в качестве таковой.

Уже в первой декаде нового века становятся ощутимыми процессы интеллектуального и политико-культурного разворота от либерального универсализма к формам консервативного традиционализма. А.В. Рубцов фиксирует в 2010–2011 гг. изменения в официальном и медийном дискурсах, связанные с заменой терминов модернизационного толка (инновация, экономика знаний, человеческий капитал) на концепты, апеллирующие к духовным, культурным и историческим основаниям российской государственности – традиции, духовность, культурные коды, идентичность, скрепы (Рубцов 2018: 68). Подобная трансформация не была исключительно риторической: она сопровождалась институциональными изменениями в сферах образования, культуры, информационной политики, государственно-конфессиональных отношений.

Политико-риторический проект реидеологизации государства, начавшийся в 2010-е, постепенно охватывал все большее количество сфер общественной жизни, внося коррективы в школьные учебники, патриотическое воспитание, стратегии культурной политики и легитимации настоящего через героизированное прошлое.

Одним из важнейших инструментов реидеологизации становится государственное переосмысление исторического нарратива (Ефременко 2023). История окончательно утрачивает статус автономной научной дисциплины и превращается в форму гражданской религии. Закреплению этого вектора служит утверждение Министерством просвещения РФ в 2020 г. «Концепции преподавания учебного курса “История России”», а также впоследствии введение единого учебника истории. История становится не темой обсуждения, а полем гражданской мобилизации и инструментом легитимации настоящего через переинтерпретацию прошлого.

В 2010-е гг. реидеологизация государства из предмета интеллектуальной рефлексии превращается в реальный политический процесс. Философское сообщество сталкивается с фундаментальным вызовом, связанным с осмыслением возможностей восстановления идеологии после крушения великих нарративов. Философский анализ не замыкается в рамке абстрактных понятий и нормативных рассуждений, а встраивается в более широкий контекст формирования идеологических смыслов в постсоветском обществе. Такой подход позволяет не только глубже интерпретировать философские позиции, но и выявить латентные формы их зависимости от политико-культурного фона, а также степень их критической дистанции по отношению к нему.

В рамках теоретического анализа философских подходов к феномену реидеологизации в современной России были отобраны для рассмотрения публикации, входящие в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Использование РИНЦ обусловлено его репрезентативностью для научного дискурса в гуманитарной и социально-философской сфере. При отборе источников применялся принцип релевантности и цитируемости. Под релевантностью понимается содержательная направленность публикаций на тематику идеологии, политической философии, социальной теории и философской саморефлексии в условиях постсовременности. Цитируемость, в свою очередь, рассматривается как эмпирический показатель степени научного внимания и обсуждаемости той или иной позиции в философском сообществе. Высокий уровень цитирования трактуется не как маркер «истинности» позиции, но как индикатор ее заметности в интеллектуальной среде, что позволяет судить о ее влиянии на складывающийся академический дискурс. Таким образом, предполагается, что философия, несмотря на претензию к автономии и универсальности, не существует во «вневременном горизонте», но оказывается включенной в историко-социальную ткань эпохи.

Выборка публикаций основывалась на их значимости, выраженной в количестве научных откликов и обсуждений, что делает возможным реконструкцию наиболее влиятельных или репрезентативных философских реакций на процессы реидеологизации в период 2012–2024 гг. Анализ философских текстов,

включенных в исследование, позволяет определить этапы и направления эволюции философского отношения к процессам российского государства.

С начала 2010-х гг. в российском обществе происходит постепенное возвращение к поиску идеологического ядра, способного сплотить нацию и ответить на вызовы фрагментированной глобальной современности. Это движение сопровождалось возрастанием роли государства как заказчика и модератора смыслов – от поддержки патриотических нарративов до продвижения традиционных ценностей. В 2014 г. в контексте событий, связанных с присоединением Крыма, появляются новые смысловые доминанты: «русский мир», «воссоединение», «историческая справедливость», «многополярный мир» и др., которые начинают играть роль ценностных координат в государственной политике.

Реакция философского сообщества на процессы реидеологизации в 2010-е гг. выявила наличие нескольких концептуальных стратегий. Часть исследователей выступила с критикой происходящих изменений в идеологической сфере, указывая на риски воспроизводства авторитарных форм политической регуляции. Так, А.А. Кара-Мурза акцентирует внимание на опасности тотализации идеологии в условиях отсутствия полноценного гражданского общества и независимых институтов гражданского контроля. Идеология, по его мнению, неизбежно приобретает репрессивный характер, подменяя рациональную дискуссию принуждением к нормативному единомыслию (Кара-Мурза 2012). Э.А. Соловьев в свою очередь выделяет ряд ключевых механизмов идеологического манипулирования массовым сознанием: формирование образа врага, эксплуатация геополитических мифов, поощрение ксенофобии, сакрализация исторического нарратива. В качестве философского противоядия он предлагает развитие культуры скептицизма, критическое различение между идеалами и программами, а также активизацию концепции открытой истории как сферы полифонического и незавершенного диалога (Соловьёв 2016: 10-12).

Наряду с критиками в философской среде сформировалась позиция, ориентированная на позитивное осмысление происходящих процессов. Представители этого подхода исходят из того, что идеология неизбежна как форма структурирования

коллективного сознания и, следовательно, задача философии заключается не в отрицании феномена как такового, а в разработке нормативных оснований легитимной и открытой идеологии, способной консолидировать общество на базе общенациональных ценностей. В.Н. Шевченко предлагает рассматривать философию не как антипод идеологии, а как ее критически-рефлексивную составляющую, способную внести в общественное сознание элементы публичной рациональности, тем самым нейтрализуя риски догматизма (Шевченко 2014). В этом контексте получает популярность политико-духовный концепт «национальной идеи» как формы смысловой консолидации в условиях фрагментированного и атомизированного общества. Подобные усилия поддерживаются и в концепции «ценностного ядра нации», в рамках которой Россия мыслится как носитель особой цивилизационной миссии, противостоящей западной универсалистской экспансии. Дополнительный вклад в осмысление современных форм идеологического производства вносят интерпретации идеологии как фактора геополитического суверенитета, широкое распространение которых указывает на востребованность интегративных нарративов в условиях идеологического вакуума постсоветского периода развития российского общества.

Сотрудники Института философии и права УрО РАН в коллективной монографии «Россия в поисках идеологий» пытаются ответить на вопрос: существует ли альтернатива идеологии как инструменту социального управления. По мнению исследователей, успех в модернизации идеологии требует соответствия желаемого настоящего и будущего этическим принципам не только отдельных групп общества и России, но и всего человечества (Мартьянов, Фишман 2016). Вышеприведенную позицию поддерживает и Ю.Г. Волков, замечая, что трудно оспаривать роль идеологии как силы, способной объединять и мобилизовывать общество. Однако вопросы, возникающие относительно развития идеологической сферы, преодолеваются через усилия по гуманизации, легитимации идей социального творчества, самореализации и альтруизма (Волков 2016). Важное различие между идеологией гуманизма и традиционными идеологиями ученый видит в отсутствии насильственного воздействия, ведущего к политиче-

ским конфликтам в процессе реализации гуманистических идей. Л.Г. Фишман считает возможным достижение согласия относительно общих критериев социальной принадлежности и получение вознаграждения за социальную активность, выраженную в участии в общественных делах, учитывая ограниченные возможности занятости в традиционном производстве материальных благ и услуг (Фишман 2016).

Нельзя не отметить и третью позицию, которую можно охарактеризовать как постидеологический эскапизм. Ее представители исходят из убеждения, что современная философия, утратив статус универсального знания, становится формой экзистенциального общения, своего рода индивидуальной или «локальной» идеологией. В.М. Межуев утверждает, что философия все менее способна влиять на публичное пространство и все более превращается в способ самовыражения отдельно взятых интеллектуалов. Эта позиция не отрицает важности идеологических процессов, но сознательно выносит их за пределы философской рефлексии (Межуев 2017: 178-179). Однако в условиях усиливающейся поляризации общества и возрастания значения идеологических конструктов как инструментов власти подобная стратегия рискует обрести маргинальный статус. Как подчеркивает П.С. Гуревич, избыточная критика идеологии может сама по себе стать препятствием к диалогу, подменяя коммуникацию множеством автономных и замкнутых голосов (Гуревич 2018). В этой связи задача философии состоит не в деструкции идеологических оснований, а в формировании условий для их критической транспарентности, открытости и способности к самоограничению.

Институционализация дискуссии о реидеологизации находит отражение в академических инициативах. 1 марта 2018 г. в Институте философии РАН состоялся круглый стол «Философия и идеология: иллюзия деидеологизации», продолживший обсуждения, начавшиеся в 2016 г., что свидетельствуют о признании идеологии как необходимого, хотя и проблематичного компонента социальной жизни. Прозвучавшие на круглом столе доклады показали, что идеология является одновременно и инструментом манипуляции, и способом символической артикуляции коллективного опыта, необходимого для функционирования политического тела (Сыродеева 2018: 207-208).

Таким образом, в 2010-е гг. современная российская философия оказывается втянутой в поле общественно-политических трансформаций, связанных с возвращением идеологии (реидеологизацией), не только как наблюдатель, но и как ее участник. В этих условиях социально-политическая философия приобретает новую актуальность как область, способная к концептуализации механизмов идеологического воздействия, выработке критериев легитимности идеологических программ и защите автономии мышления как фундаментальной ценности.

Поставленный в статье вопрос – нужна ли идеология с точки зрения философии – носит не только теоретико-гносеологический, но и экзистенциально-практический характер. Для философии, традиционно ориентированной на истину и критику догматизма, идеология может выступать как угроза – редукция многообразия к единственно допустимому мировоззрению. Однако одновременно философская традиция содержит и противоположный импульс: стремление к нормативному высказыванию о справедливом устройстве общества, к формированию телоса совместного бытия.

Таким образом, в ходе анализа становится очевидным, что отношение к реидеологизации государства в философском сообществе в 2010-е претерпело трансформацию: от жесткой критики и отстраненности – к поиску в попытке осмыслить идеологию как феномен, с которым философия не может не иметь дела, но и не может полностью слиться. В этом контексте идеология понимается не как инструмент манипуляции, а как выражение фундаментальной потребности человека в упорядочивании мира и придании ему смысловой целостности. С философской точки зрения речь идет о необходимости восстановления коллективной субъектности через возвращение к архетипам «большого мы», актуализацию исторического нарратива, сакрализацию прошлого и мобилизацию «традиционных ценностей».

Конец 2010-х и особенно начало 2020-х гг. ознаменовали собой новый этап в трансформации идеологического пространства России. События этого периода, включая конституционную реформу 2020 года[1], эскалацию международной конфронтации,

[1] В основном законе были указаны «предки, передавшие нам идеалы и веру в Бога», утверждалось понятие «традиционных ценностей», а институт брака фиксировался как союз мужчины и женщины.

милитаризацию публичной риторики, активизацию культурно-ценностной политики, создают качественно иной контекст для философского осмысления процессов реидеологизации.

В 2022 г. на фоне радикального изменения международной обстановки идеологическое строительство приобретает черты мобилизационной и во многом милитаристской направленности. На смену прежним эвфемизмам приходят прямые и категоричные формулы: «национальное достоинство», «борьба с однополярным миром», «защита русского мира», «ценностный суверенитет». В публичном дискурсе все чаще звучит тезис о «метафизическом противостоянии» России и Запада. Эти высказывания выводят идеологию за рамки утилитарной рациональности и придают ей эсхатологический смысл – борьба идей оказывается борьбой миров.

Российское государство окончательно отказывается от постсоветской установки на идеологическую нейтральность, сохранив только внешние признаки конституционного запрета государственной идеологии. На уровне государственной политики оформляются ключевые элементы нового идеологического канона. В 2022 г. утверждаются основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, в которых определяется 17 базовых понятий – от *патриотизма* и *служения Отечеству* до *семьи*, *достоинства* и *приемлемости социальной справедливости*. Эти понятия подаются как надысторические, универсальные и недискуссионные, то есть не предполагающие философского или культурного спора. Идеология здесь окончательно отказывается от открытого дискурсивного характера и превращается в нормативно фиксированный, символически герметичный каркас.

Философская реакция на происходящую в 2020-е гг. институционализацию идеологии (реидеологизацию) оказывается, с одной стороны, вынуждено сдержанной, с другой – внутренне расщепленной. В публичном пространстве философы все реже выступают как авторитеты интерпретации происходящего, а все чаще – как фигуры либо лояльного сопровождения, либо молчаливого дистанцирования.

Часть философов сегодня признает необходимость взаимодействия с государством в вопросе создания национальной идеологии. Например, при разработке будущего проекта для

России А.Л. Никифоров предлагает отказаться от принципов либерализма и капитализма, ориентированных на прибыль, в пользу новой коллективистской идеологии, предполагающей ограничение частной собственности и рыночных отношений. Главной задачей российской философии в настоящее время исследователь считает создание нового социального проекта, который придаст жизни людей глубокий смысл (Никифоров 2021). Однако Л.Г. Фишман выражает скепсис относительно потенциала идеологической самоидентификации политической элиты, указывая на сочетание в современном российском правящем классе черт бюрократии, буржуазии и советской номенклатуры как на фактор, препятствующий созданию идеологии, принципиально противоположной западному либерально-универсалистскому проекту (Фишман 2023).

На фоне этого возникает эпистемологический вызов, не сводящийся к политической критике: как философия может сохранять свою идентичность в условиях, когда язык, ценности и образы уже определены заранее? Таким образом, 2020-е гг. ставят перед философией России принципиально новый вопрос: возможна ли философия без идеологии – в условиях, когда идеология не просто вернулась, но стала обязательной формой мышления, говорения и действия?

Ю.М. Резник, рассматривая институциональную и содержательную связь философии с государством, выделяет три формы взаимодействия: финансовую, нормативную и содержательную, отмечая важную роль философии в формировании культурных идеалов и цивилизационной миссии России при сохранении критической дистанции и автономии философского мышления (Резник 2022: 30-31). Россия нуждается в ясной государственной идеологии, которая выражает интересы страны и привлекательна для молодежи, добавляет Л.А. Мусаелян. Эти новые ценности и идеалы должны отражаться в образовательной системе (Мусаелян 2023).

А.А. Гусейнов, размышляя о философском наследии изгнанных из СССР в 1922 г. мыслителей, называет их депортацию «экспериментом», доказавшим провал попытки слияния философии и идеологии. По его мнению, превращение философии в инструмент государственной политики приводит не к консолидации, а к катастрофе: философия должна быть простран-

ством автономного духа, а не производной от политического заказа (Гусейнов 2023: 11-12).

А.В. Логинов и Д.В. Руденкин фиксируют разрыв между философским желанием описать идеологию в терминах классических моделей (консерватизм, либерализм, социализм) и отсутствием объекта для такого описания в современной социальной реальности. Исследователи указывают на «кризис идентичности» в самой философии, поставленной перед необходимостью переосмысления собственной роли в постидеологическую эпоху (Логинов, Руденкин 2020).

Таким образом, социально-политическая философия оказывается на перепутье. С одной стороны, существует очевидный общественный запрос на выработку смыслов и ценностей, способных стать основой национального идеологического проекта. С другой – сохраняется опасение перед политическим инструментализмом, превращающим философию в идеологический ресурс государства. Это противоречие и есть точка философской напряженности, превращающая проблему идеологии в вызов, обращенный к самой философии как дисциплине.

Современная философская мысль в России, вступая в поле идеологических дискуссий, демонстрирует растущую рефлексивность и осознание своей ответственности за формирование будущего. Но одновременно – и необходимость предельной осторожности: участие в идеологическом проектировании требует сохранения автономии мышления, способности к критике и отказа от соблазна окончательных ответов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волков Ю.Г. 2016. Образы идеологии и гуманизма в современной России. Москва : КноРус, 208 с.

Гуревич П.С. 2018. Философская экспертиза идеологии // Философская антропология. Т. 4, № 1. С. 8–26. DOI 10.21146/2414-3715-2018-4-1-8-26

Гусейнов А.А. 2023. Философия и идеология (к столетию «Философского парохода») // Вопросы философии. № 9. С. 5–13. DOI 10.21146/0042-8744-2023-9-5-13

Дугин А.Г. 2004. Проект «Евразия». Москва : Эксмо : Яуза. 512 с.

Ефременко Д.В. 2023. Обретая уверенность в собственном прошлом. российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке // Политическая наука. № 2. С. 15–45. DOI 10.31249/poln/2023.02.01

Кара-Мурза А.А. 2012. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. № 2(9). С. 27–44.

Кузнецов В.Н. 2004. Российская идеология 21 : Опыт социол. исслед. формирования рос. идеологии XXI в. Москва : Кн. и бизнес, 551 с.

Лексин В. 2014. Идейная трансформация советских обществоведов в «перестроечно-постперестроечный» период (о книге С.Г. Кара-Мурзы «Между идеологией и наукой») // Российский экономический журнал. № 2. С. 70–100.

Логинов А.В., Руденкин Д.В. 2020. Ни конфликта, ни согласия: изображая идеологию в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. Т. 36, № 2. С. 341–355. DOI 10.21638/spbu17.2020.211

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2010. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. Москва : Весь Мир. 253 с.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (ред.) 2016. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. Москва : Полит. энцикл. 334 с.

Межуев В.М. 2017. Философия как идеология // Философский журнал. Т. 10, № 4. С. 171–180. DOI 10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180

Мусаелян Л.А. 2023. Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. № 3. С. 349–364. DOI 10.17072/2078-7898/2023-3-349-364

Никифоров А.Л. 2021. Какое будущее ждет человечество? // Философский журнал. Т. 14, № 3. С. 82–95. DOI 10.21146/2072-0726-2021-14-3-82-95

Резник Ю.М. 2022. Должна ли философия служить государству? // Вестник Российского философского общества. № 3/4. С. 6–42. DOI 10.21146/1606-6251-2022-3/4-6-62

Рубцов А.В. 2018. Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии // Вопросы философии. № 6. С. 66–75. DOI 10.7868/S0042874418060055

Соловьёв Э.Ю. 2016. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. Т. 9, № 4. С. 5–17. DOI 10.21146/2072-0726-2016-9-4-5-17

Суслов И.В., Тихонова С.В. 2024. Как идеологи определяют идеологию: А.Г. Дугин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Т. 24, № 4. С. 394–399. DOI 10.18500/1819-7671-2024-24-4-394-399

Сыродеева А.А. 2018. Философия и идеология: иллюзия деидеологизации (обзор «круглого стола») // Вопросы философии. № 7. С. 207–217. DOI 10.31857/S004287440000243-2

Товбин К.М. 2014. Традиционалистская философия: версия Дугина // Аналитика культурологии. № 3(30). С. 46–63.

Фишман Л.Г. 2016. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 3(82). С. 116–129.

Фишман Л.Г. 2023. Обойдемся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? // Дискурс-Пи. Т. 20, № 2. С. 52–67. DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_52

Шевченко В.Н. 2014. Зачем нужна обществу публичная философия? // Философский журнал. № 1(12). С. 5–18.

Ivan V. Suslov
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia. E-mail: suslov85@inbox.ru

Ideological Transformations of Russian Society: Philosophical Reflection

Abstract. Since the beginning of the 21st century, there has been a gradual revival of interest in the re-ideologisation of the political and cultural space of the Russian Federation. The article sets out to systematise and analyse philosophical views on the processes of re-ideologisation that took place in Russia from 2012 to 2023. The conducted theoretical analysis reveals diverse reactions on the part of the philosophical community to the active processes of re-ideologisation in Russia, which has been supported by the state since 2012. While some concerns about the repressive nature of total ideology have been expressed, other philosophers sought forms of participation in discussing national issues and determining the country's future development. Some thinkers, in refusing to discuss ideology, have adopted a position of escapism, striving for freedom in their own existence outside the influence of society or any particular ideology. While transformations in ideas about the role of ideology in the life of society and the state open new perspectives for philosophical self-reflection, discussions about the necessity of "withdrawal" from addressing political problems and ideological confrontation lead to a "crisis of philosophical identity" that represents an important epistemological challenge.

Keywords: ideology; re-ideologisation; philosophy and state; ideological consensus; social consolidation; philosophical community

УДК 323

Мария Викторовна Назукина
Институт гуманитарных исследований
Уральского отделения РАН
г. Пермь, Россия
E-mail: nazukina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0190-0513
SPIN-код: 6543-3557

Ресурсы региональной идентификации в контексте развития российской идентичности[1]

Аннотация. В статье анализируется состояние региональной идентичности в современной России. Автор делает вывод о значимости укоренения идентитарного дискурса в регионах как ресурса развития страны. Показано, что российские регионы демонстрируют процесс интеграции проблематики идентичности в управленческие практики. Основу этого составляют: трансляция регионалистского дискурса через культивирование специфики региона; осмысление и характеристика особенностей сообщества на основе общих ценностей, активное позиционирование и защита регионального интереса. Предложено понятие «институционализация региональной идентичности», предполагающее формирование устойчивых и стабильных ценностных систем, а также социальных практик. Определяются три направления процесса институционализации региональной идентичности: нормативное (позиционирование и нормативное закрепление региональной специфики и ее артикуляция в политических курсах), нарративно-мифологическое (присутствие региональной идентичности в доминирующих нарративах и мифологемах региона), символическое (символизация и переход региональной специфики в символику, названия регионов, топонимику, праздники, брендинг, пантеоны региональных героев и т.д.). Выход на уровень стратегического и системного видения политики идентичности на основе данных направлений формирует благоприятную основу для использования идентитарных ресурсов в развитии регионов и страны в целом.

Ключевые слова: трегиональная идентичность; российская идентичность; институционализация; политика идентичности; развитие; бренд региона

[1] Исследование базируется на диссертационной работе автора (Назукина 2025).

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания (тема № 124021400020-6, «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерения»).

Активное развитие интереса к проблематике идентичности обусловлено стратегической значимостью этого нематериального ресурса для любых социальных систем (Семененко 2011; Семененко 2023). В условиях современных геополитических вызовов, социально-политических и технологических трансформаций формирование и укрепление российской идентичности становится ключевой задачей. Региональная идентичность занимает важное место в структуре общегражданской идентичности. Она берет свои истоки в социальной общности с населением, связь с которым основывается на общем месте проживания (Brigevich 2016 и др.). Авторский подход к концептуализации понятия заключается в том, что региональная идентичность определяется как комплекс символических и идейных установок и смыслов, связанный с процессом интерпретации регионального своеобразия (регионалистский дискурс), через который уникальность региона приобретает осязаемые черты в образах, символах и мифах, разделяемых членами регионального сообщества (Назукина 2017: 508).

В 1990-е годы социологические исследования выявили тенденцию к преобладанию самоидентификации россиян как «жителей своего региона». Данные ВЦИОМ показали сокращение числа тех, кто идентифицирует себя как «россиянин», и увеличение числа тех, кто ощущает себя частью своего региона, города или поселка[2]. Опрос ФОМ в 1998 г. показал, что 35 % опрошенных в первую очередь чувствовали себя жителями своего региона, 29 % – гражданами России, 22 % имели смешанную идентичность. Более поздние исследования подтверждают этот тренд, фиксируя либо доминирование региональной идентичности, либо ее равнозначность с общенациональной[3]. Опрос

[2] *Данилова Е.* Проблемы социальной идентификации населения постсоветской России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1997. № 3. С. 14.

[3] ФОМ-ИНФО. Еженедельный бюллетень. Москва, 1998. № 27 (222).

ЦИРКОН в 2012 г. выявил значимость низовых уровней территориальной идентичности. Оказалось, что Россия лидирует среди 10 стран бывшего СССР по уровню локальной идентичности. При общем доминировании общероссийской идентичности более высокие показатели региональной идентичности продемонстрировала республика Татарстан (24 % при ответе на вопрос «Кем Вы лично в первую очередь себя ощущаете?» отметили «жителем своего региона», 35 % «жителем своего города, района» и 34 % – «гражданином России»)[4].

В 2020 г. по заказу Министерства науки и высшего образования РФ было проведено исследование, которое оценивало гражданско-патриотическое воспитание детей и молодежи. Респондентам предлагалось выбрать, кем они себя ощущают в большей степени. Результаты показали, что общероссийская идентичность («гражданином России») доминирует (51 %), заней следует «членом своей семьи» (16 %), «гражданином мира» (13 %), «жителем своего города, района» (10 %), и по 5 % выбрали «жителем своего региона» и «представителем своего народа»[5]. Исследование выявило регионы, где региональная идентичность оказывается значительно сильнее локальной. К таким регионам относятся: Республика Ингушетия (15,63 %), Республика Саха (Якутия) (12,18 %), Ненецкий автономный округ (11,66 %), Карачаево-Черкесская Республика (11,11 %), Алтайский край (10,17 %) и Томская область (10,00 %). В целом, несмотря на ограничения, связанные с методикой проведения данного опроса

---

[4] Территориальная идентичность на постсоветском пространстве, 15.03.2013 // ЦИРКОН. Пресс-релиз. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/222/PR_territorialnaja_identichnost_na_PSP_15-03-13.pdf (дата обращения: 02.09.2025).

[5] Мониторинг деятельности субъектов Российской Федерации по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи, в том числе анализ эффективности реализации программ субъектов Российской Федерации по патриотическому воспитанию граждан и оценка эффективности использования объектов, предназначенных для военно-патриотического воспитания и подготовки граждан к военной службе, включая образовательные организации, спортивные и спортивно-технические объекты // Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Центр современных образовательных технологий». URL: https://centersot.ru (дата обращения: 02.09.2025).

и целевым фокусом на молодежные группы, показательно преобладание общероссийской идентичности.

Внешние вызовы, с которыми Россия столкнулась в последние годы, актуализировали вопрос о сохранении и развитии общероссийской идентичности и дополнили его новыми смыслами. Пандемия коронавируса и санкционное давление со стороны западных стран консолидировали российское общество и тем самым усилили значимость общероссийской идентичности. В период пандемии это проявилось, например, в создании и работе всероссийского массового волонтерского движения «МыВместе», а в условиях санкций — в активном участии граждан из разных регионов страны в гуманитарной помощи жителям Донбасса и освобожденных территорий. С другой стороны, внешние вызовы усилили самостоятельность российских регионов: Владимир Путин наделил губернаторов дополнительными полномочиями, чтобы обеспечить эффективность управления разными региональными контекстами. Можно предположить, что усиление самостоятельности в свою очередь актуализировало значимость региональных идентичностей. В пользу этого аргумента свидетельствует и, например, курс на импортозамещение, повсеместно и последовательно реализуемый на уровне субъектов федерации. Так, например, региональные акции, призванные поддержать местных производителей («Покупайте Пермское!» и т.п.), в своем основании содержат, прежде всего, региональную идентичность.

Современные российские регионы демонстрируют устойчивую тенденцию по включению проблематики идентичности в управленческую сферу. Это приводит к усилению значения практик конструирования региональной идентичности как одного из инструментов развития территории. В ряде случаев это приводит к выделению данного направления в самостоятельную сферу, базирующуюся на специализированной нормативной основе, направленной на развитие региональной идентичности. Примером является концепция сохранения и развития идентичности в Ульяновской области до 2030 г. Указанный процесс, по нашему мнению, может быть обозначен как «институционализация региональной идентичности», что подразумевает обретение ценности и устойчивости регионалистского дискурса о специфике региона и сообщества

в рамках политического курса, ориентированного на формирование, поддержание региональных порядков и публичное признание региональной идентичности (Назукина 2025: 25). Государственная политика играет решающую роль в этом процессе (Castells 1997), создавая и поддерживая долгосрочные нарративы, которые формируют региональную и национальную самоидентификацию. Это помогает людям определить, кто мы, а кто другие и как мы к ним относимся. Когда идентичность обретает институциональные формы, она становится основой для упорядочивания «картины мира» и разрешения конфликтов. Таким образом, формирование идентичности и ее институционализация – это динамичные, взаимосвязанные процессы, которые развиваются вместе и усиливают друг друга. Возникает исследовательский вопрос: как региональная идентичность становится ресурсом развития страны?

Анализ специфики артикуляции регионалистского дискурса в современной России показывает, что региональная самобытность и уникальность проявляются не только в характеристиках, но и в активных действиях, направленных на достижение целей и амбиций региона. Эти цели могут быть разнообразными: получение экономических или политических преимуществ в борьбе за ресурсы, развитие сотрудничества с другими регионами, символические дивиденды и пр.

Можно выделить несколько направлений артикуляции регионалистского дискурса. Во-первых, он связан с продвижением особенностей региона: историко-культурной, экономической, природно-географической, политической и иной специфики, которые активно акцентируются при характеристике территории. При этом экономическая уникальность, к примеру, может интерпретироваться через набор статусов и амбиций, ассоциирующихся с регионом («мощнейший центр», «регион-лидер», «территория инноваций»), а также через конкретные характеристики, которыми описывается уникальность «нефтяной», «индустриальный» и пр.

Второе направление артикуляции регионалистского дискурса – подчеркивание особенностей жителей территории, то есть регионального сообщества. В частности, важными для интерпретации внутренних характеристик оказываются наличие наименования регионального сообщества, рассуждения

вокруг понятий, связанных с региональным характером, менталитетом и пр. (например, тюменский характер); наличие персонификаторов и культурных героев, их цитирование и др. Показательный фрагмент такого рассуждения – это Послание губернатора Тюменской области за 2019 год: «*Первый такой ресурс – стойкость. Я говорю о свойстве тюменского характера, выкованном в героические времена первопроходцев… Второй ресурс – смекалка. Это тоже в нашем характере, в нашей крови – способность находить нетривиальные, дерзкие, новаторские решения, умение сойти с накатанной колеи и решительно двинуться в неизведанное*»[6].

При этом региональная идентичность в современной России не существует в вакууме, а тесно переплетается с этническими (например, принадлежностью к славянскому, или тюркскому «мирам»), конфессиональными (православным, исламским, буддистским «мирам») и историческими (например, ощущением себя частью «постсоветского пространства») факторами. Важно, что каждый из этих компонентов может иметь разный вес и значение для индивида или группы, когда они пытаются понять и определить уникальность своей историко-культурной идентичности.

Если первые два направления помогают определить, как сообщество воспринимает свой регион и свою идентичность, то третий аспект позволяет оценить активность и самостоятельность региональных акторов в защите интересов и продвижении имиджа региона. Использование метафорических выражений, подчеркивающих уникальность и амбиции региона (например, «Казань – третья столица России», «Вологда – молочная столица России» и др.), служит инструментом для символического диалога с федеральным Центром с целью получения дополнительных ресурсов, а также для конкуренции с другими регионами.

На наш взгляд, присутствие указанных маркеров региональной идентичности и их институционализация может

[6] Послание губернатора Тюменской области А.В. Моора Тюменской областной думе «О положении дел в области» 2019 год, 21.11.2019 // Органы государственной власти Тюменской области : Официальный портал. URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/gov/governors/interviews/more.htm?id=11810694@cmsArticle (дата обращения: 25.09.2025).

происходить на трех основных уровнях политики идентичности: нормативном (позиционирование и нормативное закрепление региональной специфики и ее артикуляция в политических курсах), нарративно-мифологическом (присутствие региональной идентичности в доминирующих нарративах и мифологемах региона), символическом (символизация и включение региональной специфики в символику, названия регионов, топонимику, праздники, брендинг, пантеоны региональных героев и т.д.).

Любые классификации регулируются на уровне дискурсов через политику правительства и могут быть формализованы в нормативно-правовых актах (см., напр.: Панов 2019). В данном случае институционализируется статус региона и его особость. Региональные акторы артикулируют регионалистские смыслы, определяя вектор конструирования особости территории. В целом, можно выделить следующие направления в нормативной институционализации региональной идентичности:

1. Акцентирование региональной специфики в ключевых государственных программах, стратегии развития, нормативных актах, связанных со стратегическим планированием развития региона, а также принятие решений и проведение политики на их основе;

2. Определение статуса региона в рамках федеративной системы, степень территориальной автономии;

3. Позиционирование региональных элит в связке с регионом (дискурс «свой»/чужой в официальных материалах (биографии, интервью)), значимость регионального фактора в кадровой политике (землячество, «московоборчество», роль «варягов» и т.д.);

4. Региональный компонент системы образования, научно-исследовательской сферы (краеведение, работа региональных музеев и пр.) и языковая политика;

5. Наличие и влияние регионалистских движений и организаций на региональную политику;

6. Региональная идентичность в предвыборном дискурсе («свой-чужой»).

Институционализация региональной идентичности в рамках политики идентичности предполагает использование разнообразных символических элементов, формируемых в ходе

конструирования идентичности. К символическому измерению институционализации региональной идентичности можно отнести включение признаков региональной специфики в символические атрибуты сообщества, географические названия, имена собственные (онимы), культурный ландшафт, памятники, монументы, различные ритуальные практики (например, празднование знаменательных дат) и др. Данный процесс проявляется через использование образов культурных героев, присвоение названий, визуальное оформление и дизайн городских пространств, а также брендинг.

Направления символической институционализации региональной идентичности в политике идентичности регионов РФ включают в себя:

1. Присутствие маркеров специфики региона в гербе, флаге, гимне, описании символики в законах о региональных символах;

2. Присутствие маркеров специфики региона в названиях объектов социальной и коммерческой инфраструктуры;

3. Наличие регионального бренда (новая геральдика), а также присутствие маркеров специфики региона в региональных брендах разного типа (например, туристических, производственных и др.);

4. Культивирование культурных героев, связанных с регионом: лидеры, звезды спорта, эстрады, национальные герои и пр.;

5. Определение региональных праздников и юбилеев.;

6. Участие региона в символических проектах, таких как «Россия 10», «Великие имена России» и др., актуализация и продвижение региональных символов в них.

Символическое направление призвано наглядно представить атрибуты уникальности сообщества, и оно тесно связано с нарративно-мифологическим направлением, которое акцентирует внимание на функции передачи исторической памяти у сообществ. Оно охватывает различные формы и способы представления прошлого, память сообщества, а также доминирующие мифологемы и ценности.

Нарративно-мифологическая институционализация приводит к осмыслению региональной специфики как базовой ценности и закреплению ее в общественном сознании. В рамках нарратива выделяется исторический нарратив, описывающий

генеалогию регионального сообщества и объясняющий его прошлое, настоящее и будущее. Нарративно-мифологическое направление представлено различными вариантами, например, мифом об особом народе или героях.

С точки зрения политико-психологического подхода ценности являются устойчивыми смысловыми доминантами в структуре политической идентичности. Они определяют образы «своих» и «чужих», характеризуют специфику региональных сообществ, фиксируют, что значимо для них на уровне культурного кода (Селезнева, Хугаев 2024). На уровне дискурса это проявляется как то, что объединяет и формирует границы.

Направления нарративно-мифологической институционализации региональной идентичности в политике идентичности регионов РФ объединяют следующие аспекты:

1. Исторические нарративы и мифологемы региона (традиции, легенды, народная культура и др.);

2. Местные верования и религия как важные аспекты характеристики регионального сообщества;

3. Позиционирование, туристические образы, презентация региона в официальном дискурсе и др.

Интересным примером значимости религии является Республика Калмыкия: «Буддизм – доминирующий идентификат этнической идентичности калмыков, не язык»[7] – считают эксперты.

Одним из значимых нарративов российских республик выступает мифология «единения» с Россией, которая выражается в праздновании юбилеев «вхождения» в Россию. К примеру, региональная история прочно вписывает Удмуртию в российское пространство, свидетельство чему празднование 450–летней годовщины добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства, которое «стало объединяющим всех без исключения жителей республики праздником»[8].

Безусловно, выделенные уровни и предложенная модель институционализации региональной идентичности в контек-

[7] Экспертное интервью № 1. Элиста, 28.10.2015. Личный архив автора.

[8] *Волков А.* Юбилей объединил всех жителей Удмуртии, 17.09.2008. URL: https://www.izh.kp.ru/daily/24165/378131/ (дата обращения: 25.10.2025).

сте политики идентичности являются аналитическим конструктом. Важно акцентировать внимание на взаимозависимости каждого из элементов, поскольку очевидно, что процесс формирования символического атрибута неразрывно связан с его мифологизацией и последующим нормативным закреплением. Вместе с тем, понятие институционализации региональной идентичности в политике идентичности открывает новые горизонты для проведения сравнительных исследований политических процессов в регионах. Ключевым аспектом анализа выступает укорененность регионалистского дискурса в политическом курсе региона как фактора, значимого для поддержания регионального порядка.

Государство как ключевой актор политики идентичности отвечает за формирование базовых ценностных категорий, на основе чего конструируется содержательный фокус региональных ценностных моделей и определяются перспективные стратегические символические ниши регионального преимущества над «другими». В логике ресурсного подхода происходит усиление интегративного дискурса на уровне глав регионов и ключевых региональных министерств. Интеллектуальная элита в реализации политики идентичности берет на себя функцию рефлексии по стимулированию дискурса региональной специфики, формированию интеллектуальных сообществ.

Представители региональной власти осознают идентичность ценным ресурсом и используют политику, основанную на ней, для стимулирования развития территории. Стратегии, опирающиеся на символические ресурсы и человеческий капитал, способствуют развитию туризма, улучшению городской инфраструктуры.

Во многом сегодня наблюдается ситуация диалога и коммуникации разных субъектов в сфере реализации политики идентичности. Возрастающая роль бизнес акторов в условиях внешних вызовов объясняется тем, что они активно реализуют запрос на импортозамещение и регистрируют региональные бренды. Интересным примером является Пермский кейс, когда под юбилей местный предприниматель зарегистрировал бренд туристического автобуса «Пермь 300» и стал активно развивать региональные экскурсионные маршруты. Причем, понимая важность темы, он активно взаимодействовал с региональными

экспертами, которые помогли определить базовые элементы пермской региональной идентичности для экскурсии.

Исследования показывают, что региональная идентичность способствует укреплению российской идентичности (см. напр.: Киреева и др. 2024). Она становится основой для объединения вокруг общих задач, активизации гражданской позиции и формирования чувства ответственности за будущее России, особенно среди молодого поколения. Одним из перспективных инструментов, с помощью которого можно эффективно встраивать разные уровни территориальной идентичности друг в друга, является брендинг, при котором регионы включаются в символический ландшафт страны через маркеры амбиций (столичности, центра и пр.). Значительный интерес для последующего анализа должны представлять исследования региональных брендинговых практик, которые формируют в общественном сознании систему смыслов, способствующую укреплению общероссийской идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Киреева И.В. и др. 2024. Брендинг регионов в укреплении российской национальной идентичности: эмпирический вызов и экспертный ответ / И.В. Киреева, Е.С. Куква, А.Ю. Шадже // Вестник Института социологии. Т. 15, № 1. С. 91–113. DOI 10.19181/vis.2024.15.1.5

Назукина М.В. 2017. Региональная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И.С. Семененко. Москва : Весь мир. С. 507–512.

Назукина М.В. 2025. Конструирование и институционализация региональной идентичности в современной России : дис. … д-ра полит. наук. Пермь. 364 с.

Панов П.В. 2019. Структурные факторы институционализации этничности в политике «национальных республик» Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Политология. № 4. С. 5–18. DOI 10.17072/2218-1067-2019-4-5-18

Селезнева А.В., Хугаев З.Т. 2024. Ценностные основания политической идентичности в региональном, национальном и цивилизационном измерениях концептуальное осмысление и российский контекст // Социум и власть. № 4. С. 80–91. DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-80-91.

Семененко И.С. 2011. Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И.С. Семененко. Москва : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). Т. 1: Идентич-

ность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий. С. 162–168.

Семененко И.С. (ред.) 2023. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Москва : Весь мир. 512 с.

Brigevich A. 2016. Regional identity and support for Europe: distinguishing between cultural and political social identity in France // Regional & Federal Studies. Vol. 26, № 4. P. 475–507. DOI 10.1080/13597566.2016.1223057.

Castells M. 1997. The Power of Identity. Oxford : Blackwell. 592 p.

Mariya V. Nazukina
Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia. E-mail: nazukina@mail.ru

Resources of Regional Identity Formation in the Context of Russian Nation-Building

Abstract. This article examines the current state of regional identity in contemporary Russia, arguing that embedding identitarian discourse in the regions functions as a critical resource for national development. The study demonstrates that Russian regional governance increasingly incorporates identity-based strategies, manifested through: (1) the propagation of regionalist discourse by cultivating local distinctiveness; (2) the interpretation and definition of community traits grounded in shared values; and (3) the proactive advancement of regional interests. The author introduces a concept of "institutionalization of regional identity", defined as the establishment of enduring value systems and social practices. Three key dimensions of this institutionalization process are identified: (1) normative, which covers the positioning and codification of regional distinctiveness in policy frameworks; (2) narrative-mythological, which considers integration of regional identity into dominant narratives and mythologized regional tropes; and (3) symbolic, which performs translation of regional specificity into tangible symbols, including toponymy, branding, commemorations, and pantheons of regional heroes. The study concludes that adopting a strategic and systemic approach to identity politics fosters a reliable foundation for using regional identity as a developmental asset, benefiting both local territories and the nation as a whole.

Keywords: regional identity; national identity; institutionalization of regional identity; identity politics; identitarian discourse

УДК 314.182

Василь Тимерьянович Сакаев
Российский государственный аграрный
университет – МСХА имени К.А. Тимирязева
г. Москва, Россия
E-mail: sakaev2003@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9921-3799
ResearcherID: O-7810-2015
SPIN-код: 4899-0150

Демографические факторы российского цивилизационного развития в XX веке

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли демографических факторов в цивилизационном развитии России в течение XX в., а именно в трансформации одного из ключевых элементов российской цивилизации – политической системы. Методологическую основу проведенного исследования составили подходы и методы политической демографии. На основе анализа статистических данных и результатов, представленных в научной литературе, выделены факторы, дважды приведшие к смене политического строя в стране за менее чем 100 лет. Показана аграрная перенаселенность как ведущий демографический фактор, приведший к революционному взрыву и коллапсу Российской империи. Рассмотрено значение «молодежного бугра» как фактора дестабилизации политической системы Российской империи на завершающем этапе ее развития. Отражена роль урбанизации как ключевого процесса советской эпохи с точки зрения политической демографии, который позволил преодолеть главный вызов первой половины XX в. – аграрное перенаселение страны, – однако породил новые социально-демографические вызовы, в конечном счете дестабилизировавшие советский строй. Вскрыта роль таких факторов как формирование «новых горожан» и социальная деградация «советской интеллигенции», приведших к новому кризису социальной системы в целом и ее политической составляющей в частности. Проведено сравнение влияния демографических факторов в начале и в конце XX в. и выделены причины различных траекторий развития политических событий. В заключении обобщены результаты исследования и сделаны выводы о роли демографических факторов в функционировании политических систем в XX в. в нашей стране.

Ключевые слова: Россия; XX век; цивилизационное развитие; политическая система; демографические факторы; трансформация; коллапс

Введение. Исследованием роли демографического фактора в политических процессах занимается политическая демография. Это относительно новое направление в политической науке, уже активно представленное в Международной ассоциации политической науки, где функционирует секция «Политической географии и демографии».

Понятие демографического фактора. Под демографическим фактором в политических процессах подразумевается взаимосвязь между демографическими характеристиками и особенностями протекания политических процессов. Демографические характеристики населения страны оказывают влияние и на функционирование политической системы.

Один из основоположников политической демографии в США Д. Голдстоун указывал, что любые существенные изменения в населении или в любой его группе могут влиять на распределение ресурсов и, следовательно, иметь политическое воздействие (Goldstone et al. 2012: 11-12).

Следует признать, что фиксация влияния демографических факторов в политических процессах в контексте отдельных периодов истории нашей страны до сих пор в полной мере не осуществлена.

Подходы к исследованию роли демографического фактора. М. Вайнер выделял пять областей исследований в данной сфере: 1) в структуре возрастных групп населения; 2) в размере семьи и обеспеченности жильем и землей; 3) в численности и плотности населения в контексте отношений центр / периферия; 4) в темпах прироста населения среди разных этнических и религиозных общин; 5) в миграции в пределах государства и через границы (Weiner, Teitelbaum 2001: 11).

М. Тейтельбаум называл важнейшими направлениями исследований: 1) размер населения и его взаимосвязь с мощью государства; 2) влияние возрастной структуры населения на политическую силу и политическую стабильность в стране; 3) этнический, социально-экономический и географический состав населения страны и его отражение в политической власти;

4) воздействие иммиграции и сокращения рождаемости на политическую силу (Poston, Micklin 2006: 868).

Важным исследовательским вопросом является проблема роли демографических факторов в возникновении и развитии революционных событий. Так, демографические факторы революционных событий на примере зарубежных стран рассмотрены в работе В.В. Устюжанина и др. (Устюжанин и др. 2022), применительно к историческому прошлому российской цивилизации освещены в работах С.А. Нефедова (Нефедов 2015) и Б. Миронова (Миронов 2017), а применительно к современной российской действительности – в работе В. Мартьянова (Мартьянов 2018).

Существующие подходы к исследованию данной области отталкиваются от анализа политических явлений через призму трендов четырех демографических составляющих: рождаемости, смертности, миграции и структуры населения. Через призму влияния этих четырех демографических составляющих будет рассмотрена эволюция политической системы в нашей стране в XX в. Тем самым будет зафиксировано влияние демографических факторов на ее функционирование и развитие.

Источники данных. Основным источником данных для политико-демографического исследования выступают данные переписи населения и статистические данные о движении населения.

Поскольку мы будем отталкиваться от уже установленных исторической наукой данных об основных трансформациях политической системы в нашей стране, наше исследование будет носить ретроспективный характер.

Цель и задачи статьи. Целью статьи является иллюстрация роли демографических факторов в установленных трансформациях политической системы. В качестве задач рассматривается анализ влияния демографических факторов на политическую трансформацию во время поздней Российской империи и в советский период истории.

Демографические факторы кризиса имперской политической системы в России в начале XX в. Одной из ключевых проблем, приведших к краху империи, стала проблема аграрного перенаселения в центральной части страны. В 1880 г. в стране проживало 82 млн чел., к 1894 г. это число возросло

до 122 млн, к 1914 – до 182 млн (ежегодный прирост порядка 2,4 млн чел, в то время как за период с 1902 по1912 гг. прирост составил до 3,7 млн) (Мосякин 2017: 29-35). Хотя приведенные данные критикуют из-за несовершенства статистического учета, порядок цифр впечатляет – на каждые 100 жителей империи ежегодно появлялись 1–2 новых.

Подавляющую часть демографического прироста давало крестьянство, составлявшее ¾ населения страны[1]. Основными местами концентрации прироста были европейская часть страны и столичные регионы, где росла численность пролетариата за счет переселяющихся сельских жителей.

Демографический прессинг снижал возможности роста благосостояния населения и увеличивал бедность, обостряя социальные противоречия, особенно в условиях экономической нестабильности (кризис 1900–1903 гг. и последовавшая затем депрессия). В начале XX в. на грани бедности и нищеты находились 26,6 млн крестьян (Волин 1983: 168).

Высокая доля иждивенцев также провоцировала бедность значительной части населения. В начале XX в. на 100 человек в трудоспособном возрасте в России приходилось 83 человека в нетрудоспособном (в Германии – 74, в Англии – 73, в США – 69), что сдерживало перерастание натурального хозяйства в товарное, препятствовало накоплению капитала и интенсификации сельского хозяйства (Погребинская 2008).

Доля молодого населения была экстремально высокой. В европейской части страны доля населения в возрасте до 30 лет составляла 64,5%, в т.ч. в возрасте до 19 лет – 48,7%, в целом по империи эти показатели составляли 64,6% и 48,4% соответственно[2].

Целый ряд современных исследований (Urdal 2004) показывает, что доля молодежи более 30% в структуре населения значительно усиливает риски внутриполитических конфликтов. Существование в империи в начале XX в. «молодежного бугра» признается российскими исследователями (Нефедов 2015;

---

[1] Статистический ежегодник России. 1913 г. Издание ЦСК МВД. Санкт-Петербург, 1914. URL: http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/6457-statisticheskiy-ezhegodnik-rossii-1913-g-spb-1914#mode/inspect/page/547/zoom/4 (дата обращения: 12.02.2025).

[2] Там же.

Мартьянов 2018). В частности, С. Нефедов считает социально-политическими последствиями «молодежного бугра» массовый уход молодежи из деревни в город, что вело к росту численности пролетарских слоев населения, а также вело к росту численности студентов и активизации студенческого движения накануне 1905 г. (Нефедов 2015).

Общее повышение грамотности населения также открывало новые возможности для пропаганды антиправительственных идей. Так доля грамотных в населении старше 9 лет составляла в 1897 г. 27% среди лиц обоего пола, среди мужчин – 39%, а в европейской части империи эти показатели были выше – 30% и 43%[3].

Аграрное перенаселение оказывало давление на политическую систему, превращая губернии европейской части в подобие «пороховой бочки». В период с 1897 г. по 1914 г. население России выросло на 40,1 млн чел. (Сифман), а избыток рабочих рук в деревне колебался от 9,2 до 12,2 млн чел. (Островский 1982).

Нивелировать это давление в ходе столыпинской реформы не удалось, поскольку из 9,5 млн крестьянских дворов только 2,7 млн хозяйств к 1914 г. попытались выйти из общины, а в реальности сделать это удалось только 26,6% из них (Аврех 1991). Переселенческая политика также не решила проблему, поскольку из 1,3 млн крестьян, двинувшихся в 1908–1909 гг. за Урал, более 0,5 млн вернулись обратно, а «число переселенцев и ушедших в города не поглощало естественного прироста населения» (Аврех 1991). Напряжение в деревне росло, и в 1905–1907 гг. в России имели место не менее 22 тыс. выступлений крестьян, тогда как за весь XIX в. их было всего 11 тыс. (Тюкавкин, Щагин 1987: 70-71).

Аграрное перенаселение подпитывало господствовавшие в крестьянской среде представления о социальной справедливости и коллективизме (Тюкавкин 2001: 297), усиливая стремление к захвату помещичьей земельной собственности.

Ускоренная урбанизация, вызванная промышленным подъемом в конце XIX – начале XX вв., порождала значительные слои люмпен-пролетариата – вчерашних разорившихся крестьян, отправившихся в города в поисках лучшей жизни. В 1897 г. доля городского населения в империи составляла всего

[3] Там же.

15 % (Лаппо, Полян 1999: 35), но за последующие 18 лет городское население только в европейской части выросло на 6,5 млн чел. (Рашин 1956).

Поток этот, в силу непрерывного демографического прироста в деревне, не иссякал, а только нарастал. В городах формировалась прослойка взрывоопасного социального элемента. Вчерашние сельчане составляли до четверти городского населения (Лаппо, Полян 1999: 37). Эти группы зачастую оказывались в крайне уязвимом положении в результате любого экономического катаклизма, становясь все более отзывчивыми к антиправительственной пропаганде.

Быстро росло население национальных окраин, что зачастую порождало межнациональную напряженность, например, в Средней Азии это продемонстрировало восстание 1916 г. Схожие проблемы возникали на Кавказе, в Польше и Прибалтике, а особой остротой отличался еврейский вопрос, порождавший широкое вовлечение еврейской молодежи в революционное движение.

Объективно сложившиеся демографические факторы кризиса политической системы были усилены событиями Первой мировой войны, которая спровоцировала массовые перемещения населения, в том числе еврейского, на восток из западных губерний. Численность беженцев в России в годы Первой мировой войны оценивают от 5 до 15 млн чел., среди которых значительную часть занимала молодежь и подростки (Михалев, Пьянкова 2015: 95, 103). Массовые миграции формировали группы неустойчивого населения, оторванного от своей привычной среды и легко подверженного антиправительственной пропаганде.

Огромную роль в расширении революции в провинции в 1917 г. сыграли дезертиры. К лету 1917 г. численность мужского населения в Поволжье увеличилась на 1/5 за счет солдат, которые сбежали из своих частей или не пожелали возвратиться из отпусков, и именно дезертиры часто выступали зачинщиками первых крестьянских беспорядков (Люкшин 2013: 123).

Перечисленные демографические факторы создавали предпосылки для социального взрыва. Причем для революционного взрыва 1905–1907 гг. был один набор демографических факторов, а для событий 1917 г. – несколько другой. Но было

ли неизбежным крушение существовавшей политической системы под воздействием демографических факторов? С точки зрения политической демографии эти факторы лишь создают предпосылки для кризиса и социального взрыва, однако «спусковым крючком» для начала революционных событий выступают все же другие факторы, социально-политического или иного характера.

По оценке Б. Миронова, в результате демографической модернизации в позднеимперской России произошла известная рационализация демографического поведения у части населения (Миронов 2017: 35). С.В. Захаров считает, что в 1910-е гг. начался процесс постепенного перехода от традиционной модели к модели сознательного контроля рождаемости (Захаров 2003). Однако в демографический переход включились всего 14% жителей, из числа образованных и состоятельных горожан и жителей западных регионов (иудеев, католиков и протестантов), в то время как 86% населения (сельское и городское население православного, мусульманского и других вероисповеданий) оказалось слабо затронутым новыми тенденциями (Миронов 2017: 35). Таким образом, для предотвращения революционного взрыва просто не хватило достаточного времени, которое бы позволило вовлечь в демографический переход более широкие слои населения, прежде всего крестьянство.

Демографические факторы развития советской политической системы в XX веке. Гражданская война привела к огромным демографическим потерям, оцениваемым цифрами до 15 млн чел. и выше (Почешхов и др. 2020: 67), что повлекло некоторую дезурбанизацию в стране. Так, городское население с 1913 по 1920 гг. на всей территории СССР сократилось с 28,5 до 20,9 млн чел., а его доля – с 17,9% до 15,3% (Московский, Исупов 1984: 27). Многие крупные города, включая столицы, просто обезлюдели. Но проблема аграрного перенаселения продолжала сохраняться, что грозило новым взрывом в будущем, если ничего не предпринять.

Ответом на внутри- и внешнеполитические вызовы стал курс на ускоренную модернизацию. «Взрывная» урбанизация – резкий рост численности городского населения, формировавший группы «новых горожан» из числа выходцев из села, легко управляемых и мотивируемых, – стала прямым следствием

этой политики. В результате доля городского населения выросла к 1939 г. до почти 33 %[4].

Власть в целях формирования устойчивой социальной опоры создала каналы массовой мобильности, формируя новые кадры рабочих и интеллигенции (Сенявский 2019: 148). Эти миграционные потоки вели и к формированию «новых элит» – будущих «сталинских технократов», которые стали оттеснять прежние элитные группы, выдвинувшиеся в ходе революции и Гражданской войны.

Специфическими характеристиками урбанизации в этот период стали: формирование резко выраженной диспропорции между численностью населения и степенью развития социальной инфраструктуры населенных пунктов; формирование сети поселений, в которых проживало маргинализированное население; задержка в формировании городского образа жизни, «промежуточность» между сельской и городской ментальностью (Исупов 2012: 468). В дальнейшем многие из этих издержек ускоренной урбанизации дадут о себе знать.

Голод 1930-х и Великая Отечественная война способствовали дальнейшей выкачке всех видов ресурсов из деревни, что спровоцировало ее глубочайший кризис и, фактически, решило проблему аграрного перенаселения. К середине 1970-х гг. в городах проживало уже более 62 % населения страны[5]. Демографический кризис в деревне привел к постепенному истощению потока молодежи в города, что позволило несколько стабилизировать социальную систему. Этому способствовал и постепенный рост благосостояния городского населения. В результате политическая система и социальная структура на некоторое время пришли в относительный баланс.

Еще одной особенностью демографического развития в данный период стало массовое распространение высшего образования, особенно инженерно-технического, что порождало социальную группу «новой интеллигенции», более технократической. Со временем эта социальная группа становится все более значительной, при этом в силу образования запрос

[4] URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3 (дата обращения: 12.02.2025).

[5] URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/114/420.htm (дата обращения: 12.02.2025).

на социальный статус в ее рядах был существенно выше, чем у многих представителей рабочего класса.

«Большой террор» привел к значительному истреблению прежних политических элит. В свою очередь, Великая Отечественная война способствовала дальнейшей их пертурбации, нарушению внутренних связей и устойчивости. В ходе войны было практически выбито целое поколение из очереди к «рулю управления» страной, что в дальнейшем имело негативные последствия. Политические элиты в послевоенный период стали качественно иными, первые позиции вместо «романтиков революции» окончательно заняли когорты новых «сталинских технократов». Господствующей идеологией стал технократизм – идея о возможности решения всех проблемы и задач через поиск и реализацию научных идей.

На указанные выше процессы наложился продолжавшийся демографический переход, связанный с распространением малодетности, сокращением смертности от инфекционных заболеваний, что существенно повысило продолжительность жизни. Медицинские успехи, в свою очередь, становились дополнительным препятствием для естественной смены элит, существенно замедлив ее.

Увеличение продолжительности жизни сдерживало темпы экономического развития, поскольку усиливалась социальная нагрузка на экономику в связи с ростом доли лиц старше трудоспособного возраста, а динамизм, задаваемый приходом к «рулю управления» страной молодых лидеров, ослабевал по мере старения этих элит. Сформировалось явление, получившее название «геронтократия».

Массовые миграции вследствие масштабных инфраструктурных проектов меняли этническую картину в стране. Формировались крупные города, практически полностью состоявшие из недавних мигрантов, и такие городские сообщества не обладали достаточными внутренними связями, имели более слабые институты социализации детей, подростков и молодежи. Со временем это привело к обвальному росту преступности, когда на смену официальной идеологии приходила криминальная контркультура.

Политика «коренизации», официально провозглашенная и реализуемая советским правительством в 1920-

1930-е гг., способствовала формированию национальных элит на окраинах страны, которые, как позднее выяснилось, могли далеко не в полной мере разделять господствующую идеологию.

В результате установившийся баланс между социальной и политической системами начал постепенно нарушаться.

Демографические факторы кризиса и коллапса советской политической системы. Говоря о демографических факторах распада СССР, следует отметить, что они усиливали формирующиеся центробежные тенденции, спровоцированные экономическими проблемами и снижением уровня жизни вследствие замедления роста советской экономики и чрезмерных оборонных расходов. Они усугубляли остроту восприятия социально-экономических проблем, подрывая веру в легитимность центральной власти и справедливость существующей политической системы.

Во второй половине XX в. в СССР явственно обозначилось замедление темпов демографического развития: в 1950-е гг. среднегодовой прирост составлял порядка 3,3 млн, в 1960-е гг. – около 3,0 млн, в 1970–1980-е гг. – 2,4 млн. Замедление демографического роста объективно вело к уменьшению динамизма в развитии советского общества. Хотя в связи с уменьшением численности детей снижалась нагрузка на социально-экономическую систему, рост продолжительности жизни, способствовал увеличению численности населения старше трудоспособного возраста, усиливая ее. То есть эти два фактора отчасти нивелировали воздействие друг друга при том, что темпы прироста ВВП становились все меньше – в 1980-х гг. они были в 2–3 раза ниже показателей второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг. (см., напр.: Губанов, Жиляев 2013: 485). Сокращение детности и рост продолжительности жизни способствовали повышению в советском обществе значимости человеческой личности, что вело к определенной переоценке ценностей и выдвижению на первый план проблем обеспечения прав человека вместо примата интересов государства и пролетарского интернационализма. Сокращение молодежи уменьшало возможности пополнения контингентов трудоспособного населения и ограничивало трудовой потенциал для новых амбициозных инфраструктурных проектов.

Происходил рост оппозиционных настроений в обществе, формировались контркультурные группы: за 1967–1971 гг. было выявлено 3096 «группировок политически вредного характера», а профилактической работе со стороны КГБ подверглось около 14 тыс. чел. (Медведев 2019). Причем это был период наиболее интенсивного социально-экономического развития страны, а в 1980-е гг. социально-экономическая ситуация была уже существенно хуже, что расширяло число сторонников таких настроений.

Другим фактором стал дисбаланс в темпах демографического развития в разных частях огромной страны. Неравномерное развитие союзных республик, выражавшееся в «старении» одних регионов и демографическом расширении других, порождало массу трудностей, от необходимости своевременного перераспределения структуры трудовых ресурсов до роста межнациональной напряженности. Как подчеркивает А.В. Шубин, к концу 1980-х гг. в СССР все еще сосуществовали «индустриальная цивилизация в европейской и североазиатской частях страны и среднеазиатские общества, только-только выходящие из классического доиндустриального состояния» (Шубин 2016: 25-26). Национальные дисбалансы состояли в том, что основной прирост населения давали уже бывшие имперские «нацокраины» – Закавказье и Средняя Азия, где темпы социально-экономического развития не поспевали за демографическим ростом, что вело к снижению уровня жизни и порождало межнациональную конкуренцию. Если в целом по СССР прирост населения за 1979–1989 гг. составил 9%, то в Средней Азии он колебался в диапазоне от 13% в Казахской до 34% в Таджикской ССР, при этом доля горожан в них была существенно ниже общесоюзного показателя в 62% (от 54% в Казахской ССР до 35% в Таджикской ССР) и одновременно они демонстрировали значительное увеличение доли титульного населения. При этом рост численности населения «нацокраин» повышал их роль в союзной системе, что встречало некоторое сопротивление в союзном центре и в сложившемся ядре союзного государства – РСФСР.

Завершался и процесс урбанизации: к середине 1970-х гг. почти 2/3 населения СССР составляли горожане, к 1989 г. в городской местности проживало 188,8 млн чел., причем 30,9% горожан проживали в городах с населением от 100 до 500 тыс. чел.,

а 38,5 % – с населением свыше 500 тыс. (Сенявский 2019: 157-158). Основная масса населения страны теперь концентрировалась в городах, что создавало некоторые трудности с контролем этих масс, а также с обеспечением достойного уровня жизни горожанам. Об этом уже задумывался Н.С. Хрущев, когда в начале 1960-х гг. заявлял, что разумная предельная численность населения Москвы не может превышать 5-7 млн чел.[6] При этом остаточное «перекачивание» людских ресурсов из сельской местности в города продолжалось, и хотя эти темпы снизились до 800–900 тыс. чел. в год в 1980-е гг. с почти 2 млн чел. в год в 1960–1970-е гг. (Сенявский 2019 : 157), городские поселения страны и прежде всего крупные города продолжали накапливать критическую массу «маргинализированного населения» – бывших сельчан, перебравшихся в города (в 1950–1970-е гг. от 60 % до 80 % прироста городского населения). Во многом это напоминало ситуацию начала XX в., правда уже в других масштабах. Сенявский А.С. писал, что «именно город явился главным средоточием проблем и противоречий советской системы… и стал источником и базой крайне противоречивых перемен, стартовавших со второй половины 1980-х гг.», поскольку «уровень и качество жизни не удовлетворяли значительные слои населения, особенно крупных городов» (Сенявский 2019: 159).

Еще одним проявлением демографического фактора на фоне экономических затруднений стало усиление роли «советского среднего класса» – интеллигенции, – который начинал все активнее требовать перемен в распределении экономических благ, повышения уровня благосостояния и обеспечения реального доступа к управлению страной. После наиболее благополучных в материальном плане 1940–1950-х гг., материальное благополучие и социальное положение интеллигенции, прежде всего инженерно-технической, серьезно деградирует – слово «инженер» стало в брежневский период синонимом слова «нищий», в схожем положении находились учителя и врачи (Золотарев, 2012: 49-50). При этом численность интеллигенции постоянно росла (в последние годы существования СССР она

[6] Стенограмма беседы товарища Н.С. Хрущева с руководителями Московского Совета по вопросам градостроительства. 26 мая 1962 г. URL: https://istmat.org/node/26312 (дата обращения: 12.02.2025).

составляла почти 1/4 населения страны), а вот качественный состав ее постепенно ухудшался из-за широкого доступа в систему высшего образования. Получившая достаточно широкое распространение так называемая интеллигентская идеология включала в себя открытое или скрытое диссидентство и плохо вписывалась в официальную идеологию государства. По мнению исследователей, «немалая часть советской интеллигенции брежневского периода уже не воспринимала всерьез коммунистические идеалы… активная часть «шестидесятников» воспринимает брежневский режим уже как враждебный» (Золотарев 2012: 52). Причем, политика советского руководства отчасти обусловливала этот процесс, поскольку в советском обществе в 1970–1980-е гг. степень допускаемой свободы «росла медленнее, чем потребности в самовыражении, интеллектуальном поиске» (Шубин 2008: 8-9).

Другим следствием замедления прироста населения стало исчерпание людских ресурсов для продолжения экстенсивного развития экономики. Численность рабочего класса в стране выросла в послевоенные годы в 3 раза, что обеспечило возможность экстенсивного развития экономики, но в 1980-е гг. для продолжения этой политики перспектив уже не было из-за невозможности дальнейшей выкачки людских ресурсов из села без ущерба сельскому хозяйству.

Политика «коренизации», которая реализовывалась фактически на протяжении всей истории СССР, порождала дисбалансы в развитии. Так, к рубежу 1990-х гг. РСФСР занимала лишь 11-е место среди советских республик по числу лиц (в расчете на 1 тыс. достигших совершеннолетия), имевших высшее и среднее образование (Дегтярёв 2021: 37-38). В 1920–1930-е гг. политика «коренизации» выглядела восстановлением исторической справедливости, но в поздний советский период она представлялась уже излишней, учитывая, что по многим показателям развития народы союзных республик СССР сравнялись. Продолжение подобной политики вело к росту национального самосознания в РСФСР, что во многом поставило точку в истории страны, поскольку СССР стал рассматриваться частью населения РСФСР как «ярмо», от которого следует избавиться.

Важной причиной коллапса советской политической системы стала смена в 1980-е гг. поколений высших руководителей страны: вместо поколения 1900–1910-х гг. рождения приш-

ли более молодые люди, в основном 1920–1930-х гг. рождения. В целом, казалось бы, естественный процесс. Однако из-за сложившейся в брежневскую эпоху геронтократии, условное «горбачевское поколение» 1920–1930-х гг. пришло к власти в возрасте уже под 60 лет и старше. Геронтократия в высших эшелонах власти советской системы сформировалась по многим причинам, но определенную роль в этом, по-видимому, сыграл и рост, благодаря успехам медицины, средней продолжительности жизни в стране с 40 с небольшим лет в 1930-х гг. до более чем 60 лет в 1960–1970-е гг.

Новое поколение руководителей отличалось от предыдущего и в ценностном отношении. Как указывает А. Дегтярёв, поколение руководителей, выросшее и сделавшее успешную карьеру в стабильные 1960–1970-е гг., уже не отличалось идейностью, свойственной их предшественникам, а сформированные из их числа новый состав Политбюро и ЦК оказались недееспособными в критический для страны момент – в августе 1991 г., когда они даже не собрались, чтобы обсудить происходящее (Дегтярёв 2021: 37-38).

Можно согласиться с оценкой, что в позднем СССР в сознании части населения и партийно-советских элит над универсальными моральными принципами возобладали «ценности приверженности локальному, корпоративному сообществу» (Мартьянов, Фишман 2020), что способствовало их качественному перерождению. Причем обусловлено это было и структурно-демографическими факторами: так, трансформацию советской морали и идеологии обусловила, в том числе, смена преимущественно крестьянско-общинного строя городским обществом, что снижало эффективность коллективных моральных регуляторов псевдообщинного типа (Мартьянов, Фишман 2020). Таким образом, структурно-демографические факторы усугубляли описанные выше процессы.

Важнейшим фактором девальвации высших советских ценностей стала и постепенная приостановка революционного импульса, лежавшего в их основе, благодаря чему в 1970–1980-х гг. вместо содержательного производства и обсуждения идеологических фактов и смыслов в советской официальной культуре начинает все большее доминировать имитация «ритуальных действий и формальных языковых практик, призванных

лишь подтвердить лояльность субъекта существующим в обществе моральным нормам/ценностям» (Мартьянов, Фишман 2020). В свою очередь, постепенная приостановка революционного импульса была обусловлена, в определенной степени, сменой поколений – в 1970–1980-х гг. в руководстве партии и правительства уже практически не осталось участников революции и Гражданской войны, создателей советского государства.

Таким образом наблюдается целый набор демографических предпосылок для начала кризиса в стране, который впоследствии привел к коллапсу политической системы: демографический переход; кризис элит и их перерождение; маргинализированное население в городах; дисбалансы в этнодемографическом развитии и т.д. Эти факторы лишали советское общество и экономику динамизма («перестройка» началась именно как попытка придать им новый динамизм), а также порождали острые противоречия между государством и обществом, между различными социальными группами, разными поколениями и т.д. Внутреннее напряжение социальной системы не носило фатального характера и его можно было попытаться преодолеть. Однако сделать это не удалось по причинам уже недемографического характера.

Почему же крушение советской политической системы в 1991 г. не вылилось в гражданскую войну как в начале XX в.? С точки зрения политической демографии объяснение кроется, в том числе, в старении населения: медианный возраст населения СССР в 1990 г. составлял 33,36 лет[7], тогда в начале века он составлял не более 20-25 лет. Иными словами, возрастная структура Российской империи начала XX в. напоминала возрастную структуру некоторых стран, где в 2011 г. вспыхнула «арабская весна». Исследования показывают, что рост медианного возраста с 20 до 30 лет приводит к значительному снижению рисков возникновения именно вооруженных внутриполитических конфликтов (Устюжанин и др. 2022). Поэтому коллапс СССР, в целом, не вылился в гражданскую войну, за исключением некоторых советских республик, где медианный возраст как раз к этому располагал (в Таджикской ССР в 1990 г. он составлял

[7] URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_med_age.php (дата обращения: 12.02.2025).

18,08 лет)[8]. Следует еще раз подчеркнуть, что молодая возрастная структура лишь создает предпосылки для возникновения вооруженного конфликта, тогда как собственно его начало обеспечивают иные факторы.

Однако распад советской системы, как известно, вызвал резкий всплеск криминальной активности в стране, что привело к гибели значительного числа преимущественно молодых мужчин, причем точно установить число погибших в криминальных разборках до сих пор не представляется возможным. Зачастую наибольшее развитие криминальные структуры получали в среде «маргинализированных» горожан, а также в новых городах и поселках, где имела место высокая доля подростков и молодежи в составе населения. Таким образом, здесь также можно наблюдать определенные последствия протекавших в предшествующий период демографических процессов.

С точки зрения политической демографии, одним из итогов распада СССР стало создание качественно нового в демографическом отношении государства, в котором русский народ составлял порядка ¾ населения. Это новые этнодемографические реалии, которых не наблюдалось ни в Российской империи, ни в СССР.

Результаты. Исследование показало, что в социально-демографическом развитии страны имела место последовательная смена доминирующих социально-демографических групп: крестьянство в первой половине XX в., затем рабочий класс и интеллигенция во второй половине XX в. При этом, кроме доминирующей социально-демографической группы, в социальной структуре общества присутствовала и такая социально-демографическая группа, которую условно можно назвать «революционной». В Российской империи доминирующей группой было крестьянство, а революционную роль в большей степени выполнял рабочий класс и отчасти интеллигенция. В советский период наибольшей по численности группой постепенно стал рабочий класс, в то время как «революционной» группой становится интеллигенция.

Демографические факторы во многом предопределяли процессы развития политических систем в XX в., а их влияние

[8] Там же.

было закономерным – страна проходила демографическую модернизацию. Однако на это налагались внутри- и внешнеполитические факторы, которые эти процессы могли искажать. В частности, такие факторы меняли динамику (скорость, продолжительность) демографического перехода, создавали колебания демографических показателей для отдельных поколений, нарушали характер демографического поведения различных социальных и возрастных групп населения страны.

Избежать кризисов было невозможно (они были закономерными), но то, что эти кризисы в начале и в конце XX в. привели к коллапсу существующих политических систем есть результат влияния других, недемографических факторов. Демография лишь создает предпосылки («поле») для исторических событий, а то, как они будут развиваться, все же зависит от действий конкретных людей, групп и народов.

Можно отметить, что аграрная перенаселенность, урбанизация и трансформация возрастной и социально-профессиональной структуры оказывали влияние на функционирование политических систем на всем протяжении XX в., при этом степень влияния различных факторов на разных этапах менялась. В начале XX в. аграрная перенаселенность, «молодежный бугор» и развертывавшаяся урбанизация создали предпосылки для крушения империи. В середине XX в. ускоренная урбанизация, голод и война привели к решению проблемы аграрного перенаселения в стране, однако породили новые вызовы, связанные с социализацией вчерашних сельчан в городах и обеспечением возросших потребностей рабочего класса. Коллапс СССР во многом был вызван замедлением демографического развития, национальными дисбалансами и возросшей ролью интеллигенции, неудовлетворенной своим положением и ролью в обществе и государстве.

Была ли подобная динамика уникальной? В основе ее лежат процессы демографической модернизации, которые были закономерными для любого общества, переходящего от традиционного типа воспроизводства к современному. Избежать этого было невозможно. Однако эти процессы в нашей стране приобрели специфическую динамику по целому ряду внутри- и внешнеполитических причин, из-за чего они имели иную скорость протекания и носили болезненный, а зачастую даже

трагический характер. Более того, последствия такого характера демографического перехода в XX в. ощущаются, в той или иной мере, до сих пор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аврех А.Я. 1991. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. Москва : Политиздат. 286 с. https://scepsis.net/library/id_1360.html

Губанов А.Ю., Жиляев К.В. 2013. Отечественный опыт оценки темпов экономического роста // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 11. С. 483–504.

Дегтярёв А. 2021. Исследование фундаментальных причин распада СССР – актуальная задача нашей науки // Российская история. № 6. С. 36–39. DOI 10.31857/S086956870017298-8

Захаров С.В. 2003. Демографический переход и воспроизводство поколений в России // Вопросы статистики. № 11. С. 3–12.

Золотарев О.В. 2012. Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир. № 4. С. 44–56.

Исупов В.А. 2012. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: конец 1920-х – конец 1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Байкал. гос. ун-т экономики и права. С. 464–468.

Лаппо Г.М., Полян П.М. 1999. Результаты урбанизации в России к концу XX века // Мир России. Социология. Этнология. Т. 8, № 4. С. 35–46.

Люкшин Д. 2013. Революция навыворот // Обозреватель. № 7. С. 115–126.

Мартьянов В.С. 2018. Факторы революции в современной России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 2. С. 77–90.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2020. Советская мораль: от высоких ценностей к «криминальной революции»? // Новый мир. № 3. С. 135–149.

Медведев И.А. 2019. Молодежная политика в СССР: достижения и просчеты (социально-философский анализ) // Гуманитарный вестник. № 4. С. 1–6. DOI 10.18698/2306-8477-2019-4-617 URL: https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/617.html (дата обращения: 15.06.2025).

Миронов Б. 2017. Российская революция 1917 года сквозь призму демографической модернизации // Демографическое обозрение. Т. 4, № 3. С. 6–58. DOI 10.17323/demreview.v4i3.7316

Михалев Н.А., Пьянкова С.А. 2015. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. № 4. С. 95–105.

Московский А.С., Исупов В.А. 1984. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.) / отв. ред. Н.Я. Гущин. Новосибирск : Наука. 168 с.

Мосякин А.Г. 2017. Судьба золота Российской империи в срезе истории. 1880–1922: документальное расследование. Москва : КМК. 657 с.

Нефедов С.А. 2015. «Молодежный бугор» и первая русская революция // Социологические исследования. № 7. С. 140–147.

Островский А.В. 1982. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России // Проблемы исторической географии. Москва : Ин-т истории СССР. Вып. 2. С. 175–181.

Погребинская В.А. 2008. Динамика и демографическая структура населения как фактор начала индустриализации России (последняя треть XIX – начало XX века) // Российское предпринимательство. № 10-1. С. 52–57.

Почешхов Н.А. и др. 2020. Потери населения в годы Гражданской войны в России (1917–1922 гг.) : дискуссионное пространство исторической демографии / Н.А. Почешхов, Ж.О. Абрегова, Р.М. Шхачемуков // Современная научная мысль. № 6. С. 63–68. DOI 10.24412/2308-264X-2020-6-63-68

Волин М.С. (ред.) 1983. Рабочий класс России от зарождения до начала XX века / отв. ред. М.С. Волин. Москва : Наука. 576 с.

Рашин А.Г. 1956. Население России за 100 лет (1813–1913): статистические очерки / под ред. С.Г. Струмилина. Москва : Госстатиздат. 352 с. URL: https://istmat.org/node/30 (дата обращения: 11.04.2025).

Сенявский А.С. 2019. Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 147–161. DOI 10.24411/2587-7666-2019-10211

Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html (дата обращения: 11.04.2025).

Тюкавкин В.Г. 2001. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. Москва : Памятники исторической мысли. 304 с.

Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. 1987. Крестьянство России в период трех революций: кн. для учителя. Москва : Просвещение. 206 с.

Устюжанин В.В. и др. 2022. Демографические факторы как предикторы революционных ситуаций: опыт количественного анализа / В.В. Устюжанин, П.А. Жодзишская, А.В. Коротаев // Социологический журнал. Т. 28, № 4. С. 34–59. DOI 10.19181/socjour.2022.28.4.9314

Шубин А.В. 2008. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. Москва : Вече. 382 с.

Шубин А.В. 2016. Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы // Россия и АТР. № 3. С. 23–48.

Goldstone J.A. et al. (eds.). 2012. Political Demography: How population changes are reshaping International Security and National Politics? / Goldstone J.A., Kaufmann E.P., Toft M.D. (eds.). Oxford : Oxford Univ. Press, 336 p.

Poston D.L., Micklin M. (eds.). 2006. Handbook of Population / Ed. by D.L. Poston, M. Micklin. New York : Springer. 924 p.

Urdal H. 2004. The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000 // Social Development papers. Paper No. 14 / July 2004. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/794881468762939913/pdf/29740.pdf

Weiner M., Teitelbaum M.S. 2001. Political demography, Demographic engineering. New York : Bergahn Books, 148 p.

Vasil T. Sakaev
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia. E-mail: sakaev2003@mail.ru

Demographic Factors of Russian Civilisational Development in the 20th Century

Abstract. The article investigates the role of demographic factors in the civilisational development of Russia during the 20th century, specifically in the transformation of the political system, representing one of the key elements of Russian civilisation. The methodological basis of the conducted research was formed by the approaches and methods of political demography. Based on the analysis of statistical data and results presented in the scientific literature, the factors that twice led to a change in the political system in the country in less than 100 years are identified. Agricultural overpopulation appears as the leading demographic factor that led to the revolutionary explosion and collapse of the Russian Empire. The significance of the "youth bulge" as a factor in the destabilisation of the political system of the Russian Empire at the final stage of its development is considered. Although urbanisation, which can be identified as a key process of the Soviet era, provided a means of overcoming the country's agrarian overpopulation, it also gave rise to new socio-demographic challenges that ultimately served to destabilise the Soviet system. The role of such factors as the formation of "new urbanites" and the social degradation of the "Soviet intelligentsia" is revealed as leading to a new crisis of the social system as a whole – and its political component in particular. A comparison of the influence of demographic factors at the beginning and end of the 20th century provides a basis for explaining the trajectories of political events. Summarising the results of the study, conclusions are drawn about the role of demographic factors in the functioning of political systems during the 20th century in Russia.

Keywords: Russia; 20th century; civilisational development; political system; demographic factors; transformation; collapse

Резолюция по итогам работы Второй Международной научной конференции «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права» (Екатеринбург, 10 ноября 2025 г.), включающая научно-практические предложения и экспертные рекомендации для специалистов, федеральных, государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти, заинтересованных учреждений и организаций

Институтом философии и права УрО РАН в 2025 году проделана фундаментальная научно-исследовательская и организационная работа, направленная на получение нового научного знания в междисциплинарной области историографии политических и правовых учений, а также в сфере становления общегражданского российского нарратива, консолидирующей идентичности, исторического и культурного единства суверенной нации. По тематике научного проекта организована и проведена II-я Международная научно-практическая конференция «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права» (Екатеринбург, 10 ноября 2025 г.). Подготовлены 46 докладов на научных мероприятиях разного уровня и 31 научная публикация, в том числе 10 статей в ведущих научных изданиях, входящих в «Белый список», RSCI и ядро РИНЦ («Государство и право», «Россия в глобальной политике», «Полития», «Антиномии», «Дискурс-Пи», «Вестник Томского государственного университета» и др.).

Среди наиболее значимых научно-методических и экспертных рекомендаций для специалистов, федеральных, государственных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти, заинтересованных учреждений и организаций можно отметить следующие.

I. Повышение эффективности нормативно-правового регулирования вопросов исторической политики, политики памяти, гражданского воспитания и образования

1. Содействовать решению вопросов защиты исторической памяти, традиционных ценностей и национальной идентичности, опираясь на акты мягкого права в сфере правового регулирования прав человека и Устав ООН. Рекомендуется использовать для этих целей международные площадки, где возможна выработка консенсуса по этим вопросам (БРИКС, ШОС).

2. Способствовать формированию механизмов правовой и дипломатической защиты, направленных на сохранение конституционного суверенитета Российской Федерации при соблюдении международных обязательств и с учётом необходимости системного противодействия решениям, наносящим репутационный и материальный ущерб Российской Федерации, ее экономике, общественным организациям, гражданам и их объединениям.

3. Способствовать внедрению в образовательные программы смысловых компонентов российской модели прав человека, основанной на балансе индивидуальных свобод и коллективных ценностей, универсальных норм и национально-культурной идентичности. Это позволит укрепить социальный консенсус относительно приемлемых параметров национальной модели и будет способствовать укреплению правового и культурного суверенитета страны.

4. На основе сети научно-исследовательских организаций создать систему мониторинга и противодействия историографическим нарративам, искажающим роль России в европейской и мировой истории с акцентом на анализ деятельности наиболее активных центров идеологического противостояния, в том числе восточноевропейских стран. Реализовать государственные интересы через целевое финансирование научных школ, разрабатывающих критику евроцентричных классификаций и предлагающих им альтернативу.

5. Инициировать общественную дискуссию относительно смысловых и ценностных параметров перспективного документа стратегического планирования – Концепции защиты исторической памяти в России и за рубежом.

II. Противодействие деструктивным идеологиям и искажениям цивилизационного развития России

1. В процессе разработки компонентов современной российской историографической модели политико-правовых знаний, связанных с применением цивилизационного подхода в правовых и общественно-политических исследованиях, рекомендуется избегать перекоса в сторону дореволюционных философских, религиозных, идеологических дискурсов при полном или практически полном игнорировании наследия революционно-демократической традиции и советского периода. Представляется более взвешенной выработка подходов, способных комплексно отразить значение данной традиции для формирования российской цивилизационной идентичности.

2. В публичном позиционировании России как государства-цивилизации целесообразно уточнить понятие цивилизации с целью избежания неточностей, свойственных устаревшим версиям цивилизационного подхода. В качестве альтернативы цивилизационизму необходимо разработать варианты публичного позиционирования России с точки зрения конкурирующих подходов, например теории модернизации, миросистемного анализа. Политика защиты исторической правды не должна исключать плюрализм в интерпретациях российской истории.

3. При оценке современных дискурсов о традиции и традиционных ценностях рекомендуется уделять внимание их фактическому содержанию, которое нередко оказывается принадлежащим эпохе Модерна. В области защиты духовно-нравственных ценностей акцент на традиции не должен препятствовать цели укрепления гражданского единства и общероссийской гражданской идентичности, поскольку в многоконфессиональной и многонациональной стране конкуренция традиций может порождать конфликты.

4. На основе анализа феномена «канселлинга» как новой формы коллективной ответственности, органам власти рекомендуется разработать правовые и этические стандарты, регулирующие публичное осуждение в цифровой среде, чтобы предотвратить замену правосудия стихийными санкциями, основанными на принадлежности к группе, а не на индивидуальной вине.

5. Рекомендуется разрабатывать и внедрять образовательные и культурные программы, способствующие развитию демократичности и диалогичности российской культуры, укрепляющей ценности большинства. Поддерживать систему ценностей, включающую уважение к личности, стремление к общему благу, ответственность за судьбу страны.

6. Определить ключевые вызовы и возможности, связанные со снижением доверия к институтам представительной демократии. Совершенствовать механизмы прямой демократии (референдумы, общественные слушания, электронные петиции, онлайн-голосования) для учета мнения граждан при принятии решений. Обеспечить мониторинг социальной напряженности в обществе, выявление причин недовольства и своевременное принятие мер по их устранению. Внедрять пилотные проекты, направленные на апробацию новых форм участия граждан в управлении государством.

7. В условиях проведения муниципальной реформы в России содействовать повышению роли локальных сообществ, их значению как центра формирования первичных мер социализации человека, воспитания чувства «малой родины».

III. Повышение качества образования и историографической компетентности юристов и иных представителей социальных наук

1. В области научного и идеологического обеспечения цивилизационного развития России рекомендуется активизировать работу по возвращению в научный и культурный оборот трудов выдающихся ученых и общественных деятелей дореволюционной эпохи. Полноценное включение данных работ в современный дискурс предполагает, во-первых, сопровождение их квалифицированным научным комментарием и, во-вторых, актуализацию содержания посредством согласования с правовыми, политическими, нравственно-психологическими проблемами сегодняшнего дня.

2. Продолжить работу по подготовке и изданию академического курса «История государства и права России», отражающего современный уровень развития историко-юридических исследований.

3. Сохранить преподавание философии права на уровне юридической магистратуры в качестве обязательного предмета. Продолжить работу по созданию учебно-методического комплекса по преподаванию философии права на уровне юридической магистратуры с привлечением как правоведов, так и философов. Рекомендовать при изучении истории философии права учитывать исторический генезис отечественных политико-правовых концепций. Определить применительно к отечественной философии права круг первоисточников, подлежащих обязательному изучению и комментированию.

4. Предусмотреть в структуре новых федеральных государственных образовательных стандартов по специальностям в рамках укрупненной группы специальностей «Юриспруденция» в фундаментальной части единого ядра изучение курса философии права, основанного на историографической модели политико-правовых знаний.

5. Дополнить новые федеральные государственные образовательные стандарты по специальностям в рамках укрупненной группы специальностей «Юриспруденция» универсальной компетенцией «формирование общероссийской гражданской идентичности» и общепрофессиональной компетенцией «способен разрабатывать и обосновывать варианты правовых решений, выбирать и реализовывать оптимальный вариант, а также оценивать его последствия».

6. Рекомендовать рассмотреть вопрос о включении в структуру федеральных государственных образовательных стандартов академической магистратуры истории юридической науки и юридической историографии как обязательных образовательных единиц (дисциплин).

Информация об авторах

Анисин Андрей Леонидович — ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доктор философских наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Балакаев Виктор Дмитриевич — младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Васечко Вячеслав Юрьевич — ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доктор философских наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Вахитов Рустем Ринатович — доцент Уфимского университета науки и технологий, кандидат философских наук (Уфа, Россия)

Головашина Оксана Владимировна — ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доктор философских наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Горбань Владимир Сергеевич — заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, руководитель научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», доктор юридических наук (Москва, Россия)

Давыдов Дмитрий Александрович — старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат политических наук (Екатеринбург, Россия)

Конопий Анна Сергеевна — научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук (Москва, Россия)

Лазаревич Анатолий Аркадьевич — директор Института философии НАН Беларуси, кандидат философских наук, доцент (Минск, Беларусь)

Лобовиков Владимир Олегович — главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Маликов Сергей Владимирович — заместитель директора Института государства и права РАН по научной работе, доктор юридических наук (Москва, Россия)

Мартьянов Виктор Сергеевич — директор Института философии и права УрО РАН, доктор политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Назукина Мария Викторовна — Институт гуманитарных исследований УрО РАН, доктор политических наук (Пермь, Россия)

Панкевич Наталья Владимировна — старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Пономарёв Алексей Михайлович — ведущий научный сотрудник, руководитель Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН, доктор философских наук, доцент (Ижевск, Россия)

Руденко Валентина Викторовна — старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат юридических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Русакова Ольга Фредовна — главный научный сотрудник, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, доктор политических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Сакаев Василь Тимерьянович — доцент кафедры истории Российского государственного аграрного университета-МСХА

имени К.А. Тимирязева, кандидат исторических наук, доцент (Москва, Россия)

Суслов Иван Владимирович — доцент кафедры философии Саратовской государственной юридической академии, кандидат социологических наук (Саратов, Россия)

Фишман Леонид Гершевич — главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доктор политических наук, профессор РАН (Екатеринбург, Россия)

Чуча Сергей Юрьевич — главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Чучаев Александр Иванович — заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Шавеко Николай Александрович — старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат юридических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Научное издание

Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права

Сборник научных трудов по итогам Второй Международной научной конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Екатеринбург, 10 ноября 2025 г.)

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института философии и права УрО РАН
(протокол № 11 от 17.11.2025)

Редакторы: Е.А. Вепрев, В.А. Голоскоков
Корректор: Е.М. Олову
Компьютерная верстка: А.Э. Якубовский
Дизайн обложки: А.Э. Якубовский

Подписано в печать 17.11.2024 г. Формат 60x84/16
Бумага типографская. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23,5
Уч.-изд. л. 21,0 Тираж 500 экз. Заказ № хххх

ISBN 978-5-6043262-2-0

Институт философии и права УрО РАН.
620108. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Гагарина, д.35-а, офис 2